

Реквием

ПЕРЕВОД ГРУППЫ "BOOKHOURS"

КАЛЛИ ХАРТ

СОРРЕЛЛ

Он заплатит за то, что сделал...

Тео Мерчант родился с привилегиями, которых у меня никогда не было.

У него есть все, чего нет у меня: деньги, образование в частной школе, популярность. Впереди его ждет светлое и блестящее будущее, полное успеха. И он забрал единственное, что у меня было — мою лучшую подругу Рейчел. Теперь, когда она ушла, мне больше нечего терять.

Я проникну в его мир.

Буду держать его никчемное сердце в своих руках.

Сожгу дотла всю его жизнь и уничтожу все, что ему дорого.

Я пришла в академию «Туссен» не для того чтобы учиться.

А чтобы уничтожить монстра...

...и не уйду, пока он не умрет.

ТЕО

Она понятия не имеет, во что ввязывается...

Соррелл Восс умна, чертовски язвительна и, вполне возможно, самая красивая девушка, которую я когда-либо видел. И она собирается уничтожить сама себя, черт возьми.

Глупо верить, что я пощажу ее только потому, что она сломлена.

Нельзя войти в логово льва и уйти невредимой.

У нее есть свои секреты. Отлично.

Мои секреты будут раскрывать ее до тех пор, пока все не развалится на части.

Она склонится передо мной и сломается.

Тогда, и только тогда, я сделаю ее своей.

Калли Харт

Реквием

Вне серии

Переводчик: Светлана П.

Редактор: Лилия С.

Вычитка: Дмитрий С.

Переведено для группы: vk.com/bookhours

Реквием: Литургия за упокоение душ умерших.

Музыкальная композиция, сопровождаемая заупокойную службу.

Акт или знак памяти.

— Еще. Сильнее. Соберись, черт возьми.

Я бью по боксерской подушке изо всех сил, вкладывая в удар всю ненависть и боль, тесно связанные вокруг моего сердца. Как всегда, моя цель верна; удар сотрясает мою руку и плечо с такой силой, что у меня хрустят зубы, но, судя по выражению лица Рут, мои усилия этим утром даже близко не соответствуют ее стандартам.

— В этом-то и проблема, Соррелл, — хватает она меня за косу — мои волосы такие густые и длинные, что мне приходится завязывать их сзади во время тренировки, — и яростно дергает. — Если бы ты проводила больше времени на тренировках, вместо того чтобы тайком ходить на вечеринки, Рейчел не была бы сейчас мертва. Она была бы здесь, где ей самое место. Вы обе были бы в безопасности. Сосредоточенные. Преданные своему делу. — Взгляд голубых глаз Рут еще холоднее, чем обычно.

Не каждый день глава «Фалькон-хаус» соизволяет прийти и потренировать своих подопечных. Обычно мы тренируемся в группе под руководством Сары или даже Гейнор, но с тех пор как умерла моя лучшая подруга, нестареющая Рут, с ее темно-каштановыми волосами, собранными сзади в строгий пучок, мозолистыми руками, прямой осанкой и вездесущим выражением неодобрения, работает со мной лично, один на один. То есть она превратила мою жизнь в сущий ад. Как будто всего остального было недостаточно.

Рейчел была больше, чем моей лучшей подругой; она была для меня всем. Я бы не пережила последние четыре года без нее. Теперь, когда ее больше нет, я, честно говоря, не уверена, что переживу остаток этой недели. Не с Рут, так стремящейся сломить меня.

Я прикусываю кончик языка, зная, что моя наставница права. На бумаге «Фалькон-хаус» — это приемная семья, очень большая приемная семья. На самом деле, это гораздо больше, чем это. Это место — святилище. Мы тренируемся здесь, надрывая свои задницы. Учимся сражаться. Защищать себя. У нас с Рейчел был большой потенциал. Нам следовало бы проводить больше времени на тренировках и отрабатывать практику, но Рейчел никогда не была из тех, кто подчиняется правилам Рут. А потом она и вовсе уехала учиться в ту шикарную частную школу на стипендию, и на этом все закончилось. Больше никаких совместных тренировок. Я ее вообще почти не видела. Месяцы пролетели незаметно, и только текстовые сообщения поддерживали нашу дружбу. Когда она вернулась в Лос-Анджелес в прошлом месяце, вся взбудораженная и готовая к вечеринке, у меня не хватило духу отказать ей.

«Что такое одна ночь?» — спросила Рейчел. Подальше от дома, без наших сестер, следящих за каждым нашим шагом? В то время это не казалось таким уж большим делом. Рут говорит так, будто мы на цыпочках выбирались из дома каждые выходные, чтобы выпить, но это очень далеко от истины. Домашняя вечеринка, на которой настояла Рейчел, была буквально первой вечеринкой, на которой мы когда-либо были.

Хотя мне следовало бы знать лучше. Моим долгом было отказать подруге, проявить осторожность и настоять на том, чтобы мы оставались на территории Дома. Но Рейчел не легко было сказать «нет». В конце концов я уступила ее непрерывным приставаниям. Мы слишком много выпили. Накурились. Сели в машину с группой парней, которых толком не знали. А теперь Рейчел мертва.

Вот так просто.

Я снова бью по подушке, правый джеб, левый хук, комбинация апперкотов, пытаюсь сбить Рут с ног с помощью сета, который мы сегодня не отрабатывали, но женщина, которая подобрала меня на улице и спасла мне жизнь, не дура. Она видит мои маневры за милую и соответствующим образом размещает подушечки, пристегнутые к ее рукам, в очередной раз разочарованная. Рут качает головой, и тяжесть ее неодобрения становится невыносимым ярмом на моей шее.

— Можешь забыть о том, чтобы пойти на похороны, — говорит она.

Я выпрямляюсь из стойки бойца.

— Рут! Ты это несерьезно. Я должна пойти на похороны!

— Ты слишком рассеяна. До твоего отъезда осталось всего четыре дня, а я не отправлю тебя в мир неподготовленной. Это и так безрассудство — посылать тебя в ту школу в таком состоянии. Я все еще думаю, что было бы лучше послать Марго...

Я стискиваю челюсти, сжимаю руки в еще более крепкие кулаки. Мышцы напрягаются.

— Я еду в «Туссен». Одна. Ты не отправишь Марго.

Рейчел ненавидела Марго. Все ненавидят Марго. Девчонка — первоклассная стерва с самомнением размером с гору Рапшмор. Я не допущу, чтобы она или кто-либо другой покинул «Фалькон-хаус», чтобы отомстить за мою лучшую подругу. Я ускользну ночью, если понадобится. Рут права; я должна была защитить Рейчел, но не сделала этого. Она мертва, потому что я не помешала ей сесть в ту машину. Будь я проклята до самого ада и обратно, если подведу ее и в этом.

Рут раздувает ноздри, ее взгляд блуждает по решительным чертам моего лица.

— Ты можешь остаться здесь и тренироваться, пока руки не начнут кровоточить, чтобы быть готовой к тому, что будет дальше, или можешь пойти на похороны. Нет, подожди. Позволь мне сформулировать иначе. Ты можешь все исправить для Рейчел, а можешь пойти и постоять у могилы, дуться и плакать, как будто это что-то изменит. Твой выбор. Но я знаю, каким было бы мое решение.

Рейчел уже месяц как мертва. Коронер неделями отказывался выдавать ее тело; приземистый старик, ответственный за определение причины смерти Рейчел, все тянул резину. Я не единственная, кто ждал возможности присутствовать на похоронах Рэйч, чтобы попрощаться с ней должным образом, но единственная девушка в «Фалькон-хаус», которая любила ее. Большинство сестер не так близки, как были мы с Рейчел. Мне кажется предательством не присутствовать сейчас на службе, в последний раз не взглянуть на ее бледное умиротворенное лицо, не увидеть, как она лежит в открытом гробу, не посмотреть, как они закрывают крышку и запечатывают ее. Не увидеть, как ее благополучно опускают в землю, где она будет разлагаться и гнить и никогда не состарится, в то время как я остаюсь одна, чтобы справиться с этим кошмаром жизни наяву без нее.

Но отомстить за нее гораздо важнее.

Я принимаю боевую стойку, которая была вбита в меня с первого дня пребывания в «Фалькон-хаус», и бросаюсь на Рут и ее подушечки. Женщина отшатывается на шаг от моего первого удара. Второй выводит ее из равновесия меньше, но ей все равно нужно исправить свою позицию, чтобы компенсировать мою ярость. Я наношу удар за ударом, пряча всю свою боль, вину и разочарование в кулаках, пока, наконец, не делаю то, чего никогда раньше не делала: я застаю ее врасплох.

Мой левый кулак попадает в челюсть Рут — размашистый удар слева, который застает ее врасплох. Ее глаза распахиваются, голова наклоняется набок, и маленькая искра

удовлетворения расцветает во мне, когда жемчужина ярко-красной крови набухает на нижней губе моей наставницы и стекает по ее подбородку.

Я разбила костяшки пальцев от удара, но яркая вспышка боли, которую чувствую, ничто по сравнению с ревущей пропастью боли внутри меня, которая раскрывается все шире всякий раз, когда я вспоминаю, что моей подруги больше нет.

Я с радостью пролью свою собственную кровь, если это позволит мне отомстить за Рейчел.

Я избавлюсь от Рут.

Пролью кровь Гейнор, и Сары, и кровь любого другого, кто встанет у меня на пути.

Я даю это обещание Вселенной, когда снова бросаюсь на Рут.

Даже если это означает, что я не смогу быть с Рейчел, когда ее положат в землю. Даже если мне придется оставаться на ногах, запертой в этом тренировочном зале на целых четыре дня, пока Рут не удовлетворится моим прогрессом, и я не посажу ее на задницу. Я сделаю все, что потребуется...

Потому что парень, который убил Рейчел, все еще где-то там, разгуливает, свободный, как чертова птица, и я не потерплю такой несправедливости. Тео Мерчант тоже будет истекать кровью, и я не перестану пускать ее, пока его тело не покинет последняя капля.

Рут улыбается. Улыбка острее лезвия.

— Хорошо. Теперь мы кое-чего достигли.

СОРРЕЛЛ

Утверждается, что академия «Туссен» — одна из лучших частных школ в стране. Восемьдесят процентов её выпускников поступают в институты Лиги Плюща, затем становясь астрофизиками, политиками, врачами и банкирами. Рейчел подала заявление в академию в качестве шутки, никогда не думая, что ей дадут стипендию, но я не удивилась, когда однажды утром подруга промчалась по коридору, крича во всю глотку и размахивая письмом о приеме. Она была умна. Даже гениальна, с фотографической памятью. Рэйч работала волонтером в столовых, участвовала в программе «Старшая сестра». Конечно, снобистская, претенциозная, нелепая академия «Туссен» захотела ее. На бумаге Рейчел была идеальным кандидатом — достаточно обездоленной, чтобы они выглядели хорошо, как будто они возвращают дань сообществу, и достаточно умной, чтобы поддерживать их высокие требования и гарантировать, что их статистика оставалась на высоте.

Одному богу известно, как Рут протолкнула меня туда. Я не очень умная. Не так, как Рэйч. Я могу постоять за себя и справиться со своими заданиями, но я не такая особенная, как она. У меня средний интеллект. Я не работаю волонтером ни в каких столовых. Вы никогда не заставите меня подписаться на программу «Старшая сестра» — я бы ужасно влияла на впечатлительные молодые умы. Рут, должно быть, немного покопалась и откровенно шантажировала кого-то, чтобы проложить мне путь к окончанию выпускного класса в таком престижном заведении.

Академия «Туссен», находящаяся в пяти часах езды от Сиэтла, в самом верхнем восточном уголке штата Вашингтон, является последним бастионом цивилизации, расположенным в центре полутора миллиона акров национального леса Колвилл. Один и пять десятых миллиона акров.

Туда ведет одна единственная дорога. Никаких поселков поблизости. Никаких магазинов. Никаких торговых центров. Никакого «Старбакса». Нет сотовой связи. Черт возьми, мне придется подключиться к дерьмовому школьному спутниковому интернету, чтобы иметь возможность отправлять сообщения и звонить Рут для наших ежедневных отчетов.

Поездка бесконечна и чертовски скучна. Мы в двух часах езды от академии, когда Гейнор, которая вытянула короткую соломинку и сопровождает меня через границу штата, выключает радио и зевает, качая головой.

— Если ты выключишь музыку... — начинаю я.

Она поднимает руку.

— Я не могу слышать свои мысли, Соррелл. Если мне придется прослушать еще одну песню «Рейдж Эгейнст зе Машин», клянусь богом, я заплачу.

— Тогда включи что-нибудь другое.

— Давай просто немного помолчим секунду. Почему... почему бы тебе не напеть что-нибудь умиротворяющее? Мои нервы на пределе от всех этих истерических оров.

Господи, она такая древняя. Через некоторое время я отключаюсь, наблюдая, как крошечные городки размытым пятном мелькают за пассажирским окном. Спустя какое-то время мне становится так чертовски скучно, что я начинаю напевать, просто чтобы

попытаться разозлить ее.

— Красиво. Что это?

— Хмм?

— Эта мелодия. Это звучало как... Брамс?

— Понятия не имею. Просто мелодия в моей голове. Но это точно не Брамс. Клянусь, никогда в жизни не слушала Брамса.

— Такая некультурная. О! Смотри. Вон там. Это последнее кафе перед тем как мы въедем в Национальный лес. Мы должны взять тебе кофе. Сомневаюсь, что у них будет в школе.

Я поворачиваюсь на месте, смерив женщину недоверчивым взглядом.

— Прошу прощения? Что ты имеешь в виду, говоря, что сомневаешься, что у них будет кофе?

— Это школа-интернат, Соррелл. Сомневаюсь, что они предоставляют кучке подростков доступ к стимуляторам, которые не дадут им спать всю ночь и сделают их сумасшедшими.

— Я не смогу выжить без кофе.

— Тебе придется.

Страх сжимает мне горло.

— Тормози. Тормози прямо сейчас. Может, они продают растворимый.

Гейнор безжалостно хихикает, когда в последнюю минуту резко заезжает на парковку, заставив меня прижаться к двери.

— Оставайся здесь, — говорит она мне, припарковавшись. — Следи за машиной.

— Никто не собирается угонять машину. Мы находимся в середине долбаного ни...

Она захлопывает дверь, крича мне через окно, чтобы я оставалась на месте. Я все равно выхожу.

— Боже милостивый, дитя, неужели ты никогда не делаешь то, что тебе говорят?

— Я остаюсь с машиной! Просто разминаю ноги!

Женщина корчит мне рожу и исчезает внутри.

Здесь чертовски холодно. Я сижу на капоте «Субару Аутбек», засунув руки в карманы кожаной куртки, и жду, когда Гейнор выйдет из захудалого кафе, и меня снова осеняет почти внетелесная странность этой ситуации. Месяц назад мы с Рейчел подпевали дрянным поп-песням на Spotify, танцевали в ванной, готовясь пойти куда-нибудь и повеселиться. Она была так взволнована. Сказала мне, что есть кое-кто, с кем она хочет меня познакомить. Мальчик, конечно. Мы тайком глотали закупоренное Сарой «Шардоне» прямо из бутылки, морщась от кислого вкуса, хихикая, как идиотки, когда убегали с кухни. Мы говорили о «Плане» после выпуска. Мы собирались найти работу на лето и накопить столько, сколько сможем, а затем взять годичный отпуск и отправиться в поход по Европе. Я хотела провести первый месяц в Париже. Рейчел хотела съездить в Лондон и еще немного подзаработать, прежде чем мы отправимся во Францию. «План» был в стадии разработки, но мы все продумывали. Мы бы грелись на солнышке и проводили каждую свободную минуту на пляже, глаза на парней без рубашек, играющих в волейбол...

Я моргаю, и мои воспоминания о неделе, предшествующей смерти Рейчел, разрушаются и рассеиваются, оставляя меня сидящей на капоте «Субару» Гейнор, ошеломленной тем, как быстро жизнь может перевернуться с ног на голову, если не будешь осторожен.

Не будет больше пляжа.

Не будет летних работ.

Никакого Парижа или Лондона.

И нет больше Рейчел.

Блять.

Я сжимаю челюсти, тяжело сглатывая, отказываясь поддаваться рези в глазах. Если начну плакать сейчас, то, скорее всего, буду плакать вечно. Не смогу остановиться и утону в своей печали, а моей подруги не будет рядом, чтобы вытащить меня из депрессии.

Уставившись на свои поношенные кожаные ботильоны, я стараюсь не думать о Рейчел. Стараюсь вообще ни о чем не думать.

— Господи, Соррелл. Я не могу понять, является ли черная туча, нависшая над твоей головой, просто обычной погодой в Вашингтоне или ты притянула ее своим паршивым настроением.

Гейнор протягивает мне чашку, из маленького отверстия в пластиковой крышке поднимается пар; кофе, который она купила для меня, обжигающе горячий, но мне плевать. Я делаю большой глоток и принимаю боль от горячей жидкости, обжигающей мой язык и горло. Чертовски больно, но это измеримая боль. Мой рот обожжен, потому что я проглотила очень горячий кофе. Отлично. В этом есть смысл. Я уже испытывала подобную боль раньше. И примерно знаю, как долго это продлится. Уверена, что мне не нанесено никакого серьезного долговременного ущерба, и к завтрашнему дню я, вероятно, совсем забуду об этом.

Боль, которую я испытываю внутри — совсем другой вид боли. Боль от потери подруги — это что-то новое. Я не могу ее оценить. В ней нет никакого смысла. Я не знаю, пройдет ли она или оставит ли меня невредимой. Я чувствую себя придавленной этим. Что в любую секунду я не выдержу ужасного давления и поддамся ему, и это будет концом Соррелл Восс.

Нахмурившись, Гейнор цокает на меня, хлопая рукой по моим ботинкам, безмолвно требуя, чтобы я слезла с капота. И закатывает глаза, сдаваясь, когда я откровенно игнорирую ее. Вздохнув, она запрыгивает на капот машины, устраиваясь рядом со мной, затем делает глоток своего кофе. Гейнор крошечная женщина. Макушка ее песочно-белокурой головы едва касается моего плеча. Выглядит так, словно ее медленно съедает пухлое, на два размера больше, чем нужно, синее пальто, которое на ней надето. Тушь для ресниц всегда немного размазана, всегда немного слипшаяся. В свои сорок с небольшим Гейнор обычно хорошо выглядит для своего возраста, но из-за мрачного, пасмурного дня сегодня женщина выглядит изможденной, а ее кожа бледной.

— Выглядишь дерьмово, — любезно говорю я ей.

Ее реакция следует незамедлительно.

— Нахалка! Кто бы говорил. Ты похожа на Каспера, не очень дружелюбное приведение. Твое лицо цвета простокваши. А волосы слишком черные. Тебе нужно осветлить пару прядей или что-то в этом роде. Немного смягчить их. Ты выглядишь так, словно перешла на темную сторону. Какого цвета был бы твой световой меч, если бы ты была джедаем?

— А ты как думаешь? — спрашиваю я, смеясь.

— Красный! — отвечает она. — Определенно красный! Лорд ситхов в процессе становления. Где, черт возьми, твой загар, а? Ты провела достаточно времени на пляже этим летом.

Моя улыбка исчезает при упоминании пляжа.

В наши дни жизнь — это полоса препятствий. В одну минуту я действительно

преуспеваю, справляясь с поставленными передо мной задачами. Преодолеваю этот обрыв. Хватаюсь за веревку. Качаюсь над водой. Вскарабкиваюсь вверх. А потом кто-то говорит что-то незначительное и бессмысленное, что не должно иметь значения, и бац... я падаю лицом вниз. Веревка ускользает из моих рук. Я падаю в глубокую и коварную воду.

Я провела лето на пляже с Рейчел.

И никогда больше не проведу с ней лето на пляже.

Гейнор замечает, как я сдуваюсь, и немного напрягается.

— Значит, я так понимаю, ты его видела, — говорит Гейнор.

Естественно, я знаю, о каком она говорит. Прочищаю горло.

— Да, — мой голос срывается. Снова прочищаю горло. — Да.

На этот раз я говорю более твердо.

— Я изучила досье, которое Рут собрала перед нашим отъездом. Он выглядит как настоящий кусок дерьма.

Гейнор хихикает, пряча лицо за своей кофейной чашкой. И довольно быстро перестает смеяться, прикрывая рот рукой.

— О-о-о. А-а-а! Ай! Горячо, горячо, горячо!

Она будет жить. Я слегка прищуриваюсь на нее.

— Что? Что смешного?

Женщина морщится, глаза слезятся.

— Ну, на него не так уж неприятно смотреть, не так ли? Очень красивый. Богатый. Играет на скрипке...

— Виолончели, — поправляю я ее.

Гейнор снова закатывает глаза.

— Он в команде по лакроссу. Его признали самым популярным ребенком в школе или что-то в этом роде...

— Нет, не признали, — усмехаюсь я.

Гейнор бросает на меня раздраженный косой взгляд.

— Неважно. Он один из самых популярных. Привилегированный. Люди вроде Тео Мерчанта не слишком хорошо относятся к незнакомцам, которые путаются под ногами и создают проблемы...

Я потягиваю кофе, не чувствуя его вкуса, мой язык слишком обожжен.

— Я не собираюсь создавать проблем. Я буду очень, очень мила...

— Да, да, да. А потом собираешься отравить его или задушить во сне?

Я уклончиво пожимаю плечами.

— Еще не решила.

— Ну, не жди, что я навещу тебя в тюрьме, милая. Во всяком случае, не здесь. Слишком холодно, — ворчит она, пряча подбородок в воротник пальто. — Если действительно планируешь убить его, по крайней мере, сделай это в Калифорнии. В «Сан-Квентине» не весело, но, по крайней мере, там будет теплее...

— «Сан-Квентин» — мужская тюрьма, — говорю я ей. — И ты кое-что забываешь.

— Ой? И что это?

Я тыкаю себя в грудь большим пальцем.

— Несовершеннолетняя.

Гейнор смеется, качая головой. Она смотрит вдаль, на деревья, которые заслоняют горизонт, отрешенным взглядом.

— Знаешь, что я думаю? Это все хорошая мина при плохой игре. Никакая месть не заставит тебя почувствовать себя лучше. Думаю, ты и так уже это знаешь, не так ли? И... если причинишь вред этому мальчику и тебя поймают, твой возраст не будет иметь значения. Через несколько месяцев тебе исполнится восемнадцать. И как только любой детектив проведет хотя бы малейшее расследование, то обнаружит здесь связь и поймет, что все это было преднамеренно...

Я не хочу этого слышать.

Гейнор может держать свою логику и свои тревоги при себе. Она только и делала, что пыталась отговорить меня от моего плана с тех пор, как мы уехали из Лос-Анджелеса, и будь я проклята, если потерплю еще какие-нибудь разговоры о том, чтобы «поступить правильно» и «позволить полиции во всем разобраться». Я выплескиваю остатки кофе, мой гнев растет, пока Гейнор продолжает болтать.

— ...сказал, что заключение о смерти в результате несчастного случая может быть отменено, если мы сможем предоставить какие-либо дополнительные доказательства...

— Гейнор?

— Да?

— Прекрати.

— Я просто говорю! Каким бы я была опекуном, если бы не попыталась играть в адвоката дьявола?

— Хватит. Тео Мерчант неприкасаем. Ты сама это сказала. Его родители влиятельны и богаты. Он облажался, безрассудно вел машину и убил Рейчел. Он убил ее. Система уголовного правосудия не накажет его, так что это сделаю я. Вот и все. А теперь давай отправимся в путь. Похоже, дождь собирается.

Там, где Рут холодна и бесчувственна, Гейнор теплая и милая. Она слишком много чувствует. Я вижу ее беспокойство за меня, написанное на ее добром лице, и это задевает меня за живое. Женщина выглядит потрясенной до глубины души, как будто хочет сказать еще так много, но знает, насколько бесполезно было бы пытаться. Так что не делает этого.

В тот момент когда я возвращаюсь в машину, волна усталости накатывает на меня с разрушительной силой. Боль пронзает мою голову, пульсируя прямо за висками. Мне приходится зажмуриться от света, который мгновение назад был тусклым и серым, а теперь ослепительно яркий. Я едва могу думать из-за биения моего пульса, стучащего в ушах.

— Ты в порядке, милая? — тихо спрашивает Гейнор.

Я киваю.

— Просто устала. И у меня ужасно болит голова. Господи.

Я слышу, как Гейнор роется в центральной консоли: шорох бумаги, шуршание пластика, звяканье пузырька с таблетками.

— Вот, — она стучит по тыльной стороне моей ладони своей. — Возьми это.

Одному Господу известно, сколько «Тайленола» она мне дает; Гейнор всегда немного перебарщивала с лекарствами. Благодарная, я бросаю их в рот, проглатывая таблетки всухую. Откидываюсь на спинку сиденья.

— Черт, появилась из ниоткуда, — говорю я, морщась, когда стук внутри моего черепа усиливается.

— Не волнуйся, милая. — Голос Гейнор звучит странно далеко, но ее тон успокаивает. — Обезболивающие скоро подействуют. Поспи немного. Я разбужу тебя, когда мы доберемся до места.

«Туссен».

Это дурацкая французская фамилия или что-то в этом роде.

Я даже не знала, как это произносить, когда Рейчел впервые показала мне брошюру и сообщила, что подает заявление. Она прекрасно провела время, обучая меня, как это произносится, прыгая по тренировочному залу, повторяя «Тус-сен, Тус-сен» с нелепым французским акцентом, заставляя окончание звучать гнусаво и нелепо. Она все повторяла и пыталась надрать мне задницу, когда я сказал ей, что звучит как «Тусон». Как Тусон, штат Аризона. Очевидно, она не сочла это сравнение подходящим.

Я сплю, и мои сны — это воспоминания, сливающиеся воедино, полные смеха и очень яркие.

Когда Гейнор будит меня, уже поздно. Небо — пурпурный, сумеречный синяк. Перед нами раскинулась длинная, изрытая колеями, безумно выглядящая полоса неровного асфальта. Выглядит так, словно мощное землетрясение раскололо дорогу на части, полностью разрушив ее. Это, по сути, единственное правдоподобное объяснение, которое я могу придумать, чтобы оправдать то, что я вижу, когда выбираюсь с пассажирского сиденья.

Вдоль дороги большой покосившийся знак гласит:

Место встречи академии «Туссен».

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ОПАСНОСТЬ ОБВАЛА!

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ОПАСНОСТЬ ВНЕЗАПНОГО НАВОДНЕНИЯ!

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ОПАСНОСТЬ ОПОЛЗНЯ!

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ОПАСНОСТЬ СХОДА ЛАВИНЫ!

Наберите 55311 из телефонной будки для получения помощи.

— Что за чертовщина? — Я все еще сонная. Ноги кажутся немного ватными. Слабыми.

Гейнор хмыкает, оценивая испорченную дорогу, явно восхищаясь ее хаосом.

— Могу ошибаться, — говорит она, — но думаю, что впереди может быть какая-то *чрезвычайная опасность*.

Я фыркаю на колкость, пиная кусок разбитого асфальта с дороги. Он падает в подлесок, подпрыгивая на толстом ковре из сухих сосновых иголок.

— Возможно, ты права. Ты где-нибудь видишь телефонную будку?

— Вон там, — указывает налево Гейнор, где в центре расчищенного участка земли действительно стоит небольшая телефонная будка. Она выкрашена в красный цвет, но в полумраке я этого не заметила.

Гейнор направляется к ней. Я следую за ней, все еще чувствуя головокружение и немного шатаюсь на ногах.

— Повсюду следы шин, — замечает Гейнор. — Никакой травы. Похоже, это какая-то поворотная петля. Рейчел ничего не говорила об этом?

Я, прищурившись, смотрю назад на разрушенную дорогу, пытаюсь разобраться в ситуации.

— Нет. Не говорила.

Холодно, и наступающий вечер пахнет дымом. Воздух кажется слишком неподвижным,

слишком насыщенным, слишком напряженным, и странное покалывание поднимается вверх по моей шее. Каким-то образом я могу сказать, что мы единственные люди на многие, многие мили вокруг. Я это чувствую. Последние лучи солнечного света быстро исчезают в таких местах, как это. Скоро совсем стемнеет; черт знает, что за звери прячутся там за деревьями, ожидая покрова ночи, чтобы начать выслеживать свою добычу.

Позади меня Гейнор начинает говорить, и я чуть не выпрыгиваю из своей кожи.

— Да, да, о, добрый вечер. Да, мне очень жаль. Я знаю, мы приехали немного позже, чем я надеялась, — вежливо хихикает Гейнор. — Да, все верно. Соррелл Восс. Ну, нет, ах вообще-то я Гейнор Петтигрю, ее опекун, но... да. Да. О! Ах да. Хорошо. Да, я уверена, что мы справимся. Скоро увидимся.

Женщина вешает трубку, кладя ее на место в телефонной будке, и я поднимаю брови, ожидая, что она скажет мне, что, черт возьми, происходит. Женщина выглядит немного взволнованной, когда поворачивается ко мне лицом.

— У нее был приятный голос. Форд. Директор Форд. Она сказала, что мы должны идти по тропинке, которая ведет на запад от телефонной будки, вниз по склону к причалу. Они собираются послать кого-нибудь встретить нас.

— Здесь есть причал?

Гейнор кивает.

— Там внизу есть озеро, в той стороне, — она показывает пальцем. — Ты не видела. Ты спала.

— Ясно.

Все это очень необычно, но неважно. Мы уже зашли так далеко.

Гейнор помогает мне с двумя сумками, вытаскивая их из багажника.

— Господи, детка, что у тебя там, кирпичи?

— ...у тебя там, кирпичи? — заканчиваю предложение вместе с ней, прекрасно зная, что она собирается сказать.

Гейнор показывает мне язык — очень по-детски.

— Вообще-то, это книги, — говорю я ей.

— А-а-а. Ты захватила свою коллекцию Шекспира. Трагедии.

— Нет. Это пятнадцать экземпляров «Поваренной книги анархиста»¹.

— Соррелл!

— Что? Это все разные издания. В некоторых из них есть обновленная информация. О, и еще я захватила книгу о ядовитых растениях и о том, как их использовать.

Бедная Гейнор. Она белая, как полотно.

— Ты сведешь меня в могилу раньше времени, дитя, — заявляет она. — Как это будет выглядеть, когда полиция появится в кампусе, чтобы расследовать смерть мальчика...

— Расслабься. Клянусь, это Бронте. Это всего лишь Бронте.

Гейнор невнятно рычит что-то насчет того, что это совсем не смешно, и неторопливо уходит по узкой единственной дорожке, которую нашла прямо за телефонной будкой.

И действительно, после спуска по склону и спотыкания о корни деревьев в сумерках тропа выводит нас на галечный берег огромного озера. Вода прозрачная как стекло, и ровная как зеркало. Ни малейшей ряби. От вида действительно захватывает дух. На другой стороне озера линия деревьев теперь выглядит темным черным силуэтом на фоне угасающего неба. На востоке мерцает одинокая звезда, достаточно яркая, чтобы ее можно было разглядеть сквозь тонкие облака, которые удивительно быстро проносятся по горизонту.

— Ты только посмотри на это, — Гейнор выглядит задумчивой, как всегда. — Красиво, не правда ли?

— Да, наверное. — У меня больше нет той части моей души, которая раньше распознавала и ценила красоту. Она умерла месяц назад. Однако имеет смысл согласиться с Гейнор, когда ее слова пронизаны таким благоговением. Это каким-то образом убедит ее, что я не совсем мертва внутри.

Причал представляет собой не более чем небольшой деревянный помост, выкрашенный в белый цвет. Он выглядит новым. На прочных планках нарисован большой черный герб, внутри которого выгравированы буквы «Т» и «А», предположительно от Академии «Туссен». Я ожидаю, что по озеру промчится лодка или что-то в этом роде, но после сорока минут ожидания, когда становится все холоднее, а ночь надвигается со всех сторон, происходит нечто гораздо более неожиданное.

Сначала мы слышим его — пронзительный механический вой, который поначалу является лишь слабым намеком на звук, но по мере приближения становится все ближе...

— Ты, должно быть, шутишь, — я смотрю в небо, недоверчиво качая головой.

Это гребаный *гидросамолет*.

Гейнор как ребенок в рождественское утро. Она кричит, хлопает в ладоши, кипит от возбуждения, когда изящный маленький белый самолет приземляется на воду, опираясь на лыжи, и небрежно паркуется у причала.

Выскакивает темноволосый парень лет тридцати с небольшим, черты его лица ничего не выражают, но... да, то, как напряжены его плечи, как его ноздри слегка раздуваются — он сейчас не в восторге.

— Вы, дети, должны были быть здесь самое позднее к четырем, — ворчит он. — Небезопасно взлетать и садиться здесь в темноте.

— Прости! — Гейнор улыбается от уха до уха, глядя на самолет; самое последнее, что она выражает — это сожаление. Не думаю, что когда-либо видела ее такой взволнованной. — Мы понятия не имели о дороге, и о том, что нам придется спуститься сюда, и... вау, я просто... это «Пайпер PA-18 Супер Каб»?

Пилот бросает на нее ошарашенный взгляд. Хотя он и близко не так удивлен, как я.

— Не знала, что ты любишь *самолеты*?

— Наметанный глаз, — говорит пилот. — Да, это «Супер Каб». К сожалению, у нас нет времени болтать об этом. Если собираешься в «Туссен», то давай сумки и садись прямо сейчас, — говорит он мне. — Я разворачиваю эту штуку и возвращаюсь в ближайшие пятнадцать секунд, с тобой или без тебя. Ты садишься или как?

СОРРЕЛЛ

Гейнор — сначала лишь темная точка, затем становится размытым пятном, а потом и вовсе исчезает.

Я хотела проводить ее обратно к машине, но Джереми (так, по-видимому, зовут пилота гидросамолета) велел мне занять свое место, а сам повел ее обратно вверх по склону к «Субару». Мужчина вернулся в мгновение ока, самолет набрал скорость, потом пронесся над озером, а затем мы поднялись в воздух, казалось, за считанные секунды.

— Я не личное гребаное *такси*, — ворчит он, когда самолет сильно кренится влево. Мы огибаем озеро по периметру, вода под нами — отражающее черное зеркало.

Я ничего не говорю. Джереми взбешен, и будет продолжать злиться, что бы я ему ни сказала. Ковер деревьев катится вперед, в ночь. Во всех направлениях я вижу только деревья и темные, вырисовывающиеся вдали очертания гор.

Мы находимся в воздухе целых десять минут, прежде чем Джереми говорит мне сидеть смирно, а затем выравнивает самолет, и мы снижаемся. Мы приземляемся на другом озере — подождите, или на том же озере? Этого же не может быть, — и Джереми подруливает к гораздо большему, более впечатляюще выглядящему причалу, благодаря чему все это выглядит просто.

— Скажи Форд, что я возьму за это двойную гребаную плату, слышишь? — говорит он мне, хватая мои сумки и бросая их на причал.

— Уххх. Должна ли я?.. — указываю через плечо, в темноту.

Удивительно, насколько темно, когда вы выезжаете из города, и нет никакого окружающего освещения, чтобы отбросить какие-нибудь тени. Понятия не имею, в каком направлении мне следует двигаться, если я хочу найти школу.

— Нет, — огрызается Джереми. — Не уходи никуда. Ты только сломаешь свою гребаную шею. Просто подожди.

Его отношение чертовски дерьмовое, но в некотором роде забавное. Мне нравится, как мужчина щедро разбрасывает слово «гребаный».

«Он также довольно сексуален, тебе не кажется?» — комментирует голос в моей голове. Голос Рейчел.

Я тихо смеюсь себе под нос, во мне поднимается волна печали; это именно то, что она прошептала бы мне на ухо, если бы была здесь. И да, ворчливый Джереми довольно сексуален. Он привязывает самолет, как будто это лодка, и снова хватая мои сумки, спеша вдоль причала к твердой земле. В конце причала нас ждет гольф-кар. Я подумываю о том, чтобы спросить Джереми, нельзя ли мне погонять, но не думаю, что его вспыльчивый нрав сейчас может воспринять шутку.

Мужчина пыхтит, бормоча что-то себе под нос, взбираясь на холм и пересекая огромное поле. Мы резко поворачиваем, гольф-кар опасно накренился, а затем...

Вау.

На фотографиях Рейчел это место выглядело впечатляюще. Величественно. Но даже в темноте это нечто гораздо большее. Академия «Туссен» огромна. Внутри здания горит только один свет — над тем, что выглядит как входная дверь, под большим навесом.

Остальная часть здания с его резными каменными перемычками, фронтонами и парапетами представляет собой шедевр викторианской эпохи. Плющ обвивает восточное крыло здания, его усики плотно цепляются за каменную кладку. Западное крыло образовано колоннадой, монолитными колоннами, усеивающими крыльцо, семь, восемь, девять... нет, десять чудовищных каменных цилиндров, высотой в семь этажей, доходящих до замысловатого железного гребня, который тянется по всей длине парапета длиной в пятьдесят футов. Гигантский купол занимает почетное место на вершине всего этого, его панели из чеканного золота почему-то яркие и великолепные, даже без отражающегося от них солнечного света.

— Ох... боже мой, — выдыхаю я.

— Да, да, да. Это великолепно. Пошли. Мне нужно, чтобы ты зарегистрировалась, чтобы я мог пойти домой, — Джереми снова забрал мои сумки. Он уже на полпути вверх по истертым каменным ступеням, ведущим ко входу, прежде чем я вылезаю из гольф-кара.

Каким-то образом мгновение спустя у меня в руках оказывается блокнот. Я записываю свое имя в реестр. Зажав фонарик в зубах, неся по сумке в каждой руке, Джереми ведет меня по длинному, извилистому, темному коридору, предупреждая, чтобы я ни к чему не прикасалась, а затем ведет вверх по лестнице. Один пролет, потом еще один. Я мало что вижу в узком луче света, отбрасываемом фонариком, но чувствую, какой мягкий ковер под ногами. Чувствую запах пчелиного воска и слабый намек на что-то цветочное и чистое. Тишина почти раздавливает меня.

Джереми сворачивает направо, спеша по широкому коридору, жестом предлагая мне поторопиться и следовать за ним.

— Где все? — шепчу я.

— А как ты думаешь, где они, черт возьми? Все спят.

— Но еще же слишком рано...

— Ха! Сейчас, блять, два часа ночи! Как думаешь, почему я так отчаянно нуждаюсь в своей постели?

Он лжет. Быть такого не может.

— Но были сумерки. По-настоящему стемнело только тогда, когда мы ждали тебя.

Джереми резко останавливается и бросает мои сумки.

— Это здесь. «Секвойя» 13. Завтрак подается в шесть тридцать. Поскольку ты в «Секвойе», то идешь в комнату «Секвойи» для переключки, — делает вдох Джереми, оценивая меня очень пронизательными, очень голубыми глазами. — Сумерки здесь субъективны, Принцесса. Иногда темнеет в четыре. Иногда вовсе не темнеет. Зависит от времени года и освещения.

— Освещения?

Джереми фыркает. Он, очевидно, думает, что я медлительная.

— Северное сияние? Авроральное свечение? Мы иногда видим их здесь. Они были сумасшедшими в этом году. А сейчас я ухожу. У тебя все?

Я киваю.

— Потрясающе, — Джереми убегает трусцой, оставляя меня одну, стоящую перед тяжелой дверью из темного дерева с золотой блестящей цифрой тринадцать.

СОРРЕЛЛ

Я сразу же вырубаюсь, слишком уставшая, чтобы должным образом оценить свое окружение.

Утром просыпаюсь под пение птиц, и от этого неистового щебетания у меня сводит зубы. Моя новая кровать — объемная, словно облако, мягкое и обволакивающее. Такая теплая и уютная, что я подскакиваю с неё, как только прихожу в себя, в ужасе от того, что могла мечтать о таком комфорте в подобном месте. Лучи холодного утреннего света проникают в комнату через большое окно в раме, выходящее на озеро, где Джереми приземлил «Супер Каб» ночью. Самолет уже улетел. Единственное, что сейчас скользит по поверхности воды — это пара очень крикливых канадских гусей.

— Заткнитесь на хрен, придурки.

Они не замолкают.

Быстро обнаруживаю, что у меня есть собственная ванная комната, которая просто прекрасна, вся из розового кварца, итальянского мрамора и зеркал. Совершенное излишество. В «Фалькон-хаусе» повезет, если я доберусь до самых простых, очень потрескавшихся, очень ветхих душевых кабин до того, как по утрам закончится горячая вода. Здесь же у меня есть доступ к моей собственной ванне? Нелепо.

Моя спальня достаточно большая, чтобы в ней легко поместилась ненавистная, чрезвычайно удобная двуспальная кровать, а также тумбочка и комод с другой стороны от двери. Под вторым окном стоит антикварный письменный стол, а под ним плюшевое кресло с откидной спинкой. Вдоль стен выстроились полки, готовые и ожидающие моих книг и всего ненужного снаряжения, которое Гейнор приготовила для меня, чтобы я выглядела как обычная учащаяся, прибывшая заканчивать свой последний год в старшей школе вдали от своих старых друзей и семьи.

Здесь очень красиво, и я абсолютно ненавижу это.

Принимаю душ, стиснув зубы от волн нервов, которые появляются из ниоткуда, без приглашения. Они не рассеиваются и к тому времени, как я сушу волосы, и заканчиваю наносить тушь и блеск для губ. И продолжают приставать ко мне, пока я одеваюсь.

Слава богу, что в этом богом забытом месте не заставляют своих учеников носить форму.

Мне никогда раньше не приходилось надевать ничего подобного. Ни в одной из начальных школ, между которыми меня мотало в детстве, когда я переходила из одной приемной семьи в другую. Ни в государственной средней школе, в которой я училась два года, пока однажды, когда мне было тринадцать, ни с того ни с сего, Рут и Гейнор не пришли и не забрали меня у школьных ворот. Самое близкое, что я когда-либо носила к униформе — это черная одежда, которую Рут требует носить в «Фалькон-хаусе». Черная рубашка, черная майка, черная юбка, черные брюки, черное нижнее белье. Нам выдают пособие на одежду раз в месяц и разрешают покупать все, что захотим, при условии, что это черное, и мы не претендуем на эти вещи больше, чем как на мимолетное владение.

Это облегчает жизнь нескольким сотрудникам, нанятым для стирки и уборки в доме. С пятнадцатью молодыми девушками в возрасте от тринадцати до восемнадцати лет, черная

одежда у всех, гарантирует, что гардероб каждой легко стирается, и никто не спорит о том, чьи футболки или джинсы выбираются из сложенных в корзины для белья после дня стирки.

Конечно, девочки-подростки все равно будут ссориться из-за таких вещей, но все знают, что ссоры из-за мелкой ерунды не одобряются и немедленно наказываются. Поспорите с другой девушкой из-за одежды, и вы быстро обнаружите, что вам выделили одну пару дырявых спортивных штанов и одну выцветшую футболку на всю неделю. Вам придется стирать эти вещи самостоятельно каждый вечер после тренировки, если не хотите чертовски вонять.

У меня никогда раньше не было собственной одежды, поэтому я никогда не возражала против того, чтобы принять то, что осталось в корзинах после всех. Все, о чем я когда-либо заботилась — это иметь вещи, которые хорошо сидят и в которых удобно тренироваться.

А это?..

Я смотрю на свое отражение в зеркале моей новой комнаты, чувствуя себя немного не в своей тарелке. Синие джинсы. Белая рубашка. Все новое и хорошего качества. Я выгляжу... Думаю, что выгляжу хорошо. Я даже не подумала проверить одежду, которую Гейнор положила в мои сумки. Меня так мало заботили подобные вещи, что это просто не имело значения. Но теперь же я даже не узнаю себя. Мои черты лица такие же, как всегда. Мои разномастные глаза — один голубой, другой зеленый — всегда были и всегда будут самой поразительной чертой во мне. Моя кожа чертовски бледна. Хотя переносица слегка усыпана веснушками — доказательство того, что этим летом я действительно видела немного солнца. Мои волосы темно-черные (по словам Рут, цвета воронова крыла), прямые, как стрела, и почти до талии. Мне всегда казалось, что мои губы, естественно ярко-красные, выглядят немного великоватыми для моего лица. Черная одежда, которую я носила в течение многих лет, скрывала очертания моей фигуры, но теперь, оценивая себя в зеркале, я вижу, что у меня есть изгибы. Изгибы, которых я раньше даже не замечала.

Помимо всего этого... как я выгляжу? Я похожа на девушку с миссией мести? На девушку, отчаянно скучающую по своей лучшей подруге?

Нет.

Я вижу обычную девушку, которой скоро исполнится восемнадцать, одетую в обычную одежду, собирающуюся начать свой первый день в новой школе.

Какого хрена?

— Через пять минут перекличка! Все должны быть в комнате «Секвойи» к восьми. Открывайте двери и спускайте свои задницы вниз, дамы!

Голос по ту сторону двери моей новой спальни достаточно приятный. Певучий и звонкий. Однако громкий хлопок по двери — это нечто совсем другое. Это не терпит возражений. Какими бы изнеженными и избалованными ни были люди, которые будут окружать меня в ближайшие недели, я все равно нахожусь в тюрьме. И я не могу позволить себе забыть об этом.

* * *

— Майра! О. Боже. Мой! Перестань уже расти! Тебе никто никогда не говорил, что быть такой высокой отвратительно?

— Карла! О... БОЖЕ мой. Ты сделала татуировку на груди? И ты определенно увеличила себе сиськи. Чертовски ненавижу тебя, девочка. Родители не позволят мне

сделать себе такие же, пока мне не исполнится двадцать один год.

— *Смотри куда идешь! Черт, Лео. Как ты умудрилась стать еще более неуклюжей в
время каникул?*

Думаю, это именно то, что значит явиться на перекличку в качестве заключенного в тюрьме. В коридорах плечом к плечу стоят незнакомые люди; я пробираюсь сквозь них, стиснув зубы. Сердце колотится, ладони покрыты холодным потом, когда прокладываю путь через море девушек, которые, кажется, все знают друг друга, встречая серию пустых взглядов, когда они скользят по мне. Есть и другие девушки моего возраста, слоняющиеся по периферии, стоящие в дверях своих спален, нервно разглаживающие свои платья и юбки, как будто они тоже чувствуют себя ужасно неуютно в своей новой одежде.

Два. Три. Четыре. Я перестаю считать их нервные лица и опускаю голову, тихо бормоча каждый раз, когда чуть не сталкиваюсь с кем-то, кто резко останавливается передо мной.

Я знала, что буду не единственной новенькой в «Туссене». Сара немного покопалась, прежде чем они с Рут решили, что будет разумно записать меня в академию. Они не хотели, чтобы я выделялась, как белая ворона. На кого, вероятно, обратят внимание школьный совет и родители, когда в стенах их драгоценной академии начнут происходить плохие вещи? Люди с подозрением относятся к незванным гостям. Но, как ни странно, в этом году в «Туссен» поступило двадцать новых учеников. Двадцать новых лиц, с разными историями, как парней, так и девушек. Рут решила, что такое количество других новичков будет подходящим прикрытием.

— Господи. Похоже, в этом году они приняли заявки из цирка, — исходит ехидный комментарий от девушки с ярко-рыжими волосами, слоняющейся с тремя другими девушками в начале коридора, ведущего к лестнице. Она морщит нос, когда оглядывает меня с ног до головы. — Я имею в виду, вау. У нее чертовски странные глаза.

Ах, да. Глаза. Я ожидала этого. Один из них зеленый, другой синий. Большое, блять, дело. Однако старшеклассники всегда найдут, за что придраться к своим сверстникам. Я презрительно смеюсь себе под нос над мелочностью комментария этой сучки, в основном потому, что я видела себя в зеркале миллион раз и точно знаю, что мои несопадающие глаза потрясающие. Она может набрасываться сколько угодно, но ее горечь не сделает меня менее крутой.

— Она, наверное, ведьма, — усмехается девушка.

— О, да? — Этот ее комментарий уж слишком хорош. Я не могу упустить возможность огрызнуться на нее. — Я слышала, что на самом деле большинство ведьм рыжеволосые. Триста лет назад тебя бы сожгли на костре за волосы такого цвета.

Их маленькая группка злобно хихикает, когда я поднимаюсь по лестнице — не могу сказать, смеются ли они надо мной или над рыжей, но неважно. Мне насрать в любом случае. Я просто не могу дождаться, когда выберусь отсюда. Мои ботинки стучат по ступенькам, мои шаги отдаются эхом в такт учащенному сердцебиению.

«Это временно, Соррелл. Только временно. Ты вернешься домой раньше, чем успеешь оглянуться».

Внизу, на первом этаже, полированный мрамор, стены высотой в пятнадцать футов и потрясающие абстрактные картины на стенах делают академию больше похожей на экстравагантный отель, чем на учебное заведение. На первый взгляд, я думаю, что цветы в вазах, расставленных по всему холлу, ненастоящие, но запах лилий и гардении, наполняющий мой нос, невозможно имитировать без химикатов.

Хрустальные люстры над головой отбрасывают теплый свет на огромное фойе, придавая ему ощущение роскоши, которое, кажется, никогда не испытывала на собственном опыте. Озлобленные сироты с историей насилия не часто попадают в такие места. Все еще с опущенной головой, я ориентируюсь в безумии нижнего уровня, быстро продвигаясь сквозь шум болтовни, направляясь к комнате «Секвойи». Рут убедилась, что я запомнила планировку школы, прежде чем покинуть «Фалькон-хаус». Я точно знаю, где мне нужно быть, и сколько шагов мне потребуется, чтобы добраться до места назначения. В отличие от других школ, которые я посещала, классы здесь не пронумерованы и не организованы по кафедрам. Они названы в честь цветов или деревьев, и у каждого из них своя тема.

Магнолия. Секвойя. Колокольчик. Гербера. Сосна.

Я прохожу мимо дверей всех этих комнат, не обращая внимания на подростков, которые толпятся внутри, все в восторге от волнения, которое приходит с новым учебным годом и воссоединением друзей. У меня здесь нет друзей. Если бы это зависело от меня, я бы не стала заморачиваться, но Рут очень ясно дала понять, когда я уходила из дома: *«Вписывайся. Найди свою нишу. Если изолируешься от других девушек, то сделаешь себя мишенью, Соррелл. Люди — особенно подростки — очень чувствительны к неизвестному. Стань одной из них. Заставь их доверять тебе. Сделай так, чтобы они полюбили тебя. От этого зависит весь наш план. Сообщество в «Туссене» становится сплоченным, как только ученики узнают друг друга получше. Ты не можешь позволить им держать тебя на расстоянии вытянутой руки».*

Это, конечно, обоснованно. В этом есть смысл. Но я столько лет была закрытой книгой, что на самом деле не знаю, как люди заводят друзей и укрепляют свою преданность в таком месте, как это. Но собираюсь это выяснить. Мне придется. А сейчас все, чего я хочу, это найти комнату «Секвойи» и сделать себя настолько незаметной, насколько смогу.

Когда вхожу в дверь, в комнате кипит жизнь. Пара голов поворачивается ко мне, на лицах учеников появляется небольшая хмурость, но по большей части никто не обращает на меня никакого внимания. Я сажусь в дальнем конце комнаты и достаю из сумки блокнот и ручку. Холодный пот, покрывший мои ладони, теперь делает мою кожу липкой по всему телу.

Какого черта я здесь *делаю*? Как, черт возьми, я могла подумать, что смогу *это* сделать?

Один за другим окружающие меня стулья заполняются лощеными девушками с идеально высушенными феном волосами и идеальным макияжем. Подтянутые парни с широкими плечами и улыбками соседского мальчишки хлопают друг друга по плечам, поздравляя с многочисленными недавними спортивными победами.

Я съеживаюсь на стуле, стараясь казаться меньше. Если бы только я могла просто исчезнуть...

Дверь открывается в последний раз, впуская в комнату двух новых людей; первый — сурового вида мужчина лет сорока, одетый в аккуратно отглаженную белую рубашку и серые костюмные брюки. Без галстука. Без пиджака. Однако нет никаких сомнений в том, что он занимает здесь авторитетное положение. Это исходит от него, точно так же, как от Рут исходит ее авторитет. Его волосы темно-каштановые, но густая борода, которую мужчина носит, имеет светлые вкрапления. Очки в черной оправе. Глаза цвета холодного, пасмурного зимнего утра.

Учащийся, следующий прямо за ним...

Мой пульс ускоряется, когда я вижу его лицо.

«О, мой Бог. О, боже мой, о боже мой, срань господня».

Внезапно становится трудно дышать.

Я очень мало помню о той ночи, когда произошел несчастный случай. Мы с Рейчел изрядно выпили (моя выносливость была нулевой, я впервые пробовала крепкий алкоголь), и подробности того, что произошло, в лучшем случае туманны. С той ночи у меня осталось одно единственное воспоминание о мальчике с угольно-черными волосами, — единственный мимолетный образ, на котором он смеется, сидя на водительском сиденье автомобиля, его лицо отражается в зеркале заднего вида. Его красивые черты лица — гордые скулы и сильная линия подбородка, пухлые губы и интригующие золотисто-шоколадные глаза — преображаются благодаря широкой улыбке. Помню, в тот момент я подумала, что он самый красивый парень, которого я когда-либо видела в своей жизни. После этого пустота.

У Тео Мерчанта широкие плечи. Он выше большинства учащихся мужского пола, которые расположились в комнате «Секвойи». И у него татуировки. Серая рубашка с длинными рукавами закрывает большую часть его кожи, но я могу разглядеть намек на замысловатые узоры на его запястьях, выходящие за рукава и поднимающиеся по шее, выглядывающие из-за воротника рубашки. В нем есть что-то очень притягательное, когда парень неторопливо проходит между столами в конец комнаты. Все взгляды следят за ним; как будто он причина, по которой все пришли сюда, и теперь старшеклассники, окружающие меня, терпеливо ждут, когда парень сотворит какое-нибудь чудо, свидетелями которого они пришли сюда стать. По какой-то странной причине мне кажется, что я тоже отражаю их реакцию на него.

— Рад видеть, что вы все пережили каникулы, — объявляет мужчина в передней части комнаты. — Сегодня с нами по крайней мере пять новых лиц. — Он окидывает нас взглядом, в то время как Тео Мерчант садится на стул через два ряда от меня, бросая свою сумку на пол у своих ног.

— Я мистер Гарретт. Я буду преподавать у некоторых из вас математику. Если не увидимся на математике, то, по крайней мере, я буду здесь каждое утро во время переключки. Кроме того, я не собираюсь мучить никого из нас, заставляя новеньких представляться. Вы достаточно взрослые, чтобы проводить такие светские делишки в свободное время. Будьте добры друг к другу. Не будьте придурками. Если узнаю, что кто-то из вас ведет себя как придурок, то вам придется чертовски дорого заплатить. Все понятно?

Ученики вокруг меня хихикают. Я неуверенно улыбаюсь, слегка забавляясь тем фактом, что мужчина использовал ругательство. Сара презирает сквернословие. Она не дура и прекрасно осознает, что мы все ругаемся как моряки, но, черт возьми, да помогут нам небеса, если мы будем ругаться перед ней. Даже Рут и Гейнор умеряют свои выражения, чтобы избежать ее гнева.

Мистер Гарретт проводит переключку, и я удивлена архаичным методом, который он использует для подсчета голосов. Нет смарт-планшета. Нет сканера карт-ключей. «Туссен» может похвастаться совершенно новыми ноутбуками для своих учеников, а также онлайн-порталами, разбросанными повсюду, где учащиеся и преподаватели могут сообщать о чрезвычайных ситуациях или проблемах. Даже есть портал, куда я должна отправлять свои работы, а также где могу оставлять уведомления для своих друзей, которых еще предстоит найти и открывать окна чата с любым из моих учителей. Но мистер Гарретт придерживается старой школы. Древний планшет для бумаг, который он держит в руке, выглядит так, словно

вот-вот развалится на части. Его синий пластик повсюду потрескался, а металлические заклепки на задней панели окружены оранжевым кольцом ржавчины.

Гарретт называет имя за именем, и гул его голоса сливается с фоновым гулом болтовни, в то время как я беззастенчиво смотрю прямо на Тео Мерчанта.

Этот ублюдок убил Рейчел.

Возможно, он и не сжимал руки вокруг ее шеи и не ломал кость нарочно, но его безрассудство гарантировало, что она не вышла из машины и не ушла той ночью. Парень был пьян. Чертовски. Просто в хлам. И вот теперь он здесь, разгуливает, как второе пришествие самого Иисуса Христа.

Тео улыбается своим друзьям, пока достает свое барахло из сумки, тихо бормоча что-то блондину с ямочкой на подбородке, сидящему справа от него. Он должен гнить за решеткой за то, что сделал. Будь моя воля, его бы судили как взрослого и отправили в тюрьму на очень долгий срок. Однако этого не произошло. Его даже не отправили в колонию для несовершеннолетних. Даже на одну гребаную ночь.

Вмешался его отец и «разобрался» с ситуацией, и Тео Мерчанта отпустили из полицейского участка менее чем через три часа после аварии и больше никогда не доставляли неудобств из-за всего этого дела. Это дерьмо, вот что это такое. Он гребаный преступник. Таким парням, как Тео, за деньги всегда можно купить свободу, а у Мерчантов есть не просто деньги. У них старые деньги, а вместе с ними и репутация.

Я ненавижу его.

Я, блять, презираю его.

И собираюсь наслаждаться разрушением его жизни, по одному крошечному кусочку за раз...

Становится очень, очень тихо. Тео перестает разговаривать с блондином с ямочкой на подбородке. Резко разворачивается... и смотрит прямо на меня.

С холодным ужасом я понимаю, что он не единственный; каждый человек в комнате смотрит на меня.

— Соррелл Восс? — раздраженный голос прорывается сквозь туман, окутавший мою голову, звук моего имени шокирует, как будто мне на голову только что вылили ведро ледяной воды.

Я бросаю взгляд в переднюю часть комнаты, где мистер Гарретт хмуро смотрит на меня, ожидая моего ответа, одна бровь изогнута выше другой.

— Черт, — шиплю я.

По комнате прокатывается волна смеха.

Я чувствую, что краснею.

Мистер Гарретт поднимает обе брови.

— Гредишь наяву в первые три секунды своего первого дня в кампусе? Ну, черт возьми. Я знаю, что это место не совсем тематический парк, но надеялся, что смогу удержать ваше внимание достаточно долго, чтобы пройти переключку. Ты Соррел Восс, я так понимаю?

Я киваю.

— Да. Я. И... я здесь.

Снова смех.

— Спорно, но я отмечу, что ты присутствуешь, чтобы не спровоцировать горячие дебаты об экзистенциализме, — мистер Гарретт делает пометку в планшете, что еще больше развлекает моих новых одноклассников.

— Хорошо, ладно. Сделано. У нас много информации, и у меня есть около пяти минут, чтобы вывалить все это на вас, так что заткните свои болтливые рты. Джастин, сядь, черт возьми. Давайте вести себя цивилизованно. Мы не животные. Тебе придется подождать с поцелуем Хейли, пока не выйдете из моего класса, — делает глубокий вдох мистер Гарретт, со стуком опуская планшет на стол. — Не могу поверить, что мне снова приходится говорить это кому-то из вас, но раздевалки спортзала не совместные!

Обо мне тут же забывают, так как в комнате раздается громкий стон. По крайней мере, пятеро моих новых одноклассников выглядят искренне расстроенными этим напоминанием.

— Мистер Дикин решил уйти на пенсию во время каникул и больше не вернется. Некоторые из вас, жалких ублюдков, да, вы знаете, кто вы такие, вынудили его досрочно уйти на пенсию. На занятиях по английскому языку будет замена, так что... — пожимает плечами он. — Я не знаю, кто именно. У меня нет имени. Сами выясните. Это будет приятным сюрпризом, когда войдете в класс.

Мистер Гарретт говорит и говорит, выкрикивая объявление за объявлением, звуча все более раздраженно по мере того, как просматривает каждое из них. Парни и девушки, сидящие вокруг меня, реагируют, стонут, смеются или освистывают, в зависимости от новостей, но я остаюсь на своем месте, не отрывая взгляд от доски в передней части комнаты, даже не смея дышать.

Я чувствую давление этих золотисто-карих глаз на мне, как будто чья-то рука схватила меня сзади за шею. Вес не смещается; Тео Мерчант не отводит от меня взгляд.

СОРЕЛЛ

— Говорю тебе. Он не с ней. Он одинок.

Девушка, стоящая рядом со своей подругой, через два шкафчика от нее, горько смеется.

— И? Что именно я должна делать с этой информацией? Треснуть его по затылку клюшкой для лакросса и затащить в мою комнату? Я даже не на его радаре.

— Поставь себя на его радар, — настаивает другая девушка.

Я смотрю краем глаза, быстро оценивая их: обе высокие, тощие блондинки. На них обеих чертовски много косметики, и на обеих юбки, которых едва хватает, чтобы прикрыть нижнее белье. Я вижу изгиб ягодиц одной из девушек под подолом, когда она переносит вес с одной ноги на другую. Они выглядят как точные копии друг друга. В прошлом я встречала много таких девушек, как они, — трутней, которые заканчивают предложения друг друга, но при этом впечатляюще не могут удержать ни единой логической мысли в своих коллективных умах-ульях.

— Панович ясно дал понять, что Тео в любом случае запрещен в этом семестре. Ты бы слышала, как сегодня утром он лирически рассуждал о важности школьных студенческих команд в этом году. Как он будет лично следить за тем, чтобы ни один из его спортсменов не отвлекался.

Другая девушка фыркает. Клянусь богом, я бы не смогла отличить их друг от друга, если бы вы поставили их в ряд.

— И что он собирается делать? — смеется она. — Стоять на страже возле наших спален каждую ночь? Он не может постоянно наблюдать за всеми нами. И ты, блять, сохранила себя для него. Твоя киска собирала пыль, в то время как остальные из нас все лето ловили большие члены...

Если вы оставляете детей подслушивать разговоры взрослых, они начинают считать себя очень взрослыми. Эти девушки звучат так, будто они именно такие: дети, играющие во взрослых. Я мрачно смеюсь себе под нос, когда достаю пустую папку из своего шкафчика, засовывая в нее новенький блокнот.

— Эй? Какого хрена ты делаешь?

Я поднимаю взгляд и кривлю рот в ухмылке, когда сталкиваюсь лицом к лицу с Труляля и Дураля. Ни одна из них не выглядит очень счастливой. Обе скрестили руки на груди, их груди напряглись под слишком обтягивающим материалом белых рубашек. Я думаю... да, та, что слева, с родинкой на подбородке, была сегодня утром на моем этаже.

— Прости? Могу я вам чем-нибудь помочь? — Я притворяюсь невежественной.

— Нет, не можешь. — У девушки справа острый нос, немного крючковатый на конце. Когда она насмехается надо мной, ее ноздри раздуваются, и все ее лицо становится угловатым, резким и непривлекательным. Что в любом случае не имеет значения. Неважно, насколько искусно она перекидывает волосы через плечо или насколько безупречен ее макияж; один взгляд на нее, и я вижу, насколько она уродлива внутри.

— Ты подслушивала, — обвиняет она.

— Ты смеялась, — добавляет Родинка к обвинениям, выдвинутым против меня.

— Ты здесь всего пять секунд, а уже вывела меня из себя, Восс. Не умно, — качает

головой Крючконосая. — Совсем не умно.

Закрываю дверцу своего шкафчика, не торопясь засовываю папку в сумку. Стараюсь одарить этих идиотов широкой улыбкой, перекидывая сумку через плечо.

— Прощу прощения. Я вас знаю?

Боже, молоко могло бы свернуться от того, как самодовольно выглядят сейчас эти две сучки.

— Нет, — говорит Родинка. — Но мы знаем тебя. Мы знаем о тебе все, что только можно знать. Соррелл Восс. Семнадцать лет. Из округа Ориндж. Мама — домохозяйка. Папа — инженер-химик. В прошлом году ты занималась бегом, и, судя по тому, что я слышала, у тебя ничего не вышло.

Ну, черт возьми, если все это не занимательно. Эти девушки думают, что, собирая информацию обо мне, они каким-то образом имеют надо мной власть? Может быть, это было бы правдой, если бы каждая крупица информации, которую, как они думают, они знают обо мне, не была бы гребаной ложью. За исключением бега. В прошлом году я действительно занималась бегом на легкой атлетике, и у меня это получилось довольно хреново.

Я пожимаю плечами.

— Ты забыла о моей наркозависимости. И тот факт, что я была первым четырнадцатилетним подростком в моей школе, попавшим на реабилитацию

— Что? Серьезно? — тарашится на меня фанатка Тео Мерчанта.

— Ух. Ну... нет, — я наклоняюсь ближе, указывая на них подбородком, давая понять, что хочу поделиться секретом. Они тоже наклоняются ближе, не в силах удержаться. — На самом деле я забеременела в конце первого курса. Я имею в виду, это было прекрасно, но довольно сложно учиться, когда у тебя на бедре висит новорожденный, понимаете?

Их глаза удваиваются в размерах. Девушка слева потеряла все двигательные функции; ее рот открывается и закрывается, в то время как та, что справа, делает шаг назад, как будто боится заразиться подростковой беременностью.

— Я же говорила, Эш, — усмехается девушка с родинкой. — Говорила же, что она выглядит как шлюха.

Я могла бы раздавить ей трахею и лишить ее жизни за считанные секунды.

Могла бы разбить ей лицо так сильно, что следующие пять лет она провела бы на реконструктивно-пластических операциях и все равно выглядела бы как мешок с отбитым дерьмом.

Эта мысль очень согревает, когда я наклоняю голову набок, изучая их. Я указываю на них пальцем по очереди, тихо смеясь.

— Знаете, на самом деле думаю, что знаю немного о вас двоих.

Сначала я обращаюсь к Родинке.

— Маргарет Элизабет Джонсон. Все зовут тебя Бет. Ты Дева. Ты всем говоришь, что в прошлом году потеряла девственность со Спенсером Харрисом, но это неправда, не так ли? Ты потеряла девственность с Лэнсом Кэмпбеллом, когда тебе было четырнадцать. Лэнс Кэмпбелл, сорокасемилетний деловой партнер твоего отца. Болезненное ожирение, верно? Очень волосатый чувак. Твой отец отдал тебя ему, чтобы расплатиться с долгом. Сказал тебе, что ты была такой хорошей девочкой, что помогла ему. И теперь, когда ты трахаешься с Лэнсом... — я подхожу еще ближе, понижая голос на октаву. — Потому что ты все еще трахаешься с ним, не так ли, Бет? Теперь, когда ты трахаешься с ним, ты делаешь это, потому

что тебе это нравится. Потому что твой папочка наблюдает за тобой с камер, которые он спрятал в твоей спальне, и мысль о том, что его член становится твердым, когда он смотрит, как его друг-жирдяй засовывает в тебя свой крошечный член, вызывает у тебя покалывание между ног, не так ли, Бет?

Моя голова откидывается набок, когда девушка ударяет меня; звук ее ладони, соприкасающейся с моей щекой, звучит как выстрел в коридоре. Пятьдесят человек останавливаются как вкопанные, разговоры прекращаются, все оборачиваются, чтобы посмотреть, что, черт возьми, происходит. Бет бледна как полотно и дрожит от ярости.

Конечно, я знала, кто она такая, с того момента, как впервые ее увидела. Я запомнила профили каждого учащегося выпускного года в «Туссене» — профили, которые были весьма исчерпывающими. Рут была очень скрупулезна в своих исследованиях. Так было всегда. То, что происходит за закрытыми дверями в некоторых из домов, буквально преступно, не говоря уже о мрачном разврате. Информация, которую я знаю об этих детях, может посадить немало людей на всю жизнь и в то же время заставить дьявола покраснеть. Однако я дала своим новым одноклассникам прозвища, когда впервые начала анализировать их файлы, чтобы помочь себе вспомнить грязные мелкие подробности их жизни. Иногда все же легче называть их теми прозвищами, которые у меня в голове.

— Лэнс Кэмпбелл? — шипит Эшли.

Эшли Ренье, тоже семнадцать лет. Имеет склонность избивать свою младшую сестру. Она проходила терапию и прекращала ее с восьми лет, потому что не может перестать жевать собственные волосы. Однако с Эш происходит гораздо более зловещее дерьмо. Гораздо худшие секреты, которые я могла бы использовать, чтобы унижить ее, если бы захотела. Я скрываю все свои накопленные факты об Эш, пока она продолжает пялиться на Бет.

— Тот отвратительный чувак, который был у тебя дома на Рождество? — говорит Эшли. — О чем, черт возьми, она говорит?

Щеки Бет горят красным как угли; яркий румянец делает ее в некотором смысле симпатичной. Время от времени даже наши худшие моменты заставляют нас сиять.

— Она, блять, врет. Что, черт возьми, с тобой не так? — толкает меня Бет, и я позволяю прижать себя к шкафчикам. В коридоре раздается громкий лязг — звук, с которым моя голова ударяется о металлическую дверь. — Ты больная на голову, — выплевывает Бет.

— Ну, не знаю. Моя история кажется довольно заурядной по сравнению с твоей, не находишь?

Я бы не смогла произнести эту фразу, если бы она знала правду. Скелеты в моем шкафу сложены так высоко и плотно, что кажется, будто там произошел массовый геноцид. Справа есть движение — шквал активности, направляющийся к нам, что говорит мне о том, что этот маленький тет-а-тет вот-вот закончится. Я позволяю своим глазам стать блестящими и полными страха.

— Бет Джонсон! Ты что, сошла с ума? — Женщина в платье с цветочным принтом устремляется к нам, раздвигая толпу зевак, как Моисей раздвигал Красное море. Ее кожа теплого коричневого цвета, волосы — масса тугих кудрей. По фотографиям, которые я видела на сайте «Туссена», я точно знаю, что глаза директора Форд обычно добрые и нежные, но сейчас они далеки от этого. — Если не хочешь, чтобы тебя исключили в ближайшие три секунды, я настоятельно рекомендую убрать руки от этой девушки.

Бет бросает на меня тяжелый, полный ненависти взгляд, но подчиняется, в последний

раз толкая меня и отпуская.

— Бет! — Директор Форд моргает, качая головой. Похоже, ее мозг просто не может обработать то, что она видит. — Понятия не имею, что происходит, но услышь это прямо сейчас. Что бы это ни было, ничего не выйдет. В мой кабинет. Сейчас.

Директор поворачивается ко мне, быстро оглядывая меня с ног до головы. Я не могу решить, пытается ли она вспомнить мое имя или проверяет меня на наличие травм.

— Ты тоже, юная леди. Я докопаюсь до сути. Вы обе будете сидеть в моем кабинете, пока я не услышу что-нибудь похожее на правду.

Щеки Бет вспыхивают, становясь еще краснее. Ее глаза полны ярости, но в них также присутствует жалкий стыд. Она не хочет говорить директору Форд правду. Не хочет рассказывать ей, что произошло, потому что если бы она это сделала, то ей пришлось бы рассказать, в чем я ее обвинила. А это? Нет. Она не собирается этого делать.

— Я подшучивала над ней, — выпаливает Бет.

Форд хмурится.

— И почему ты это сделала?

— Потому что слышала, что она повторяет свой выпускной год.

Форд, стройная и высокая, издает неодобрительный звук, скрещивая руки на груди.

— Ты шутишь, да?

Бет сжимает челюсть.

— Это то, что я слышала.

— Соррелл не повторяет свой выпускной год. И даже если бы это было так, зачем тебе за это прижимать ее к шкафчику?

— Парень Бет порвал с ней, — говорит Эшли, делая шаг вперед. — У нее было действительно тяжелое утро, и она просто...

Бет сердито смотрит на свою лучшую подругу, и ее послание ясно: «Заткнись к черту. Ты не помогаешь».

— Мне все равно, если твой парень порвал с тобой, или твоя собака умерла, или двигатель самолета провалился сквозь потолок а-ля «Донни Дарко». Нельзя нападать физически на другого ученика, потому что у вас плохой день!

— Я знаю. Мне очень жаль, — опускает голову Бет, и кончики ее ушей становятся алыми.

— Это то, что произошло? — обращается ко мне директор Форд.

Хмм. Давайте подумаем о моих вариантах. Я могла бы рассказать ей всю историю. Было бы относительно легко раскрыть то, что я знаю о испорченной домашней жизни Бет. Но...

Но.

Подобная информация — это валюта. Потратьте их сейчас, и они исчезнут. Кто знает, как это пригодится мне в будущем.

Я киваю, изобразив на лице достаточно эмоций, чтобы казаться смущенной.

— Да. Она смеялась надо мной. Назвала глупой. Сказала, что собирается рассказать всем, что меня оставили на второй год.

Директор Форд раскачивается на каблуках, глубоко вздыхая.

— Да, хорошо. Не имеет значения, что она или кто-либо другой говорит, не так ли? Ты знаешь правду, и это действительно все, что имеет значение.

Унижение — не та эмоция, которой мне легко подражать. После того что я пережила в детстве, а затем была тщательно, ритуально лишена своего эго Рут и Гейнор, когда впервые

приехала в «Фалькон-хаус», мне действительно все равно, что думают обо мне другие люди. Все это манипуляция, прикрытие для создания истории, в которую люди поверят обо мне. Я изо всех сил стараюсь выдать слезу. Ничто так не вызывает у людей реакцию сочувствия, как пара жирных, вовремя пролитых крокодиловых слез.

— Да, директор Форд.

— Успокойся. Ты можешь идти на следующий урок, Соррелл. Если у тебя возникнут какие-либо проблемы с обустройством, моя дверь всегда открыта. А ты... — говорит она, поворачиваясь к Бет. — Ты заработала себе задержание на неделю, и тебе запрещено идти на «Бал Гenezис» в конце месяца.

— Но директор Форд! — протестуют обе девочки.

— Я же помогаю организовать бал, — говорит Бет.

— Больше нет. Все. Иди в класс. И если я услышу, что ты снова пристаешь к Соррелл, де поможет мне Бог, если я не запрещу тебе посещать все светские мероприятия в наступающем году. Включая церемонию вручения дипломов.

Две блондинки разворачиваются и топают прочь по коридору, сердито препираясь между собой. Директор Форд больше не тратит время на то, чтобы нянчиться со мной.

— Заведи себе друзей и побыстрее, — говорит она мне. — Эти двое — гадюки. Они сделают твою жизнь здесь невыносимой, если у тебя не будет группы друзей, которые защитят тебя.

Это место еще больше похоже на тюрьму, чем я думала.

Я иду по коридору, не совсем уверенная, в какую сторону мне следует идти, и мне на самом деле все равно. Взгляды всей школы устремлены на меня, когда я спешу прочь от своего шкафчика. Мой взгляд приклеен к моим ногам. Вот почему я не вижу, как он преграждает мне путь, и я врезаюсь прямо ему в грудь.

— Вау! Иисус. Пробуешься в футбольную команду, квотербек?

Конечно, это *он*. Просто... серьезно? К черту мою удачу.

Первое, что я замечаю, это то, какой парень высокий; Тео Мерчант возвышается надо мной. Второе — это странный синий пластырь, обмотанный вокруг кончиков его указательного и среднего пальцев левой руки. Паутина тонких, посеребренных шрамов, которые веером расходятся по тыльной стороне той же руки, изгибаясь вниз неровной линией вокруг основания большого пальца.

Его волосы — цвета угля, полуночи и ночных кошмаров — укорочены по бокам, но немного длиннее на макушке, зачесаны назад тем небрежным, искусным способом, которым, кажется, овладевают мальчики, не выглядя так, будто они вообще потратили какое-то время на прическу. Его глаза цвета меда и карамели, карие, такие светлые, что кажутся полированными золотом. Линия подбородка гордая и сильная, скулы возмутительно высокие. Его нос... Черт. Раньше мне было наплевать на нос парня, но нос Тео Мерчанта прямой как стрела, и царственный. Под его правым глазом три маленькие веснушки, которые образуют почти идеальный равносторонний треугольник...

Блять.

Что я делаю? Я пялюсь, ради бога. Парень холодно улыбается мне, и сердца разбиваются по всему миру.

— Ты не должна быть здесь, — говорит он.

Несмотря на теплоту их окраски, глаза Тео внезапно становятся холодными. В глубине моего сознания отчаянно воют тревожные колокольчики, призывая меня быть начеку. Я

выстраиваю свои черты, превращая выражение лица в пустое, когда встречаюсь с этими золотистыми глазами.

— В коридоре? Я как раз направлялась в кл...

Его темные брови сходятся на переносице.

— В этой школе. — Глубокий и звучный, сила его голоса сильно поражает меня — басовый барабан стучит во впадине моей груди. Его тембр наполняет меня ужасом.

«Садись за руль, Себ. Мой член в ее гребаном рту».

Я помню, как Тео сказал эти слова в ту ночь, когда умерла Рейчел. Они прокручивались в моей голове снова и снова с той ночи. Звук их заикливания на повторе не раз доводил меня до тошноты. Теперь он говорит, добавляя новые слова в мой банк памяти Тео Мерчанта, и мой желудок скручивается по сигналу.

— Извини?

Парень фыркает.

— Это было бы уместно до того, как ты налетела на меня.

Вау. Этот парень действительно придурок. Я овладеваю собой; Рут разочаруется во мне, если не буду придерживаться плана, но все внутри меня кричит, чтобы я набросилась на этого самодовольного придурка. Причинила ему боль. Искалечила его. Унизила. Убила его. Он не заслуживает ничего лучшего. Внутренне я бушующее море, шторм, ураган высшего класса, который собьет его с ног и разорвет убудка на части. Внешне же я спокойна, как спокойный летний день.

Бросаю на него взгляд, который так усердно практиковала перед зеркалом — невинный взгляд лани: *«Я так смущена. Пожалуйста, помогите мне»*, выражение, которое превращает даже самых уравновешенных парней в идиотов.

— Прости. Я новенькая. Только что зачислена. Я не совсем уверена... что ты имеешь в виду? — я издаю нервный смешок, глядя в пол, прежде чем быстро поднять на него взгляд из-под своих темных ресниц.

Тео тупо смотрит на меня сверху вниз, не обращая внимания на мое маленькое кокетство.

— Я полностью осведомлен о твоём статусе зачисления. И полностью осознаю, почему ты здесь, и можешь забыть об этом. Зря тратишь свое время. Думала, я не запомню тебя с вечеринки?

Всплеск адреналина бьет по моим венам, взрыв необузданной энергии сужает мое внимание до точки. Блять. Я почти не видела его в ту ночь. Не помню, чтобы когда-либо разговаривала с ним. Я была с ним в машине в конце ночи, но он был так пьян...

Парень смотрит на меня сверху вниз, как Бог, наблюдающий за жалким маленьким муравьем.

— Забудь о своей маленькой миссии. Уходи сейчас. Возвращайся домой, пока еще кто-нибудь не пострадал.

Тео даже не дает мне шанса ответить на это; стук каблуков эхом разносится по коридору, звук направляется к нам, и Тео разворачивается, небрежно направляясь к узкой лестнице справа.

— Мисс Восс?

В своем ярком платье с цветочным принтом и ярких украшениях директор Форд — яркое воплощение жизни на фоне прохладных пастельных тонов «Туссена». Я полагала, что она ушла с Бет, но, по-видимому, нет.

— Ты заблудилась, Соррелл? Поначалу это место может показаться чем-то вроде лабиринта. Ну же. Позволь мне проводить тебя на следующий урок. — Женщина оказывается рядом со мной, но вместо того чтобы остановиться, подхватывает меня, обнимая одной рукой за плечо, и я увлекаюсь ее инерцией, пока она спешит по коридору.

Мне требуется мгновение, чтобы заметить, что место пустынно — коридоры очистились от всего живого в ту секунду, когда появился Тео Мерчант.

СОРРЕЛЛ

Крысы могут чувствовать опасность. И тараканы. Собаки и кошки тоже могут. Лошади особенно чувствительны к эмоциям людей, а также к погоде. Для сложных организмов нет ничего особенного в том, чтобы воспринимать что-то или кого-то как угрозу и реагировать соответствующим образом, чтобы сохранить свое собственное существование. С людьми все немного сложнее. Мы самосознательны и высокомерны; нас отвлекает наше собственное эго.

«Ах, этот шторм — суший пустяк. Я могу с ним справиться».

«Я смогу справиться с этим парнем. Я намного больше его».

«Я знаю, что делаю, ясно? Я могу совершить этот чертов прыжок!»

Ни один человек не задержался в этом коридоре, когда появился Тео Мерчант. Все до единого сбежали с места происшествия, как крысы с тонущего корабля, а я этого не заметила, потому что была слишком занята тем, что этот ублюдок вспомнил меня с вечеринки.

Я облажалась. Я серьезно в полной заднице.

Остаток дня пролетает в размытом потоке шаркающих ног и душных, непроветриваемых классных комнат, но я ничего из этого не замечаю. Мои скачущие мысли не позволяют сосредоточиться ни на чем, кроме этой единственной разрушительной информации.

Тео знает, кто я, и если он знает это, то что еще знает? В восемь, как только заканчиваю с ужином, принимая пищу в одиночестве за столом в столовой, медленно отправляя еду в рот вилкой, не чувствуя вкуса еды, и тихо крича внутри, я, наконец, запираюсь в своей комнате и звоню Рут.

— Господи, Соррелл. Прекрати эту чушь. Ну помнит он тебя по вечеринке. И что? Это ничего не значит. — Она даже отдаленно не обеспокоена, когда я заканчиваю объяснять ей свою панику. — Держись прежнего курса. Если сейчас нагадишь в штаны, то все это было напрасно.

— Не собираюсь я гадить в штаны, — шиплю я. — Я паникую не зря. Он. Знает. Кто. Я...

— И что он собирается с этим делать? Ворваться в твою комнату и указывать на тебя пальцем, крича, что ты появилась в «Туссене» только для того, чтобы убить его во сне?

— Э-э-э, да?

— Ты ведешь себя нелепо. Поспи немного. Подожди, пока я свяжусь с тобой, прежде чем предпринимать какие-либо действия против него. Я скажу тебе, когда придет время.

— А до тех пор? Что я должна делать?

— Просто посещай занятия, Соррелл! Делай свою работу. Не высовывайся.

— Рут, это...

— Разве Рейчел не сделала бы это для тебя?

Это заявление, хорошо отточенное и убийственно резкое, останавливает меня. Жестоко и зло говорить мне это, но Рут хорошо меня знает. Рейчел обязательно пришла бы сюда, чтобы отомстить за меня. Она осталась бы на прежнем курсе, несмотря ни на что. Она бы целеустремленно выполняла свою задачу, пока не достигла своей цели и Тео Мерчант не

умер.

Испускаю напряженный, прерывистый вздох.

— Хорошо. Отлично. Я продолжу. Но говорю тебе уже сейчас, Рут...

Линия обрывается.

Я долго сижу на краю своей кровати, сжимая в руках мобильный телефон, уставившись на скол в краске на плинтусе напротив меня, не в состоянии ясно мыслить. Я полагала, что Рут взбесится, когда расскажу ей, что произошло. Думала, что она придет за мной машину, сразу же придумав, как мы собираемся решать нашу проблему с Мерчантом. По крайней мере, я думала, что она разразится проклятиями. Но нет. Ничего подобного. Она была раздражена на меня — что я беспокоюсь из-за такого незначительного, несущественного поворота событий.

Я хочу вернуться домой. Сейчас для меня ничто не имеет смысла в этой ситуации. Если Тео действительно знает, кто я и зачем сюда приехала, тогда какой смысл оставаться? Как только элемент неожиданности теряется, нет никакого способа заставить цель врасплох. И кто знает, с кем он разговаривал. Если парень пошел к кому-нибудь из учителей или поговорил со своими друзьями обо мне, а потом с ним что-то случится, то я в полном дерьме. Меня увезут в наручниках прежде, чем успею сказать «преднамеренное убийство». Вчера с Гейнор я бравировала по поводу того, что попаду в тюрьму, что планировала выйти под залог и исчезнуть, как только разберусь с Тео. На самом деле я никогда не собиралась садиться в тюрьму...

В течение следующих нескольких часов в моем животе образуется холодный тугой узел. Я распаковываю чемодан, который привезла с собой из «Фалькон-хаус», сбитая с толку серыми, красными, зелеными и синими оттенками юбок, платьев и топов, чувствуя себя неправильно из-за того, что только один или два предмета одежды, которые мне дали возможность надеть, черные. Ставлю фотографии фальшивой семьи, которые Гейнор вставила для меня в рамки, на тумбочку. Расставляю по комнате маленькие безделушки и памятные сувениры, которые, по словам Рут, были бы важны для обычного старшеклассника, чувствуя себя при этом гребаной мошенницей. Эти бессмысленные маленькие безделушки ничего для меня не значат, и я не понимаю, как они могут быть важны для кого-то. Потертый маленький плюшевый кролик. Половинка золотого сердечка на тонкой филигранной цепочке. Стопка полароидных фотографий и фотоаппарат в придачу к ним. Маленькая коробочка, полная корешков от билетов в кино, с именами, написанными на обороте аккуратными маленькими черными печатными буквами:

Карла, Оливия и Спенсер.

Уэс и Карла.

Кристина, Дэнни и Карла — день рождения Кристины.

Ахмед — свидание.

Карла.

Карла.

Карла.

Все имена меняются, кроме имени Карлы. Карла, моя вымышленная лучшая подруга, которая, по мнению Рут и Гейнор, умерла в прошлом году, как и Рейчел. Не знаю, почему они это сделали. Почему в этом сфабрикованном маленьком мире, который они создали для меня, у меня должны были отнять даже моего фиктивного лучшего друга. Это кажется несправедливым. Я никогда не выказывала недовольства тому, что мне выпало в жизни. Мое

детство. Побег из приемной семьи при первой же возможности. Жизнь на улице. Вышибание из меня всего этого «любовь до гроба» дерьма, когда я впервые присоединилась к «Фалькон-хаус». Я никогда ни на что из этого не жаловалась. Жизнь чертовски трудна; ты настраиваешь себя на серьезное разочарование, если ожидаешь чего-то другого. Но почему я должна страдать даже в своей фальшивой жизни? Рут и Гейнор послали меня сюда, чтобы выполнить задание, и для этого я должна стать кем-то другим. Было бы так плохо позволить этому «кому-то другому» быть счастливым? Быть родом из счастливого места? Прожить счастливую жизнь и иметь счастливые вещи, которых можно ожидать после окончания выпускного класса? Какой от этого был бы вред?

Как будто Рут хочет, чтобы я страдала. Она никогда не любила нянчиться...

Бах! Бах! Бах!

Я роняю фотографию, которую держу в руках — мое лицо, прифотошопленное к телу девушки, которую обнимают двое смеющихся друзей, — и чуть не выпрыгиваю из кожи, услышав громкий стук в дверь моей спальни.

«Что за фигня...»

— Давай, Новенькая! Мы должны идти!

Маленькие дорожные часы, которые мне купила Гейнор, мигают мне с подоконника; уже десять тридцать. Комендантский час начинался в девять. Сейчас все должны быть в своих комнатах, заниматься или спать. Никто ни в коем случае не должен быть в коридорах, стучать в двери спален и орать во всю глотку.

Бах! Бах!

— Давай, открывай! Мы потеряем наше окно!

— Черт, Мэл, просто оставь ее, — шипит другой голос. — Какое это имеет значение?

— Это важно, потому что мы ждали этого три года, — огрызается другая девушка. — Мы теперь старшеклассники. И должны сделать это один раз. И ты знаешь правила. Все должны пойти.

Они далеко не тихие. Их голоса, вероятно, можно услышать двумя этажами ниже. Я открываю дверь спальни, уставившись на группу девушек по другую ее сторону. Никто из них не одет для сна. Однако их наряды, безусловно, сбивают с толку. Платья и короткие юбки. Топы с глубоким вырезом и бюстгальтеры пуш-ап. Целая чертова куча косметики на лицах. Но также толстые теплые куртки и меховые замшевые сапоги на толстой резиновой подошве. Они выглядят так, будто собираются в клуб, но им придется ориентироваться в субарктических условиях, чтобы добраться туда.

Девушка в начале группы с волнистыми каштановыми волосами до плеч и ярко-синими тенями для век протягивает мне руку, улыбаясь немного безумно.

— Привет, я Мэл. А ты?..

Яжимаю ее руку, приподнимая бровь, глядя на эту разношерстную команду.

— Соррелл.

— Соррелл? Ох, какое красивое имя. Хорошо, Соррелл. Приятно познакомиться. Нам нужно, чтобы ты оделась и была готова примерно через шестьдесят секунд. Мы торопимся и забыли, что на нашем этаже есть еще один новорожденный.

— Новорожденный?

Мэл отмахивается от меня, протискиваясь мимо меня в мою комнату. Вау. Она... она действительно просто чувствует себя как дома? Открыв дверцу моего шкафа, девушка начинает перебирать одежду, которую я только что повесила туда, морща нос на каждую

вещь одну за другой.

— Новорожденные — это новые ученики. Извини, думаю, это не очень дружелюбно — называть тебя так. Но это традиция. Джесс?

Одна из других девушек (которые до сих пор почтительно стояли в дверях) делает шаг вперед. Она очень невысокая и стройная. Худая как щепка. Ее темные волосы подстрижены «под пикси», а нос-кнопка слегка вздернут на конце. Девушка выглядит так, будто ее должны звать Тинкербелл.

— Сделай мне одолжение и сбегай обратно в мою комнату, хорошо? — просит ее Мэл. — Фиолетовое платье, которое я примерила первым, все еще лежит на моей кровати. Не могла бы ты принести его для меня? И плойку в ванной тоже, пожалуйста.

Джесс улыбается, выглядя взволнованной тем, что ей поручили эту работу. Она убегает, топая ботинками по коридору, а я поворачиваюсь обратно к Мэл, которая теперь наполовину погрузилась в мой шкаф, вскидывая руки в воздух.

— Что ж, я тоже рада с тобой познакомиться, но какого хрена ты делаешь, Мэл? Она смеется.

— Это «Первая ночь», тупица. — «Тупица» из ее уст звучит, как ласковое обращение.

— И я должна знать, что именно это такое?

— Начало выпускного класса. «Первая ночь» — самая легендарная вечеринка выпускного года.

— Кроме «Последней ночи», — встречает другая девушка.

Мэл корчит ей рожу через мое плечо.

— Ну, конечно, «Последняя ночь» — это грандиозная вечеринка, Ноэлани. Это же последняя гребаная ночь.

Я качаю головой, безуспешно пытаюсь избавиться от звуков последовавшей перебранки.

— Вау, вау, вау. Мне жаль. Уже очень поздно, и я... я никого из вас не знаю. И не собираюсь ни на какую вечеринку.

— Ты должна, — спокойно говорит Мэл. В ее голосе нет угрозы или злобы; она говорит это так, будто это просто очевидно.

— Мне жаль, но...

— Если не пойдешь, то будешь посторонней. Изгоем. Тем, кто считает себя... — она склоняет голову набок, в уголках ее рта появляется легкая улыбка, — ...слишком хорошей для всех нас. Считаешь, что ты лучше других учеников в этой школе, Соррелл?

Я посторонняя. И не пробуду здесь достаточно долго, чтобы изменить это, даже если пойду на какую-то дурацкую вечеринку. Считаю ли я себя лучше их? Есть много причин, почему я могла бы это сделать: мое безумно трудное детство. Тот факт, что мне приходилось работать ради каждого преимущества, которое я когда-либо имела в этой жизни. Тот факт, что все, о чем им когда-либо приходилось беспокоиться, это о том, откуда возьмется их следующее дизайнерское платье....

Нет. Ничто из этого не заставляет меня чувствовать, что я лучше их. Честно говоря, это только заставляет меня завидовать им. Слабо улыбнувшись ей, я качаю головой.

— Тогда хорошо, — отвечает Мэл. — Тогда нам нужно подготовить тебя.

— Послушай, я уверена, что все поймут. Я устала, и едва распаковала вещи, и...

Мэл выпрямляется, скрещивая руки на груди.

— Они не поймут. Они элитарные придурки с огромным эго и очень долгой памятью, в отличие от некоторых людей, которых я знаю.

Девушка смеется над этим, как будто это самая смешная вещь, которую она когда-либо слышала.

— Если ты не пойдешь, то отделишь себя от остальных. Как только ты окажешься снаружи, обратно уже не попасть. Никаких общественных клубов. Никаких свиданий, — подчеркивает она. — Совсем никаких. Любого парня, застигнутого на свидании с посторонней, автоматически исключают из футбольной команды. Команды по лакроссу. В какой бы команде они ни были... — она делает движение руками. — Их вышвырнут в любом случае. Выгонят из их углубленных проектов. Из школьных кружков. Все их друзья отвернутся от них. Это судьба хуже смерти.

— Это самое тупое дерьмо, которое я когда-либо слышала. Учителя бы этого не допустили.

— Ха! — Мэл откидывает голову назад и смеется. Похоже, она реально позабавлена моим комментарием. — Ах, черт. Конечно. У тебя все еще сложилось впечатление, что здесь заправляют учителя. Мне неприятно огорчать тебя, детка, но здесь, в «Гуссене», это не так.

— Тогда кто же управляет?

Она по-волчьи ухмыляется мне, и я понимаю, что только что попала прямо в ее ловушку.

— Тот, кто выиграет голосование на сегодняшней вечеринке, — говорит Мэл. — Один парень. Одна девушка. Вместе они будут решать, как мы будем жить в течение следующего года. Итак. Сейчас ты бы не хотела этого пропустить, не так ли?

Тупо. Так чертовски тупо.

Я должна собирать вещи и убираться отсюда к чертовой матери, а не распаковываться. Маленькое откровение Тео, сделанное ранее в коридоре, это огромный ключ к разгадке, что бы ни говорила Руг. Но я пообещала ей, что буду придерживаться прежнего курса, так что какой у меня выбор? Я не могу просто так уйти отсюда.

Понятия не имею, что Мэл имела в виду под этим голосованием, но спорить с ней кажется бесполезным, поэтому я сдаюсь. Когда Джесс возвращается с фиолетовым платьем с блестками и увесистой косметичкой, размахивая плойкой в руке, как будто это наступательное оружие, я позволяю Мэл заставить меня переодеться. Сажу очень тихо, пока она завивает мне волосы, а Ноэлани, красивая девушка с миндалевидными карими глазами, наносит макияж на мое лицо. Они жужжат вокруг меня, как маленькие рабочие пчелки вокруг своего улья, и заканчивают со мной всего за несколько минут. Я стою перед зеркалом у окна, с трудом узнавая девушку, смотрящую на меня в ответ. Она выглядит старше. Меньше похожей на привидение. Предполагаю, что это во многом связано с тональным кремом, который Ноэлани нанесла на синяки под моими глазами, но все же. Девушка в зеркале выглядит здоровой. Счастливой. Я даже не знала, что мое лицо может выглядеть так, когда я улыбаюсь. В «Фалькон-хаус» не так уж много зеркал.

Мэл отступает назад, чтобы полюбоваться делом своих рук.

— Идеально. Честно говоря, я впечатлена собой. Не каждый может творить чудеса под таким давлением.

Под давлением? Это она ворвалась сюда и потребовала, чтобы я позволила ей тыкать и пихать меня, как будто я какая-то разряженная кукла. Если кто-то и находится под давлением, так это, черт возьми, я.

Девушка доброжелательно улыбается, кладя руку мне на плечо.

— Поверь мне, Соррелл. Ты будешь рада, что пошла на эту вечеринку. И еще будешь

очень рада, что позволила мне сначала поколдовать над тобой. Я буквально твоя фея-крестная. Ну же. Нам пора идти.

«Серьезно, Соррелл. Расслабься. Расслабься! Что самое худшее может случиться?»

— Э-э-э, меня могут накачать наркотиками, изнасиловать и я умру, как ты? — бормочу я себе под нос, отвечая на звук голоса Рейчел в моей голове.

Дразнящий смех моей лучшей подруги звенит у меня в ушах, когда я спускаюсь по склону холма к темному лесу, следуя за группой незнакомых девушек, направляясь в ситуацию, которая, скорее всего, взорвется у меня перед носом.

Наше дыхание поднимается облаками тумана, вздымающимися в ночное небо. Свежий зимний воздух пахнет древесным дымом и такой холодный, что обжигает мои легкие и ноздри.

— Прости? Ты... ты что-то сказала? — Высокая, тихая девушка, идущая ближе всех ко мне, моргает на меня, как сова в темноте. Ее зовут Джулия. Ее пышные светлые волосы, заплетенные в толстую косу, спускаются по спине почти до талии.

Я качаю головой, засовывая руки в глубокие карманы зимнего пальто, которое мне подарила Гейнор. Я сказала ей, что толстая парка с капюшоном на овчинной подкладке — это перебор, но она настояла, чтобы я ее взяла. И сейчас я бесконечно благодарна за то, что сделала это.

— Просто говорю сама с собой, — говорю я. — Дурная привычка.

— Знаешь, как говорят... — Джулия смеется немного неловко. — Разговор с самим собой — это...

— Нет. Просто. Не надо.

Я слишком хорошо понимаю, что разговоры с самим собой — это первый признак безумия. Думаю ли я, что голос Рейчел в моей голове реален? Мне кажется, что меня преследует ее призрак или что-то в этом роде? Нет. Я знаю, что разговариваю сама с собой, когда провожу эти разговоры в своей голове. Я просто чертовски сильно скучаю по Рейчел. В тот день, когда она умерла, я почувствовала себя так, словно меня разорвали на части и вырвали из меня сердце. Чувство потери было слишком велико, чтобы его можно было понять. Мой разум справился с пустотой, которую оставила после себя Рейчел, единственным известным ему способом: он заполнил ее ею, как мог. Дал моей подруге какое-то подобие жизни, чтобы она все еще была со мной.

Я не перестану мысленно разговаривать с ней. Никогда. Если сделаю это, то действительно потеряю ее навсегда. А это? Я просто, блять, не смогу с этим справиться.

Бедная Джулия дрожит от резкого тона моего голоса. Она прячет подбородок в воротник куртки, так что только ее глаза смотрят на меня поверх материала.

— Все в порядке, — говорит она приглушенно. — Моя мама говорит, что разговор с самой собой — это единственный способ большую часть времени вести разумный разговор. Я понимаю. — Могу сказать по тому, как в уголках ее глаз появляются морщинки, что девушка улыбается, хотя все еще выглядит нервной. — В любом случае. Я... я должна догнать Мэл. Мой ингалятор у нее в сумочке, так что... — Она спешит к началу группы, оставляя меня плестись сзади.

Не желая рисковать еще одним моментом «*О, здорово, я снова разговариваю сама с собой*», я напеваю, чтобы голос Рейчел звучал тише — ту же мелодию, которую напевала вчера в машине с Гейнор. Подъем и спад музыки легко струятся в моем сознании, как текущая вода по руслу реки, ее звучание прекрасно и щемяще.

Оставшуюся часть прогулки я остаюсь одна. Так даже лучше. Я отстаю достаточно далеко, чтобы при желании легко ускользнуть обратно в школу; здание вырисовывается из темноты, как готический кошмар. Обширные лужайки, которые мы только что пересекли, были подстрижены в противоположных направлениях, придавая траве полосатый вид. Я следую за другими девушками, слушая, как они болтают и хихикают впереди, и чувствую, как свинцовая тяжесть давит мне на грудь. Если ожидается, что на этой вечеринке будут присутствовать все, то решение не идти было бы ошибкой. Я бы привлекла к себе внимание, особенно если бы подверглась притеснениям, как описала Мэл. За то, чтобы вписаться, приходится платить, а Рут сказала мне, что мне нужно слиться с толпой, несмотря ни на что.

Мэл ведет нас по грунтовой дороге, которая вьется вниз по склону, огибает рошу высоких деревьев и скрывает из виду «Туссен». Как только огибаем деревья, нам навстречу доносится слабый звук музыки. Сейчас, вдали от школы, так темно, что я едва вижу свою руку перед лицом. Несмотря на темноту, Мэл, кажется, точно знает, куда идет. Я спешу догнать группу, недовольно ворча себе под нос.

— Маркус будет там? — спрашивает Джессика впереди.

Мэл громко смеется.

— А как ты думаешь? Он никогда бы не отказался от бесплатной выпивки. И можешь поспорить на свою задницу, что он будет участвовать в голосовании за Главного Парня. Этот парень любит поливать людей дерьмом. И никогда не упустит возможности, чтобы все заискивали перед ним и лизали ему сапоги до конца года.

Ноэлани издает фыркающий звук; очевидно, она согласна.

— А как насчет Главной Девушки? Думаешь, Бет выиграет?

— Нет, если это будет зависеть от меня, — говорит Мэл.

— Ты же знаешь, что мы все проголосуем за тебя, — отвечает Ноэлани.

— Лучше бы так! Если только не хотите бегать по поручениям и разгребать дерьмо Бет, пока не закончите школу. Я не могу придумать ничего хуже.

Ух. Обычная школьная драма. Такого рода разделения никогда не существовало в «Фалькон-хаус». Этому никогда не позволили бы случиться. Все внутренние обиды улаживались на мате, неважно, большие они или маленькие, и вопрос не разрешался до тех пор, пока одна из нас не теряла сознание. Вы действительно должны были иметь это в виду.

Когда мы спускаемся в небольшую закрытую долину, в поле зрения появляется источник музыки: большой костер, языки пламени которого лижут чистое ночное небо. Тени безумно мечутся во все стороны, когда толпа людей перемещается и скачет вокруг, крича и смеясь во все горло. На прилегающей поляне установлены столы, уставленные едой и напитками.

Я не знаю, чего ожидала, но, черт возьми, точно не этого. Вечеринка проходит не в задней комнате бара или ресторана. Не в доме родителей какого-нибудь богатого ребенка, как это было в ночь смерти Рейчел. Даже не в каком-нибудь сарае. Это просто группа учеников «Туссена», собравшихся вокруг костра посреди поляны. На улице чертовски холодно, но как только мы оказываемся в двадцати футах от этого ревущего костра, девушки начинают снимать свои пальто и куртки, бросая их на стол, уже заваленный верхней зимней

одеждой.

Не успеваю я опомниться, как в моей руке оказывается красный стаканчик, и я с подозрением смотрю на дурно пахнущую жидкость внутри, гадая, не подмешано ли в нее то же самое дерьмо, которым нас с Рэйч угостили на той последней вечеринке. Я выливаю напиток в траву у своих ног.

— Эй, эй, эй! Не трать впустую! — Пьяная девушка, одетая в розовый топ с пайетками и белые обрезанные джинсовые шорты, выхватывает стаканчик у меня из рук. В нем почти ничего не осталось, но она проглатывает последние капли, как манну небесную. — Это дерьмо дорогое. И чертовски крепкое. Парни постарались. Зачем выливать?

Яжимаю плечами, натягивая капюшон своей парки.

— Не в настроении подвергаться групповому изнасилованию, полагаю.

Она сужает глаза до щелочек, глядя на меня, как на какого-то уродца.

— Что, черт возьми, с тобой не так?

— Ну, знаешь. Небольшая детская травма. Посттравматический стресс. Как обычно... — я замолкаю и ухожу, ухмыляясь про себя.

Чувствую себя такой далекой от этих людей. Мы одного возраста, но мы разных пород. Совершенно разные виды. Пока эти ублюдки катались на пони и кричали на фокусников, требуя более впечатляющих трюков в свой восьмой день рождения, я ела из мусорных баков. Когда им было по десять, они ездили на каникулы в Хэмптонс и набивали рты лучшими лобстерами штата Мэн. Тем временем я стояла на коленях в грязном переулке и вводила в вену «Налоксон» моему приемному опекуну Дэвиду, чтобы он, блять, не умер от передозировки.

Яблоки.

Апельсины.

Я никогда не смогу быть такой, как они.

Понять их.

Черт, даже терпеть их будет непросто.

Рут с ума сошла, думая, что я когда-нибудь смогу вписаться сюда. Я терзаюсь презрением, когда прохожу мимо собравшихся, наблюдая, как они флиртуют, смеются и поддразнивают друг друга, как будто у них нет ничего важнее, чем произвести впечатление друг на друга театральностью на дурацкой вечеринке. Я презираю их всех.

По другую сторону костра я замечаю Бет и Эш, стоящих близко друг к другу и злобно перешептывающихся. Они видели меня, и, судя по всему, действительно не рады, что я появилась здесь сегодня вечером.

«Так же, как и я, дамы. Так же, блять, как и я».

Ради бога, на Бет розовое боа из перьев. На Эш фетровая шляпа и тяжелая, тщательно продуманная подводка для глаз цвета электрик, замысловато закрученная вокруг глаз. Неужели они не понимают, как глупо выглядят?

Я добираюсь до края толпы, довольствуясь тем, что снова возвращаюсь на другую сторону, туда, где все еще стоят Мэл и ее компания, но когда оборачиваюсь, то сталкиваюсь лицом к лицу с единственным человеком, с которым не хотела сталкиваться сегодня вечером.

Его лицо лишено всякого выражения, когда Тео стоит передо мной. Тени пляшут на его царственных чертах, придавая ему дьявольский вид в свете костра. Его полные губы сжаты в безразличную линию, когда парень подносит свой красный стаканчик ко рту и делает глоток

напитка. Я ничего не говорю. Ничего не делаю. Просто позволяю ему смотреть на меня. Хотя на мне парка, и моя кожа практически закрыта до колен, я чувствую себя обнаженной под его пристальным взглядом.

— Знаешь, я тут подумал... — говорит он.

Еще одна дрожь пробегает по моему позвоночнику вверх, а затем вниз, снова вверх, и вниз; ненавижу, что такой его взгляд может вызвать у меня какую-либо физическую реакцию, даже если эта реакция — отвращение. Я ловлю себя на том, что смотрю на три темные веснушки у него под глазом. Мне приходится впиться ногтями в ладонь, чтобы заставить себя остановиться.

— Ах, мне жаль, — я надуваю губы. — Это должно быть больно.

Парень кисло улыбается мне.

— Мило.

Я пытаюсь проскользнуть мимо него, но Тео отступает в сторону, преграждая мне путь.

— Такие девушки, как ты, думают, что, блять, неуязвимы. Непоколесимы.

Склоняю голову набок.

— Забавно. Я буквально вчера сказала то же самое о тебе. И... такие девушки, как я? Ты ничего не знаешь о таких девушках, как я.

Я снова пытаюсь обойти его. Парень снова блокирует.

— Я знаю много.

— О, правда? Просвети меня, — дерзко выпаливаю я. Мое горло пульсирует от ненависти. — Что ты... — тыкаю пальцем ему в грудь. — Думаешь, ты знаешь обо мне? Я бы с удовольствием послушала, Мерчант.

Парень смотрит на точку на своей груди, прямо над солнечным сплетением, куда только что ткнула указательный палец. В выцветшей футболке ACDC с длинными рукавами и рваных черных джинсах, с растрепанными и тщательно взлохмаченными темными волосами, он выглядит так, словно изо всех сил старается не быть тем, кем является — богатым, избалованным, высокомерным ребенком с трастовым фондом и с серебряной ложкой, на милую засунутой в его задницу.

— Думаешь, что только потому, что ты страдала, мы ничего не знаем о страданиях? Ты думаешь, что наша боль бледнеет по сравнению с твоей? Твоя боль намного важнее нашей? Ты, такая уверенная в своем моральном превосходстве, со своей гребаной доктриной сиротства, со своими правилами и приказами, с этой раскаленной добела мстью, горячей в твоих венах.

Меня раздражает, что он повторяет вслух мысли, которые только что затуманили мой разум. Еще больше раздражает то, что он, похоже, действительно что-то знает обо мне. И снова дрожь паники обжигает меня изнутри.

— И что ты знаешь о моих правилах? Моих страданиях? — я выплевываю слова, выдавливая их сквозь стиснутые зубы.

Взгляд его темных глаз, почти черных в темноте, скользит от моего рта к щекам, к глазам, где задерживается и загорается. Лукавая ухмылка растягивает его рот слева.

— О, это испортило бы игру. Если ты намерена разыграть эту шутку со мной, то мы должны, по крайней мере, повеселиться, не так ли? Но... почему бы тебе не помочь мне, малышка? Когда завтра вечером доложишь всю информацию, которую собрала о ситуации здесь, в «Туссене», не сделаешь ли мне одолжение?

— Какого хрена я должна делать тебе какие-то одолжения?

Тео игнорирует вопрос.

— Спроси ее о Генри.

— Кто, черт возьми, такой Генри?

Сделав еще один глоток своего напитка, Тео пожимает плечами.

— Я это знаю, а ты должна выяснить. Спроси ее, Соррелл. — Теперь он проскальзывает мимо меня, направляясь обратно к огню, оставляя меня застывшей на месте, и вспышка гнева пронзает меня ножом прямо между ребер.

Я слеую за ним. Это неправильно, но ничего не могу с собой поделать.

— Спросить кого?

Тео не отвечает, просто продолжает небрежно пить из своего стакана, широко улыбаясь проходящим мимо людям. Беззаботность — это больше, чем я могу вынести. Схватив парня за плечо, я разворачиваю его, и темная жидкость в его стакане выплескивается, забрызгивая его рубашку. Он снова смотрит на свою грудь, теперь на мокрое пятно, которое я только что нанесла, затем медленно поднимает на меня взгляд с убийством в глазах.

— Кому, черт возьми, я должна отчитываться, Тео? Кому, черт возьми, должна задать вопросы? Как думаешь, у кого, черт возьми, есть...

— *Рут*. — Имя вылетает из его рта, пропитанное ядом — жестокий и грубый звук, который, кажется, причиняет ему боль. — Тебе знакомо это имя, не так ли?

Я отшатываюсь, одновременно уязвленная его сарказмом и ошеломленная этим именем на его губах.

— Да, я так и думал, — холодно говорит он. — Почему бы тебе не спросить свою драгоценную Рут о Генри? А когда она солжет тебе и скажет, что понятия не имеет, о чем ты говоришь? Когда прикажет делать свою работу и перестать задавать глупые вопросы? Приди и найди меня. Тогда я расскажу тебе все о Генри. Хорошо? — тяжело дышит через нос Тео, ноздри раздуваются, в его глазах мерцает опасный огонек, который не имеет ничего общего с огнем костра.

— Эй, детка. — Бет появляется из ниоткуда в облаке нелепых розовых перьев и приторно-сладких духов. Она проводит рукой по груди Тео, бросая при этом взгляд, полный крайнего отвращения в мою сторону. Затем отводит взгляд от меня и снова смотрит на него, хлопая накладными ресницами. — Ты еще даже не поздоровался со мной, детка. Где, черт возьми, ты был всю ночь?

Парень даже не смотрит на нее. Опрокидывая стакан, Тео осушает его, мышцы его горла работают, когда парень глотает остатки своего напитка. Опустошив стакан, он бросает его в огонь, не отрывая от меня взгляда. Мы больше не обмениваемся словами, но выражение его глаз говорит о многом: парень заставляет меня сделать то, что он сказал.

Тео Мерчант прочищает горло, поворачивается и стремительно исчезает в толпе людей, даже не оглянувшись.

Бет набрасывается на меня, как разъяренная гадюка.

— Держись, блять, подальше от Тео, сука. Он мой, и каждый, у кого здесь есть хоть капля мозгов, знает это. Не знаю, кто, черт возьми, сказал тебе это дерьмо о Лэнсе, но это неправда. И если хотя бы даже подумаешь о том, чтобы опубликовать какие-либо фотографии, или видео, или... или... или что-то еще, тогда да поможет мне Бог...

Я смеюсь прямо ей в лицо.

— Бет, если я решу сделать что-нибудь в этом роде, то даже Бог не сможет тебе помочь. Сука.

Эти мелкие игры ниже моего достоинства. Общение с такими, как она, унизительно на всех возможных уровнях. Я ненавижу, что меня втягивают в это, но претенциозность этой девушки действует мне на нервы.

Ее лицо искажено яростью, когда Бет наклоняется ко мне, чтобы прошептать, повторяя те же действия, которые я предприняла с ней в коридоре этим утром.

— Мой отец никогда не позволит этому дерьму выйти наружу, ты, глупая маленькая сучка. Что, ты думаешь, он просто будет сидеть сложа руки и позволит тебе выболтать что-то подобное широкой публике? — Бет обхватывает рукой мое предплечье, усиливая хватку, пытаясь впиться ногтями в мою кожу, но, черт возьми, на мне толстая куртка. — Мой отец подаст на тебя в суд за каждый пенни, который стоит твоя семья. Он заберет все. И я имею в виду все.

Очень размеренными, осторожными движениями я кладу свою руку поверх ее и убираю ее со своей руки, сморщив нос, как будто нахожу прикосновение к ней отвратительным. И это не игра.

— Самое прекрасное в том, чтобы ничего не иметь, это то, что никто не сможет отнять это у тебя, Бет. Когда у тебя нет ни вещей, ни денег, ни репутации... ты свободен. Я знаю, что это чуждая тебе концепция, но это действительно освобождает. Твой отец не сможет уничтожить меня, милая. Я — ничто. Нечего разрушать.

Она что-то выплевывает мне вслед, когда я ухожу, но я даже не утруждаю себя тем, чтобы слушать. Шоу, которое она только что устроила, было жалким, и думаю, Бет это знает. *Тео Мерчант — мой*. Хах! Парень даже не заметил ее существования. Если бы он не был ответственен за смерть моей лучшей подруги, и меня не послали сюда, чтобы сломить его, я бы постаралась убедить этого ублюдка влюбиться в меня, просто чтобы наказать ее.

— Хорошо, ребята. Момент, которого вы все ждали, настал! — По другую сторону костра высокий парень с волнистыми каштановыми волосами стоит на стопке поддонов, держа над головой бутылку текилы. Делает большой глоток из бутылки, а затем брызгает жидкостью изо рта, посылая огненную дугу, поднимающуюся от пламени. Все как один замолкают, поворачиваясь к нему лицом.

— Соррелл! Соррелл, Господи Иисусе, девочка. Я искала тебя повсюду, — Мэл внезапно оказывается рядом со мной. Она кладет руку мне на поясницу, подталкивая меня вперед. — Давай. Ты должна пойти со мной.

Громкая басовая музыка, доносящаяся из динамиков, установленных на линии деревьев, резко обрывается, когда Мэл уговаривает меня вернуться к девушкам с моего этажа. Я позволяю подтолкнуть себя, все еще разгоряченная разочарованием из-за взаимодействия с Тео и слов, которыми я обменялась с Бет.

— Сними куртку, ради всего святого, — настаивает Мэл.

— Холодно, — говорю я категорично. — Я даже не хочу быть здесь. А еще меньше хочу стоять здесь в одном крошечном платье.

— Это не предложение. — Мэл разочарованно вздыхает. — Слушай. Нам нужно, чтобы нас заметили. Нам нужно, чтобы выбрали одну из нас, ясно? Если мы не произведем впечатления, нам всем крышка.

Черт возьми. Мое терпение по отношению к этому лошадиному дерьму на исходе. Клянусь, все, что я делала с тех пор, как они постучали в дверь моей спальни, это задавала вопросы, и ни на один из них не получила удовлетворительных ответов.

— Выбрали для чего? Главной Девушкой?

— Ты все увидишь. Черт, просто сними пальто! Пожалуйста! Я буквально умоляю тебя. Они не выберут тебя, я обещаю. Из всех людей здесь... — Она выпускает еще один вздох. — Нам просто нужно...

— Хорошо. Как вы все знаете, меня зовут Себастьян Уэст! — выкрикивает парень с бутылкой текилы и склонностью к пиротехнике. — Восемь лет назад мой брат Джаред создал инаугурационные ритуалы «Первой ночи», и с тех пор они ежегодно продолжаются. Сегодня для меня величайшая честь и привилегия продолжить эту традицию. Мы все долго ждали этого, ребята, так что без лишних слов давайте начнем шоу.

Я смотрю на старшеклассников академии «Гуссена», оцепенев до глубины души, пораженная выражением волнения на их лицах. Я слышала о подобном дерьме. Студенты колледжа пьют мочу друг друга и клянутся на крови, прихлебывая пиво гольшом и разбивая собственные руки о двери, чтобы доказать свою приверженность братствам. Я ни на секунду не думала, что такая выставка неандертальцев будет проходить в гребаной старшей школе. Тем более в такой претенциозной и эксцентричной, как «Гуссен».

— Первый пункт повестки дня — выбор парня. Дамы! Построиться! Вы все знаете с выборе. Вы пришли сюда, одетые во все самое лучшее, готовые и жаждущие победы.

— Какого хрена я здесь делаю? — огрызаюсь я.

— Тсс! О боже мой, — Мэл резко толкает меня локтем в бок. — Знаешь что? Ты здесь, — шипит она. — Этого достаточно. Тебя не выберут. Оставь эту уродливую куртку, мне все равно. Только не испорти это для всех нас, ладно? Стой там и держи рот на замке.

Несмотря на все ее загоны и толчки, до сих пор девушка была довольно мила со мной. Честно говоря, не думаю, что она действительно сердится на меня. Мэл выглядит больше... обеспокоенной. Что, я, в свою очередь, тоже нахожу очень тревожным. Что, черт возьми, должно произойти?

— Парни,стройтесь в линию по другую сторону костра. Девочки коллегиально выбирают первыми!

Женский контингент собравшихся послушно выстраивается в очередь, нервно переговариваясь, на лицах у всех заговорщицкие улыбки. Даже Бет и Эш выглядят нетерпеливыми, когда пробиваются к началу очереди, которая окружает огонь, расталкивая своих одноклассников со своего пути.

— Две минуты. Это все! — кричит Себастьян. — Если к тому времени вы не придете к консенсусу, мы бросим жребий и выберем за вас. Вы знаете правила!

Откуда все эти люди знают, что, черт возьми, происходит прямо сейчас, а я нахожусь в полном неведении?

«Я думаю, это довольно волнующе», — шепчет мне на ухо воспоминание о Рейчел.

Конечно, она бы так подумала. Рейчел всегда так завидовала тому, что другие дети учатся в старших классах. Всегда сожалела о том, что никогда не играла в дурацкие школьные игры. Что никогда не гонялась за титулом «Королевы школы». И что никогда и никто не приглашал ее на выпускной. Ей всегда казалось, что она так много упустила. Я же была в восторге от того, что избежала пыток таких архаичных подростковых конкурсов популярности. Рэйч смеялась надо мной за это и называла занудой.

— Лахлан Тейлор, — шепотом кричит девушка рядом со мной.

— НЕТ! — Хор криков отзывается в ночи.

— Что за черт? Ни за что не будем выбирать Лахлана. У него монобровь. А его отец владеет сетью продуктовых магазинов, — бормочет Ноэлани.

Семья Лахлана, владеющая сетью продуктовых магазинов, должно быть, вызывает у девочек отвращение; некоторые из них кивают в знак согласия, морща носы.

— Я голосую за Джастина Ратерса. Он накачанный, — предполагает Мэл. — Слышала у него огромный член.

Эш закатывает глаза.

— Почему мы тратим наше время на это? Мы все знаем, кого выберут.

— Точно, — складывает руки на груди Бет, подчеркивая свое весьма значительное декольте. — Нам нужно поторопиться. Если не выберем быстро, они сделают выбор за нас, а я, блять, не буду трахаться с Заком Ричмондом. У него отвратительная кожа. Никогда раньше не видела столько прыщей у чувака.

— Кто сказал, что они выберут тебя? — спрашивает другая девушка.

— Да. Почему ты думаешь, что тебя выберут? — добавляет кто-то слева от меня.

Бет закатывает глаза.

— Приди в себя. Ты действительно думаешь, что хоть один из них предпочел бы одну из вас мне? О, пожалуйста.

Я моргаю, переводя взгляд с Мэл на Эш и Ноэлани.

— Прошу прощения? Кто-то с кем-то должен трахаться?

Через три девушки справа от меня, тихая Джулия с толстой косой наклоняется вперед, бросая на меня предупреждающий взгляд, прижимая палец к губам. Она хочет, чтобы я помолчала, но не знаю почему. Ничто из этого не имеет ни малейшего гробаного смысла, и я вот-вот достигну предела своего терпения.

— Закрой свой рот, Новорожденная, — шипит Эш. — Тебе здесь даже не рады. Никто не просил тебя приходить.

— Я просила ее прийти, — парирует Мэл. — Она имеет такое же право быть здесь, как и любой другой.

Эш выглядит так, словно вот-вот бросится на Мэл и начнет царапать ей лицо.

— ХВАТИТ! КТО-НИБУДЬ, СКАЖИТЕ МНЕ, ЧТО, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ПРОИСХОДИТ ЧЕРТ. Я не хотела кричать так громко. По другую сторону костра парни, разговаривающие между собой так же, как и мы, разразились градом смеха.

— Мы должны выбрать одного из них, — натянуто говорит Эш. — А потом этот парень выбирает одну из нас. Эти два человека трахаются на глазах у всех нас. Вот так просто. Это весело. Горячо. Это обряд посвящения. Теперь у нас мало времени. Нам нужно выбрать кого-нибудь, или они выберут своего самого отвратительного девственника, чтобы оскорбить одну из нас, и мы ничего не сможем с этим поделать.

— М-м-м, мы могли бы сказать... нет?

Девушки смотрят на меня так, словно я сошла с ума.

— Так все. Я выбираю за нас, — заявляет Бет. Прежде чем кто-либо успевает остановить ее, она выходит вперед и кричит: — **МЫ ВЫБИРАЕМ ТЕО МЕРЧАНТА!**

Среди девушек раздается коллективный крик, но он в лучшем случае слабый, нерешительный. У меня такое чувство, что Тео должен был быть выбран, несмотря ни на что. По другую сторону костра в группе мальчиков слышится рев — звучит как не что иное, как победный клич.

— Я, блять, сваливаю отсюда, — я отступаю назад, решив покончить с этой ерундой, пока она не стала еще более нелепой, если это вообще возможно, но руки хватают меня со всех сторон, удерживая на месте.

— Тебе не о чем беспокоиться, Соррелл, — говорит Мэл. — Как я уже сказала, тебя здесь никто не знает. У тебя нет никакого влияния, и ты выглядишь как чертов квакер, одетая в это пальто. Просто оставайся на месте. Позволь нам разобраться с этим. Через минуту все закончится, и ты сможешь спрятаться в своей комнате.

Это не значит, что я не могу вырваться на свободу и убежать. В мой худший день это было бы легко. Но в глазах Мэл светится мольба. По какой-то причине это отчаянно важно для нее. Это важно для всех остальных здесь, и, похоже, я наживу много врагов, если уйду.

Хотя не могу придумать ничего хуже, чем наблюдать, как Тео Мерчант трахает одну из этих девушек. Мои воспоминания о той ночи, когда умерла Рейчел, настолько расплывчаты и фрагментарны, что я даже не могу вспомнить, была ли она с ним или нет, но нутром чувую, что была. Он ей нравился. Рэйч флиртовала с ним всю ночь. Прежде чем все стало по-настоящему туманным и мои воспоминания о той вечеринке начали расплываться, я помню, как Рэйч взяла его за руку и повела вверх по лестнице...

— Наш мальчик Тео! Хороший выбор, дамы! Мы все знаем, какими мокрыми Мерчант делает вас всех. — Хриплый смех наполняет воздух, когда мальчики начинают собираться вокруг костра, присоединяясь к нам на нашей стороне пламени.

Себастьян по-прежнему возглавляет собрание. Даже без поддонов, на которых можно стоять, он кажется гигантом среди моря людей. Парень стоит перед шеренгой девушек, расстегивает свою черную рубашку, снимает ее и вешает на ветку дерева. Его грудь набита мышцами, живот — стена накачанного пресса. Если бы я увидела его на улице, от подумала бы, что он красавчик; этого нельзя отрицать. Прямо сейчас, его дерзость, когда Себастьян расхаживает взад и вперед мимо ряда девушек, вызывает у меня желание врезать ему по горлу.

Выбранный парень, присоединившийся к нам, выхватывает бутылку текилы из рук Себастьяна и подносит ее к губам. Я смотрю, как янтарная жидкость вытекает из стеклянной тары, пока Тео делает большой глоток. Он не выглядит особенно счастливым, оказавшись в таком положении, но парень все еще здесь. Все еще смирившийся с необходимостью выполнить этот вызов.

— Осторожнее, сынок! — издевается Себастьян. — Накачаешь себя до состояния вялого члена, если не будешь осторожен. Ты же не хочешь испортить шоу для всех нас, не так ли?

Тео корчит ему гримасу, обнажая зубы.

— Пошел ты, чувак. Мой член будет в полном порядке.

— Это глупо, — бормочу я.

— Ш-ш-ш, — подходит ко мне сзади Джессика и кладет свою руку в мою, переплетая наши пальцы вместе. Она крепко держится за меня, молча сжимая. Девушка выглядит так, будто хотела бы что-то сказать, но, думаю, время для этого прошло.

Тео начинает расхаживать взад и вперед вдоль очереди, небрежно поглядывая на каждую девушку. Останавливается перед Мэл, которая заметно краснеет под его пристальным взглядом. Но парень идет дальше. Один за другим он прокладывает себе путь вдоль шеренги. Когда подходит ко мне, останавливается и смотрит мне прямо в глаза. Мое сердце бьется, как поршень.

Я ни за что не буду трахаться с этим монстром.

Ни в коем, блять, случае.

Его глаза похожи на два горящих угля, когда Тео снова подносит бутылку текилы ко рту и пьет...

...а затем продолжает движение вдоль ряда.

Парень оценивает каждую девушку в очереди, но больше не останавливается.

Затем начинает с начала очереди. Смотрит на Эш, на Бет, еще на трех девушек, потом на Мэл, на Джессику, а потом на меня...

И останавливается.

Пронзает меня насквозь таким жгучим и пристальным взглядом, что я чувствую его жар и гнев до самых костей.

Парень снова подносит бутылку ко рту и пьет. Свет от огня играет на тыльной стороне его ладони, подчеркивая паутину слабых шрамов, которые отмечают его кожу там. Его взгляд остается прикованным ко мне, пока он глотает снова и снова. Я чувствую, как кровь приливает к моим щекам. Тео Мерчант — не просто какой-то семнадцатилетний старшеклассник. Нет, он гораздо больше этого. Он огонь, и лед, и водоворот хаоса между ними, и то, как парень смотрит на меня, заставляет меня почувствовать, что земля вокруг меня раскаляется, и все остальные падают... проваливаются... исчезают в пустоте.

Я ненавижу его.

Он монстр, и я не могу отвести взгляд. Отвести взгляд означало бы позволить ему победить.

Тео передает бутылку мне, и я беру ее без колебаний, осушая последние несколько глотков, просто чтобы подразнить его. Назло ему. Чтобы показать ему и всем остальным присутствующим здесь, что я его не боюсь. Алкоголь обжигает, как адский огонь, когда проносится по моему горлу, поджигая мой желудок.

— Э-э-э... — Себастьян звучит растерянно. — Это... э-эм, она твой выбор, чувак? — спрашивает он.

Взгляд Тео пронзает меня насквозь, пригвоздив к месту. Если парень хотя бы кивнет головой прямо сейчас, то я вырублю этого ублюдка на месте. Я не допущу, чтобы он дотрагивался до меня. Не потерплю его...

Горький смех вырывается из него, громкий, полный презрения.

— Нет, чувак. Не будь гребаным идиотом, — выхватывает у меня бутылку Тео, разворачивается и запускает ее в огонь.

— Тогда решайся! — требует Себ.

Тео проводит языком по зубам, снова оглядывая шеренгу девушек. Снова смотрит на меня, когда говорит:

— Ни одна из них недостаточно горяча, чтобы трахнуть. Я ухожу.

Бет делает шаг вперед, приоткрывая рот.

— Но...

Лицо Тео превращается в маску презрения, когда он поворачивается к ней.

— Что «но», Джонсон?

Девушка бледнеет. Как бы сильно я ее ни ненавидела, мне почти жаль ее, когда Бет отступает на свое место.

— Ничего.

— Так я и думал, — Тео разворачивается, поворачиваясь спиной к ряду девушек.

Я смотрю, как он уходит. Черная футболка, черные волосы, черные джинсы. Этот парень создан из тьмы. Неудивительно, что он растворяется в ночи, исчезая всего через шесть или семь шагов.

Себастьян выглядит так, словно вот-вот взорвется, словно у него на кончике языка,

прямо за стиснутыми зубами, вертится тысяча ругательств, но вместо того чтобы выпалить их Тео, он резко выдыхает и натягивает на лицо насмешливую улыбку.

— Мерчант снова хочет испортить нам веселье. Здесь нет никаких сюрпризов. Хотя ничего страшного. Все в порядке. Без разницы. Если он не может быть мужиком и выполнить свою работу, тогда, думаю, мне просто придется сделать это за него.

Его заявление вызывает самые разные реакции, начиная от удивления и раздражения у некоторых учеников «Туссена» и заканчивая головокружительным волнением у пары девушек.

Себ выходит вперед и занимает место Тео. Он не тратит время впустую, расхаживая взад и вперед вдоль очереди, как это делал Тео. Парень тут же берет Эш за руку и тянет ее вперед. Глаза Эш расширяются, шок отражается на ее лице, когда Себастьян притягивает ее к себе.

Бет издает холодный лающий смешок.

— Да, Эшли! Ты наконец-то трахнешься!

— Я... я не могу! — говорит Эш. — Я... — Она оглядывается на Бет, качая головой.

— Ты отказываешься? — спрашивает Себастьян.

— Нет! Она не отказывается, — говорит Бет.

Рядом со мной Джесс вздыхает так тихо, что только я могу ее услышать.

— Если она откажется... — шепчет она. Однако не заканчивает предложение.

— Что? Что тогда произойдет?

— Они никогда не позволят ей пережить это. Она проведет остаток года, подвергаясь насмешкам и нападкам.

— Так... точно так же они теперь собираются поступить с Тео?

Джесс уклончиво пожимает плечами.

— Наверное?

Свет от костра изгибается и смещается, отбрасывая уродливые тени на черты Себастьяна, когда он прищуривается, глядя на Эшли.

— Так что, Эш? Хочешь немного повеселиться, или ты куриное дерьмо, как Мерчант?

— Я... я... — Эшли снова смотрит на Бет, которая бросает на свою подругу убийственный взгляд.

— Ты ставишь в неловкое положение себя и меня, — шипит Бет. — Это просто глупый вызов. Это ничего не значит.

Эшли неловко обнимает Себастьяна за талию, улыбаясь.

— Я не куриное дерьмо. Я в деле. Но... есть еще текила?

Улыбка Себастьяна становится шире. Он гладит задницу Эшли через ее короткую юбку, утыкаясь лицом в ее шею.

— Конечно, детка. Следуй за мной.

Не могу себе представить, что ученики этой убогой школы могут сделать с Эшли в течение следующего года, что может быть хуже, чем позволить этому самодовольному ублюдку трахнуть ее на глазах у всех. Однако у Эшли, вероятно, есть какая-то идея, и она готова скорее принять участие в этом ритуале, чем столкнуться с последствиями.

Затем все происходит очень быстро. Себ протягивает Эш новую бутылку текилы, и она пьет, делая четыре больших глотка, прежде чем вернуть ее. Пьяная бравада. Как только Себ забирает у нее бутылку и передает ее одному из своих друзей, то набрасывается на Эш, как демон. Его рот обрушивается на ее рот, и рев наполняет мои уши. Старшеклассники

«Туссена» сходят с ума.

Эш растворяется в нем, как хорошая девочка. Когда Себастьян агрессивно блуждает руками по всему ее телу, она расслабляется, изгибаясь навстречу ему, улыбаясь в его открытый рот, когда парень проводит языком по ее верхней губе. Внезапно девушка больше не выглядит такой нерешительной.

На меня накатывает волна тошноты.

Этого не может быть на самом деле, не так ли?

Это то, что случилось с Рейчел? Тео принудил ее к какому-то развратному половому акту и позволил всем своим друзьям-мудакам наблюдать? В ночь той вечеринки они играли в ту же отвратительную игру? И могла ли я забыть нечто подобное, даже если бы меня накачали наркотиками?

Я не могу сказать наверняка.

Все больше алкоголя передается от человека к человеку сквозь толпу. На этот раз я не отвергаю его. Мои внутренности словно кипят в кислоте. Кажется, меня сейчас вырвет. По мере того, как беру бутылку за бутылкой, делая глоток из каждой, жар алкоголя медленно усиливается, делая меня все более и более онемевшей по мере того, как я пьянею.

У костра Себастьян нетерпеливо раздевает Эш догола. Парень что-то говорит ей, шепчет на ухо, и она отталкивает его, упиравшись руками в его футболку и смеясь. Девушка качает головой, и он кивает, твердо глядя на нее, наклоняясь, чтобы снова заговорить ей на ухо. Эш смотрит на него снизу-вверх, придавая своему лицу притворно серьезное выражение, затем медленно кивает. Я не слышу, что она говорит, но...

Затем Эш стягивает его рубашку через голову. Расстегивает его ремень. Затем смеется, легкомысленная и невероятно застенчивая, когда расстегивает его джинсы и стягивает их с бедер.

— Господи Иисусе. До меня доходили слухи, что он не носит нижнего белья. — Глаза Мэл становятся огромными, когда она смотрит на член Себастьяна Уэста.

Я не слышала, как она подошла и встала рядом со мной. Даже не заметила, когда Джесс отпустила мою руку; девушка словно растворилась в воздухе.

Пытаюсь сфокусировать взгляд на скандальной ухмылке Мэл, но это невозможно.

Член Себа стоит гордо и прямо, твердый, как сталь, в теплом свете, отбрасываемом огнем. Он проводит рукой по руке Эш, сжимая ее бицепс, притягивая девушку к себе, и она охотно идет к нему. Все девушки смотрят на это с ревностью, ярко горящей в их воспаленных глазах, и меня охватывает приступ тошноты. Я не могу понять этих людей. Не могу осознать, почему они все просто стоят здесь в своих маленьких группах, жаждущие увидеть больше. А самое главное, не понимаю, почему я все еще смотрю.

Себ целует Эш, прижимая ее обнаженную грудь к своей груди. Ее кожа похожа на полотно, а оранжевое сияние, отбрасываемое огнем, танцует по всей задней части ее ног и ягодиц. Мышцы на руках Себа напрягаются, когда он обхватывает ими тело Эш — я не заметила татуировок на его плечах и груди, но вижу черные чернила, растекающиеся веером по его коже, когда парень разворачивает ее, отворачиваясь от меня и других зрителей, подставляя нам свою спину.

Эш задыхается, затаив дыхание, когда он скользит рукой между ее ног, раздвигая их, и проводит там пальцами...

— Ну, твою мать, — бормочет Мэл, опрокидывая напиток в рот. — Последний парень, который трогал мою киску понятия не имел, что он делает. У Уэста, похоже, нет никаких

проблем. Не сомневаюсь, что у Тео тоже.

— О, уверена, что у него было много практики. — Злоба сочится из каждого моего слова.

Мэл хмыкает, качая головой.

— Тео? Ха! — она грызет ноготь большого пальца, не сводя глаз с руки Себастьяна, все еще работающей между ног Эши. — Возможно. А может, и нет. Думаю, ты была бы удивлена.

— Что это значит?

Себастьян погружает пальцы в Эш, постепенно вводя и выводя их из нее. Парни воют и выкрикивают непристойности в адрес своего друга, подбадривая его, подстрекая, и моя потребность в рвоте усиливается до мучительного уровня.

— Тео никогда ни с кем из нас не встречался, — говорит Мэл. — Независимо от того, как сильно некоторые из нас старались, он никогда никого из нас никуда не выводил. Никогда ни с кем из нас не флиртовал. Ни разу даже не взглянул дважды ни на кого из нас.

Эта новость меня удивляет. Я помню, как Рейчел стонала на заднем сиденье машины в ночь вечеринки, на которую мы ходили в прошлом году. Я не могу быть уверена, что происходило между ними, но звучало так, будто все становилось горячо и интенсивно. Может, у Тео Мерчанта политика «не сри там, где ешь»? Или может, у него просто высокие стандарты?

Эта мысль чуть не заставляет меня громко рассмеяться. Не могу себе представить, чтобы у него вообще были какие-то стандарты. Ублюдок.

Себастьян откидывает голову назад, когда Эш берет его член и начинает двигать рукой вверх и вниз, обрабатывая его толстую длину на всеобщее обозрение. Его рот приоткрывается, и я наблюдаю, как шевелятся его губы, какое-то тихое произнесенное проклятие срывается с его губ, и выражение экстаза на лице парня, наконец, толкает меня через край.

Это место такое хреновое.

Ничто не похоже на правду. На каждом шагу кажется, что мне сообщают только половину фактов, и не только Мэл, но и Тео. И Рут. Черт возьми, Тео знал, кто она такая. Егс требование, чтобы я спросила ее об этом человеке, Генри, свидетельствует о том, что здесь происходит нечто большее, чем кажется на первый взгляд, и я ни за что не стану что-либо предпринимать, пока не выясню, что это такое.

— Я должна вернуться, — прижимаю тыльную сторону ладони ко рту. — Я не могу... я, блять, не могу на это смотреть. Меня тошнит.

Мэл тихо смеется, когда изучает меня, выгибая бровь.

— Ты ханжа, детка? Это ерунда. Ты что, никогда не смотрела порно?

Это не ее чертово дело. Я едва знаю ее; и не собираюсь рассказывать ей что-то настолько личное.

— Это немного отличается от просмотра порно.

— Серьезно? — ухмыляется она. — Это просто секс. Одна версия на экране. Эта версия просто... прямо перед тобой. Не вижу в этом проблемы.

— Это... это просто смешно! — Мои щеки слишком горячие.

— Тогда давай. Если ты так плохо проводишь время, тебе нужно убедиться, что Себастьян видел тебя как следует в последний раз, прежде чем уйдешь, — Мэл берет меня за руку и пытается подтолкнуть вперед.

Однако я позволяла ей толкать и тащить меня всю ночь. Позволила ей наряжать меня и накрасить лицо. Я позволила ей убедить меня прийти сюда вопреки здравому смыслу. С меня хватит.

Высвобождая руку, я упираюсь каблуками, отказываясь сделать еще один шаг.

— В задницу Себастьяна!

— Уверена, что это можно устроить. Себастьян будет трахать все, что движется. Как только он закончит с Эш...

— О, боже мой. Послушай, просто остановись! Я пришла сюда не за этим! Я переехала через всю чертову страну не для того, чтобы прыгнуть ногами вперед в какой-то странный секс-культ.

— Нет. Ты приехала сюда, чтобы закончить свое среднее образование, окончить школу и начать свою жизнь. Как и мы все. Но в жизни есть нечто большее, чем написание рефератов и поддержание среднего балла, Восс. Разве ты не хочешь немного повеселиться? — вскидывает руки Мэл, смеясь, и я вижу, что это написано у нее на лице: Мэл действительно верит в то, что говорит. С ее точки зрения, в этом действительно нет ничего плохого.

— Себастьян знает, что я была здесь, — устало говорю я. — Он видел меня много раз. Я, блять, иду спать.

На этот раз Мэл не пытается остановить меня. Когда поворачиваюсь и ухожу, толпа ликует, и я знаю почему: Эш на спине, а Себастьян внутри нее.

СОРРЕЛЛ

Мне здесь не нравится. Воздух слишком чист, небо слишком серое. Облака висят слишком низко, нависая прямо над линией деревьев, заслоняя горы на другой стороне озера. Я смотрю на вид из окна, возмущаясь чистотой всего этого, скучая по хаосу Лос-Анджелеса, в то же время, не видя ничего из этого вообще.

Тео, стоящий у костра.

Эти темные, непроницаемые глаза.

«Ради всего святого, Восс. Возьми себя в руки».

Качаю головой, стирая из памяти образы вчерашней вечеринки. Я больна, искалечена и сломлена. Я никогда никого не презирала так сильно, как Тео, но оба раза, когда я была в его присутствии, внутри моего тела происходило что-то странное. То, как переворачивается мой желудок. То, как мои ладони становятся липкими. Черт, как мое сердце начинает выпрыгивать из груди, как бешеный барабан. Я не могу ничего из этого объяснить. Моя реакция на него не имеет ничего общего с тем, как сильно я его ненавижу. Это не то, что я испытываю, когда нахожусь в его присутствии, и это кажется таким чертовски неправильным.

Я не должна думать о Тео. Единственный раз, когда должна позволить ему проникнуть в мои мысли — это когда планирую его гибель, но...

Жестокий изгиб его рта, когда парень стоял там, ухмыляясь мне.

То, как двигались мышцы его горла, когда он пил из бутылки текилу...

Давление его руки на мою руку, когда парень остановил меня, чтобы я не ушла...

Его запах, наполняющий мои чувства — мята и бергамот. Слабый намек на кожу...

Черт побери.

«Господи, помилуй, я так облажалась».

Качая головой, прижимаю телефон к уху, слушая мурлыканье мелодии звонка, покусывая внутреннюю сторону щеки. Я боялась этого звонка, но он должен быть сделан. Я должна отзваниваться Рут каждый вечер в восемь, но никак не могу продержаться целый день, когда все это дерьмо крутится у меня в голове. Тео сказал мне спросить ее о Генри. Хотя я не хочу доставлять ему удовольствие делать именно то, что он приказал, мне также нужно знать, что, черт возьми, здесь происходит, и нужно знать прямо сейчас.

Я приехала в «Туссен», думая, что у меня на руках все карты, хотя на самом деле Рут послала меня в логово льва, безоружную и плохо подготовленную. Если есть какая-то связь между Тео и Рут, то это жизненно важная информация, которую я должна знать. Если и когда с ним что-нибудь случится, я буду самым первым подозреваемым в списке полиции, если в прошлом Тео есть хоть что-то, что могло бы связать его с Рут.

Идут гудки.

Я вешаю трубку и звоню снова, и на этот раз звонок сразу переходит на голосовую почту.

Отлично. Теперь Рут отклоняет мои звонки.

Что это значит? Знает ли она, что я снова разговаривала с Тео, и что я чертовски зла из-за миссии, на которую она меня послала? Не может знать. И все же что-то шевелится у меня

в затылке, разъедаая меня изнутри. Вчера вечером Рут так странно разговаривала по телефону. Резко и зло, даже для нее. Положив телефон на тумбочку, я собираю сумку на день, хватаю книги, которые мне понадобятся для занятий.

«*Лучше поторопись, Восс*», — фальшиво напевает Рейчел мне на ухо. — «*Ты опоздаешь*».

— Знаю, — огрызаюсь я в ответ. — Если бы не думала о том, что ты сказала бы мне сделать прошлой ночью, то я бы никогда не пошла с теми девушками, и не мучилась прямо сейчас.

Я все еще терзаюсь мыслями о Рут и Тео, когда выбегаю из своей комнаты... прямо в одну из девушек с прошлой ночи. Слава святому милосердному ублюдку, что это не Мэл. А симпатичная блондинка, Ноэлани. Я не уделяла ей слишком много внимания прошлой ночью, но девушка похожа на одну из моих старых подруг из Лос-Анджелеса. Выгоревшие на солнце волосы. Ярко-голубые миндалевидные глаза. Веснушки на переносице. Это действительно сверхъестественно. Мне нравится эта девушка, хотя я ничего о ней не знаю. Она улыбается мне, одаривая дружелюбной улыбкой, когда я резко останавливаюсь, чтобы не врезаться в нее.

— Привет, — говорит она. — Ты тоже, да?

— Что тоже?

— Проспала будильник? Клянусь, всего один раз отложила его, и вот я здесь, в трех секундах от того, чтобы получить выговор. — Ее рубашка с принтом индийской спирали помята. Под глазами темные тени скрываются под плохо нанесенным тональным кремом. Теперь, когда пригляделась к ней поближе, девушка выглядит так, словно только что встала с кровати.

— Я так понимаю, ты осталась на шоу прошлой ночью? — дразню я ее. В то же время мне также претит мысль о том, что она решила остаться и стать свидетельницей представления, которое устроили Себастьян и Эш.

Ноэлани пару раз моргает, глядя на меня, как будто пытается понять, о чем, черт возьми, я говорю, но затем выражение ее лица мрачнеет. Она изучает меня взглядом, который я могу назвать только любопытным.

— Да. Точно. Прошлая ночь. Вечеринка. Ты ушла прямо перед тем, как все началось, не так ли? — хмурится девушка.

— Эм... ну, я бы сказала, что к тому времени, как я ушла, все было в полном разгаре, но, думаю, можно сказать и так.

— Но у тебя ведь не было неприятностей, не так ли?

— Что значит «неприятности»?

— Примерно через пятнадцать минут после того как ты ушла, спустилась группа охранников и разогнала нас. Люди бросились обратно в школу через лес, но директор Форд ждала у главного входа, когда они вошли в двери. Я зашла через заднюю дверь с Мэл и некоторыми другими, но целая куча людей попалась.

— Черт.

— Да. Черт. Себастьян в ярости. Он думает, что кто-то сдал нас ночной охране, но все были на вечеринке. Кроме... — замолкает Ноэлани.

Я уже поняла, к чему это ведет, и мне это ни капельки не нравится.

— Кроме меня, — заканчиваю я за нее.

Ноэлани кивает.

— Да, хорошо. Не думаю, что Себ понимает, что ты ушла раньше. Мэл, Джулия, и я... Думаю, мы единственные, кто знает.

— Я никому ничего не говорила. Я сразу же вернулась сюда. По дороге не видела ни души. Когда вошла, внутри было темно. Директора Форд нигде не было видно.

Ноэлани смотрит мне прямо в глаза, ее песочные брови сходятся вместе.

— В самом деле? Это была не ты?

— Клянусь. Я подумала, что все это было глупо. Не хотела в этом участвовать. И ушла. На этом все. Однако я бы никогда не побежала к охранникам, чтобы донести о вечеринке. Это просто чертовски глупо.

Девушка на мгновение задумывается об этом; я почти слышу, как жужжат шестеренки в ее голове.

— Ладно. Что ж... Я тебе верю. — Похоже, она удивлена, что верит. — Но если Себ узнает, что ты ушла до того, как началось это дерьмо, то решит, что это ты сдала нас Форд. Поверь мне. На твоём месте я бы никому об этом не говорила.

Коридоры полны болтовни и сплетен, когда я направляюсь в комнату «Секвойи» на переключку. Я опускаю голову, стараясь ни с кем не встречаться взглядом. К счастью, никто не останавливает меня, чтобы спросить мою версию событий. Не знаю, почему никто этого не сделал, но все равно благодарна.

Мистер Гарретт на десять минут опаздывает. В комнате все еще есть несколько пустых стульев, когда он суетливо врывается в дверь с измученным видом.

— Ну, вы, идиоты, точно знаете, как начать год с правильной ноги, не так ли? — говорит он, окидывая комнату усталым взглядом. Бросает свою сумку на стол, затем поворачивается к нам лицом, руки на бедрах. — Надеюсь, что вы все повеселились, потому что больше никаких шалостей до выпускного не будет, это я вам точно могу обещать. Директор Форд посадит вас, ребята, под замок, пока вы не соберете свои вещи и не уедете отсюда, и это факт.

— Извините, о чем именно вы говорите, мистер Гарретт? — спрашивает девушка с волосами почти такими же черными, как у меня, в первом ряду. Она грызет кончик ручки, озорно улыбаясь.

— Не говори мне эту чушь, Марни. Вы все были там, на той вечеринке, и директор Форд это знает. Просто потому что она не поймала вас всех, не значит, что вы чисты. За то, что произошло прошлой ночью, будут последствия, и я обещаю, они вам не понравятся. Больше никакой общей комнаты отдыха. Никаких вечеров кино. И никакого тако во вторник. — Мужчина проводит рукой по голове — он делал это уже пару сотен раз за это утро, судя по тому, насколько растрепаны его волосы — и вздыхает. — Господи, зачем вам понадобилось портить тако во вторник, вы, маленькие панки? Еда здесь и так отстойная, а теперь мы даже не можем съесть тако?

Я бы громко рассмеялась, если бы не думала, что кто-нибудь заметит.

— Вы теряете почти все свои привилегии, и я не испытываю к вам никакого сочувствия. А теперь давайте побыстрее разберемся с этим дерьмом, чтобы мне не пришлось смотреть ни на одно из ваших лиц. Эмбер Йейтс?

Мистер Гаррет вычеркивает людей из своего списка, делая паузы и корча гримасы на ходу, пропуская имена учеников, которых нет в классе. Он не произносит имя Тео вслух. Очевидно, пропавшие ученики попали в беду, и с ними разбирается кто-то, обладающий чуть большим авторитетом, чем мистер Гаррет.

Весело.

Мои занятия тянутся незаметно. В каждом из них учитель ругает нас за то, что мы идиоты. Профессор химии, доктор Фарр, называет всех нас маленькими извращенцами и предполагает, что нам, возможно, потребуется интенсивная терапия, чтобы преодолеть наши сексуальные пристрастия. Затем раздражается тирадой о просмотре порно и о том, что легкий доступ к порнографии является причиной того, что мы все так трахнуты на голову.

Я не узнала ничего нового. Я завершаю занятие, страдая от скуки и просто ожидая, когда пробьет восемь часов, чтобы позвонить Рут. К ужину я так нервничаю и взбудоражена, что подумываю вообще пропустить прием пищи, но и так уже пропустила завтрак и почти не ела салат на обед, так что...

Столовая просто охрененная. Даже я могу это признать. Похожа на столовую из «Гарри Поттера» — длинные деревянные столы со скамейками по обе стороны. Над головой висят большие люстры, всего их пять, все из граненого хрусталя и подсвечников. Полагаю, что свечи поддельные, из пластика, с маленькими переключателями внизу, чтобы включать и выключать их, но когда тяжелые резные деревянные двери открываются и закрываются, выпуская новых учеников на ужин, врывается блуждающий по коридору ветерок, и пламя на верхушках свечей словно колеблется и усиливается. Маленькие каплевидные кристаллы раскачиваются, разбрасывая по стенам взрыв радуги. Это очень красиво.

Я сижу одна. Избегаю разговаривать с кем бы то ни было. Даже Ноэлани обходит меня стороной, когда мы все садимся за столы в обеденном зале, поглощая куриную Пиккату. Я точно получу изжогу из-за того, что ем так быстро, но я уже хочу быть наверху, в своей комнате. Мне нужно точно спланировать, что собираюсь сказать Рут, и это займет время.

«Наверное, стоит составить список», — советует Рейчел. — «По крайней мере, подготовь несколько основных пунктов».

Она права. У Рут есть способ заставить тебя замолчать, когда начинает одну из своих тирад. Она пройдетя по мне, и я не вспомню ни единого слова, которое хотела бы сказать, если не буду готова.

Схватив тарелку и столовые приборы, я направляюсь к столу с грязной посудой и складываю все в пустую корзину. Я в трех секундах от выхода из столовой. Две секунды. Одна.

И затем...

«Ученики «Туссена», прошу вашего внимания». — Голос директора Форда гремит из громкоговорителя, о существовании которого я даже не подозревала, прерывая разговоры в столовой и заставляя всех поднять глаза к потолку, как будто в поисках какого-то всемогущего бога.

— Ах, черт. Началось. — За ближайшим столиком Себастьян Уэст с громким стуком роняет вилку на тарелку.

«Как вы все знаете, прошлой ночью на территории школы состоялась несанкционированная вечеринка. Характер этой вечеринки был неприличным и ужасающим. Учащиеся не только совершали половые акты, но и на месте были обнаружены алкоголь и наркотики. Многие из учеников, которых мы задержали, возвращающимися в здание, были

настолько пьяны, что сегодня утром их пришлось поместить в палату в кабинете медсестры».

— Заперты в кабинете медсестры из-за гребаного похмелья, — рычит Себ своим друзьям. — Неужели они настолько тупы, что не понимают, что большинство из нас страдает от похмелья каждый гребаный день?

«Сказать, что я разочарована действиями нашего выпускного класса, было бы преуменьшением. Я потрясена и возмущена. Честно говоря, у меня нет слов, чтобы описать то, что я сейчас чувствую...»

— Тогда заткнись нахуй? — Я не заметила, что Бет сидит за столом напротив Себа, пока она не пробормотала это. Девушка выглядит усталой. Ее волосы собраны сзади в беспорядочный пучок. Подняв глаза, она встречается со мной взглядом, и от чистой ненависти, которую Бет посылает в мою сторону, захватывает дух.

«Способ наживать врагов, Восс».

«В результате вчерашних выходов трое учеников «Туссена» были исключены и отправлены домой к родителям. По милости Божьей некоторым из вас повезло, и они получили предупреждения. Пожалуйста, обратите внимание, что в академии «Туссен» нет правила «трижды попался и на выход». Если вы снова выйдете за рамки дозволенного, вас исключат и попросят немедленно собрать свои вещи».

«Что касается остальных из вас... вы были достаточно умны, чтобы прокрасться обратно в школу незамеченным, но, пожалуйста, знайте, что вам не сойдет с рук участие в этой вечеринке. Весь выпускной класс будет наказан за это нарушение приличий. Начиная с этого вечера, у вас больше не будет доступа ни к каким местам общего пользования на ваших этажах или в основной части здания после шести вечера. Еженедельные общественные мероприятия больше проводиться не будут. Больше никаких пропусков в кино. Никаких телевизионных привилегий. Никакого «Бала Генезиса». После разговора с вашими родителями и объяснения ситуации никому из вас не будут выданы пропуска, позволяющие покидать территорию школы в выходные дни ни при каких обстоятельствах...»

Коллективный крик ужаса наполняет обеденный зал, заглушая голос директора Форда. Куда бы я ни посмотрела, мои новые одноклассники бросают салфетки, хлопают руками по столам, краснеют, кричат на спикера о несправедливости этого последнего решения.

— Они не могут этого сделать!

— Гребаная чушь собачья!

— Я должен быть в Сиэтле на тренировке по выходным. Они не могут остановить меня. Мои родители никогда не...

Директор Форд, должно быть, умеет читать мысли.

«Повторяю: я потратила весь свой день, обзванивая и разговаривая с каждым из ваших родителей, и они единодушно согласились приостановить действие всех привилегий в обозримом будущем. Это наказание будет отменено тогда и только тогда, когда мы сочтем это целесообразным. До этого времени вам также будет запрещено пользоваться библиотекой после пяти вечера. Все домашние задания или задания, которые вам нужно выполнить после этого времени, должны быть выполнены в ваших комнатах. В вашей спальне разрешается находиться только одному ученику того же пола в любое время в учебных целях. Однако все ученики должны вернуться в свои спальни к восьми вечера. Каждый вечер на каждый этаж будет приходить наблюдатель, чтобы убедиться, что все

находятся там, где им положено быть. Вы будете привлечены к ответственности!»

Взрыв возмущения.

Обеденный зал погружается в слепое безумие. В другом конце комнаты один из парней, который прошлой ночью бегал без рубашки с Себом, швыряет свой стакан с водой в стену, крича что-то о несправедливости. Доктор Фарр быстро хватает его за шиворот и шепотом выкрикивает ему предостережения, пока выводит его из зала.

«И, наконец», — продолжает директор Форд. — «По вечерам мы будем проводить программу обогащения знаний учеников в тщетной надежде, что это привлечет ваши умы к более... здоровым занятиям. Раз в неделю вы будете отбираться для обучения новому навыку или выступлению перед своими одноклассниками выпускниками. Участие обязательно. Будет регистрация. Вы не окончите свой выпускной год, если не будете посещать...»

Я ни черта не слышу из-за криков, разносящихся по комнате; на мгновение слова директора Форда заглушаются общей яростью.

«...сегодня вечером требуется присутствие в зрительном зале. Это не подлежит обсуждению. Любой учащийся, не отмеченный присутствием в актовом зале через тридцать минут, будет автоматически отстранен от занятий без обсуждений. Это все, что можно сказать по этому вопросу».

— Она, блять, не может этого сделать, — кипит Себастьян. — Мои родители никогда бы на это не согласились. Это противоречит конституции или что-то в этом роде.

Я чувствую себя чертовски не в своей тарелке. Бессмысленные наказания Форд действительно кажутся немного суровыми, но для меня они имеют очень мало значения. Для начала, я могу уйти отсюда в любое время, когда захочу. Им пришлось бы физически сдерживать меня, и мне хотелось бы посмотреть, как они хотя бы попытаются это сделать. Во-вторых, мне не придется долго страдать в этом новом полицейском государстве. Пару недель? Может быть, месяц? Я уйду отсюда, как только моя задача будет выполнена, и никогда больше не буду думать об этом месте.

Но на данный момент...

Я бросаю взгляд на свой телефон, проверяя время. Сейчас семь пятьдесят три. У меня есть время до восьми пятнадцати, прежде чем мне нужно будет отправиться в актовый зал, где бы это, черт возьми, ни было, и мне все еще нужно поговорить с Рут.

Тяжелая дверь хлопает о стену, когда я выбегаю в коридор, прижимая телефон к уху. Звонок отправляется прямо на голосовую почту. Пытаюсь снова, когда поднимаюсь по лестнице на свой этаж.

Сразу на голосовую почту.

У двери моей спальни.

Голосовая почта.

Разочарование танцует в груди, заставляя меня расхаживать взад и вперед по комнате, как лев в клетке. Это нехорошо. Нехорошо. Нехорошо. Я смотрю, как мучительно медленно тикают минуты на дисплее телефона, ожидая, когда на дисплее появится 20:00. Как только это происходит, я снова набираю номер Рут, и в четвертый раз звонок переходит прямо на голосовую почту.

— Какого хрена, — я промахиваюсь, когда бросаю телефон; целюсь в кровать, но аппарат отскакивает от края матраса и вместо этого ударяется о стену, издавая тревожно громкий треск, когда ударяется о голую каменную кладку.

«Пожалуйста, не будь сломан. Пожалуйста, не будь сломан. Пожалуйста, не будь сломан».

Ах, черт. Телефон сломан.

Экран представляет собой паутину трещин, настолько плотную и переплетенную, что я даже не вижу заставку с изображением моей фальшивой семьи, которую Гейнор сохранила там как часть моей предыстории. Ничего страшного... фух. Нажимаю кнопку на боковой панели телефона, и он по-прежнему отображает идентификатор лица. Я все еще могу разблокировать его. Пара нажатий пальцем здесь и там показывает, что экран, на удивление, все еще работает. Просто очень эпизодически.

— Отлично, — ворчу я. — Просто... серьезно, чертовски идеально.

СОРЕЛЛ

Я подумываю о том, чтобы взять с собой карту «Туссена», просто чтобы убедиться, что знаю, куда иду, но из столовой все еще выходит множество людей, яростно спорящих и препирающихся по поводу объявления Форд; они ворчат и жалуются на то, как все это несправедливо, но, очевидно, никто из них не осмеливается ослушаться приказов директора, потому что послушно устремляются на север, по продуваемому сквозняками коридору, и все они движутся в одном направлении.

Я ожидаю, что голубые и серебряные занавеси — цвета «Туссена» — будут задрапированы по обе стороны сцены зрительного зала. Что сиденья будут синими, а ковер голубым. На самом деле все красное — кроваво-красный бархат и темно-малиновая парча. Сиденья темно-бордового цвета с золотыми нитями и завитками. Зал до боли традиционен, как кинотеатр старого времени, хотя его роскошь превосходит все, что я когда-либо видела.

В воздухе витает запах меда и полироли для дерева. Учительница, с которой я еще не встречалась, стоит в начале прохода, проверяя людей с помощью iPad в руке. Она не только спрашивает мое имя, но и требует мой ученический билет, который затем внимательно изучает, переводя взгляд с моей фотографии на пластиковой карточке на мое лицо три раза, прежде чем убедится, что я та, за кого себя выдаю.

— Хорошо. Иди и сядь в ряд «Е», — говорит она мне. — Никаких разговоров. Никаких сообщений. Если мы увидим, что ты переписываешься, твой телефон будет конфискован.

Ха. Я могу открыть некоторые приложения на своем телефоне, но о текстовых сообщениях не может быть и речи. Сомневаюсь, что даже смогу прочитать сообщение теперь, когда мой телефон сломан, не то чтобы Рут прилагала много усилий, чтобы отправить их. Этой учительнице, кем бы она ни была, не нужно беспокоиться о том, что я вожусь со своим телефоном. Я нажимаю на кнопку сбоку, ставя на беззвучный режим, но все равно кладу его на колено, надеясь вопреки всему, что он загорится при звонке из «Фальконхаус».

Почему, черт возьми, она избегает меня? Кто такой этот Генри? И откуда Тео вообще знает имя Рут? У Рут миллион разных альтер-эго. В один день на ее водительских правах написано «Оливия Маркхэм», а на следующий день она станет «Сарой Лотиан». В ее коллекции паспортов напечатано множество разных имен. Никогда не будет ситуации, когда женщина передаст удостоверение личности со своим настоящим именем. Даже наш почтальон думает, что ее зовут Валери.

Но Тео называл ее *Рут*.

Где-то на другом конце зала я слышу хриплый смех Бет. Это такой смех, от которого у меня всегда волосы на затылке встают дыбом. Не настоящий. Это социопатическая разновидность, имитация юмора, которую сломленные люди заставляют себя выдавливать изо рта, чтобы казаться забавными. Бет смеется, шутит и флиртует с парнями, добиваясь их внимания, надувает губы и поправляет прическу, смотрит свысока на других девушек, бросая им вызов своей популярностью и красоте.

Внутри она умирает. Ненавидит себя. И так боится, что однажды кто-нибудь действительно увидит ее. Они бросят на нее один взгляд и увидят сквозь прическу, макияж,

одежду и чрезмерный, фальшивый смех, и разглядят застенчивую, неуверенную в себе, испуганную молодую женщину, которая каждое утро стоит перед зеркалом и практикует этот смех, чтобы звучать и выглядеть естественно. И делает это со слезами, текущими по ее лицу.

Внутри Бет Джонсон очень много боли. Она выплескивается наружу самым порочным образом.

— Хорошо. Вы все здесь. — Директор Форд выходит на сцену, стук каблуков драматическим эхом разносится по похожему на пещеру пространству. Она едва повышает голос выше обычного разговорного уровня, но ее слова прекрасно доносятся; акустика здесь феноменальная. — Рада видеть, что сегодня вечером мне больше не придется исключать учеников из этого заведения, — говорит она.

Исчезла та дружелюбная улыбка, с которой женщина обращалась ко мне вчера. В ее глазах присутствует жесткость, которая заставляет меня думать о Рут.

— У меня нет намерения перефразировать то, что я уже сказала по громкоговорителю. И нет, я не буду вести беседы с отдельными людьми, стремящимися освободиться от этого наказания. Мне все равно, какие у вас обязательства или обязанности, которые заставляют вас думать, что вы можете быть выше правил этой школы, но все так просто. Вы нарушаете правила: вы все платите за это. Без исключения.

Низкий гул голосов волной прокатывается по толпе; очевидно, многие выпускники планировали обратиться к Форд в частном порядке, чтобы изложить свои доводы относительно того, почему им следует разрешать уезжать по выходным или выходить после комендантского часа. Они недовольны тем, что этот запасной план пресекается в зародыше.

— Не волнуйтесь. Я не задержу вас надолго. В рамках нашей новой программы обогащения знаний учащихся в настоящее время отбираются учащиеся, которые поделятся своими талантами до конца учебного года. Не стоит заблуждаться. Это наказание, и вы будете сидеть здесь каждый вечер, так часто, как я сочту необходимым, и будете обращать внимание на того, кто выйдет на эту сцену. И если я призываю вас выйти на эту сцену, чтобы что-то сделать, лучше бы это было сделано. Поднимите руки, чтобы я могла видеть, что все здесь, в комнате, слышали это своими собственными ушами и поняли, что я говорю.

Неохотное море рук поднимается по всему залу.

В стороне, купаясь в тени, обе мои руки остаются на коленях, упрямо сопротивляясь желанию подняться. С годами я стала угождать людям. Сделать Рут счастливой, дать ей то, что она хотела, было задачей на полный рабочий день, и мне казалось, что это тяжелая битва, которую я никогда не выиграю. Не имело значения, насколько быстро или эффективно я выполняла задачи, которые она мне поручала; всегда было что-то, что я могла бы сделать лучше. Холодное одобрительное ворчание Рут было всем, чего я жаждала. Это была единственная награда, которая имела для меня значение. Здесь, в этом чужом месте, в окружении людей, которых не знаю и о которых не забочусь, я очень мало беспокоюсь о том, чтобы сделать кого-то счастливым, и меньше всего директора Форд.

Женщина, стоящая на сцене, выглядит удовлетворенной.

— Хорошо. Тогда давайте продолжим сегодняшнее вечернее представление. И просто чтобы вы знали, я никуда не уйду. Буду стоять прямо у выхода с задней стороны, так что даже не думайте пытаться улизнуть. Если кто-нибудь из вас хотя бы встанет со своих мест, вы окажетесь в бесконечном заключении, которое, обещаю, не доставит вам абсолютно никакого удовольствия, — она поворачивается, чтобы посмотреть со сцены направо, кивая

головой на того, кто ждет там, за кулисами.

Тео Мерчант выходит из-за тяжелых, бархатных штор. Опять же, на нем еще одна выцветшая, слишком большая черная футболка с длинными рукавами и такие же выцветшие черные джинсы. Я начинаю думать, что весь его гардероб состоит исключительно из потертой, поношенной одежды, которая раньше была черной, но теперь имеет различные оттенки тусклого, выцветшего серого. Его кроссовки, с другой стороны, безусловно белые, такие яркие в свете единственного прожектора, включенного над головой, что слепят мою сетчатку.

Его темные волосы — спутанные растрепанные волны. Они спадают ему на лицо, когда парень несет через сцену большой черный футляр и ставит его перед одиноким стулом, стоящим в самой середине сцены.

Толпа дружно бормочет, когда Тео расстегивает застёжки футляра и открывает его, молча извлекая великолепную виолончель — дерево инструмента отполировано черным, гладкое, сверкающее в свете прожекторов. Инструмент прекрасен. По какой-то необъяснимой причине мой пульс учащается при виде его.

Я обнаруживаю, что задерживаю дыхание.

«Какого черта я задерживаю дыхание?»

Шуршание стихает, погружая пространство в напряженную тишину, когда парень садится на стул и ставит виолончель между ног.

Держа смычок в одной руке, Тео ловко проводит пальцами другой руки вверх и вниз по струнам инструмента, как бы отработывая серию форм и движений. Затем сидит там, неподвижный, насколько это возможно, склонив голову, спрятав лицо за волосами, конский волос смычка слегка нависает над струнами... он ждет.

Свет омывает парня, делая его обнаженные руки и изгиб татуированной шеи алебастрово-белыми. Я достаточно близко, чтобы видеть, как поднимаются его плечи, когда Тео делает ровный вдох. А потом он играет.

Звук начинается с одной скорбной, высокой ноты. Кажется, что это будет длиться вечно. Тео отводит смычок влево и вправо так плавно, что нота даже не дрожит. Затем парень останавливается.

Ждет.

Мои щеки покрываются мурашками, когда я смотрю на него там, наверху, его взгляд все еще опущен, внимание сосредоточено исключительно на виолончели. В моих ушах эхом отдается звук жалобной ноты, которую Тео только что сыграл, ее сладость все еще вибрирует по краям моих костей. Я так же неподвижна, как и он, словно статуя. Неподвижная, как плоская, нетронутая поверхность бездонного озера. Тиха, как зимний рассвет после снега.

Мгновение растягивается, поглощая секунды, которые тикают, и необъяснимая потребность закричать поднимается у меня в горле.

В ту секунду, когда парень снова двигается, проводя смычком по струнам, волна жара заливают мое тело огненной волной, от которой щиплет и жжет глаза.

Звук, который он извлекает из виолончели, громоподобен и замысловат. Музыка набирает обороты, когда Тео водит смычком взад и вперед, левой рукой скользит вверх и вниз по изящному грифу инструмента, плавно переходя от одной ноты к другой, и никто не издает ни звука.

Я...

Я хмурюсь.

Я узнаю эту музыку.

В ней есть что-то такое знакомое. Такая навязчивая. Я знаю её, клянусь...

Вены на тыльной стороне кистей и предплечий Тео гордо вздуваются, свидетельствуя о тех усилиях, которых требует его исполнение, но мелодия льется с такой легкостью, такой красотой, что можно подумать, ему это вообще ничего не стоило.

Загипнотизированная, я оседаю на своем месте, ошеломленная тем, что вижу.

Как?

Как может кто-то настолько мерзкий быть способен на это?

Он убийца. Холодный и черствый.

Парень ясно дал понять, что ему насрать на мир и на всех в нем. Но как может кто-то, кого это так мало волнует, быть ответственным за то, что происходит внутри моего тела?

Сердце щемит в груди.

Моя грудная клетка так напряжена, как будто кости сжались вокруг моих легких, не давая мне дышать.

Мои руки, лежащие на коленях, незаметно для меня сжались в кулаки, и, как бы я ни старалась, никакое принуждение не заставит их расслабиться.

«Так, так, так. Он нечто особенное, не так ли?» — Голос Рейчел шепчет мне на ухо.

Внезапно я чувствую ее присутствие так близко, что боюсь повернуть голову. Если это сделаю, то не найду ее сидящей рядом со мной в темноте. Чары будут разрушены, и уверенность в том, что она здесь, со мной, в этом богом забытом месте, наблюдает за тем, что я вижу, будет разрушена. Я не могу смириться с этой душераздирающей мыслью.

Вместо этого закрываю глаза.

Если бы протянула свою руку к ее руке, я могла бы взять ее, если бы попыталась. В этот самый момент Рэйч здесь, со мной. Запах ее кокосового лосьона для тела ударяет мне в нос. Я чувствую ее сдерживаемую энергию, исходящую от сидения рядом со мной. Впервые за несколько недель на меня накатывает покой, снимая напряжение с моих плеч, стирая хмурость с моего лба. Мои руки, наконец, расслабляются, свободно покоясь на верхней части бедер.

«Господи. Ты должна это видеть», — шепчет голос Рейчел. *«Я знаю, ты не хочешь этого слышать, но он великолепен»*.

Нет, он монстр.

Он причинил тебе боль.

Забрал твою жизнь.

Он гребаный лжец. Мы не можем доверять ни одному слову, слетающему с его уст.

Смех Рейчел усиливается вместе с музыкой, и от его звука у меня еще сильнее щиплет глаза.

«Ты всегда так серьезно ко всему относишься, Соррелл. Он просто какой-то парень, играющий на виолончели. Посмотри на него».

— Не буду.

— Тссс!

Через три ряда кто-то шипит на меня, пугая меня так сильно, что распахиваю глаза. Дерьмо. Я не осознавала, что говорю вслух. Вжимаюсь в изгиб сиденья, желая, чтобы темнота сомкнулась еще плотнее, поглотила меня. Мне нужно быть более осторожной. Люди действительно начнут думать, что я сумасшедшая, если услышат меня...

Мысль умирает, наполовину сформировавшись, в моем сознании.

На сцене Тео Мерчант выгибается всем телом над виолончелью, перерезая смычком струны. Парень играет как одержимый. Густые волны его волос все еще скрывают глаза, но я прекрасно вижу линию его челюсти, и она сжата, мышцы тикают, когда музыка изливается из него.

Теперь мелодия звучная и глубокая — грубая вибрация, которая наполняет пространство и, кажется, даже больше не исходит от виолончели. Она исходит изнутри меня, из глубины моей груди, из моей души, как будто это звук крови, поющей в моих венах. Я не могу смотреть, но отвести взгляд невозможно.

Это похоже на пробуждение, и Тео... Тео — это нечто из сна. Наполовину демон, наполовину ангел, он — прекрасный ночной ужас, и меня преследует его вид.

Парень впивается зубами в нижнюю губу, когда музыка достигает своего крещендо, и его кожа становится белой, как кость. Если бы я могла ненавидеть себя еще больше, чем сейчас, то уже сделала бы это, потому что от Тео Мерчанта захватывает дух, и я слишком потрясена тем, как он играет на этой сцене, чтобы это отрицать.

Это необъяснимо, эта потребность во мне. Мощная и сильная.

Я хочу того, чего не должна хотеть.

Хочу, чтобы его тело обвилось вокруг меня.

Хочу, чтобы его руки были на моей коже.

Хочу, чтобы его зубы прикусили мою губу.

Ох.

О, боже, я...

Я вскакиваю со своего места и несусь вверх по лестнице к выходу. Пытаюсь пригнуться, чтобы меня не заметили другие ученики, сидящие в зале, но тут же жалею об этом; согнувшись вдвое, я только усиливаю накатывающую на меня тошноту. Добравшись до дверей в задней части зала, я распахиваю их, выбегая в освещенный коридор, и звуки игры Тео обрываются диссонансом, поддерживающая нота, которую он держал, резко обрывается визгом его смычка.

Блять.

Блять, блять, блять. Он видел. Он видел меня.

— Мисс Восс? Куда, по-твоему, ты направляешься?

Я оборачиваюсь, схватившись за живот, и обнаруживаю, что директор Форд крадется ко мне.

— Мне жаль. Я... думаю, я собираюсь...

Ее лицо морщится от беспокойства.

— Боже милостивый, ты вспотела. Что случилось?

— Меня сейчас стошнит, — я стискиваю зубы от еще одного острого приступа боли в животе. Рот наполняется слюной. Я хочу проглотить это, но мой рвотный рефлекс работает на пределе, и я не могу.

— Я вижу. Давай отведем тебя в туалет, — суетится вокруг директор Форд, подталкивая меня вперед; она кладет руку мне на плечо, другую — на поясницу, быстро ведя меня по коридору к ближайшему туалету.

Как только оказываюсь в кабинке, я опускаюсь на колени и падаю к унитазу, меня рвет чертовой курицей пикката, которую я проглотила в столовой. Директор Форд стоит позади меня, потирая мне спину, и чувство вины накатывает на меня из ниоткуда. Я должна была поднять руку, когда она велела нам сделать это раньше, там, в зале. Женщина действительно

заботится о своих учениках. Единственная причина, по которой она сейчас так строга к нам, это то, что она заботится о нас и нашем благополучии. Я это вижу. И вот я здесь, собираюсь сделать ее жизнь бесконечно тяжелее. Эта женщина проявляет ко мне больше сострадания, чем я заслуживаю.

— Вот так. Все в порядке, Соррелл. Выплесни все. Черт возьми, ты действительно больна, не так ли?

Слезы текут по моему лицу, когда я вздрагиваю снова и снова, и не могу сказать, происходит ли это из-за жжения желчи, подступающей к моему горлу, или потому что я действительно плачу; катастрофического чувства стыда, которое я испытала там, наблюдая за игрой Тео, определенно достаточно, чтобы превратить меня в рыдающий беспорядок.

— Ладно. Хорошо, милая. Вот так. Дыши. Успокойся и дыши.

Я кладу предплечья на сиденье унитаза и прислоняюсь к ним лбом, делая, как мне говорят. Отвратительный вкус рвоты покрывает мой язык, рот снова наполняется слюной. Я плюю в унитаз, сильно шмыгая носом, а затем сожалею об этом, потому что кусок курицы, застрявший у меня в носу, возвращается, и я чуть не давлюсь им. Как только выплевываю это в унитаз, делаю еще один прерывистый вдох.

— Ух. Черт.

— Действительно, черт, — соглашается директор Форд. — На этот раз я позволю себе грубость. Ненавижу, когда меня тошнит. На самом деле я сочувствующий блевотник.

Я вздрагиваю, глядя на нее; женщина прижимает тыльную сторону ладони ко рту, гримасничая, глядя на унитаз, как будто собирается присоединиться ко мне на коленях и внести свой вклад к тому беспорядку, который я устроила.

— Все в порядке. Вы можете... — я вздрагиваю. — ... подождите снаружи. Со мной все будет в порядке. Думаю... все закончилось.

Могу сказать, что она хочет остаться и заботиться обо мне, но также рада, что я отпускаю ее.

— Ты уверена?

Я киваю.

— Ладно. Я буду прямо за дверью.

Я даю себе минуту, чтобы отдышаться, продолжая сплевывать в унитаз, пытаясь избавиться от ужасного привкуса полупереваренной пищи во рту.

Из соседней кабинки слышу жужжание. Это музыкальное произведение, которое Тео только что сыграл в зрительном зале. Гудение затихает, и женский голос, полный юмора, говорит: *«Ну, это была немного чрезмерная реакция, тебе не кажется?»*

Я стону, позволяя своей голове упасть обратно на предплечья.

— Отвали, Рейчел.

СОРРЕЛЛ

Я подумала, что мне придется убедить директора Форд, что меня тошнит не из-за похмелья, но она просто махнула на меня рукой, когда я попыталась объясниться по дороге в свою комнату.

— Я знаю, что тебя не было на вечеринке, Соррелл. Все в порядке. Не волнуйся. У тебя нет никаких неприятностей. Я просто надеюсь, что это не пищевое отравление. Последнее, что мне нужно — это весь выпускной класс, прикованный к постелям, потому что они не могут перестать выблевывать свои желудки.

Директор Форд знает, что меня не было на вечеринке? Откуда? Она говорит это так, словно это непреложный факт. Но я была на вечеринке. Не по собственной воле, но я пошла. И пробыла там по меньшей мере час. Просто чудо, что я добралась до школы до того, как туда спустилась охрана и всех разогнала.

Однако на данный момент я слишком устала, чтобы сильно беспокоиться о заявлении Форд. Я напрягала все мышцы своего желудка от сильной рвоты, и чувствую себя отвратительно.

— Уверена, что не хочешь посетить медсестру? Я была бы спокойна, если бы убедилась, что тебя проверили, — директор Форд маячит в дверях моей комнаты, каждые пару секунд оглядываясь в коридор.

Я знаю, почему она такая нервная. Тео перестал играть, когда я выбежала из зала, и с тех пор как она ушла со мной, бог знает, сколько студентов проигнорировали ее предупреждение и убралась оттуда, пока могли. Держу пари, Себастьян украл «Супер каб» Джереми и сейчас на полпути к Сиэтлу.

— Я в порядке, честно. Просто иногда у меня бывают очень сильные судороги во время месячных. Они могут вызвать рвоту, если я не приму что-нибудь достаточно быстро.

Директор Форд сочувственно смотрит на меня, кивая.

— Тогда ложись в постель и отдохни. Если завтра все еще будет плохо, первым делом зайди в кабинет медсестры. Уверена, что там найдется что-нибудь, чтобы облегчить судороги.

— Сначала я собираюсь быстро принять душ. Кажется, у меня блевотина в волосах, — смущенно говорю я.

— Звучит как хорошая идея. Хорошо, Соррелл. Мне придется оставить тебя. Если не вернусь к толпе, которую оставила в зале, это место погрузится в настоящий хаос.

Женщина уходит.

Пока моюсь в душе, до меня доносятся звуки из соседних комнат, когда другие девушки вернулись: открывающиеся и закрывающиеся двери; приглушенные разговоры; смех. Я не тороплюсь, заставляя себя стоять под струей мучительно горячей воды, ожидая, что наконец-то почувствую себя чистой, но это чувство не приходит. Я счищаю один слой кожи за другим, пока не становлюсь свекольно-красной, но приторное, отвратительное ощущение того, что я грязная, не проходит.

В конце концов вода становится холодной, и я выхожу.

Чищу зубы четыре раза, решив хотя бы избавиться от отвратительного привкуса во рту.

Из коридора больше не доносится никаких звуков — должно быть, все девочки уже в своих кроватях. Открыв дверь в ванную, испуганно вскрикиваю, когда вижу, что у меня посетитель.

Тео Мерчант удобно устроился на моей кровати, прислонившись спиной к изголовью. По крайней мере, он снял обувь. Его ноги скрещены в лодыжках, руки сложены на животе. Когда парень видит меня, то хватается что-то, лежащее на кровати рядом с ним, и протягивает это мне: грелку.

— Ты, должно быть, издеваешься надо мной.

Парень пожимает плечами.

— Я слышал, что грелки хороши при менструальных спазмах, — Тео говорит это аргументированно, как будто думает, что я возражаю против дурацкой грелки, а не против того факта, что он находится в моей гребаной спальне.

— У тебя стальные нервы, — рычу я.

Невозмутимо он кладет грелку на стол и начинает ковырять ногти.

— Осторожно. Лучше положи эту одежду на пол. Выглядит так, словно ты вот-вот потеряешь полотенце.

Я разочарованно рычу, бросая свою одежду на стул за дверью. Убедившись, что мое полотенце не упадет, пересекаю комнату и шлепаю его по ногам, обнажая зубы.

— Ты не имеешь права находиться здесь. И должен уйти. Сейчас же.

Парень смотрит на меня с отсутствующим выражением лица, и я вижу все, что скрывали его волосы, пока он был там, наверху, играя на этой сцене: сложный золотисто-янтарно-шоколадный оттенок его глаз; высокие скулы; царственная линия его носа; острый изгиб лука купидона, и полнота его губ. В отличие от вчерашнего дня, парень не чисто выбрит. Его подбородок потемнел от начинающейся щетины.

— Уверена, что хочешь, чтобы я ушел? — категорично спрашивает он. — Разве это не то, чего ты хотела?

Жар поднимается к задней стенке моего горла.

— О чем, черт возьми, ты говоришь?

— Мы оба знаем, почему тебя послали сюда. Итак, разве то, что я здесь, один, в твоей комнате, не прекрасная возможность покончить со мной?

Так. Чертовски. Обыденно. Похоже, парня не смущает тот факт, что меня послали сюда, чтобы причинить ему вред.

— Знаешь. На самом деле это довольно оскорбительно, что ты пришел сюда, учитывая тот факт, что знаешь, что я хочу твоей смерти. Если не считаешь меня угрозой, тогда тебе действительно следует пересмотреть свою тактику, потому что...

— Ты вполне способна причинить мне боль. Бла-бла-бла. Я знаю, знаю, — закатывает глаза Тео. — А также знаю, что ты не собираешься причинять мне боль в своей собственной гребаной спальне. Это выглядело бы немного подозрительно, не так ли?

Он снова устраивается на моих подушках, немного поерзав, чтобы устроиться поудобнее.

— Чего. Ты. Хочешь? — Требуется колоссальное усилие, чтобы задать вопрос без крика.

— Я принес твое барахло, — указывает Тео мне за спину, где моя сумка и мой мобильный телефон лежат на столе.

Ах, черт. В спешке покидая актовый зал, я совсем забыла о своей сумке и телефоне. И даже не задумывалась об этом... до сих пор.

— Не за что, — говорит Тео.

— Я не благодарила тебя. Ты вернул мне мои вещи. Теперь можешь уходить. Как... — я недоверчиво смотрю на него. — Как ты вообще сюда попал?

Парень снова смотрит на свои руки, рассеянно ковыряя ноготь своего большого пальца.

— Они не запирают нас на ночь, Восс. Я вышел из своей комнаты, спустился по лестнице... — надувает губы Тео, как будто остальное очевидно.

— Отлично. Что ж... если не возражаешь, мне нужно переодеться ко сну. И нет, прежде чем ты даже подумаешь об этом, я не буду переодеваться у тебя на глазах.

Его глаза словно светятся янтарным светом, когда парень смотрит на меня.

— И почему я должен хотеть, чтобы ты переодевалась у меня на глазах?

У меня нет слов. Я оглядываю комнату, пытаюсь найти что-нибудь, чтобы бросить в него, и хватаю первую вещь, которая может причинить боль — снежный шар, который Гейнор дала мне, чтобы дополнить мою предысторию. Внутри увесистого глобуса зимний пейзаж Нью-Йорка заслоняется крошечными белыми хлопьями, когда я хватаю его с комода и поднимаю над головой.

Глаза Тео округляются.

— Боже. Ты очень быстро выбираешь насилие, не так ли, Восс?

Стискиваю челюсть.

— Ты даже не представляешь.

— Значит, собираешься бросить в меня эту штуку? — Парень не двигается. Не вздрагивает. Если бы у него была хоть капля здравого смысла, он бы уже встал на ноги и был на полпути к двери.

— Да. Брошу. На счет «пять».

Ярость пробегает по моему позвоночнику, когда он снова смотрит на свой ноготь.

— Один...

— Переоденься в своей гардеробной, — командует он.

— Какого черта мне переодеваться в гардеробной? Я серьезно, Тео. Два!

Ублюдок ухмыляется.

— Три!

Ничего.

— Четыре! Клянусь Богом, Тео. Я швырну эту штуку прямо в тебя, и у меня отличный прицел. Хочешь заработать себе гребаную травму головы?

Кажется, это делает свое дело. Устало вздыхая, парень снова встречается со мной взглядом и медленно перемещается к краю кровати.

— Я определенно этого не хочу. Травма головы — это самое страшное.

Сердито смотрю на него, когда парень встает и пересекает комнату. Я, должно быть, выгляжу нелепо, цепляясь одной рукой за полотенце, а в другой держа снежный шар над головой, готовая запустить его. Впрочем, мне все равно, смеется он надо мной или нет; я буду готова причинить ему боль, если парень хотя бы косо посмотрит на меня.

Что он и делает.

Остановившись, тело повернуто к двери, голова опущена, Тео смотрит на меня краем глаза, и мне кажется, что чертов мир останавливается.

— Ты когда-нибудь была в Нью-Йорке? — спрашивает он, указывая подбородком на снежный шар.

— Что?

— Это простой вопрос. Ты когда-нибудь была в Нью-Йорке?

— Зачем мне снежный шар Нью-Йорка, если бы не была? — огрызаюсь я.

Уголки его губ опускаются вниз.

— Ну, не знаю. Люди коллекционируют такие вещи. Или дарят их в качестве подарков.

Где твое любимое место в мире?

— Что? Совершенно неуместный вопрос прямо сейчас, учитывая положение, в котором мы оказались.

Его плечи сдвигаются, немного наклоняясь ко мне. Однако его голова все еще опущена, как будто парень не хочет повернуться и посмотреть мне в лицо должным образом.

— Да, мы могли бы занять более удобную позицию.

— Это что, намек? — усмехаюсь я. — Ты действительно думаешь, что это умно приходить сюда и пытаться флиртовать со мной после того, что произошло прошлой ночью?

Парень насмешливо хмурится.

— А что произошло прошлой ночью?

— Ты... ты собирался выбрать меня там, у костра!

На его лице играет неподдельное веселье.

— Я так не думаю.

Ярость бурлит в моей крови, заставляя ее приливом гнева бросаться мне в голову. В висках начинает пульсировать.

— Не разыгрывай со мной это дерьмо, Мерчант. Ты стоял передо мной и пил ту текилы из бутылки. Ты... ты издевался надо мной!

Выражение его лица теперь нечитаемое. Осторожными, размеренными движениями парень поднимает руку и дотрагивается кончиком указательного пальца до верхней части моего плеча. Я хочу увернуться от контакта, отвращение разрывает меня изнутри на части, но... Я не двигаюсь. Тео проводит кончиком пальца по моей коже — легким, как перышко, прикосновением, проводя пальцем по капелькам воды, которые все еще остаются на моей коже после душа.

— Может быть, тебе стоит разобраться с фактами, прежде чем обвинять людей в чем-то.

— О, замечательно. Теперь мы используем комментарии с подтекстом.

— Комментарий с подтекстом о чем? — Он такой чертовски самодовольный.

Я так зла, что мне трудно сдерживать водоворот чувств, бушующих в моей груди. Парень дразнит меня. Хочет, чтобы я сказала что-нибудь о Рейчел. Я чувствую это. Знаю это. Он хочет вытянуть из меня то, что я обвиняю его в смерти Рэйч или что-то в этом роде. Однако я не могу просто взять и сказать это прямо. Это положило бы конец этой уловке между нами. Моя цель здесь была бы официально раскрыта раз и навсегда.

Тео тихо хмыкает, рассматривая узор, который нарисовал на моем плече капельками воды.

— Ладно. Что ж, тогда я дам тебе подумать об этом, малышка. Поскольку ты, похоже, не можешь понять это прямо сейчас.

Моя реакция мгновенна.

— Не называй меня так. Я не ребенок. Убирайся отсюда к чертовой матери, Тео. Я, блять, буду кричать.

На его лице появляется холодное, бесчувственное выражение. Я смотрю на него снизу вверх, и выражение пустоты выглядит там настолько неуместно, что у меня почти перехватывает дыхание. Как будто парень превратился в совершенно другого человека.

— Полагаю, ты досчитала до пяти, не так ли? — Его тон полон холода и злобы.

— Да.

Тянется ужасный момент, когда парень пригвождает меня к земле свирепым, жестким взглядом. Постукивание в висках превращается в безжалостный стук; так быстро, что кажется, будто моя голова вот-вот расколется.

— Что не так? — Слова слетают с его губ отрывисто и резко.

— Твое присутствие вызывает у меня адскую мигрень, вот что не так. Теперь уби...

— Не волнуйся. Я, блять, уйду.

Тео бросается к двери и распахивает ее с такой силой, что я подумываю, он собирается сорвать ее прямо с петель. Не говоря больше ни слова, парень исчезает в коридоре. Дверь с грохотом захлопывается за ним, дерево дребезжит в раме... И чувство пустоты, которую он оставляет после себя, бесконечно, как бездна.

СОРРЕЛЛ

Две недели спустя

Время в «Туссене» течет странно. День превращается в три, в неделю, в две. Я учусь. Курсирую туда-сюда со своих занятий, а затем возвращаюсь в свою комнату. Провожу все больше и больше времени с Ноэлани. Между нами завязывается своего рода робкая дружба, и я провожу с ней большую часть своих обеденных перерывов, фантазируя обо всех вещах, которые нам не терпится сделать, как только выберемся из этой адской дыры.

Без интернета и телевидения внешний мир для нас здесь не существует, мы подвешены в состоянии наказания; единственное, что удерживает большинство девушек на моем этаже в здравом уме — это мечты о той веселой хрени, которую они сделают, как только запрет Форд на выходные будет снят, но лично я начинаю думать, что на самом деле этого никогда не произойдет.

Я ничего не слышу от Рут.

Совсем ничего.

Никаких телефонных звонков. Никаких сообщений. Никаких проверок вообще, что поначалу очень беспокоило. Однако по мере того, как проходят дни, мое беспокойство превращается в гнев. Это Рут послала меня сюда. Она сказала мне встретиться с Тео лицом к лицу и заставить его страдать от последствий своих действий. Затем приказала ничего не делать, пока не даст мне зеленый свет. Теперь Рут бросила меня, без каких-либо указаний или заверений в том, что я должна делать? Во что, черт возьми, она играет?

На десятый день радиомолчания из «Фалькон-хаус» я принимаю решение. Если Рут не хочет брать трубку, когда я ей звоню, и у нее даже не хватает порядочности отправить мне короткое сообщение, тогда к черту все это. Я тоже не буду пытаться связаться с ней. Почему я должна это делать? Она хранит секреты. Она загнала меня в самую гущу всего этого, а теперь отказывается даже бросить мне спасательный круг?

Я должна ждать ее указаний, прежде чем что-то сделать с Тео, но ожидание сводит меня с ума. Как долго Рут ожидает, что я останусь здесь и просто буду болтаться, запертой в этом причудливом маленьком микрокосме человечества без какого-либо контакта с внешним миром? Я довольно терпеливый человек, но у терпения есть свои пределы. И необходимость видеть Тео каждый божий день, постоянно сталкиваться с ним в коридорах, сидеть в двух рядах от него в классе, смотреть, как он болтается с Себастьяном у главного входа... это больше, чем я могу вынести. Его вспышки гнева случайны и эффективны. Каждый день парень, кажется, ссорится с кем-то новым. Я ничего не могу поделать, но хочу ввязаться в эти бои. Застать его врасплох. Вставить заточенное лезвие в его трахею. Выпотрошить его на месте.

Сегодня пятница, вторая половина дня, когда я, наконец, не выдерживаю и говорю что-то о нем Ноэлани, которая недавно попросила меня называть ее Лани. Погода стоит нехарактерно теплая. Мы сидим на лужайке перед главным зданием «Туссена», греясь на солнце в слабом послеполуденном свете, когда я замечаю знакомый беспорядок темных волос Тео. Парень сидит у подножия гигантского дуба в сотне футов от меня, один, строчит что-то в блокноте, и дрожь гнева вливается мне в затылок. Я уже не в первый раз вижу его

сидящим под огромным деревом, прислонившись спиной к его толстому стволу. Почти каждый день он выходит на улицу в половине одиннадцатого, в то время как остальные из нас поеживаются внутри, перекусывая во время утреннего перерыва. Я привыкла видеть его там, но сегодня, вид того, как парень развалился в тени, его ручка мечется от одной стороны его блокнота к другой, пальцы обмотаны этим вездесущим синим пластырем, вызывает у меня желание, черт возьми, рвать на себе волосы.

— Почему он это делает? — рычу я. — Каждый божий день. Он просто сидит там и пишет, пишет и пишет. У него что, нет друзей?

Ноэлани оглядывается через плечо на Тео, видит его и хмурится.

— Ой. Э-э-эм... точно есть. Тео — один из самых популярных людей здесь. Ты не можешь сказать мне, что не заметила. Все из кожи вон лезут, чтобы заслужить его благосклонность.

О, да, я это заметила. Хотя не хочу этого признавать. Признание того, что Тео нравится людям, каким-то образом делает его менее похожим на злодея. Это то, что люди всегда говорят о серийных убийцах в телевизионных документальных фильмах, не так ли? Он был таким очаровательным. Все его любили. У него была куча друзей. Всегда останавливался, чтобы помочь старушкам на улице. Но за закрытыми дверями эти психи убивали женщин, которых они похитили, и сдирали кожу.

— Что с пластырем? — выпаливаю я. Это не давало мне покоя уже несколько недель. Недель. Однако я не собиралась спрашивать его об этом.

Ноэлани вопросительно смотрит на меня.

— Хм?

Я поднимаю указательный, средний и большой пальцы левой руки.

— О-о-о, пластырь, — пожимает плечами Ноэлани. — Думаю, он использует его при игре на виолончели. Раньше Тео хотел быть концертным виолончелистом, но теперь...

— Что?

— Думаю, теперь он передумал.

По какой-то причине этот крошечный кусочек информации о нем вызывает у меня иррациональную злость. Даже ярость. Я прикусываю кончик языка, тяжело дыша через нос. Меня не волнует, хотел ли Тео когда-нибудь стать концертным виолончелистом, или что сейчас передумал. Я просто хочу, чтобы этот ублюдок исчез.

— Если у него действительно так много друзей, то почему он всегда один? Почему просто всегда... сидит там.

Ноэлани отводит взгляд от Тео и смотрит на траву, на которой мы сидим. Она рассеянно дергает её, складывая оторванные травинки в небольшую кучку.

— Полагаю, что никто из нас на самом деле этого не заметил. Тео всегда был сам по себе. Мы просто позволяем ему делать свое дело.

— Мы? Мы? Только не говори мне, что он тебе нравится, — я не могу скрыть недоверия в своем голосе.

Лани смеется.

— Конечно, нравится. Он не так уж плох, когда узнаешь его поближе.

— Он кажется мне довольно неустойчивым.

Я должна быть осторожна с тем, что говорю. Я скомпрометирую себя, если сделаю свою ненависть к Тео Мерчанту слишком очевидной. Когда однажды утром он начнет захлебываться кровью, потому что я отравила его овсянку, мне не нужно, чтобы кто-то

показывал на меня пальцем.

— Неустойчивый? — спрашивает Лани. — Что ты имеешь в виду?

— Он пихнул Себастьяна в шкафчик и пытался задушить его три дня назад, — беззаботно говорю я. — А перед этим ударил Каллума Фэрли в челюсть. Ты не могла забыть. Ты стояла рядом со мной, когда это случилось. Я бы вряд ли назвала это действиями человека, владеющего собой.

Эти два отдельных события произошли в коридоре, между занятиями, прямо у меня на глазах. Я как всегда тихо кипела, чувствуя себя комфортно в своей ненависти к Тео, злясь, что он был там, прямо передо мной, а потом БУМ! Себастьян что-то пробормотал, и Тес набросился на него, размахивая кулаками. То же самое произошло и с Каллумом.

Звонкий смех Лани снова наполняет воздух. Девушка откидывается назад, ложится на траву, закидывает руки за голову, используя их как подушку.

— Во-первых, Себастьян — мудака. Он регулярно доводит даже своих лучших друзей до насилия, вот пример. Мы все хотели причинить ему боль в тот или иной момент. Каллум... — вздыхает Лани. — Каллум сказал что-то действительно дерьмовое, чего ему не следовало делать.

Похоже, Лани знает, что сказал Каллум, чтобы вызвать такую поразительную реакцию у Тео, но будь я проклята, если спрошу ее о деталях. Я не могу придумать, что сказать, поэтому просто сижу и некоторое время смотрю на клочок травы. Я узнала, что Ноэлани не любит долгого молчания, так что вскоре она заполняет пустоту.

— Думаю, раньше он никогда не был таким... замкнутым, — говорит она. — Тео. Некоторое время назад он попал в аварию. Несчастный случай. После этого парень изменился. Теперь, полагаю, он предпочитает свою собственную компанию. Многие девушки здесь надеются, что скоро он выйдет из своей раковины и проявит некоторый интерес к одной из них.

Я точно знаю, о каком несчастном случае говорит Лани. Удивительно ли, что Тео изменился после той ночи? После смерти Рейчел? Может быть. Я имею в виду, возможно, даже злые ублюдки, которые становятся причиной смерти девочек-подростков, иногда испытывают угрызения совести. Но я этого не говорю. Вместо этого ловлю себя на том, что заикливаюсь на ее последнем заявлении.

— Дай угадаю. Бет Джонсон в первых рядах.

— Да. Бет всегда была равнодушна к Тео. Она преследовала его на протяжении всего первого и второго года.

— А на третьем одумалась?

— Ха, нет! Его прибрали к рукам в прошлом году. Бет это не очень понравилось, но она держалась на расстоянии. Полагаю, не хотела показаться слишком отчаянной.

— Прибрали к рукам? Он с кем-то встречался? — Не знаю, почему это звучит так нелепо. Парень хорошо выглядит. Вполне логично, что он с кем-то встречался.

Ноэлани делает странное лицо.

— Да. Но она... девушка, с которой он был... она... думаю, она умерла.

— Думаешь, что она умерла? — От моих слов разливается кислота. Меня убивает мысль, что эти люди знают о Рейчел. Безмерно больно от того, что они знали о ее существовании, знают, что Тео попал в «несчастный случай», и что они до сих пор каждый день обращаются с ним, как с каким-то богом. Это оскорбление памяти Рейчел.

Выражение лица Ноэлани смягчается — как будто она очень тщательно сдерживает

свою реакцию на мой вопрос.

— Она действительно умерла, — говорит она. — Это было действительно грустно. Нам всем очень нравилась Рейчел. В некоторые дни... кажется, будто она все еще здесь. Я пытаюсь забыть, что она мертва, понимаешь? Это... это действительно чертовски больно.

Девушка судорожно сглатывает. Эмоции в ее голосе пробуждают что-то глубоко внутри меня, что заставляет меня хотеть причинить ей такую боль, как сейчас больно мне.

Рейчел никогда не упоминала при мне Ноэлани. Она никогда не говорила ни о ком из учеников здесь, в «Туссене». Насколько мне было известно, ей здесь было смертельно скучно, и Рэйч не могла дождаться, когда выберется. Я понятия не имела, что у нее были такие отношения с Тео. Что они на самом деле встречаются. Она даже никогда не упоминала его имени. От мысли, что все эти люди знали эту часть ее жизни лучше, чем я, меня тошнит.

Ноэлани позволяет еще одной паузе затянуться между нами, но в конце концов говорит:

— В любом случае. Хватит о Тео. Мне нужно попасть в библиотеку, чтобы закончить свой научный отчет, или я пропущу свое окно, чтобы добраться до учебников. Хочешь пойти со мной?

Я обдумываю ее предложение: сидеть в старой душной библиотеке «Туссена», с тяжестью еще более глубокой, более гнетущей тишины, притворяясь, что учусь. Нет, я просто не могу этого сделать.

— Нет, ты иди. Я закончила свой отчет. Мне так надоело сидеть взаперти внутри. Думаю, свежий воздух пойдет мне на пользу.

— Хорошо. Уверена?

— Да. Увидимся за ужином. И мы можем позаниматься вместе сегодня вечером какое-то время.

— Хорошо, — Лани собирает свои вещи и направляется к главному зданию.

Я смотрю ей вслед, задаваясь вопросом, не совершаю ли я ошибку, не идя с ней, но сегодня действительно прекрасный день. Прошла целая жизнь, с тех пор как я видела солнце, и неожиданное тепло дня в конце года заставляет меня почувствовать себя вялой и расслабленной, как будто мои мышцы тают на моих костях.

Сняв легкий свитер, который надела сегодня утром, я скомкала его, засовывая под голову. Мы с Рейчел обычно делали это на наших летних каникулах: лежали на солнышке, рассказывали друг другу истории и анекдоты, пока не пьянели от жары и головокружения от смеха, и не вырубались.

Некоторое время спустя я вздрагиваю и просыпаюсь, дрожа от прохладного ветерка, который пробегает по моей коже. Солнце зашло. Мои руки и ноги покрылись мурашками, а трава, которая раньше была теплой и мягкой, теперь кажется влажной и липкой. Моргая от скопления облаков, которые собрались, пока я спала, понимаю, что, похоже, вот-вот пойдет дождь.

Что ж, это продолжалось недолго.

Я борюсь с волной головокружения, когда поднимаюсь, и у меня чуть не случается гребаный сердечный приступ, когда понимаю, что Тео сидит по-индейски на траве в нескольких футах от меня. Его потрепанный блокнот лежит на одном из его колен. Парень лениво вертит ручку в правой руке, глядя вдаль, вниз по склону в сторону долины, где состоялась вечеринка «Первой ночи».

— Господи. Ради всего святого. Какого черта ты делаешь?

— Сижу, — отвечает он, не глядя на меня.

— Это я вижу. Какого хрена ты сидишь так близко ко мне?

— Ты выглядела замерзшей, — Тео кивает на мои ноги, которые прикрыты простой черной толстовкой.

Я срываю её с себя и бросаю ему.

— Мне не нужно, чтобы ты совершал случайные добрые поступки ради меня, придурок.

— Ладно. Тогда подхвати гребаную пневмонию. Посмотрим, волнует ли меня это.

Парень берет толстовку, блокнот и ручку и встает, собираясь уйти, но мой тупой рот открывается прежде, чем я успеваю заткнуть себя.

— Ты действительно думаешь, что прикрытие моих ног, пока я сплю, имеет какое-то значение для того, что ты сделал?

Такой ничтожный поступок. Если он думает, что, следуя за мной повсюду и совершая подобные мелкие поступки, я смогу его простить, то пусть подумает еще раз.

Тео останавливается. Оборачивается.

— Я не пытался заслужить твое прощение, Восс.

— Что тогда? Тебе просто нравится тыкать медведя или что-то в этом роде? Хочешь почувствовать, как сильно я тебя ненавижу? Как сильно я, блять, презираю тебя? Да?

Тео одаривает меня ровной, холодной улыбкой.

— Мне насрать, если ты меня ненавидишь. Продолжай.

Возмутительно. Этот парень чертовски выводит меня из себя.

— Твое высокомерие не знает границ. Мне не нужно твое гребаное разрешение! Ты убил мою лучшую подругу. Я буду ненавидеть тебя до самой смерти, и найду способ ненавидеть тебя еще долго после этого. Я никогда, черт возьми, не перестану ненавидеть тебя. Я...

Парень опускается передо мной на колени. Двигается так быстро, что у меня нет надежды остановить его. Внезапно его руки оказываются в моих волосах, а его рот...

О, боже.

Его рот...

Его губы обрушиваются на мои. Тео целует меня так грубо, что я не могу дышать, не могу двигаться, реагировать, думать. Какого черта он делает? Я прижимаю руки к его груди, готовая оттолкнуть его от себя, переполненная таким гневом, что, кажется, это может убить меня. Но потом...

Что я делаю?

Я не отталкиваю его.

Его запах поражает меня — бергамот, мята, свежий, прохладный зимний воздух — и что-то происходит внутри меня. Какая-то часть меня раскрывается. Всхлип вырывается из моего рта и попадает в его. Звук такой надломленный и страдальческий, такой звериный и раненый, что мой разум просто становится... пустым.

Прикосновение его губ становится нежнее. Парень скользит руками вверх по моим рукам, и осторожно удерживает меня на месте, заставляя мой рот открыться. Его горячее дыхание касается моего лица, быстрое и настойчивое, обдувает мои щеки, вдыхая и выдыхая, вдыхая и выдыхая, слишком быстро. Когда его язык скользит мимо моих губ, чтобы коснуться моего, я застываю, парализованная страхом, с которым не могу считаться.

Его губы...

Боже, прикосновение его губ так возбуждает. Меня так отчаянно тянет к нему, и я не могу этого объяснить. Он — проклятие и чума, и мне становится все хуже от него с каждым

днем. Как бы мне ни было стыдно, как бы ни было страшно, я обнаруживаю, что сдаюсь этому ублюдку, растворяюсь в нем, как будто я была в изнурительном путешествии годами и наконец-то оказалась дома.

Мой язык работает против его языка, пробуя на вкус, принимая его глубже в свой рот, и по телу Тео проходит дрожь. Его дыхание перехватывает где-то между легкими и ртом, резкий, настойчивый звук вырывается из горла парня, и его хватка на мне усиливается. Его тепло согревает меня. Его руки поддерживают меня. Прочность его присутствия возвращает меня обратно в тело, из которого я, как мне казалось, ускользала уже очень давно.

Моя голова кружится, когда Тео притягивает меня ближе, так что наши груди соприкасаются, наши животы, наши бедра, наши...

Господи, помилуй.

Наши бедра соприкасаются, и я чувствую его. Тео крепко прижимается ко мне, его эрекция натягивает переднюю часть джинсов, упирается мне между ног, оказывая давление на ту часть моего тела, о которой я даже не подозревала, что она может болеть так, как болит прямо сейчас. Что это за безумие такое?

«Как он может быть мне так нужен, после всего, что сделал?»

Этот вопрос возвращает меня в чувство, но также и освобождает меня, отвязывает от якоря, заставляет плыть по течению, снова покидая мое тело. Я дергаюсь назад, отталкиваясь от него, испытывая отвращение к себе за то, что позволила всему зайти так далеко.

Глаза Тео широко раскрыты, зрачки расширены, когда он смотрит на меня сверху вниз. Его лицо покраснелось так, что у меня поджимаются пальцы на ногах.

— Ненавидишь меня сейчас? — задыхается он.

— Да! — я отползаю от него, подальше от опасности, которую он представляет. Грязь скапливается у меня под ногтями, когда я царапаю землю, используя ее, чтобы получить поддержку и увеличить расстояние между нами. Как только убеждаюсь, что парень не сможет снова наброситься на меня, вытираю рот рукой, пытаюсь стереть ощущение его губ. — Совсем с ума сошел?

Яркий румянец на его лице рассеивается прямо на моих глазах. Я наблюдаю, как возвращается высокомерное, холодное выражение, к которому я так привыкла.

— Наверное, раз захотел поцеловать тебя.

— Да пошел ты, — выплевываю я. — Целовать кого-то без его разрешения все равно считается сексуальным насилием. Я должна сообщить о тебе Форд!

Тео опускается на пятки, наблюдая за мной, уголок его рта изгибается в жестокой ухмылке.

— Серьезно, Восс? Сексуальное насилие? — тихо смеется Тео. — Не было похоже на насилие, когда ты засовывала свой язык мне в горло и стонала мне в рот, как изголодавшаяся по сексу кошка. Но мы назовем это так, как тебе нравится.

— Я не просила тебя целовать меня!

— Но и не запретила. И когда ты отстранилась, я не удерживал тебя. Ты была вольна принять или отвергнуть меня с самого начала.

— Ух! Ты такой... — я нащупываю нужные слова. — Ты такая задница!

— Весь день, каждый день, — соглашается он.

У меня, блять, все плывет перед глазами. Поднимаясь на ноги, я покачиваюсь, фигурально и буквально выведенная из равновесия тем, что только что произошло. Я

никогда раньше так ни на кого не реагировала. Это было интуитивно. Плотски. Я никогда ничего не хотела так, как хотела его в тот момент.

Тео что-то кричит мне вслед, но у меня слишком громко звенит в ушах, чтобы расслышать, что он говорит. Сердце колотится в груди, когда я мчусь обратно к школе. Кровь бурлит. Челюсть сжата. Руки дрожат, плечи напряжены.

Я не сержусь на Тео. Я злюсь на себя.

Он прав. Я не мешала ему целовать меня.

Я хотела этого.

Хотела его.

Мне потребовалась вся моя сила воли, чтобы отстраниться.

СОРРЕЛЛ

Он там, когда я завтракаю. Когда иду на занятия и изнурительно тренируюсь в новеньком тренажерном зале «Туссена». Когда каждый мучительный вечер торчу в актовом зале, наблюдая, как ученик за учеником выступают с сольными концертами, поют, танцуют и читают свои дурацкие гребаные стихи. Тео все еще там, когда я ужинаю, и когда тусуюсь в библиотеке с Ноэлани. Хуже всего то, что он там, когда я закрываю глаза каждую ночь, прокручивается в моей голове. Когда засыпаю, я даже во сне не могу убежать от него. Ночь за ночью я просыпаюсь вся в поту, не в состоянии вспомнить, что происходило во сне, но на очень глубоком уровне знаю, что Тео Мерчант снова преследовал меня на каждом шагу. Я все еще чувствую его запах. Чувствую его руки на своей коже и прикосновение его губ к моим. Не раз я резко садилась в постели с колотящимся сердцем, влажностью между ног, зная, что я только что кончила, черт возьми, и не помня, как это произошло.

Я ненавижу его всеми фибрами своего существа.

Проходит месяц, а я ничего не слышу от Рут. Три раза я пытаюсь свалить из «Туссена», полная решимости сбежать из этой адской дыры и вернуться в Лос-Анджелес, но каждый раз мои планы срываются либо самой директрисой Форд, либо тем простым фактом, что мы находимся в глуши, и у меня нет возможности вернуться к цивилизации. Школа по-прежнему закрыта.

Раз в неделю Джереми появляется на «Супер Каб», привозя скоропортящиеся продукты и другие принадлежности для школы, но директор Форд всегда встречает его вместе с по крайней мере двумя другими сотрудниками. Я пыталась придумать, как пробраться на заднее сиденье этого проклятого гидросамолета, пока у меня не началась мигрень, но мне еще предстоит найти способ достичь этой цели так, чтобы меня не обнаружили.

Ночью я лежу в постели, проклиная тот день, когда вообще согласилась приехать сюда и сделать это. Тогда это казалось единственным способом добиться справедливости, но теперь я в этом не уверена. Разве не было бы разумнее сообщить о Тео в полицию? С него сняли все обвинения после аварии, но, конечно, они еще раз рассмотрят его причастность, если я дам показания. Новое заявление. Поскольку у меня нет реальных воспоминаний о той ночи, это, конечно, будет сфабрикованное заявление, но не лучше ли лгать полиции, чем торчать здесь, видеть этого ублюдка каждый день, сталкиваться с мыслью, что он прямо там, в пределах досягаемости, а из-за приказа Рут я не могу прикоснуться к нему?

Блять.

Я знаю, что Тео ответственен за то, что произошло. Рут сказала мне, что я подробно рассказала о том, что произошло после аварии, прежде чем все мои воспоминания о той ночи исчезли.

Сентябрь сменяется октябрём, а наказание Форд продолжается, и все, что я могу делать, это ходить на занятия, выполнять задания, стараться избегать Мерчанта, насколько это возможно, и молить бога, чтобы запрет на выезд на выходные из этого богом забытого национального парка поскорее закончился. В ту секунду, когда Джереми разрешат отправлять нас обратно к цивилизации, я свалю отсюда к чертовой матери и больше не вернусь.

Я начинаю надеяться, что этот день может скоро наступить, когда директор Форд выходит на сцену однажды вечером в пятницу, после того как мы все собрались в актовом зале для нашего вечернего «воспитательного» наказания, и обращается к нам. Сидя рядом со мной, Ноэлани сжимает мою руку, пока мы обе слушаем.

— Во-первых, мне нужно сделать объявление. Интернет-сервис академии подлежит замене. Мы переходим на более совершенную систему, так как наш спутниковый интернет в последнее время был не стабильным. Боюсь, это означает, что ваши телефоны не будут работать. К сожалению, это также означает, что компьютеры в библиотеке также не будут работать в течение следующей недели. Если вам нужно провести исследование для выполнения задания, то придется использовать другие ресурсы библиотеки. Там на многочисленных полках стоят такие странные прямоугольные предметы. Раскройте один из них, и обнаружите, что в нем полно страниц с надписями. Они называются книгами.

Все собравшиеся в зале ученики стонут.

— Так, с этим покончено... — вздыхает Форд. — Как вы знаете, каждый из вас пришел сюда и поделился чтением стихов, или выполнил задание, или выступил, будь то пение или игра на инструменте. Я планировала продлить это вечернее собрание еще на месяц и заставить вас всех пройти через это, но, честно говоря... — она качает головой, надувая щеки. — Честно говоря, у меня больше нет сил на это. Это было таким же наказанием для меня, как и для вас. Итак, начиная с завтрашнего вечера, вам больше не нужно будет приходить сюда в восемь. Однако ваш комендантский час все еще действует, и все другие правила, которые были установлены, тоже действуют...

Тем не менее по залу разносится крик восторга.

— Подождите, подождите, — говорит директор Форд, обращаясь к ученикам, которые нетерпеливо поднялись на ноги и направились к выходу. — Я сказала «начиная с завтрашнего дня». Сядьте обратно. Сегодня вечером, вместо того чтобы заставлять одного из вас подниматься сюда, я решила, что вместо этого мы посмотрим фильм.

Аплодисменты моих одноклассников становятся все громче. У нас есть доступ к фильмам и шоу, которые привезли с собой на жестких дисках, но без высокоскоростного Интернета для загрузки новых материалов мы все устали от того, что сохранили на наших ноутбуках. Новый фильм — это долгожданная новость.

— Не слишком радуйтесь, — предупреждает директор Форд. — Поскольку вы, ребята, превратили мою жизнь в сущий ад, и мне пришлось тратить так много своего времени, нянчась с вами, я выбираю фильм, и это будет «Дневник памяти».

Парни стонут.

Девушки ликуют.

Я никогда не видела этот фильм, но, когда Лани начинает подпрыгивать на своем сиденье рядом со мной, бормоча что-то о Райане Гослинге и о том, как сексуальна его борода, я понимаю, что это какой-то эпический роман. Она так взволнована, что я не могу удержаться от улыбки.

Форд еще больше удивляет нас, когда двое работников кухни появляются с тележками, доверху наполненными маленькими бумажными пакетиками в красно-белую полоску с попкорном. Лани вскакивает со своего места прежде, чем я успеваю предложить пойти и захватить нам что-нибудь.

— Не волнуйся. Я принесу! — кричит она через плечо, устремляясь по проходу.

В тот момент, когда она встает со своего места, в передней части с потолка

разворачивается экран, и Форд уходит со сцены. Люди все еще не вернулись на свои места, ссорясь из-за попкорна, когда начинается фильм.

Последние несколько недель мне было так скучно, что я сразу же втягиваюсь в эту историю. Когда Лани возвращается и садится рядом со мной, я даже не смотрю на нее; беру пакет с попкорном, который она предлагает, и жую его, не сводя глаз с Райана Гослинга.

А потом, сквозь маслянистый запах закуски у меня на коленях, я чувствую что-то еще.

— Полагаю, я вижу очарование, — говорит Тео, наклоняясь, чтобы прошептать мне на ухо.

Пакет с попкорном слетает с моих колен и падает на пол.

В зале темно, так что я почти ничего не вижу — только потертый воротник его футболки с длинными рукавами и черные чернила, растекающиеся по коже над ним. Только глубину его глаз, ставших почти черными в темноте. Только выпуклость его бицепса, когда Тео опирается на подлокотник моего кресла, в опасной близости от того, чтобы задеть меня. От него пахнет так, словно парень только что побывал под дождем, свежестью и ароматом сосны.

— Неожиданно, — одаривает меня дерзкой ухмылкой Тео. — Ты больше похожа на девушку Тома Харди.

Я отклоняюсь от него, пока мой позвоночник не упирается в другой подлокотник.

— Где, черт возьми, Ноэлани?

Пальцы Тео снова обмотаны пластырем. Должно быть, парень играл на виолончели до того, как спустился сюда. Он методично отрывает его от пальцев, роняя кусочки на пол. Закончив, снова смотрит фильм, отправляя в рот несколько кусочков попкорна. Свет, отбрасываемый экраном, превращает его глаза в отражающие зеркала. Я смотрю, как он ест — мышцы его челюсти и горла работают, когда парень жует и глотает, — болезненно очарованная этим зрелищем. И невольно вздрагиваю, когда Тео засовывает кончик большого пальца в рот и посасывает его дочиста.

— Кажется, я что-то слышал о том, что она будет сидеть сзади с Мэл? — говорит Тео в конце концов.

— Какого хрена? Ты сказал ей не возвращаться и не сидеть со мной?

На него не действует мой тон. Пожав плечами, парень отправляет в рот еще один кусочек попкорна. На этот раз сосет указательный палец.

— Я не делал ничего подобного.

— Тогда убирайся с ее места, чтобы она могла вернуться!

— Ноэлани сама по себе. Если хотела пойти посидеть с Мэл, кто я такой, чтобы ее останавливать? И сомневаюсь, что мой уход заставит ее вернуться.

— Тео!

— Тсс! — Голова директора Форда высовывается из первого ряда. — Клянусь, если вы, ребята, продолжите ерзать, я выключу эту шутку, и вы все будете сидеть здесь в тишине, пока я буду смотреть фильм в наушниках на своем ноутбуке. Вы этого хотите?

В зале тихо, как в могиле.

Я свирепо смотрю на Тео, который запикивает в рот еще один кусочек попкорна, пожимая плечами в стиле: «ну и что ты собираешься делать?». Я могла бы закричать. Но не хочу быть тем человеком, который отключает фильм для всех, поэтому молчу. Я также не могу встать и пошевелиться. Я застряла здесь, сидя рядом с ним, с бушующим гневом в груди. Тео думает, что такой чертовски умный. Чего он надеется достичь, садясь рядом со

мною?

Фильм ползет вперед, но сейчас я этого не замечаю. Мое внимание сосредоточено на жаре, исходящем от тела Тео. Я прижимаю локти к бокам, избегая подлокотников, но это мало что меняет. Тео выше большинства парней, и его огромная фигура с трудом помещается в кресле. Время от времени его рука касается моей. Затем парень раздвигает ноги, и его колено упирается в мое. Две точки, где соприкасаются наши тела, горят, как ничто другое. У себя в голове я кричу.

«И все-таки, он действительно хорошо пахнет», — отмечает голос Рейчел. — *«Держу пари, было бы потрясающе, если бы он обнимал тебя одной рукой. Представь, как безопасно чувствовалось бы, если бы ты положила голову ему на грудь и слушала биение его сердца...»*

О чем, черт возьми, она говорит? Не могу представить ничего, что было бы менее безопасным. Пытаюсь выбросить из головы мысль об этом — оказаться в объятиях Тео, прижаться к нему, — но эта мысль как несмываемое пятно на моей душе. Теперь, когда подумала об этом, я не могу стереть это в небытие. Это задерживается, проникая в мои мысли, пока не становится единственным, о чем я могу думать.

На экране Ной и Элли начинают влюбляться, но все, о чем я могу думать — это близость Тео Мерчанта и то, как легко было бы протянуть руку и взять его за руку.

«Вперед. Вполне можно. Никогда не узнаешь, если не попробуешь. Тебе это может понравиться», — озорно подбадривает Рейчел.

Почему, во имя всего святого, она уговаривает меня взять его за руку? Рейчел, с которой я разговариваю в своей голове, ненастоящая. Она плод моего воображения. Я не хочу, чтобы она делала мне такие комментарии, так почему, черт возьми, она не уйдет?

«Заткнись, черт возьми».

Время тянется мучительно медленно, пока идет фильм. В конце концов, я так привыкаю к тому, что колено Тео упирается в мою ногу, что подпрыгиваю каждый раз, когда парень ерзает на своем сиденье, напоминая, что он прикасается ко мне.

Примерно через час Тео выбрасывает свой пакет с попкорном, кладет его на сиденье с другой стороны от себя... и небрежно кладет руку мне на бедро. Вид серебристых переплетающихся шрамов, которые покрывают тыльную сторону его ладони, наполняет меня извращенным желанием протянуть руку и прикоснуться к ним, чтобы почувствовать, как они ощущаются.

— Какого хрена? — У меня отваливается челюсть.

Парень качает головой, прижимая другую руку к уху, делая вид, что не слышит меня. Ладно. Если он хочет быть мудаком, то будет справедливо, если я тоже буду вести себя также.

Я хватаю его за руку, отрываю ее от своей ноги, хватаю за мизинец и тяну его назад.

— Ох, ай-й-й... — он прерывает сдавленный звук боли так быстро, как только может, но недостаточно быстро.

— Хорошо. Это оно. Последнее предупреждение! — огрызается Форд. — Еще один писк, и конец!

Тео пытается высвободить свой палец из моей хватки, но, черт возьми, нет... Я не отпускаю. Ему понадобятся плоскогубцы, чтобы ослабить мою хватку.

— Соррелл, — шепчет Тео отрывисто. — Отпусти. Соррелл.

Нет, я так не думаю. Я оттягиваю его палец еще немного назад, наслаждаясь звуком его

боли, когда парень издает мучительный, но тихий стон.

Поворачиваясь на своем сиденье, Тео хватает меня сзади за шею, притягивая ближе, так что я чувствую, как его губы двигаются у моего уха, когда он говорит.

— Хочешь знать о Генри или нет?

Жестокий, расчетливый трюк. Он не упоминал имя Генри с тех пор, как сказал мне спросить о нем Рут в мой первый день здесь. Мое собственное упрямство помешало мне запросить дополнительную информацию. Сначала я решила поверить, что Рут рассказала бы мне о нем, если бы он был каким-то образом важен или даже реален, если уж на то пошло, но теперь я не так уверена. Прошло слишком много недель без контакта с Рут или «Фальконхаус», и я уже не знаю, что мне думать. Так что да. Думаю, я действительно хочу знать, что Тео может сказать об этом таинственном человеке.

Я отпускаю его палец.

Холодная твердость вспыхивает в его глазах. Парень встряхивает рукой, раздувая ноздри, затем наклоняется ближе, чтобы снова прошептать мне на ухо.

— Ты чертовски упряма, знаешь это?

Мне приходится наклониться к нему также близко, чтобы прошептать ему на ухо. И да помогут мне Небеса, если от его запаха у меня не кружится голова. Я стараюсь не дышать.

— Просто скажи мне.

Левая сторона лица Тео вспыхивает белым, отбрасывая правую в тень, когда сцена на экране проектора переходит из ночи в день. Долгую секунду парень просто смотрит на меня, хмурясь... а потом поднимает мизинец.

— Сначала поцелуй его.

Я борюсь с приступом смеха, который подступает к моему горлу.

— Сколько тебе, пять? Я не буду целовать твой палец, тупица.

— Нет? — выгибает темную бровь Тео, глядя на меня. — Значит, ты не хочешь знать о Генри?

— Не хочу, если ты собираешься заставить меня нянчиться с тобой, как с каким-то недоразвитым ребенком, нет.

— О, будь уверена, я уже полностью развит, — грохочет он. Есть что-то неприличное в том, как он это говорит — его тон, даже если слова произнесены шепотом, говорит о непристойности.

Быстрый ответ помогает стереть эту мысль.

— Даже лучше. Развитый ребенок. Чудесно.

Тео прищуривает глаза.

— Генри — еще один из любимых проектов Рут.

Что он только что сказал? Во-первых, меня оскорбляет намек на то, что я чей-то гребаный проект. Во-вторых, Тео ошибается. Он просто... чертовски неправ. Я качаю головой.

— Рут не воспитывает мальчиков. Только девочек. Девочек, как я.

Небрежная, медленная улыбка расплывается по трагически красивому лицу Тео.

— Похоже, ты многого не знаешь о своей старой приятельнице Рут.

— Скажи мне, — выплевываю я.

Тео поднимает свой мизинец.

— Как я и сказал.

— Боже, ты жалок, — я беру его за запястье и крепко держу, быстро чмокая в мизинец.

Контакт длится меньше секунды, но мое тело реагирует даже при этом. Мне хочется вылезти из своей собственной кожи. Я не хочу этого. Не хочу чувствовать себя так...

Я начала привыкать к ледяной улыбке Тео, но на этот раз это словно удар под дых. В ней есть искра тепла, которую нельзя отрицать.

— Ты можешь сделать получше, милая.

— Ух! Чего ты от меня хочешь?

Клянусь богом, мне не следовало спрашивать.

Тео выглядит, как ребенок в рождественское утро, если бы этот ребенок был садистом и любил причинять другим боль ради собственного удовольствия.

— Я так рад, что ты спросила. Давай я тебе покажу.

Быстро, как молния, парень засасывает мизинец себе в рот. Вытаскивает его влажным, блестящим. Секунду спустя трет его подушечкой о мои губы, проводит по моей нижней губе, смачивая ее, взад и вперед.

Тео прикусывает собственную губу, наблюдая за тем, что делает. Совершенно ошеломленная, я понятия не имею, что делать. Я даже не чувствую, как его палец прижимается к моим губам. Все, что вижу, это то, каким диким выглядит Тео, сосредоточенный на своих действиях.

Парень выглядит так, словно хочет меня съесть.

И определенно выглядит так, будто хочет снова поцеловать меня.

Все, что я могу сделать, это оставаться в вертикальном положении и дышать, не теряя сознания.

— Открой его для меня, Восс, — бормочет Тео.

НЕТ!

Мысленно я выкрикиваю это слово ему в лицо. Даю пощечину. Вцепляюсь в него когтями. Плюю в лицо. Бью так сильно, что ломаю собственные кости ирываю собственную кожу.

— Почему? Зачем тебе это нужно?

Парень поворачивается, разворачиваясь ко мне лицом, ясно давая понять, что я в центре его внимания. На мгновение его глаза поднимаются, чтобы встретиться с моими.

— Потому что все это убивает меня, — рычит он. — Я хочу тебя. Хочу сделать тебя своей. Хочу, чтобы твои ноги обхватили мою гребаную голову, а соки твоей киски смачивали мой рот... вот так...

Тео еще медленнее проводит пальцем по моей нижней губе, оставляя за собой огненный след.

— Потому что я хочу... тебя, — говорит он, задыхаясь. — Я хочу погрузить свой член так глубоко в тебя, чтобы ты закричала. Я, блять, не могу перестать думать о тебе, о твоей улыбке, о сиськах и о том, какая, должно быть, сладкая на вкус твоя киска. Хочу прижать тебя к себе, пока вколачиваюсь в тебя. Хочу увидеть ту секунду, когда ты развалишься на части. — Никогда раньше я не была свидетелем такой интенсивности, которая горит в его глазах в этот самый момент; это совершенно опьяняет. — Это ответ на твой вопрос?

И я открываю рот.

Это даже не сознательное решение.

Я просто делаю это.

Где-то в глубине моей головы Рейчел кричит, подбадривает, мысленно дает мне пять.

«Наконец-то! Вот это моя девочка. Заставь его извиваться, Соррелл».

И да, он извивается.

Внутри меня бушует война, которая тянет меня в четырех разных направлениях: я хочу его; я ненавижу его; он мне нужен; я собираюсь убить его. Если бы Рут могла увидеть меня сейчас, она бы упала замертво на месте. Я никогда не смогла бы разочаровать ее больше, чем сейчас. Но... Я обвиваю языком его палец, наслаждаясь вкусом масла для попкорна на его коже, тяжело выдыхая через нос. Во всех отношениях это кажется неправильным, но в то же время таким правильным. Тео хмыкает, сильнее впиваясь зубами в нижнюю губу, когда изучает меня за работой.

— Господи Иисусе, — стонет он.

— Тсс! — На этот раз предупреждение исходит не от Форд. Оно доносится из глубины зала. Очевидно, что некоторые ученики действительно хотят посмотреть этот фильм.

На экране персонажи спорят, но не спрашивайте меня почему. Все, что я знаю, это то, что Тео засовывает палец глубже мне в рот, впивается им в мою щеку, словно ловит меня на крючок, притягивая мое лицо ближе к своему. Обхватывает другой рукой меня за шею, и я больше не могу этого выносить. Я закрываю глаза. Было достаточно плохо, когда я могла чувствовать, как его губы двигаются у моего уха, но почувствовать, как они двигаются у моего рта...

Блять.

Он убирает палец.

— Хорошая девочка. Самое время тебе сдать. Мне уже порядком надоело ждать.

— Иди в задницу, — выдыхаю я.

Тео смеется, посылая волну горячего дыхания по моим щекам.

— Тебе бы это понравилось, не так ли? Чтобы я трахнул тебя. Ты думала о том, каково это было бы, если бы я был внутри тебя, малышка?

Я судорожно сглатываю.

— Нет.

— Посмотри на меня.

— Зачем?

— Потому что я хочу знать, хорошо ли ты скрываешь свою ложь.

Боже, боже, боже, это плохо. Это действительно плохо.

— Иди к черту.

Его рука перемещается, на этот раз хватая меня за челюсть. Парень слегка встряхивает мою голову.

— Открой их, — рычит он.

Я подчиняюсь.

— А сейчас. Скажи мне еще раз. Скажи, что ты не думала обо мне так, как я думал с тебе.

— Ты — последнее, о чем я думаю, Теодор. Всегда.

Он цокает языком.

— Тебе нужно еще немного попрактиковаться в этом перед зеркалом.

Прежде чем успеваю снова выругаться на него, его рот прижимается к моему. Я туго напряжена, мои мышцы натянуты как струна. Его язык проскальзывает мимо моих зубов, и мне конец. Я больше не могу сопротивляться этому. Парень целует меня, запускает руки в мои волосы, тяжело дышит мне в рот, исследуя языком каждую частичку меня, и я позволяю ему. Более того, я целую его в ответ. Цепляюсь за него, давая ему все, что он хочет, а потом

еще немного. Я беру то, что хочу, и это рай. На вкус Тео сладкий и соленый, достаточно притягательный, чтобы заставить меня хныкать. На каждое его движение я отвечаю противодействием. Это гораздо больше, чем просто поцелуй. Его руки прокладывают себе путь вниз, скользя по чувствительной коже моей шеи, по ключице, и я отвечаю ему тем же, хватая за рубашку, притягивая ближе. Парень опускает руки ниже, нащупывая мою грудь поверх топа, сжимает пальцами и перекатывают мои соски через тонкий материал лифчика и...

О, черт. О, боже. О... БОЖЕ!

Я скольжу руками вверх по внутренней стороне его рубашки, впиваясь ногтями в его живот и бока, наслаждаясь ощущением его напряженных мышц. Тео издает животный звук, гортанный и отчаянный, и я теряю всякое ощущение реальности. Где верх, где низ. Что правильно, а что неправильно. Конфликт, который бушевал в моей голове уже несколько недель, внезапно прекращается, когда я двигаюсь вперед, насколько позволяет подлокотник, прижимаясь к нему.

— Ты хоть представляешь, насколько я тверд прямо сейчас из-за тебя?

В его голосе ощутима потребность. Это проходит между нами, передаваясь от него ко мне, и я приветствую это, потому что вот так, сцепившись вместе, когда кончик его языка скользит по моим губам, а его руки сжимают меня достаточно крепко, чтобы оставить следы, мир погружается в тишину. Мне больше не больно. Я не страдаю. Я нахожу своего рода покой в этом безумии, даже зная, что это неправильно, и каким-то образом это делает происходящее еще более захватывающим.

Когда я стала такой слабой? Если бы хорошенько подумала об этом, смогла бы я точно определить момент, когда проиграла эту битву, или это происходит прямо сейчас, в этот самый момент, когда его рука обвита вокруг моего горла, а его язык у меня во рту? Боже, я худшее существо на свете.

Рейчел мертва.

Рейчел мертва.

Рейчел *мертва*.

Повторение этой фразы в прошлом удерживало меня на якоре и на верном пути, но сейчас эти слова ничего не значат. Фоновый шум. Я не слышу их из-за грохота в моей голове.

— Черт, твой рот... — стонет Тео. — Я не могу передать, что хочу сделать с этим сладким гребаным ртом.

Парень снова целует меня, прежде чем я успеваю отстраниться, или вздохнуть, или даже подумать.

Я начинаю вытаскивать руки из-под его футболки, не в силах вынести прикосновения к его коже, но Тео снова берет меня за подбородок, глядя мне прямо в глаза.

— Положи их обратно, — приказывает он.

Его тон не терпит возражений, но спорить в моей натуре.

— Зачем мне это?

— Если твои руки не на моей груди и животе, я найду для них другое место, Восс. И хотя мысль о том, что ты обернешь их вокруг моего члена, звучит сейчас чертовски идеально, я не хочу, чтобы кого-то из нас исключили.

— Ты бы не стал. Ты бы не посмел вытащить свой член...

Тео стискивает челюсти, сердито глядя на меня, гнев изливается из него, когда он отрывает руку от моего лица и расстегивает джинсы. Я наблюдаю, как парень это делает,

слишком удивленная его внезапным проявлением ярости, чтобы остановить его. А потом, потом...

О... святое дерьмо.

Я снова смотрю на него, и у меня кружится голова от первобытного, доминирующего выражения, которое он обращает на меня.

— Не говори мне, что я осмелюсь или не осмелюсь сделать. Ты, блять, понятия не имеешь. Посмотри на это.

Я не отрываю взгляда от его лица.

— Посмотри на это, Восс.

Форд может услышать его в любую секунду. Она потеряет самообладание и остановит фильм, и я буду спасена от этого прекрасного кошмара. Только директриса этого не делает.

Боже, помоги мне, но я смотрю вниз. Тео обхватывает свой член правой рукой, медленно двигая вверх и вниз по впечатляющей длине. Он твердый, вены гордо выступают на твердом стволе его члена. Парень сжимает себя сильнее, чем кажется удобным, и на головке образуется капля предэякулята.

Внутри меня горит ад, опалая меня от живота до груди, пылая у основания горла, заставляя мои щеки гореть. Вид того, как Тео прикасается к себе, двигая рукой вверх и вниз, заставляет мои соски напрячься. Мои сиськи внезапно становятся напряженными. Тяжелыми. Они болят, будто тоже хотят, чтобы к ним прикоснулись. И между моими бедрами... моя киска еще больше хочет, чтобы ее потрогали. Я более влажная, чем когда-либо за всю свою жизнь.

Когда Тео делает паузу, обхватив рукой верхушку своего члена, и подушечкой большого пальца растирает капельку предэякулята по всей головке своего члена, я почти самопроизвольно воспламеняюсь.

— Что, черт возьми, с тобой не так? — бормочу я.

— Что, черт возьми, с тобой не так? — огрызается Тео в ответ. — Ты хочешь этого. Я, блять, чувствую, как сильно ты этого хочешь.

Всепоглощающий стыд пронзает меня. Он чувствует это во мне? Иисус Христос.

— Сиди и смотри, малышка. Отвернешься даже на секунду, и пожалеешь об этом. Это обещание.

Тео откидывается на спинку кресла, отпуская меня, но его взгляд не дрогнул. Его глаза прожигают во мне дыры, когда парень сдвигает джинсы немного ниже на бедрах, предоставляя себе лучший доступ, когда приподнимает бедра вверх, отчего член торчит больше...

О, мой Бог.

Ошеломленная, я судорожно хватаю ртом воздух, когда Тео ускоряет темп, водя рукой вверх и вниз по своей эрекции. Все быстрее и быстрее. Все сильнее и сильнее. Это самая первобытная, дерзкая, завораживающая вещь, которую я когда-либо видела.

Тео задирает футболку, обнажая плоский, мускулистый живот.

— Это из-за тебя, — шипит он. — Вот как ты сводишь меня с ума. Вот как сильно ты заставляешь меня хотеть тебя трахнуть.

Все быстрее и быстрее Тео скользит рукой по своей длине, напрягаясь с каждой секундой. Его плечи напрягаются. И ноги. Мышцы на его руках тоже напрягаются, когда парень подходит все ближе и ближе к краю.

Это происходит внезапно: веки Тео закрываются, его голова откидывается назад, и он

извергается, кончая на свою руку и голый живот. Черт! Вид его, скользкого и мокрого, покрытого собственной спермой, в равной степени является самой горячей и ужасающей вещью, которую я когда-либо видела.

Парень прерывисто выдыхает, его рот приоткрывается, и я чувствую, что могу умереть.

Он красивый, дикий и такой чертовски сексуальный, что я прикусываю внутреннюю сторону щеки, пока не чувствую вкус крови. Я хочу его так сильно, что не могу ясно видеть.

— Черт возьми, Тео...

Парень садится, открывает глаза, и необузданное желание, которое было там до того, как он кончил, не исчезло; оно усилилось.

— В следующий раз, когда я сделаю это, это будет внутри тебя, Восс. Я собираюсь растереть свою сперму по всей твоей киске. Даю тебе слово.

Не теряя ни секунды, Тео протягивает руку через меня и хватает маленькую красно-белую бандану, которую я использовала в качестве повязки на голову этим утром. Я сняла ее и положила поверх своей сумки, когда вошла в зал с Ноэлани, и теперь Тео использует ее, чтобы вытереться. Закончив, он расстегивает молнию на моей сумке и засовывает внутрь скомканный материал.

Парень отодвигается и застегивает джинсы. Затем этот ублюдок встает со своего места.

— Я приду в твою комнату завтра вечером.

— Нет! — шиплю я.

— Да. И я собираюсь трахнуть тебя. И ты кончишь прямо на мой член, а я вылижу тебя, блять, дочиста. Это свидание.

Парень уходит.

— *Тео!*

Он не слушает. Даже не оглядывается назад.

Форд не издает ни звука, когда он идет по проходу и выходит из зала.

Черт возьми, я не могу... Я, блять, не могу дышать.

«Иди, иди, иди. Ты должна убираться отсюда к чертовой матери».

Это не память Рейчел говорит мне последовать его примеру и уйти. Это гораздо более настойчивый, отчаянный голос в моей голове, кричащий мне бежать. У меня дрожат ноги, когда я выхожу из зала. Мое зрение кажется странно размытым.

В коридоре прохладно, но я все равно чувствую, что сгораю.

Я сейчас потеряю сознание.

Я ни за что не вернусь в свою комнату.

Несмотря на сомнения, я все же делаю это.

В тот момент, когда дверь спальни закрывается за мной, и я бросаю свою сумку на пол, прислоняюсь спиной к массивному дереву и засовываю правую руку себе в трусики. Кончики моих пальцев сразу же находят мое скользкое, ноющее тепло, и мир воспламеняется.

Это не мои пальцы.

В моей голове они принадлежат Тео.

Я потираю кругами свой клитор, тяжело дыша, когда давление нарастает между моих ног.

Грубые руки Тео на моей коже.

Горячий рот Тео на моей шее.

Зубы Тео впиваются в мою плоть.

Член Тео зажат между моих бедер, яростно толкается внутри меня.
Я кричу, когда кончаю, сильнее, чем когда-либо прежде.
Земля разверзается подо мной, и я падаю...

СОРРЕЛЛ

— Ты ушла в спешке прошлым вечером. Ты не заболела?

Ноэлани находит меня на следующее утро, когда я выхожу из комнаты «Секвойи». Беспокойство отражается на ее лице, и меня накрывает волна вины. Девушка была таким хорошим другом для меня последние несколько недель. Хреново сознавать, что она так беспокоилась обо мне, пока я сидела в своей комнате, пытаюсь утолить зуд, который отказывался перестать чесаться.

Да, я была больна прошлым вечером. Развращенная. Отчаянная. Заставить себя кончить, стоя там, прижавшись спиной к двери, было недостаточно. Даже близко. Я кончила еще два раза, снова и снова прокручивая в голове вид Тео, мастурбирующего на сиденье рядом со мной, пока не почувствовала, что мое тело вот-вот развалится на части.

А потом пришел гнев. Унижение. Отвращение.

Я больше не знаю, кто я такая — в какого человека я превращаюсь, — и мне это не нравится. Этим утром я чуть не содрала с себя кожу заживо в душе, вода была такой горячей, что обжигала, пытаюсь вымыться до такой степени, чтобы не чувствовать себя грязной. Я могла бы принять душ еще сто раз и все равно не почувствовать себя чистой.

— О, все в порядке, — вру я, беря Ноэлани под руку. — Я видела этот фильм тысячу раз. Мне было скучно.

Ложь, ложь, ложь. У меня это получается на удивление хорошо.

— О, понимаю, — смеясь, говорит Ноэлани. — Чего ты хочешь? ЧТО. ТЫ. ХОЧЕШЬ?

У меня такое чувство, что она воспроизводит часть фильма, которую я явно пропустила; я ухмыляюсь, смеясь вместе с ней, стараясь не показывать своего замешательства.

— Но ты была права насчет его бороды. Райан Гослинг с растительностью на лице должен быть вне закона.

Девушка мечтательно вздыхает.

— Жаль, что никто из здешних парней так не выглядит. Это было бы хорошим отвлечением от скуки, связанной с пребыванием в этой богом забытой академии.

На самом деле я не уделяла особого внимания ребятам здесь, в «Туссене». Только один из них привлек и удержал мое внимание, и сейчас я хочу его смерти больше, чем когда-либо.

— Я все же подумала, что ты, возможно, поссорилась с Тео, — говорит Ноэлани. — Сначала он выбегает, а потом сразу после него ты. Он сказал мне, что хочет подружиться с тобой. Закопать топор войны или что-то в этом роде. Надеюсь, Тео не сделал ничего такого, что могло бы тебя расстроить?

— О нет. Он ничего не сделал. — *Если, конечно, не считать флирта со мной, поцелуев, прикосновений, того, что он заставил себя кончить, а затем использовал мою бандану, чтобы убрать свой беспорядок.*

— Хорошо. Я рада. Тео может быть довольно упрямым, когда захочет. Но он хороший парень, знаешь ли. Просто, думаю, в последнее время здесь много чего происходит.

Я замираю на месте.

— Много чего происходит? Что ты имеешь в виду?

Ноэлани открывает рот, но тут же закрывает его.

— О, нет, ничего особенного. Только этот карантин и наказания. Все немного сходят с ума. Надеюсь, директор Форд скоро выпустит нас отсюда, и мы все сможем выпустить пар. Это давно назрело.

Ее голос звучит слишком беззаботно. Почему у меня такое чувство, что девушка мне чего-то не договаривает? Краем глаза я присматриваюсь к ней повнимательнее, но там нет никаких признаков обмана. Только яркая улыбка, которая растягивается от уха до уха.

— Ах, боже мой. Могу себе представить. Поход по магазинам. Кофе. Настоящий кофе. Ух! И поход в кино. «Джамп»! Не могу дождаться, когда отправлюсь с тобой в «Джамп»!

— Что за «Джамп»?

— О, это место, где мы любим тусоваться. На полпути в Сиэтл. Если когда-нибудь вырвемся достаточно рано в пятницу, то могли бы отправиться куда-нибудь в путешествие. У тебя есть паспорт? Может быть, мы могли бы поехать в Ванкувер и...

Боль взрывается в затылке. Такое ощущение, что внутри моего черепа взорвалась бомба. Это так неожиданно, что я падаю вперед, на колени, до боли сжимая руки, задыхаясь, безуспешно пытаюсь сделать вдох.

Что-то твердое с грохотом падает на пол рядом со мной. Моя сумка? Телефон? Не знаю. На секунду я ничего не вижу. Мое зрение темнеет, тени расплываются по краям.

— Боже мой, Соррелл! — тревожный крик Ноэлани громкий и близкий. Ее руки на мне гладят меня. Мир вокруг меня снова становится четким, и ее испуганное выражение лица наполняет меня необъяснимой тревогой.

Тум, тум, тум!

Боль в затылке не проходит. Становится только хуже. Аррррр, такое чувство, что мой череп раскалывается!

— Все в порядке, все хорошо. Ш-ш-ш. Наклонись вперед. Дай мне взглянуть.

Я не знаю, чего она хочет. Мне не нужно наклоняться вперед. Боль исходит не из моего затылка. Она исходит из моей головы, и это... ах, это чертовски больно!

— Какого хрена, Себастьян?! — рычит Ноэлани. Никогда раньше я не слышала, чтобы она кричала. Девушка вообще не из тех, кто повышает голос. А сейчас, похоже, она вот-вот взорвется. — О чем, черт возьми, ты думал?

Теперь я могу разглядеть ее как следует. Ноэлани садится на корточки передо мной, и когда поднимает руки, чтобы убрать волосы с моего лица, они покрыты кровью. Я отклоняюсь от нее, мой пульс учащается.

Девушка смотрит не на меня, а на кого-то позади меня.

— Я сыт по горло этим дерьмом, — рычит мужской голос.

Я протягиваю руку, чтобы удержаться, чувствуя головокружение, тошноту, накатывающую на меня, и моя рука натывается на что-то гладкое и цилиндрическое. Банку колы? На дне банки огромная вмятина, а другой конец выдвинут наружу, металл выпирает. Жидкость внутри шипит, печать сломана, из неё с шипением вытекает тонкая струя содовой.

— Мне надоело, что все притворяются. Меня тошнит от того, что меня наказывают из-за нее. — Яд в его голосе заставляет меня развернуться на месте. Слишком быстро. Я снова чуть не теряю сознание.

В пяти футах от меня Себастьян скрестил руки на груди, его лицо — маска гнева.

— Какого хрена? — Я начинаю собирать воедино то, что произошло. Банка из-под колы, разбитая и протекающая по всему полу. Раскалывающая головная боль, которая теперь поселилась у меня за глазами. *Себастьян швырнул чертову банку мне в голову и попал*

точно в цель. — О чем, черт возьми, ты говоришь, Себастьян?

Парень смотрит на меня с отвращением, рассматривая так, будто я что-то неприятное, что он только что соскреб со своего ботинка. Его челюсть двигается, как будто он пережевывает свои слова, прежде чем выплюнуть их в меня.

— Ты, Соррел Восс. Ты — гребаная проблема, и мне надоело притворяться, что это не так.

— Как, черт возьми, я могу быть для тебя проблемой? — я осторожно прикладываю ладонь к затылку, и моя рука становится еще более окровавленной, чем у Ноэлани. Теперь я это чувствую — ровный, горячий поток крови, бегущий из открытой раны на затылке, стекающий по моим волосам и вниз по задней части шеи. Её очень много. Мой желудок переворачивается.

Себастьян видит кровь на моих руках, и его лицо становится еще жестче. Он раздувает ноздри.

— Все ходят вокруг да около, делая вид, что ничего не знают, но это же очевидно, — выплевывает он.

— Очевидно? Что, черт возьми, очевидно? Для меня ничего не очевидно.

— Себ. — В тоне Ноэлани звучит странная нотка. Я не могу сказать, что это такое, но звучит как предупреждение.

Себастьян закатывает глаза. Сейчас вокруг нас собралась небольшая толпа, чтобы поглазеть на происходящие. Однако большинство других учеников обходят нас стороной, опустив головы, явно притворяясь, что они ничего не видели. Придурки.

— Я покончил с этим, Лани, — усмехается Себ. — С меня, блять, хватит. Этот год должен был быть веселым для всех нас, и посмотри, что мы делаем.

— СЕБАСТЬЯН!

Рев доносится с другого конца коридора. Пропитанные кровью волосы на моем затылке встают дыбом от звука чистой ярости, заключенной в нем. Высокий парень, стоящий рядом с Ноэлани, бледнеет, поднимая сумку повыше за спину.

— О, черт. Меня здесь не было, — бормочет он, а затем направляется к английскому отделению.

— Себастьян Уэст, ты, блять, труп!

Толпа расступается, образуя проход, и в поле зрения появляется Тео, бегом несущийся по коридору. Руки сжаты в кулаки. Черная рубашка с длинными рукавами натягивается на его груди, когда парень встает перед нами; он выглядит так, будто собирается уничтожить Себастьяна, но сначала подходит ко мне, где я стою на коленях на полу в луже собственной крови; Тео наклоняется, чтобы мы были на одном уровне глаз.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

— Думаю, да.

— Тошнит? Головокружение?

— А ты как думаешь?!

Тео обнажает зубы. Наклонившись ко мне, он оценивает мой затылок, расчесывает волосы в нескольких местах и издает яростные звуки, оценивая ущерб.

— Оставайся на месте, черт возьми, — рычит Тео. — Не смей, блять, двигаться.

— Я никуда не собираюсь! — огрызаюсь я в ответ.

Покончив с моим затылком, Тео снова появляется передо мной. Он берет мое лицо в ладони и откидывает мою голову назад, хмурясь.

— Не ты. Он, — говорит он, кивая головой в сторону Себастьяна.

Я не заметила, но Себастьян, судя по всему, медленно удалялся от места происшествия, пытаюсь улизнуть незамеченным.

— Что, чувак? — беззаботно говорит Себастьян. — Мне нужно идти на занятия.

Тео прищуривается еще сильнее, глядя мне в глаза.

— Оставайся там, черт возьми, Себ.

— И что ты собираешься сделать? Ударить меня или еще что-нибудь в этом роде? Ты забываешь, что я капитан команды по борьбе, придурок. И был с тобой помягче. Я мог бы завалить тебя в мгновение ока.

Тео не оправдывает свое заявление реакцией. На этот раз он разговаривает со мной.

— Зрачки реагируют и одинаковые. Не думаю, что у тебя есть какие-то реальные повреждения, кроме пореза.

— Ты что, теперь что-то вроде врача?

Возможно, я ценю заботу, но тот факт, что она исходит от Тео, заставляет меня хотеть кричать. Он не должен быть здесь, спасти положение. Я не должна хотеть упасть в его объятия и плакать, просто чтобы он мог обнять меня.

Его густые волнистые волосы спадают на лицо, когда парень смотрит на банку с колой, сжимает рот в тонкую линию.

— Что-то в этом роде, — бормочет Тео.

Не говоря больше ни слова, парень вскакивает на ноги и набрасывается на своего друга. В мгновение ока он хватается Себа за рубашку и прижимает его спиной к стене.

— Ты покойник, ублюдок!

А затем он действительно срывается.

Я в ужасе наблюдаю, как Тео разворачивается и бьет кулаком в красивое лицо Себастьяна Уэста. Удар попадает в цель, и голова Себа откидывается назад, издавая громкий треск, когда задняя часть его черепа соприкасается со стеной позади него.

— А-а-а! ЧЕРТ!

Себастьян пытается ослабить хватку Тео на своей рубашке теперь, когда парень прижимает его одной рукой, но Тео не позволяет ему. Он бьет его снова, и снова, и снова, нанося удары сверху вниз так быстро, что Себ едва успевает среагировать между ними. Однако в конце концов он стряхивает с себя шок и начинает наносить ответные удары.

Отшатнувшись, Себ наносит правый хук Тео; звук его кулака, соприкасающегося с челюстью Тео, трещит и отражается от стен коридора — кажется, он достаточно громкий, чтобы разбудить мертвого. Голова Тео резко поворачивается. Парень отшатывается, но не теряет равновесия. Похоже, удар служит не столько предупреждением, сколько еще больше злит Тео.

Себ видит это. Я вижу это. Ноэлани видит это: момент, когда Тео решает убить Себастьяна Уэста прямо на месте. Ноэлани ахает и прикрывает рот рукой. Себастьян поднимает руки в знак протеста — он, очевидно, понял, что быть капитаном команды по борьбе ему здесь не поможет — и начинает пятиться.

Я знаю гнев. Жила с ним, обвитым вокруг моих костей, сколько себя помню. Он был верным компаньоном, следовавшим за каждым моим шагом с тех пор, как умерла Рейчел. Но я никогда не была свидетелем такой сгущенной, усиленной ненависти, которая сейчас живет в прекрасных глазах Тео. Вид этого бросает меня в дрожь.

— Тео. Ч-чувак. Будь благоразумным, — заикается Себастьян.

— Благоразумным? — Лицо Тео искажается. — Благоразумным? Ты, блять, издеваешься надо мной, да?

— Я не хотел ничего плохого.

— Твои действия свидетельствуют об обратном.

Тео загнал парня в ловушку; он загнал Себастьяна в угол, и теперь его единственный путь к спасению — через Тео. Что просто не вариант. Тео возвышается над ним, преграждая ему путь... а затем продолжает выбивать из него дерьмо.

— Тео! О боже мой! Остановись! — громкий крик Ноэлани грозит разорвать мою голову на части, но Тео ее не слышит. Не может. Он исчез в другом мире. Я вижу это в его пустых глазах.

Ноэлани поднимает меня на ноги; она так сильно сжимает мою руку, что ее ногти впиваются в мою кожу сквозь рукав толстовки.

— Скажи что-нибудь, Соррелл. Останови его. Он тебя послушает!

Лицо Себастьяна превратилось в кровавое месиво. Парень сползает по стене, оседая на пол, но Тео не прекращает его бить. Я пытаюсь, и пытаюсь, и снова пытаюсь, но не могу отвести взгляд. Это жестокость в ее самой жестокой форме. Шоу ужасов, от которого большинству людей снились бы кошмары. Но для меня это симфония. Кровавый, захватывающий дух балет. Тео Мерчант собирается убить этого парня за то, что тот причинил мне боль. Он не имеет права предпринимать такие действия в мою защиту, но его ярость пробуждает во мне что-то, что долгое время дремало. Какое-то странное ощущение, от которого мне хочется кричать с крыш. Это кажется темным, извращенным и неправильным на многих уровнях, но видеть Тео таким, в его самом порочном проявлении, все равно что видеть обнаженной его душу.

И это чертовски захватывающе.

— Остановите его! — снова призывает Ноэлани. — Он же убьет его!

О, боже. Я не должна была наслаждаться этим. Делаю шаг вперед, у меня перехватывает дыхание, когда кричу:

— ТЕОДОР УИЛЬЯМ МЕРЧАНТ!

Слова разносятся по коридору, как пушечный выстрел. Тео застывает, неподвижный, как статуя, один окровавленный кулак поднят за головой. Медленно парень опускает его.

Никто не произносит ни слова.

На полу Себастьян хнычет, закрывая лицо руками; это чудо, что парень все еще в сознании; по правилам, он должен был потерять сознание где-то между десятым и пятнадцатым ударом Тео.

У меня невероятно кружится голова, но мне удастся пробраться туда, где Тео нависает над Себом, все еще повернувшись ко мне спиной. Его плечи приподнимаются вокруг ушей, напряжение исходит от него, как дым. Ему не потребовалось бы много времени, чтобы сорваться и снова начать выбивать дерьмо из своего друга. Я кладу руку ему на плечо, и, как по волшебству, напряжение покидает его; парень оседает, его мышцы расслабляются, как будто мое прикосновение дало ему разрешение выпустить ярость, которая пожирала его. Однако Тео далек от спокойствия и свирепо смотрит на Себа сверху вниз, его волосы растрепаны и всклокочены.

— Скажи ей, почему ты это сделал, — требует он.

Себ кашляет, кровь стекает по его подбородку.

— Что ты ожидаешь от меня услышать?

— Скажи ей, — повторяет Тео, его тон обещает еще больше насилия, если парень не подчинится.

Себ смеется, тяжело вздыхая.

— Отлично. Хочешь, чтобы я вел себя хорошо? Я буду играть чертовски хорошо. Нелепо...

Низкий, угрожающий рокот вырывается из горла Тео.

— Хорошо. Хорошо! Черт, — Себ смотрит на меня сквозь быстро опухающие веки. — Я бросил в тебя банку, потому что это очевидно. Ты та, кто побежал к Форд и рассказала ей о вечеринке.

— Я этого не делала!

— Чушь собачья. Ты ушла рано, до того, как появилась охрана. Ты единственная, кто не был наказан...

— О чем ты говоришь? Я не могу уехать отсюда. У меня комендантский час, как и у всех остальных!

— Ты единственная, кого не вызвали на сцену, — выплевывает Себ. — Из тридцати четырех учеников ты единственная, кого Форд не заставила выйти на сцену, чтобы танцевать или петь, как какую-нибудь гребаную обезьяну. Объясни это.

— Я...

Ох. О, мой Бог. Мир заходит в тупик. Парень прав. Как я могла это пропустить? Меня действительно не призывали ни к чему. Почему-то я просто предположила, что это наказание ко мне не относится, и все. Как я могла быть настолько слепа? Как такая мысль не пришла мне в голову? Я бормочу, пытаюсь найти какое-то логическое объяснение этому, но никакие слова не приходят на ум.

— Я... я не могу этого объяснить. Не знаю, почему Форд не вызвала меня. Но не я рассказала ей о том, что происходило у озера. Какого хрена я должна была ей рассказывать?

— Ты довольно ясно дала понять, что в ту ночь испытывала отвращение ко всем нам. Ты стояла там в том дурацком гребаном пальто и осуждала нас всех. И когда твой парень решил сбежать...

— Он не мой гребаный парень! Иисус, блять, Хр... — я замолкаю, не в силах справиться с жаром, нарастающим внутри меня.

У меня кружится голова. Думаю, кровотечение замедлилось, но я все еще чувствую струйку крови, стекающую по задней части шеи. Я, блять, не могу с этим справиться. Не могу справиться ни с чем из этого. Я уже должна была вернуться в «Фалькон-хаус». Тео должен был быть за решеткой, или унижен, или еще хуже. А теперь Себастьян гребаный Уэст называет его моим парнем?

Тео выглядит пораженным, когда протягивает руку, пытаюсь взять меня за руку.

Я отшвыриваю её, рыча, когда поворачиваюсь к нему.

— Нет! Ты не имеешь права прикасаться ко мне. И не можешь защищать меня. Не притворяйся, что я, блять, что-то для тебя значу!

Парень выглядит опустошенным, разбитым моими словами, но у меня нет сочувствия к этому дьяволу. Он играл со мной. Играл с моими эмоциями. Вывернул меня наизнанку этой гребаной игрой, в которую он играет.

— Можешь оставить при себе свою дурацкую информацию о Генри. Мне все равно, что ты знаешь. Это больше не имеет значения. Просто держись подальше. А ты... — я обращаю свой гнев на Себастьяна. — Я, блять, не сдавала тебя Форд. Мне насрать на тебя, или на

него, или на кого-то еще в этом богом забытом месте. Подойди ко мне еще раз, и я порву твою гребаную глотку.

Я стремительно убегаю от них, на ходу подхватывая с земли свою сумку.

— Убедись, что она доберется до кабинета медсестры, Лани, — тихо говорит Тео позади меня.

— Мне не нужна помощь, — огрызаюсь я в ответ. Лани выглядит опустошенной этим. Чувство вины впивается в меня когтями — это не ее вина. Она была только мила и добра ко мне, но я буду кричать, если мне придется провести еще одну секунду с кем-то из этих людей прямо сейчас.

Я сама схожу к медсестре.

Затем вернусь в свою комнату, и сама соберу свои вещи.

А потом, да поможет мне бог, несмотря ни на что, я тащу свою задницу обратно в «Фалькон-хаус».

СОРРЕЛЛ

Мне понадобилось наложение швов. Четырех. Медсестра угрожает побрить волосы у раны, но когда я скалю на нее зубы и говорю, что ей лучше даже не пытаться, она отступает и соглашается зашить рану, если я пообещаю сохранить ее в чистоте.

Она ничем не поможет, когда дело дойдет до отправки меня обратно в Сиэтл.

Как и Форд.

Директор едва моргает, когда я врываюсь в ее кабинет и начинаю выдвигать свои требования.

— Боюсь, это не так просто, мисс Восс. Существуют процедуры и протоколы, когда ученик желает покинуть «Туссен». Мне нужно оформить документы. Я должна поговорить с твоим опекуном...

— Я хочу уйти, директор Форд. Вы, черт возьми, не можете держать меня здесь.

Форд окидывает меня оценивающим взглядом. Откладывает ручку, какие бы заметки она ни делала в лежащем перед ней блокноте, теперь это забыто.

— Ладно. Хорошо. Все в порядке. Успокойся. Мы с этим разберемся...

— Хорошо. Тогда скажите Джереми, что я полечу с ним на самолете, когда он приземлится здесь сегодня днем.

— Это невозможно, мисс Восс.

— Вы только что сказали...

— Я знаю, что я сказала, но Джереми в отпуске. Прилетает сменный пилот, но он не аккредитован для перевозки пассажиров. И не может забрать тебя. Джереми вернется сюда только в следующую среду.

— Никакой следующей среды. Мне нужно выбраться отсюда сегодня. Вы не можете держать меня здесь, — повторяю я.

— Я не держу тебя здесь, — спокойно говорит она. — Ты свободна уйти. Я попрошу чартерную компанию организовать другой самолет, но их расписание расписано на неделю вперед, и они не изменят его только ради нас. Я уже пыталась...

— Тогда старайтесь усерднее.

Директор Форд тихо смеется, качая головой, ее раздражение ясно.

— Поверь мне, если бы я думала, что звонок им что-то изменит, то я бы так и сделала. Можешь сама позвонить им напрямую, если хочешь, — она указывает на телефон на своем столе. — Номер вот здесь.

Директор Форд думает, что я не раскрою ее блеф? Пусть подумает еще раз. Я обхожу ее стол и хватаю телефонную трубку, вытаскивая карточку с надписью «Частные авиатуры Си-Эн-Пи» с обложки папки, лежащей поверх стопки документов.

Набираю номер. Я наполовину ожидаю, что это не сработает, что Форд играет со мной какую-то шутку, но это не так. Кто-то берет трубку после четвертого гудка. Я объясняю, что меня нужно забрать из академии «Туссен», но агент на другом конце провода совсем не помогает.

— Я понимаю ваше затруднительное положение, мисс, но ничего не могу поделать. У меня связаны руки. Сейчас у нас очень скудный штат сотрудников, и у нас просто нет

свободных пилотов. И поскольку ваш директор сообщил нам, что школа не нуждается в транспорте для своих учеников, чтобы какое-то время ездить туда и обратно в город, мы воспользовались возможностью обслужить несколько наших самолетов. Даже если бы у нас был аккредитованный пилот, который мог бы совершить полет, три наших самолета в настоящее время разобраны на части в цехе...

Я вешаю трубку. Извиняющаяся улыбка директора Форд вызывает у меня желание разгромить ее гребаный кабинет.

— Среда не так уж далеко, Соррелл. Всего пять дней. Могу я предложить тебе использовать это время, чтобы по-настоящему подумать о выборе, который делаешь. То, что сделал Себастьян, достойно порицания, и поверь мне, он понесет последствия за свои действия. Но если есть хоть малейший шанс, что ты передумаешь...

— Его нет.

Женщина закрывает глаза, делая глубокий вдох.

— Если есть шанс, что ты могла бы это сделать, тогда я настоятельно призываю рассмотреть все свои варианты. «Туссен» — это не тюрьма. Это уважаемое учебное заведение, и ты могла бы многому здесь научиться, если бы просто...

Я поворачиваюсь к директору Форд.

— Я вызову такси.

Она разводит руками, снова кивая на телефон.

— Не стесняйся попробовать. Но ты сама видела дорогу. Она непроходима. На земле нет ни одной таксомоторной компании, которая рискнула бы своими машинами, приехав сюда. Ни за какие деньги в мире, — качает головой директор. — Местность слишком опасная. И даже если бы это было не так, ты не сможешь воспользоваться одним из тех агрегаторов такси без приема сотового.

— Я могу воспользоваться Wi-Fi, чтобы заказать его, — выплевываю я. Но прежде чем она успевает сказать что-нибудь в ответ на это, я вспоминаю объявление, которое директор сделала ранее. Интернет академии отключен на следующую неделю.

Святое гребаное дерьмо, Вселенная прямо сейчас сговаривается против меня. Клянусь, я вот-вот взорвусь.

— Просто сделай глубокий вдох, Соррелл. Я знаю, что это не идеально, но...

Конец фразы директора Форд прерывается хлопком двери ее кабинета, когда я захлопываю ее за собой.

СОРРЕЛЛ

Раньше я боялась темноты. Когда была маленькой, я каждую ночь плакала, пока не засыпала, боясь монстров, которые прятались в тени, ожидая, чтобы выскользнуть из своих укрытий и причинить мне боль, когда я ослаблю бдительность.

Мне было семь лет, когда я узнала, что самые страшные монстры, те, что способны причинить тебе наибольшую боль, не угрожают себя тем, чтобы прятаться в темноте. Это люди, которые сначала обещали заботиться и обеспечивать тебя, а потом поднимали на тебя кулак. Они прикасались к тебе в тех местах, которые ты умоляла не трогать. Те, кто забивал твою голову ложью, заставляя верить, что они хорошие, только для того, чтобы причинить тебе боль так, как ты даже представить себе не мог.

Я не боялась темноты после того, как усвоила этот урок.

Теперь я сижу в темноте, наслаждаясь бархатистостью тишины, которая приходит вместе с ней. Моя комната — это могила. За дверью, отделяющей меня от остальной части «Туссена», все остальные спальни пусты; все девушки с моего этажа спустились в общую комнату, чтобы поиграть в бильярд, поговорить и посмотреть фильмы. Форд, во всей своей благожелательной красе, все-таки решила открыть для нас двери общей комнаты. Ноэлани постучала около восьми, умоляя меня спуститься и присоединиться к ним, если я буду чувствовать себя достаточно хорошо. Я не ответила.

Теперь моей голове лучше. Что-то в этом роде. Больно только когда прикасаюсь к ране, оставленной там, благодаря Себастьяну, о котором Ноэлани сообщила мне через дверь, что он заперт в своей комнате до рассмотрения сегодняшнего «инцидента» административным советом школы.

Лани, вероятно, думала, что я буду чувствовать себя более комфортно, если буду знать, что Себастьяна там не будет, но его присутствие мало что значит для меня. Мне насрать на него. Я была серьезна, когда сказала ему раньше, что разорвала бы ему плотку. Я сделаю гораздо хуже, если он снова попытается причинить мне боль. Я знаю, как иметь дело с такими придурками, как он.

Уже почти десять, когда в мою дверь снова стучат.

Я так долго этого ждала. Страшась этого. Зная, что это произойдет.

— Уходи, Тео.

— Открой дверь, малышка. Я хочу поговорить с тобой.

— Думаю, я очень ясно дала понять, что не хочу с тобой разговаривать

— Я не уйду, пока мы не поговорим.

— Тогда надеюсь, тебе понравится слоняться по коридорам.

— Я могу превзойти тебя по упрямству, — говорит мне Тео.

Ха. Я в этом очень сомневаюсь. Рейчел всегда утверждала, что я самый упрямый человек, которого она когда-либо встречала, и она знакома с Рут, так что это действительно о чем-то говорит.

— Просто отвали. Я сказала все, что хотела тебе сказать.

— О, правда? — Я могу представить себе дерзкий изгиб его рта. Мысленный образ, который я вызвала в воображении, как парень прислоняется к двери моей спальни, проводя

рукой по своим растрепанным волосам, заставляет меня покраснеть.

Я выдыхаю сквозь нарастающий гнев и отпускаю его, натягивая одеяло на голову. Пуховое одеяло не сможет полностью заблокировать звук его голоса, но оно, безусловно, приглушит его до такой степени, что я, возможно, не смогу разобрать слов.

— Разве ты не хочешь заставить меня взять на себя ответственность за то, что случилось с Рейчел? — говорит Тео.

Я сбрасываю одеяло, лежу очень, очень неподвижно на матрасе. Черт. Я слышала, как он это сказал. Парень манипулировал мной, обещая информацию об этом таинственном парне Генри, и у этой манипуляции отвратительный привкус, от которого я не смогу избавиться в течение нескольких дней.

— Как будто ты когда-нибудь это сделаешь, — рычу я.

— Я никогда не был из тех, кто уклоняется от ответственности, когда сделал что-то не так, — тихо говорит он.

Ну и наглость у этого парня. Как он может прийти сюда и сказать мне нечто-то подобное? Я встаю и пересекаю спальню, моя кровь кипит. Когда открываю дверь, Тео стоит точно так, как я его себе представляла, прислонившись к стене, руки в карманах. Призрак синяка расцветает на его челюсти, злой и фиолетовый; три веснушки под глазом выделяются необычайно темные на фоне его кожи в тусклом освещении коридора. Его волосы убраны с лица назад. Никакой дерзкой, самоуверенной ухмылки. Одетый в белую футболку с длинными рукавами и рваные синие джинсы, низко сидящие на бедрах, его вид вызывает странное, ошеломляющее ощущение, пробегающее по моему телу. По какой-то причине его ноги босые.

Я противостою ему.

— Где, черт возьми, твоя обувь?

Тео издает смешок.

— Это твой первый вопрос? Где, черт возьми, моя обувь?

— Что за человек бродит по школе среди ночи босиком? — шиплю я.

Глупо расстраиваться из-за чего-то настолько странного и незначительного, но вид его босых ног сделал со мной нечто такое, что мне не нравится, и нападать на парня за это кажется единственно логичным поступком.

— Я всего на этаж выше, малышка, — говорит он мне. — Ковер довольно мягкий. Не думал, что порежусь о битое стекло или что-то в этом роде. Хотя, думаю, никогда не знаешь наверняка. В следующий раз кто-нибудь может швырнуть в тебя бутылкой колы. Говорят, в бутылке она вкуснее.

— Я не в настроении спорить с тобой. Скажи все, что пришел сюда сказать. Мне нужно собрать вещи.

— Ты думаешь, что я убил Рейчел, — заявляет Тео. — Поэтому ты приехала сюда. Чтобы наказать меня.

Я пристально смотрю на него. Если он хочет перейти к делу, пусть будет так. Наконец-то я поговорю с ним об этом.

— Да. Именно поэтому я здесь. Потому что хотела, чтобы ты страдал так же, как страдала она.

— Как умерла Рейчел, Восс? — спрашивает он. Такой спокойный. Такой собранный. Этот вопрос пугает меня.

— Ты знаешь, как она умерла. Ты был там. Ты был причиной ее смерти.

— Мы это установили. Но как она умерла? В чем я виноват? — Он не отрицает, что ее смерть была его виной. Значит, я не ошиблась в этом убеждении. Тогда какого рода дерьмо он пытается повернуть с помощью этой линии допроса?

— Она была в машине. Ты был за рулем.

Парень слегка наклоняет голову, хмуря темные брови.

— Я?

— Слушай, у меня нет терпения на эту чушь. Ты был за рулем. Рейчел сидела на пассажирском сиденье. Ты был пьян. Что-то... что-то выскочило на дороге, и ты врезался в это. Рейчел выбросило из машины.

— Она была пристегнута ремнем безопасности?

— Я... я не знаю. Откуда, черт возьми, мне знать?

— Где ты была, когда все это случилось?

— Я была там! Я была с тобой!

Тео кивает, как будто принимая все это во внимание.

— Значит ты была на заднем сиденье?

— Где еще я могла быть?!

— И ты не пострадала, когда машина разбилась? Осталась невредимой?

— Боже, какого хрена ты делаешь, Тео? Думаешь, что сможешь надавить на меня, играя в двадцать вопросов? Я была там, — твердо говорю я. — И знаю, что произошло. Я знаю, что видела.

Тео стоит там, не двигаясь, настороженно наблюдая за мной, пока я кричу на него.

— Тогда ладно.

— Тогда ладно? Что, черт возьми, должно означать?

— Мне жаль. Я глубоко сожалею о том, что убил ее. Я никогда не хотел, чтобы это случилось. Я ненавижу то, что с ней случилось, так же сильно, как и ты, поверь мне.

— Значит, ты признаешь это? Признаешь, что убил ее? Что это твоя вина, что она умерла? — Мой голос хрипит от эмоций, сдавливающих мне горло. Глаза горят от непролитых слез. Не думала, что буду чувствовать себя так, когда он, наконец, возьмет на себя ответственность за то, что сделал. Полагала, что буду чувствовать себя оправданной. Победившей. Не это... это... болезненное чувство потери и паники, которое овладело мной сейчас.

Измученное, мрачное выражение мелькает на лице Тео. Он — воплощение опустошения.

— Это моя вина, что ее нет. Я бы сделал все, что в моих силах, чтобы изменить это...

— ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ЭТОГО ИЗМЕНИТЬ! — рычу я. — ОНА, БЛЯТЬ, МЕРТВА!

Парень отшатывается в ответ. Как будто я ударила его в сто раз сильнее, чем Себастьян, и сила удара потрясла его до глубины души.

— Я понимаю это, — тихо говорит Тео.

— И теперь, из всех людей во всей этой школе, ты преследуешь меня. Ее лучшую подругу. Того, кто ненавидит тебя больше всего на свете. У тебя чертовски крепкие нервы.

— Я ничего не могу поделать со своими чувствами, — шепчет он.

— И ты думаешь, что просто появившись здесь, признавшись в том, что сделал, и сказав, что сожалеешь об этом, все станет лучше? Что я смогу просто так простить тебя за то, что ты сделал, и лягу с тобой в постель, как будто все это больше не имеет значения? За кого ты меня принимаешь?

Его глаза полны боли, сложные оттенки зеленого, насыщенного коричневого и золотого смещаются и переплетаются, когда Тео пристально смотрит на меня. Он глубоко вдыхает и говорит:

— Я думаю, что ты человек. И что ты не можешь справиться со своими чувствами так же, как и я.

У основания моего горла встает комок. Почему я не могу глотать? Почему мои глаза так сильно горят, так полны слез? Почему я так сильно хочу пойти к нему, когда мне нужно быть как можно дальше от него?

— Это не имеет значения, Тео. Все это не имеет значения. Мне никогда не следовало приезжать сюда. Это была ошибка. Я не могу ничего исправить, оставаясь здесь. Причинение тебе боли не поможет. И быть рядом с тобой — это гребаное наказание...

— Ты можешь уйти, но это ничего не изменит. Обещаю тебе, этого не будет, — говорит Тео. — Ты не перестанешь заботиться обо мне.

— Почему бы мне вообще заботиться о тебе? — Я могла бы прокричать эти слова. Выкрикнуть их ему в лицо. Это было бы похоже на освобождение. Однако вопрос звучит как шепот, полный боли и отчаянной тоски, которую я чувствую до самых корней своей души. Я не могу этого понять.

Тео выглядит таким измученным. Челюсть сжата, взгляд суров, брови сведены над переносицей. Руки сжаты, как будто он на войне, готовый снова сражаться. Сражаться со мной? С самим собой? Кто, черт возьми, знает. Парень проводит языком по зубам, прищурившись, глядя на меня.

— У меня нет ответов на все вопросы. Я знаю только то, что знаю. Что я хочу тебя. А ты хочешь меня. Все остальное меркнет по сравнению с этим.

Мое сердце физически болит.

— Просто уходи.

Парень медленно качает головой.

— Я не могу этого сделать. Не могу оставить тебя сейчас. Ты знаешь, что не могу.

— Я не спрашиваю тебя. Я говорю тебе. Я хочу, чтобы ты ушел!

Его голос мягкий и полный муки, когда Тео говорит:

— Если так сильно хочешь, чтобы я ушел, тогда почему плачешь?

Рыдание вырывается из моего рта словно по сигналу. Я даже не заметила, что мои слезы перелились через край и текут по щекам. Очертания лица Тео расплываются, когда мои глаза наполняются слезами, эти странные, нежелательные эмоции набухают в моей груди до такой степени, что переполняют меня.

— Черт. Иди сюда, — отталкивается от дверного косяка Тео, вынимая руки из карманов. Он пытается притянуть меня к себе, но я отталкиваю его, останавливая. — Господи, Восс. Просто прекрати, блять, бороться со мной! Я не причиню тебе вреда!

Что-то внутри меня ломается. Просто разлетается на миллион осколков. Я так долго делала все, что могла, стараясь держать себя в руках, но есть пределы тому, на что я способна. Это мой порог. Я дошла до того, что физически не могу больше сдерживать все это, и вот оно выплескивается наружу. Силы покидают меня. Моя ярость и гнев стремительно улечиваются, оставляя после себя только замешательство и потребность в объятиях Тео.

Я позволяю ему обнять меня. Парень притягивает меня к себе, прижимая к своей груди, и буря внутри меня утихает. Это горькое лекарство; несправедливо, что мне нужно это,

чтобы почувствовать себя лучше. Кто-нибудь еще. Буквально любой другой человек в мире был бы лучше Тео, и все же именно он успокаивает мое бешено колотящееся сердце и укрощает панику в моих венах. В его объятиях я чувствую себя как на якорю, в безопасности, какой, по-моему, никогда раньше себя не чувствовала, и какое облегчение это приносит? Это все.

Я зарываюсь лицом в его футболку, вдыхая его запах. Мята и бергамот. Зимний дождь и обещание снега. Теперь это так знакомо, что пробуждает что-то внутри меня, побуждая к жизни. Мускулистая грудь Тео изгибается под моими руками, когда парень крепче обнимает меня, поднимая. Я не возражаю. Даже когда он наклоняется и поднимает меня как следует, баюкая на руках как ребенка, и несет в мою спальню. Я обвиваю руками его шею сзади и цепляюсь за него изо всех сил, рыдая в его рубашку, позволяя всему этому уйти, поскольку постепенно вся боль и страдания, которые я пережила и носила с собой в последнее время, наконец, дают трещину, высвобождаются и отпадают.

Тео садится на край моей кровати и обнимает меня. Ничего не говорит. Не торопит меня. Он нежно покачивает меня взад-вперед, время от времени прижимаясь щекой к моей макушке. Через некоторое время воздух в его легких начинает вибрировать, звучать, наполняться басами, и парень начинает напевать.

Это музыкальное произведение, которое он играл в зрительном зале. Ту же самую музыку, которую я напевала в машине в тот день, когда Гейнор высадила меня в «Туссене». Не знаю, откуда я ее знаю, но знаю. Меня внезапно охватывает отчаяние. Так надоело чувствовать грусть, злость и вину. Я хочу почувствовать что-то еще, что угодно еще, всего на пять гребанных минут.

Тео перестает напевать, когда я поднимаю голову с его груди.

— Если ты собираешься снова начать кричать на меня... — начинает он.

Но я прерываю его своими губами.

Обхватив ладонью его затылок, я притягиваю его голову ближе, чтобы поцеловать жестче, и тепло его кожи под моей ладонью обжигает меня до костей. Я так долго хотела прикоснуться к нему. Мне просто необходимо было прикоснуться к нему. Кладу другую руку ему на грудь и чувствую, как его пульс учащается в такт моему, когда я заставляю его губы раскрыться и скольжу языком в его рот.

Тео стонет, отчаянно и настойчиво, тяжело дыша через нос, целует меня в ответ, и меня накрывает приливной волной облегчения. Он целовал меня раньше. Много раз приставал ко мне, но я никогда не была той, кто пытался поцеловать его. Мысль о том, что парень может отвергнуть меня, была ужасающей, но мне не нужно было беспокоиться. Реакция Тео ошеломляет. Он руками скользит по моей спине, вниз по рукам, вверх, чтобы обхватить мое лицо. Зарывается пальцами в мои волосы, грубо оттягивая их назад. Отрывает свой рот от моего, чтобы оставить дорожку из жгучих поцелуев вниз по моему горлу, и мой желудок сжимается. Сжимаю бедра вместе, между ног разгорается жар, и я точно знаю, как далеко это зайдет, если я не остановлю это сейчас.

Я должна. Но... не могу.

— Восс. Черт, Восс, ты, блять, убиваешь меня, — выдыхает Тео. — Я хочу твою киску. Хочу, чтобы ты оседлала мое гребаное лицо. Мне это чертовски необходимо.

Жар обрушивается на меня — раскаленная кочерга, обжигающая прямо в моей сердцевине. Отчаяние в его тоне соответствует настойчивости, которую я чувствую, царапая когтями по моему позвоночнику. Обычно я бы съежилась от такого наглядного заявления.

Парни и раньше говорили мне непристойности, но меня это всегда смущало. Однако в том, что только что сказал Тео, не было ничего постыдного. Я уже знаю, как хорошо он владеет своим языком. Никто не мог так целоваться и не знать, как подступиться к девушке. И я так сильно хочу, чтобы он заставил меня кончить вот так, я действительно, блять, хочу этого.

На секунду у меня кружится голова; Тео сдвигается, поднимаясь на ноги, но ненадолго — как раз достаточно времени, чтобы развернуть меня так, чтобы мы оказались грудь к груди, и чтобы обвить моими ногами вокруг своей талии. Затем парень снова садится на кровать и снова целует меня.

Не могу сказать, взрывается ли у меня в голове фейерверк или это молнии. Это не должно иметь значения, но имеет — один из этих вариантов используется для празднования важных событий; другой вызывает стихийные бедствия и убивает людей. В любом случае, необузданная энергия, бурлящая в моем мозгу, невыносима, когда Тео языком исследует мой рот, покусывает и дразнит мои губы своими зубами. Скользит руками вниз, по моей рубашке, пока не обхватывает обе мои груди ладонями. Парень не нежен, когда начинает мять их, перекатывая и пощипывая мои затвердевшие соски через ткань моего топа и тонкий кружевной бюстгалтер, который я ношу.

— Я собираюсь заполнить все твои дыры, — говорит Тео. — Хочу, чтобы мой член был у тебя во рту. В твоей киске. В твоей заднице. Я хочу заставить тебя, блять, кричать. Я так чертовски долго хотел услышать свое имя на твоих губах...

Схватив меня за бедра, он дергает меня вниз, покачивая бедрами, и я чувствую, как его твердость трется об меня через джинсы. Его член тверд, как армированная сталь. Когда парень двигает бедрами подо мной, прижимаясь ко мне навстречу, ощущение умопомрачительное. Удивительное. Все, что я когда-либо могла себе представить.

Я отклоняю бедра назад, ожидая, когда парень двинется вперед, а затем, когда он это делает, я двигаюсь навстречу, так что мы оба двигаемся согласованно, оба одновременно надавливаем. Тео теряет свой чертов разум. Пальцами впивается в мои ягодицы, пока раскачивается взад-вперед.

— Я собираюсь трахнуть тебя так чертовски сильно, — цедит Тео сквозь зубы. — Собираюсь прижать тебя к себе и заставить кончать снова, и снова, и снова. Ты будешь умолять меня остановиться.

Не буду. Я никогда не захочу, чтобы он остановился. Я борюсь с материалом его рубашки, сжимая ее в кулаке и поднимая вверх по его телу, решив раздеть его в ближайшие пять секунд. Однако Тео кладет руку мне на запястье, качая головой.

— Нет. Не сейчас.

Хорошо. Справедливо. Я могу согласиться с этим. Тео разворачивается, опрокидывая меня на спину на кровать. Я борюсь с пуговицей на его джинсах — слава богу, на нем нет гребаного ремня, — пока парень борется с моими. Его руки работают быстрее, чем мои. Я задыхаюсь, когда парень рывком стягивает мои штаны с бедер, а затем срывает их с моих ног. Мои трусики идут к пижамным шортам. С дикой, животной улыбкой на лице Тео опускается между моих ног и раздвигает их еще шире, приподнимаясь на локтях.

Глубоко удовлетворенный рык признательности поднимается из его горла, когда он осматривает меня.

— Твою мать, Боже. Черт возьми, ты прекрасна. У тебя самая красивая киска, которую я, блять, когда-либо видел.

Мои щеки горят ярко и горячо.

Тео протягивает руку и, используя кончики указательного и среднего пальцев, раздвигает меня, его дыхание прерывается, когда он исследует часть моего тела, которую никто никогда раньше не исследовал так тщательно.

— Такая. Блять. Мокрая, — шипит он. — Готовая для меня.

Я откидываю голову на одеяло и закрываю глаза. Мою кожу покалывает, как будто по ней пробегает электрический ток. Соски болят так сильно, что это причиняет боль. Мне нужно, чтобы он прикасался ко мне как следует. Мне нужны его пальцы на моем клиторе, его язык... что-нибудь. Мне нужно почувствовать, как его член толкается внутри меня, прежде чем я сойду с ума. Никогда раньше я не испытывала ничего подобного. Если этого не произойдет в ближайшее время, думаю, что могу умереть.

— Пожалуйста. Пожалуйста! — Никогда не думала, что буду умолять. Не для этого. Не его. Но вот я здесь...

— Все в порядке, малышка. Я дам тебе то, что тебе нужно. Все в порядке. Ш-ш-ш.

Тео ласкает меня, кончик его языка исследует мою влажность, находит и поглаживает тугой пучок нервов на вершине моих бедер, и каждый мускул в моем теле напрягается. Мои ноги дрожат. Мой позвоночник изгибается над кроватью. Я бы закричала, если бы у меня в легких была хоть капля воздуха. Вспышки света пронизывают темную пустоту за моими веками, освещая мою голову.

Я действую, не задумываясь, запуская руки в волосы Тео. Я знала, на что это будет похоже — очертания его головы, лежащей у меня между ног. Мои пропитанные потом сны давали мне проблески, даже если я не могу их вспомнить. Реальность этого такая же опьяняющая, так же ненормальная. Парень проводит кончиком языка по мне, от входа до самого клитора, и мои бедра сжимаются, обхватывая его голову. Я осознаю, что делаю, и расслабляю их, меня охватывает легкое смущение, но Тео упирается во внутреннюю часть моей ноги.

— Нет, Восс. Сожми их покрепче. Я хочу почувствовать, как сильно ты этого хочешь. И есть худшие способы умереть. Если уйду, уткнувшись лицом в твою киску, это будет с улыбкой на лице.

О.

Боже.

Мой.

Я подчиняюсь ему, сжимая бедра вокруг его головы, толкая его на себя. Мне нужно больше, больше, больше. Я хочу быть обнаженной перед ним, вся я должна быть выставлена напоказ для него, чтобы он мог изучать и исследовать меня на досуге. Хочу, чтобы он использовал меня. Хочу отказаться от всякого контроля над этим кошмаром. Впервые за несколько месяцев я хочу чувствовать что угодно, только не грусть. Я хочу чувствовать себя хорошо.

Тео снова проводит языком по моему центру. Пламя жара усиливается в моем животе, поднимается в грудь, обжигая там. Полоса напряжения на спине, вездесущая, никогда не ослабевающая, наконец отпускает, и мое тело еще глубже погружается в кровать. Я выпускаю прерывистый вздох, когда чувствую новое давление — пальцы Тео, погружающиеся в мое отверстие. Я — центральная точка ярко горящей звезды, когда парень просовывает их внутрь меня и находит чувствительную точку внутри, о существовании которой я даже не подозревала. В сочетании с ощущением его языка, томно работающего над моим клитором, я чуть не разрываюсь на части прямо здесь и сейчас.

— О, боже мой. Святое дерьмо, это такое... чувство... это...

— Хорошо? — бормочет Тео.

— Черт возьми, да. Хорошо. Действительно чертовски хорошо.

Мерчант урчит от удовольствия в мою киску, и его голос звучит для всего мира как рык очень довольного хищного кота. Не одомашненный вид. Лев.

Парень останавливается, чтобы сказать:

— Я имел в виду это. Я хочу, чтобы ты оседлала мое лицо. Ты дашь мне то, что мне нужно. Не сегодня. Не завтра. Но когда будешь в порядке и готова, я позабочусь, чтобы это произошло.

Слава богу, он дал мне немного времени. Я действительно не готова. Не могу себе представить, как беру на себя такую ответственность. Я хочу. Было бы чертовски здорово сесть ему на лицо и тереться о его рот, находя точку трения, которая чувствовалась лучше всего, а затем заявлять на нее права, пока парень использовал бы влажный жар своего языка, чтобы доставить мне удовольствие. Но на данный момент, то, что Тео вот так набросился на меня, это почти все, с чем я могу справиться.

Я дрожу, когда парень ускоряет темп пальцами, поглаживая их внутрь меня, создавая самый восхитительный вид давления на мою внутреннюю стенку. Его язык прижимается сильнее, его кончик двигается все быстрее и быстрее, и меня заливают волна тепла.

— М-м-м. Черт, ты такая вкусная, — пыхтит Тео. — Такая чертовски мокрая для меня. Я собираюсь вылизать тебя дочиста.

— Да. Боже, да! — я снова толкаю его голову вниз, заставляя его оказаться между моих ног, сама усиливая давление его рта, говоря ему, что хочу большего. Что мне это нужно.

Парень мрачно усмехается, удовлетворяя мою не слишком нежную просьбу.

Быстрее. Сильнее. Тео лижет и сосет меня, вводя в меня пальцы, массируя эту точку внутри меня с новым давлением, и я горю еще жарче. Ярче.

— Ой! О... черт! — Он сосет мой клитор, описывая вокруг него круги языком, и все пропало.

Тео знает, что я близко. Должно быть чувствует. Полностью изменив темп, он трахает меня пальцами, слегка загибая их в меня, погружая их в меня все быстрее и быстрее, пока...

— Черт! Черт, Тео! О боже мой! О, боже мой, о, боже, о, боже мой!

Это ударяет, как ядерная бомба.

Моя спина выгибается так сильно, что я заваливаюсь набок, мои ноги умоляют выпрямиться, когда оргазм пронзает меня, но Тео обхватывает руками мои бедра, обхватывая их вокруг головы, продолжая лизать и сосать.

Я кричу.

Ничего не могу с этим поделать.

Звук грубый и хриплый, обжигающий мое горло.

Я больше не центр огненной звезды; я сверхновая, разлетающаяся на триллион осколков, вылетающая в космос. Взрыв внутри меня невозможно сдержать. Я чувствую себя так, словно разваливаюсь на молекулярном уровне, раскалываюсь, ломаюсь, падаю.

— О, боже, остановись!

Тео действительно останавливается... но только на то время, чтобы спустить свои уже растянутые джинсы вниз по бедрам. Я открываю глаза, наблюдая, как он это делает, слишком ошеломленная, чтобы говорить. Мое дыхание вырывается короткими, резкими порывами, прерывистыми из-за эха моего оргазма, все еще пульсирующего во мне. Парень

смотрит на меня сверху вниз, когда ползет вверх по моему телу, словно лев, его глаза полны пугающего голода.

— Готова для меня, малышка? — спрашивает он.

— Да. — Это слово — просто форма на моих губах. Я пытаюсь придать этому звучание, но ничего не выходит. Я коротко, отчаянно киваю ему на случай, если парень не расслышал, и...

Тео двигает бедрами вперед, погружаясь глубоко в меня. Я задыхаюсь, хватаясь за него, пытаюсь удержаться от ощущения, как он толкается внутрь меня. Это движение не было нежным или сдержанным. Это было заявление. Утверждение. Он наполняет меня так глубоко, что мое тело борется за то, чтобы растянуться, чтобы вместить его в себя. Мне не больно. Я просто чувствую себя... завершенной.

Тео замирает, опираясь руками по обе стороны от моей головы. Наши глаза встречаются, и на секунду мы просто смотрим друг на друга, пытаюсь смириться с ошеломляющим чувством правильности между нами, когда два наших тела сошлись вместе и теперь соединяются с нами. Я знаю, Тео тоже это чувствует. Это прямо здесь, написано на его удивленном лице. Его зрачки, расширенные ко всем чертям, похожи на две черные дыры.

— Черт возьми, — рычит он. — Ты обхватываешь мне как перчатка. И чувствуешь так чертовски потрясающе.

У меня нет слов. Не могу понять первое, что я хочу сказать в ответ. Первичная часть моего мозга взяла верх, сделав мои речевые центры излишними. Вместо того чтобы ответить ему, я обхватываю ногами его талию, прижимая его крепче, притягивая еще глубже. Тео приоткрывает рот. Его глаза расширяются. Удовлетворение проходит через меня при виде того, как парень теряет самообладание.

— Восс, — хрипло произносит Тео. — Не двигайся.

Было бы действительно очень приятно проигнорировать его мольбу и прижаться к нему, почувствовать, как его возбужденный член становится еще тверже внутри меня, когда я заставляю его излиться. Но я эгоистична. Я хочу большего. Если слишком быстро столкну его с края пропасти, то этот момент закончится. Поэтому вместо того чтобы двигать бедрами, как просит меня мое тело, я сжимаю его изнутри. Не уверена, что он это почувствует. Я никогда раньше не пыталась этого сделать. По тому, как округляются его глаза, по глубокому, сдавленному выдоху воздуха, покидающему его легкие, я бы сказала, что Тео это чувствует.

— Жестоко, — бормочет он. — Ты чертовски жестока.

— Ну и что с того? — шепчу я.

Он обнажает зубы, быстро сомкнув руку на моем горле. Пальцами впивается в мою кожу... но недостаточно сильно, чтобы оставить след. Я все еще могу дышать, почти. Тео, очевидно, точно знает, на какую часть своего веса нужно опереться, чтобы у меня немного закружилась голова.

— Жестокие девочки? Девочки, которые плохо себя ведут? Они будут наказаны, — обещает он.

Я снова сжимаю внутренние мышцы, пульсируя вокруг него, и парень шипит сквозь зубы.

Одариваю его широкой улыбкой.

— Как?

Тео пользуется моим открытым ртом и снова зацепляет пальцами мою щеку, точно так

же, как делал прошлым вечером в актовом зале. Я чувствую свой вкус на нем, запах моего возбуждения, покрывающий его кожу. Стону, не в силах сдержать этот звук. Парень наклоняется, глаза полны огня, когда говорит:

— Их трахают в глотку, милая. Наклоняют, и растягивают их задницы.

— Я... этим... не... занимаюсь. — Трудно выговорить слова.

Тео наклоняет голову набок, прищулив глаза. Будь я проклята, если его член не дергается внутри меня.

— Нет?

Я качаю головой.

— Уверена? Потому что думаю, что ты хорошая девочка и сделаешь то, что я тебе скажу.

Черт возьми. Феминистка во мне возмущается его словам. Но покорная часть меня, та часть меня, о существовании которой я до сих пор и не подозревала, светится от удовольствия. Я действительно хочу повиноваться ему. Хочу быть его хорошей девочкой. Мысль о том, что он перекинет меня через колено и будет дразнить мою задницу, заставляет мои щеки покраснеть до такой степени, что я почувствую, как моя собственная кровь вызывает у меня подкожные ожоги второй степени. Я никогда даже не думала об этом раньше...

Обхватив одной рукой мое горло, а пальцами другой руки ловя меня на крючок, Тео наваливается на меня значительным весом. Хотя все еще не всем своим весом. Его внутренняя сила, должно быть, умопомрачительна, если парень удерживает себя от меня одними мышцами живота. Прямо сейчас я бы убила, чтобы сорвать с него рубашку прямо сейчас. Я хочу видеть его кожу, его татуировки, изучить каждую линию его груди и пресса, но когда снова пытаюсь схватить его за подол рубашки, Тео отпускает меня и хватает за оба запястья, одной рукой закрепляя их у меня над головой.

— Не помню, чтобы давал тебе разрешение прикасаться ко мне.

— А я не помню, чтобы давала тебе разрешение прикасаться ко мне, — возражаю я. Мой голос звучит хрипло. Я бы списала это на то, как он душил меня, но это было бы ложью. Это чистая потребность. Я слышу это. Тео тоже. Он улыбается дикой улыбкой, проводя пальцами по моей щеке, шее, по моей собственной рубашке. И снова гладит мою грудь, разминая и сжимая ее, пока я не вскрикиваю.

— Мне нужно разрешение, чтобы прикоснуться к тебе? — спрашивает Тео.

— Я...

— У меня есть твое разрешение? Могу я прикасаться к тебе везде, где захочу? Когда захочу? Как мне нравится?

Только идиотка сказала бы «да».

И я и есть та самая идиотка.

Я киваю.

Тео сияет от моего ответа.

— Очень хорошая девочка. Я дам тебе знать, когда ты сможешь увидеть меня голым, Восс. А до тех пор...

Я бы возразила против несправедливости его двойных стандартов, но у меня не хватает слов, когда Тео отводит бедра назад и врезается в меня. Сильно.

— Это то, что ты получаешь за то, что двигаешься, когда я сказал тебе не делать этого.

Я жду еще одного мучительного толчка, но когда Тео откидывается назад и снова

наклоняет бедра вперед, он скользит в меня всего на дюйм — снова и снова, короткими маленькими толчками, вводя только кончик своего члена. Я понятия не имела, что мое тело может нуждаться в чем-то так сильно, чтобы он снова полностью вошел в меня.

— Черт! Тео! О боже, пожалуйста! Гребаный...

Мои зубы стучат друг о друга, когда парень снова резко входит в меня. До самого основания.

— ТЕО!

Я готовлюсь к еще одному мощному толчку, но нет. Парень возвращается к коротким, дразнящим поглаживаниям, от которых мне хочется рвать на себе волосы.

Я пытаюсь притянуть его ближе к себе, но Тео намного сильнее меня — и его воля тоже.

— Терпение. Проживи это вместе со мной. Ты справишься.

Я бы хотела иметь возможность сдерживать себя. Однако мое самообладание и достоинство вылетели в окно. Он нужен мне — мое тело в огне — и я сделаю все, что в моих силах, чтобы получить то, что мне нужно. Я извиваюсь под ним, борясь с ним, отчаянно пытаюсь поднять бедра навстречу ему, взять от него больше, урвать больше, чем парень пытается мне дать.

Тео зарывается головой в мою шею и агрессивно покусывает мою кожу, неожиданное давление его зубов заставляет меня резко втянуть воздух.

— Мне нужно связать тебя, малышка? Или просто перестать трахать тебя, пока не научишься вести себя прилично?

— Нет! Нет, пожалуйста, нет, не останавливайся! — Это была бы участь хуже смерти.

Я вздрагиваю, когда пытаюсь прийти в себя, успокоить бешено колотящееся сердце и бешеный ритм моей крови. Но я нуждаюсь в нем, и эта боль угрожает поглотить меня изнутри. Чертовски трудно расслабить свое тело и позволить этому случиться.

Однако каким-то образом я снимаю напряжение в спине и ногах. Тео улыбается мне сверху вниз, само удовлетворение и... слабый намек на гордость.

— Вот так. Идеально, — выдыхает он. Проводя губами по моему лбу, виску, вдоль линии подбородка, оставляя легкие, как перышко, поцелуи на моих губах, и теперь я чувствую его улыбку. Это заставляет мою душу гореть, когда я ощущаю её там и знаю, что все это для меня.

Тео снова начинает этот изнурительный процесс, погружаясь в меня, кончик его члена проникает достаточно глубоко, чтобы почти ответить на требование, пульсирующее по всему моему телу. И снова, как раз в тот момент, когда я вот-вот сойду с ума, он бросается вперед, зарываясь так глубоко, что мои глаза расширяются, и весь здравый смысл покидает меня.

— Пожалуйста! — Я никогда раньше не хныкала. Никогда не умоляла дать мне освобождение вот так. Мой стыд — это шепот, заглушаемый реющим электрическим током, проходящим между нами. Я в таком бреду, что не обращаю на это внимания. — Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста.

Тео неумолим. В нем нет милосердия. Он откидывается назад, его золотисто-карие глаза впиваются в мои, и его мрачный решительный взгляд говорит мне, что просить бесполезно. Парень настроился на эту задачу, решил, что собирается заставить меня мурлыкать, и никакие мольбы этого не изменят. Снова и снова он повторяет свои действия, и с каждым повторением я чувствую, как все больше и больше теряю себя, мое сознание

погружается в глубины безумия.

— Черт. О мой Бог. Пожалуйста!

Парень еще раз глубоко вонзается в меня, и невозможный жар разгорается между моих бедер.

— ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ТЕО! Я НЕ МОГУ... О БОЖЕ, Я СОБИРАЮСЬ... — я замираю, кровь бушует в венах, огонь лижет мои внутренности... но я не кончаю. Я чуть не плачу, когда он снова начинает входить в меня, недостаточно, слишком неглубоко, потирая то место внутри меня, которое хочет большего.

— Ш-ш-ш. Все в порядке. Оно приближается. Совсем скоро, — шепчет он, задыхаясь. — Я держу тебя, малышка. Это произойдет, я обещаю.

Тео Мерчант не нарушает своих обещаний. По крайней мере, не это. Когда он вонзается в меня в последний раз, взрыв ощущений, который разрывает меня на части, оставляет меня бессвязной и кричащей. Это охватывает меня внезапно, взрываясь повсюду, в каждой клеточке моего тела. Я не могу дышать. Мое зрение размывается, и на одно мгновение, от которого замирает сердце, становится черным. Но мне, блять, все равно. Я задыхаюсь, выгибаясь дугой над кроватью, невообразимый экстаз проходит через меня, обрушиваясь, когда Тео погружается в меня.

Парень издает сдавленный стон, сотрясаясь рядом со мной, и я чувствую, как Тео опустошается внутри меня. Осознание того, что парень кончает, делает со мной нечто такое, чего я никогда раньше не испытывала. Я цепляюсь за него, отчаянно желая быть как можно ближе, и на этот раз он сдается и позволяет этому случиться. Тео прижимается ко мне, тяжело дыша, его сердце колотится в груди так яростно, что я чувствую его стремительное биение у себя на груди, через наши рубашки.

— Боже, малышка, — шепчет Тео, задыхаясь. — Однажды ты меня убьешь.

Странно говорить это прямо сейчас. Но, черт возьми, мой мозг тоже работает неправильно. Мой разум наполнен пронзительным звенящим звуком и не более того. Мы долго лежали, прижавшись друг к другу, и постепенно наши бешено колотящиеся сердца замедлились. Тео дышит мне в волосы и шею, его волосы щекочут мне нос, а запах мяты и зимнего воздуха омывает мои чувства. Он рисует маленькие, легкие круги на моей ключице дрожащими пальцами, и я остаюсь настолько неподвижной, насколько это возможно, концентрируясь на этом моменте и только на нем.

Я знаю, что будет дальше.

В любую секунду может появиться чувство вины. Это проявится как вспышка, ошеломляющая меня силой своей мощи, и я возненавижу себя. Ничто на небесах или на земле не позволит мне простить себя за этот акт предательства. Позволив этому случиться, я обрекла себя на всю жизнь страданий. Рейчел...

Рейчел.

Одна мысль о ее имени приводит колеса в движение.

— Тебе нужно идти, — шепчу я в волосы Тео.

— Соррелл...

— Нет, Тео. Пожалуйста. — Мой голос сдавлен слезами. — Просто уходи.

СОРРЕЛЛ

Просыпаюсь от сильной головной боли. Не могу увидеть рану на затылке, как бы творчески я к этому не подходила, поворачивая маленькое зеркало к зеркалу в ванной. Тем не менее, я чувствую, что двухдюймовая рана распухла, и прикасаться к ней чертовски больно. Принимаю душ и готовлюсь к занятиям, морщась от ярких лучей солнечного света, проникающих сквозь витражные окна академии «Туссен», пока направляюсь в комнату «Секвойи» — типично, что единственный день, когда погода здесь улучшилась, это тот день, когда облака на самом деле были бы благословением, а не проклятием.

Все говорят о Себастьяне, швырнувшем мне в голову эту дурацкую банку с газировкой. Я слышу, как они шепчутся об этом, пока сижу за своим столом и роюсь в сумке в поисках блокнота и ручки. Я почти не думала об инциденте в коридоре — была слишком занята тем, что произошло в моей комнате прошлой ночью, чтобы думать о чем-то еще, — но, похоже, остальная часть школы не думала ни о чем другом.

— Ты в порядке? — спрашивает Эшли, садясь на сиденье рядом со мной. — Я слышала о Себе и знаю, что он чувствует себя ужасно из-за этого.

Я горько смеюсь, бросая на нее суровый косой взгляд.

— Серьезно?

— Да. Он переживает. Я видела его сегодня утром за завтраком, и он был бледен как привидение. Себ просто был так зол из-за того, что застрял здесь, и вечеринка была испорчена, и...

— И он швырнул в меня банку, чтобы почувствовать себя лучше?

Эшли хмурится на меня, как будто я веду себя странно.

— Ты не понимаешь, на что это иногда похоже. Ты... — фыркает Эшли, хмурясь все сильнее, пока, похоже, подыскивает подходящее слово. — Ты новенькая. Мы застряли здесь надолго. Иногда кажется, что мы никогда не выберемся отсюда к чертовой матери. Напряжение нарастает.

— Прости, почему ты вообще разговариваешь со мной прямо сейчас? У меня не сложилось впечатления, что мы друзья. — Я обвинила ее подружку в каком-то довольно мрачном дерьме, в мой первый день здесь. Она видела, как мне было противна та хрень, которая творилась на вечеринке. Она...

Черт возьми.

У меня слишком сильно болит голова для этого.

Швыряю черную шариковую ручку на свой стол.

— Послушай, Эшли. Напряженность накалилась до предела. Я поняла. Это старшая школа, и независимо от того, насколько хорошо воспитан человек и насколько богаты его родители, я знаю, что это не мешает им быть мудаками и вести себя как дети. Я не стучала о вечеринке. Не знаю, почему Форд не вызвала меня выступить в актовом зале, но клянусь, что не я была причиной санкций, которые Форд наложила на нас. Я так же связана и ограничена ими, как и все остальные. А теперь, пожалуйста, возвращайся на свое место. У меня раскалывается голова, и я почти ничего не вижу. Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое.

Эшли выглядит так, будто хочет поспорить, но, когда открывает рот, ничего не выходит. Девушка качает головой, что выглядит как разочарование, затем хватается за сумку из-под стола и возвращается на свое обычное место у двери на другой стороне комнаты.

Я прохожу через переключку, и никто больше меня не беспокоит.

История, английский и биология проносятся мимо как в тумане.

Даже не знаю, почему посещаю эти занятия. Я уезжаю в среду, и у меня нет причин подвергать себя всему этому. Но когда подумала о том, чтобы спрятаться в своей комнате и переждать там остаток своего времени в «Туссене», почувствовала такую клаустрофобию и панику, что это показалось мне единственным реальным вариантом.

Я говорю себе, что это от скуки и тесноты, пока почти не верю в это. Притворяюсь, что в моей комнате не пахло Тео, когда я проснулась этим утром. Отказываюсь признавать тот факт, что мои простыни все еще смяты, потому что прошлой ночью мы занимались на них сексом, и...

— А-а-а! Вот ты где. Я повсюду тебя искала. Что это, черт возьми, такое? — Лани садится на стул напротив меня в обеденном зале, глядя на беспорядок, который я устроила из своего обеда. Сэндвич представляет собой гору каши в середине подноса, а пластиковая вилка торчит из него как флагшток.

— Несъедобно, — мрачно отвечаю я.

— Я вижу. Вот. Съешь это, — она кладет плитку шоколада, все еще в обертке, на стол рядом с моим подносом.

Я возвращаю ее ей.

— Все в порядке. Ты не обязана этого делать. Я просто не голодна.

Лани сует ее обратно.

— Чувствую себя собакой. Я знаю, как выглядит девушка, которой нужен шоколад. Ты расстроена из-за вчерашнего?

Я беру плитку шоколада, открываю ее, засовываю в рот и откусываю кончик. Сахар взрывается у меня на языке, и на какую-то секунду я действительно чувствую себя лучше.

— Мне насрать на вчерашнее, — бормочу я с набитым ртом.

Ноэли бросает на меня укоризненный взгляд.

— Я твой друг. Ты же знаешь, что можешь сказать мне, если это так. Я не буду думать о тебе плохо из-за этого. Ты всего лишь человек. А Себ — придурок. То, что он сделал, было...

Я сглатываю.

— Серьезно. Все в порядке. Если не считать того, что злюсь из-за огромной шишки на затылке, я действительно в порядке. Мне насрать на Себастьяна. Честно говоря, сейчас у меня на уме другие, более неотложные дела.

Лани откусывает от своего сэндвича с яичным салатом, приподнимая брови.

— Например?

На мгновение я подумываю о том, чтобы отмахнуться от ее вопроса и найти оправдание своему мрачному настроению. Но ее серьезный взгляд и искренняя забота в тоне заставляют меня глубоко вздохнуть.

— Мне нужно сходить к медсестре.

Она бледнеет, бросая свой сэндвич на поднос.

— Черт, Соррелл. Тебе плохо? У тебя сотрясение мозга? Нельзя шутить с подобными вещами. Нужно доставить тебя в нормальную больницу, если у тебя какие-то странные симптомы...

— Нет, нет, с головой все в порядке. Честное слово. Дело не в этом.

Лани смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Тогда что?

Ух, боже, это будет отстой. Я делаю глубокий вдох и откидываюсь на спинку стула, зажимая переносицу между большим и указательным пальцами.

— Ладно. Мне неприятно это признавать, но... Мне вроде как нужна таблетка экстренной контрацепции.

— Я думала, ты его ненавидишь, — говорит Лани, сидя рядом со мной возле кабинета медсестры.

Девушка не переставала грызть ногти с тех пор, как я рассказала ей о том, что произошло прошлой ночью. И, казалось, она совсем не была шокирована, когда я рассказала ей о Тео. Если уж на то пошло, Лани кажется взволнованной. А ее навязчивое покусывание ногтей могу приписать лишь к симптомам нервозности — мне действительно нужно через секунду войти в этот кабинет и сказать медсестре, что прошлой ночью я трахнулась с кем-то без защиты.

— Я и ненавижу, — рычу я, откидывая голову назад, пока... ай. Нет. Наклонять голову назад под таким углом действительно больно.

Я выпрямляюсь на стуле, тяжело вздыхая от нелепости этой ситуации. Рядом со мной Лани поворачивается на своем сиденье так, чтобы быть полностью лицом ко мне, все ее существо гудит от переполняющей энергии.

— Вы, ребята, сейчас встречаетесь? Он говорил тебе, что влюблен в тебя? Это между вами... — качает головой Лани. — Я не знаю. Серьезно или что-то в этом роде?

Я корчу ей рожу.

— Нет, конечно, нет. Я с ним не встречаюсь. Я бы купила Тео Мерчанту билет в один конец прямо в ад, если бы могла. И зачем ему признаваться в своей вечной любви ко мне, Лани? Этот парень, черт возьми, едва знает меня.

Разочарование сменяет ее восторженное выражение лица.

— Ну, не знаю. Я просто подумала... ты не можешь отрицать, что между вами двумя возникла напряженность. После того как он выбил дерьмо из Себастьяна, и... ты переспала с ним прошлой ночью, Соррелл! Зачем тебе спать с ним, если ты так сильно его ненавидишь?

Я надуваю щеки, бросая взгляд на часы на стене. Уже почти два пятьдесят. Кабинет медсестры закрывается в четыре. Еще много времени, чтобы увидеться с ней, но у нее назначены другие встречи. Если они сдвинутся, она не сможет вместить меня. И я не смогу с ней увидеться. Сегодня. Я приехала в «Туссен», для того чтобы разрушить жизнь Тео, а не чтобы вместо этого залететь от него. Это просто гребаное безумие.

— Момент безумия, — говорю я Лани, повторяя свои мысли вслух. — Моя жизнь была сплошным безумием с тех пор, как я попала сюда.

Могу сказать, что ей не нравится такой ответ. Девушка смотрит в пол, жуя то, что только что отгрызла от большого пальца, и дергая коленями вверх-вниз, вверх-вниз.

— Значит, ты ничего к нему не чувствуешь? Совсем ничего? — спрашивает она.

— О, конечно, я кое-что чувствую к нему, но в этом нет ничего хорошего. Послушай, я знаю, ты пытаешься быть милой и просто заботишься обо мне, но тебе не обязательно ждать

со мной. Если тебе нужно идти, то мы можем встретиться с тобой позже. Это действительно не проблема.

Ее глаза вдвое больше обычного размера и полны боли, когда она говорит:

— Боже. Я бы никогда не бросила тебя в такой момент, как сейчас. Каким другом я была бы, если бы позволила тебе самой пройти через это?

«Таким другом, который мне нужен прямо сейчас?»

Я знаю, что, сказав ей нечто-то подобное вслух, я только еще больше раню ее чувства. И в чем-то Лани права — с тех пор как я потеряла Рейчел, у меня не было друга, на которого можно было бы опереться. Я так привыкла заботиться о себе и справляться со своими проблемами в одиночку, что мне действительно приятно, когда кто-то поддерживает меня в этом. Я просто хочу, чтобы она перестала говорить о Тео, о том, что он сделал, и о том, что я чувствую к нему, хотя бы на пять секунд. Мне и так нелегко выкинуть этого ублюдка из головы.

— В прошлом году мне пришлось брать здесь такую таблетку, — ни с того ни с сего признается Лани. — Все было не так уж плохо. Они не задавали слишком много вопросов.

Должна сказать, что удивлена, услышав это. Я просто предположила, что Лани девственница. Девушка такая милая и застенчивая, что мне никогда не приходило в голову, что она может быть сексуально активной. Я поворачиваюсь к ней, глядя на нее новым взглядом.

— С кем ты спала? — спрашиваю я.

Она краснеет.

— О, его здесь уже нет. Он закончил школу в прошлом году. Его звали Клэй. Это была ошибка, но... все равно было весело, — говорит Лани, ухмыляясь.

— Лани! — я прижимаю руку к груди, изображая шок. — Никогда бы не подумала, что ты такая распутница...

Дверь в кабинет медсестры распахивается, и оттуда выбегает девушка со слезами на глазах, прижимая тряпку ко рту. И рыдает, когда видит меня и Лани, а затем убегает по коридору.

— Что за?..

— Мисс Восс?

Мышиного цвета волосы медсестры Райли сегодня заплетены в косички, завязанные резинками с маленькими розовыми пластиковыми цветочками. У нее такой вид, будто она собирается попробовать угостить меня леденцом. Но Райли не будет так широко улыбаться мне, когда поймет, зачем я пришла к ней — неразборчивые в связях подростки без капли здравого смысла не заслуживают конфет в конце визита. На данный момент медсестра улыбается мне.

— Заходи, милая, — говорит медсестра.

— Хочешь, чтобы я пошла с тобой? — спрашивает Лани.

— Ты знаешь правила. Только пациент может войти в кабинет, — говорит медсестра Райли. — Но не волнуйся, Лани. Я верну тебе Соррелл в мгновение ока.

Я следую за медсестрой внутрь и сажусь на смотровой стол, как она мне указывает. Сестра Райли напевает, направляясь к высокому картотечному шкафу в углу комнаты и открывая его. Пролистывает ряд файлов, находит мой — он огромный — а затем достает его, кладет на стол и начинает подключаться к своему компьютеру.

— Почему моя папка такая большая? — спрашиваю я, нарушая неловкое молчание.

— Хмм? О! — сестра Райли поворачивается ко мне с улыбкой в миллион мегаватт. — Да, большая. Когда новый студент прибывает в «Туссен», мы должны собрать все его медицинские записи от предыдущих врачей. Нам нужны печатные копии всего, что есть в файле. Знаешь ли, погода здесь такая плохая, что электроэнергия постоянно выходит из строя. Если у тебя возникнет чрезвычайная ситуация в такое время, то нам понадобятся печатные записи твоей истории болезни. Не стоит давать тебе лекарства, на которые у тебя аллергия, не так ли?

— Полагаю, что нет.

— И я помню, что получить все твои записи было чем-то вроде кошмара, — смеется она, грозя мне пальцем. — Ты много переезжала, когда была маленькой, не так ли?

Я просто тупо смотрю на нее.

— Я была в системе усыновления.

Ее улыбка тускнеет.

— О, да. Верно. Теперь я вспомнила. Извини.

— Все в порядке.

— Итак, что привело тебя сюда сегодня? — быстро меняет тему медсестра. — Голова беспокоит?

— Нет. — И я была права. Действительно, ее улыбка полностью исчезает, когда я объясняю причину своего визита.

Я уйду, не только приняв экстренную таблетку в присутствии медсестры Райли, но и с рецептом на противозачаточные, от которого я вежливо пыталась отказаться, но она настояла, чтобы я взяла. Медсестра сообщила мне, что мне придется воспользоваться им за пределами академии, но она не будет чувствовать себя комфортно, выдавая мне экстренное противозачаточное средство, не удостоверившись, что у меня есть меры, которые не позволят мне снова потребовать его в будущем. Для нее не имело значения, что я уезжаю через несколько дней. Райли была настойчива, а мне нужна была эта чертова таблетка. Мне пришлось взять рецепт, и она дала мне гребаный леденец, когда я выходила за дверь.

Четыре часа спустя меня так тошнит от лекарства, что даже встать с постели кажется монументальной задачей. Вот почему я кричу: «Уходи!» вместо того чтобы открыть дверь, когда кто-то стучит после восьми.

Человек никуда не уходит.

Человек, который является Тео, без каких-либо проблем проникает в мою комнату, даже несмотря на то, что проклятая дверь была заперта.

Я падаю обратно на свежевывстиранные простыни, театрально постанывая.

— Ух! Это похоже на дурацкую плохую шутку, которая постоянно повторяется, чувак. Я прячусь в своей комнате. Ты появляешься у моей двери. Я говорю тебе идти к черту, а ты игнорируешь меня. Тебе не надоело все это?

Войдя, Тео сначала даже не смотрит на меня. Он проводит мгновение, осматривая все остальные элементы комнаты, кроме меня — фальшивые фотографии моей фальшивой семьи на комод; билеты на концерты и корешки фильмов, засунутые в раму зеркала; полароидные снимки, которые Гейнор мастерски подделала, изображая меня с группой улыбающихся друзей, которых я не знаю; маленький плюшевый мишка на прикроватном

столике; серьги, ожерелья и браслеты в коробке, которые я никогда не носила. Все это фальшь. Гребаная ложь.

Одетый с ног до головы в черное, с темными волосами, падающими на его дико красивое лицо, Тео выглядит как призрак, когда просматривает фикцию, которую Гейнор отобрала для меня, наблюдая за каждой маленькой деталью с яростной интенсивностью. Парень берет в руки позолоченную серебряную рамку с фотографией меня моложе, сфотографированную рядом с симпатичной женщиной средних лет с открытыми, яркими голубыми глазами и длинными темными волосами того же оттенка, что и у меня, и высоким, интеллигентного вида мужчиной в очках, у которого на конце такой же плавный изгиб носа, как у меня. Гейнор проделала огромную работу по поиску образов, в которые я бы хорошо вписалась.

— Расскажи мне о них, — просит Тео.

Я чуть не давлюсь от смеха. Он знает, зачем я приехала сюда. Знает все о Рут и «Фалькон-хаус». Зачем утруждать себя этой ерундой? Я стону, закрывая лицо рукой, желая отгородиться от него и всего остального дерьма.

— Знаешь, прошлая ночь ничего не меняет.

На мгновение он замолкает. Кровать рядом со мной прогибается; парень без приглашения сел. Какой сюрприз.

— Нет? — тихо спрашивает Тео.

— Нет. — Это слово произносится с трудом. — Для меня это ничего не меняет.

— Тебе не приходило в голову, что это может изменить ситуацию для меня?

Это действительно смешно. Я опускаю руку, приподнимаясь на локтях. Комната качается, в голове стучит, в животе кружится тошнота, но действие противозачаточного средства, которое я проглотила в кабинете медсестры Райли, второстепенно по сравнению с моим вспыльчивым характером.

— О? И что же это изменило для тебя, Тео? Ты решил, что Рейчел теперь ничего для тебя не значит? Что вместо этого ты влюблен в меня? Ты, блять, меня даже не знаешь, — выплевываю я.

Тео остается спокойным перед лицом моей ярости. На самом деле выражение его лица трудно прочесть, но, хоть убейте, мне кажется, я вижу, как на мгновение по его чертам пробегает печаль.

— Как я могу? Ты даже сама себя не знаешь.

— Я прекрасно знаю себя, — возражаю я. — Я знаю, что ты отнял у меня самую важную вещь в мире. Ты вообще сожалеешь о том, что произошло, Тео? Сожалеешь о чем-нибудь из этого? Ты хотя бы скучаешь по ней?

В мгновение ока лицо Тео превращается в маску ярости, такую бурную и мощную, что она почти совпадает с моей собственной.

— Конечно, я чертовски скучаю по ней! — огрызается он. — Скучаю по ней каждый гребаный день, больше, чем ты можешь себе представить. Но я не загоняю себя в угол из-за горя. Боже, иногда ты бываешь таким избалованным ребенком.

Это обвинение — пощечина. Это чертовски больно. Мое лицо становится горячим, кровь приливает к щекам. Я так возмущена, что хочу нанести ответный удар, укубить его, выцарапать ему глаза, разрезать кожу так жестоко, что задеть кости, но у меня нет слов, чтобы причинить ему боль так же эффективно, как он причинил ее мне — меня полностью лишили способности говорить. Жаль, что Тео не лишён дара речи. Он наклоняется ко мне,

губы сжаты в тонкую линию, и впервые я вижу настоящую, неподдельную боль в его золотистых глазах. Я ошеломлена тяжестью его взгляда на моей коже.

— Рейчел была мне дорога. Ты никогда, блять, не узнаешь, что она значила для меня. Ты ходишь по этому месту с задраннным носом, ведешь себя как гребаная жертва, но ты не единственная, кто пострадал от всего этого. Ты действительно думаешь, что единственная, кто просыпается посреди ночи, чувствуя, что не можешь дышать? Думаешь, ты единственная, кто чертовски раздавлен этим? Я даже не могу посмотреть на себя в зеркало. Ты можешь ненавидеть меня до самых глубин своей души, пока не почувствуешь, что это съедает тебя заживо, но могу гарантировать тебе прямо сейчас, что ты никогда не будешь ненавидеть меня так сильно, как я ненавижу себя. А теперь расскажи мне о людях на этой гребаной фотографии, Соррелл!

Я моргаю, глядя на него, потрясенная словами, которые Тео только что обрушил на меня... и совершенно сбита с толку его последней командой.

— О чем, черт возьми, ты говоришь? Я ничего о них не знаю! Они ненастоящие!

Он сжимает челюсть.

— Настоящие.

— Это фотография со стока! Это просто модели, которые Гейнор нашла в интернете. Она загрузила фотографию семьи на пикнике на пляже, и заменила девушку на изображении мной. Почему тебе так трудно это понять?

Тео сжимает руки в кулаки.

— Ты такая чертовски упрямая, — шипит он.

— Если я так чертовски тебя раздражаю... если ты так сильно любил Рейчел...

Я задыхаюсь, пытаюсь заговорить. Когда я начала плакать? Икаю, пытаюсь обуздать нахлынувшие на меня эмоции, но это бесполезно. Это слишком много для меня. Больше меня. Более могущественное, с чем я могу бороться.

— Если ты так сильно любил ее, тогда почему ты вообще здесь? — я стискиваю зубы. — Как ты мог спать со мной прошлой ночью?

Если Рейчел так много значила для меня, то как я могла спать с ним прошлой ночью? Этот вопрос прожигает пылающий след в моем сознании, уничтожая все остальные мысли. Вот в чем суть: этот самый вопрос — истинный источник моего гнева. Я ненавижу Тео, но... Рейчел была моей подружкой. Я изо всех сил старалась игнорировать то, что чувствую — неоспоримое влечение, которое испытываю к Тео. Я протестовала против этого день и ночь, пытаюсь оттолкнуть его, отвергнуть его без всякой на то причины, но не имеет значения, что я делаю. Я все еще чувствую это, каждое мгновение бодрствования, каждый день, и не могу от этого избавиться. То, что я чувствую к нему, выходит за рамки простого влечения. В «Туссене» полно других горячих парней, но они не занимают мои мысли и не мешают мне спать. Я не думаю о них двадцать четыре часа в сутки. Не жажду и не нуждаюсь в них так, как жажду и нуждаюсь в Тео. То, что я чувствую к нему, выходит далеко за рамки влечения. У меня что-то тянет под ложечкой. Голод, для которого у меня нет названия. Отчаяние и настойчивость по отношению к нему, которые не имеют никакого смысла, пугают меня до полусмерти каждый раз, когда я пытаюсь встретиться с этим лицом к лицу.

Тео — живое воплощение разочарования, когда говорит:

— Рейчел ушла, Соррелл. Мне пришлось смириться с этим давным-давно. Ты здесь. — Кажется, он борется с тем, что сказать дальше. — Ты жива. Ты в моей жизни. Да простит меня Бог, но я ничего не могу поделать с тем, что люблю тебя.

Это слишком тяжело вынести.

— Ты не любишь меня. Ты не знаешь значения этого гребаного слова.

Тео смеется горьким смехом.

— Я очень хорошо знаю, что это значит.

— Тогда как ты можешь сидеть здесь и говорить мне, что любил ее, и в то же время говорить мне, что любишь меня? Это невозможно. Я не хочу этого слышать!

— В этом-то и проблема, не так ли? Ты просто не хочешь смотреть правде в глаза.

— Убирайся нахуй из моей комнаты, пока я не начала кричать.

Я думаю, парень собирается сразиться со мной в этом вопросе. Когда он не боролся со мной, когда я говорила ему что-то сделать? Но Тео встает с кровати. Холодный лунный свет, льющийся через огромное панорамное окно у кровати, окрашивает его бледную кожу в мертвенно-серебристый цвет, когда он смотрит на меня.

— Ты знаешь, что это правда. И ты тоже это чувствуешь. Отрицай сколько...

— О, поверь мне. Я, блять, так и сделаю. Ты бредишь. — Даже когда говорю это, меня разрывает на части желание запустить руки в его волосы, убрать непослушные пряди с его лица. Я хочу почувствовать их густоту и пропустить его волны сквозь пальцы. Хочу заползти к нему на колени и поплакать у него на груди; как будто круг его рук — единственное безопасное место, оставшееся на Земле. Такая жестокая и горькая ложь.

Чувство вины невыносимо.

Я хочу убежать от ненавистных вещей, которые он говорит мне, но не могу. Правда обо всем этом разрушает меня, хотя Тео не озвучил ту правду, которая ранит меня больше всего. Я уворачиваюсь от этой мысли, стараясь не дать ей оформиться в моем сознании, но у знания есть свой собственный разум. И он хочет, чтобы его услышали.

Я ревновала.

Слушая, как Тео говорит о своем горе и о том, как сильно он любил Рейчел, мне захотелось вылезти из своей гребаной кожи. Это вызывало ужасную тошноту, хуже, чем от принятой таблетки, пока не стало всем, о чем я могла думать. Он любил Рейчел. Это неопровержимый факт. Я видела это на его лице и слышала в его голосе. И слышать, как он это говорит, было больно. Я никогда не испытывала такого горького стыда.

Тео отодвигается к краю кровати, и какая-то жалкая, ужасная часть меня внезапно не хочет, чтобы он уходил. Как я могу чувствовать себя таким образом, так противоречиво и раздражаемо, когда мой путь должен быть предельно ясным? Боже, я просто хочу свернуться калачиком и перестать дышать. Если бы это избавило меня от этого замешательства и боли, тогда я бы с радостью предалась забвению.

— Лани рассказала мне о противозачаточных. Не злись на нее, — говорит Тео, останавливая меня, когда я резко сажусь на кровати. — Она просто беспокоится о тебе. И хочет помочь. Я пришел сюда только для того, чтобы узнать, все ли с тобой в порядке.

Мои глаза щиплет, они наполняются новым потоком слез. Не знаю, почему так важно, что Тео знает о таблетке, которую я приняла. Он был там прошлой ночью. Он трахнул меня. Тео вошел в меня, и знает, что мы по глупости не использовали никакой защиты. Очевидно, что нужно было бы что-то сделать, чтобы смягчить любые катастрофические последствия того, что мы сделали. Но смущение от того, что он узнал о том, что я сделала от Лани просто... по какой-то причине это чертовски раздражает меня. Я поднимаю руки в воздух, позволяя им упасть на колени — демонстрация чистой покорности судьбе.

— Отлично. Как можешь убедиться, я в полном порядке. Теперь, когда успокоил свою

совесть, можешь уйти.

Его глаза полны стали и раздражения.

— Моя совесть чиста. Мне было бы все равно, если бы ты не приняла таблетку.

— О, пожалуйста, Тео! Какой парень трахает девушку и не хочет убедиться, что ему не придется платить алименты...

— Хватит, — тихо говорит он. — Как я сказал тебе, мне было бы все равно. Я знаю, что у этого дерьма иногда бывают дерьмовые побочные эффекты, поэтому пришел убедиться, что с тобой все в порядке.

Я не знаю, что делать с этим заявлением. Действительно не знаю.

— Хорошо. Меня не рвет, если ты это имеешь в виду, — говорю я с горечью. — Но в порядке ли я? — я качаю головой, отчаянно цепляясь за то небольшое здравомыслие, что у меня осталось. — Нет. Я не могу сказать, что со мной все в порядке.

На секунду мне кажется, что парень собирается подойти ко мне. Измученное выражение его лица указывает на то, что он это сделает. И на эту долю секунды его утешительные объятия — это все, чего я жажду в этом мире. Тео проводит руками по волосам, напряженно выдыхая через нос. А потом смотрит на меня.

— Мне действительно жаль.

Когда дверь за ним закрывается, я падаю на подушки и рыдаю.

СОРРЕЛЛ

Наступает среда. Я цепляюсь за осознание того, что через несколько часов покину «Туссен», как будто тону в бушующей реке, и эта информация — единственное, что удерживает меня на плаву. Я отказываюсь встречаться с Лани. Она стучит в мою дверь, перед тем как пойти на урок, но я не отвечаю. Я сижу рядом со своей упакованной сумкой, уставившись в стену перед собой, игнорируя ее тихие мольбы через дверь, сосредоточив свое внимание на одной узкой точке.

Я ухожу.

Наконец-то ухожу.

Я убираюсь отсюда к чертовой матери.

Дело не в том, что я сержусь на Лани. Она милая и добрая; я знаю, что она всего лишь пыталась помочь. Ей не следовало рассказывать Тео о моем походе в кабинет медсестры, но Лани сделала это из лучших побуждений. Не в этом причина, по которой я не хочу ее видеть. Я просто ненавижу прощания. Завести здесь друга было глупой затеей. Друзья — это слабость. Я узнала об этом в тот момент, когда умерла Рейчел. У меня не было никакого права налаживать отношения с Ноэлани, зная, зачем я пришла сюда, и что не останусь надолго, но... какая-то маленькая часть меня жаждала общения. Я была слаба. Одиночество — это болезнь, которая убьет твой дух быстрее, чем большинство других, и у меня не было сил бороться с этим. Я не хочу покидать эту адскую дыру в слезах, сожалея о потере еще одного друга. Не думаю, что мое сердце выдержит это.

В полдень директор Форд приходит за мной. Она почти ничего не говорит, провожая меня из школы и через лужайку к ожидающему гольф-кару, но трудно не заметить исходящее от нее неодобрение.

Когда мы подъезжаем к причалу, она помогает мне снять сумки с задней части кара. Ровно в двенадцать двадцать приближается «Супер Каб», низко пикируя над озером, звук его двигателей жужжит в прохладном полуденном воздухе, нарушая тишину. Как только самолет приземляется, посылая рябь волн, бьющихся о причал, я хватаю свои сумки обеими руками, готовясь подняться на борт, не желая терять ни секунды, но затем дверь открывается, и я вижу фигуру, ожидающую, чтобы ступить на причал.

Рут.

На ней синие джинсы и слишком большой кремовый свитер. Коричневые ботинки. Ее волосы аккуратно зачесаны назад и заплетены во французскую косу. Ее внешний вид далек от обтягивающих черных топов и черных колготок, в которых она обычно ходит на тренировки. Рут выглядит как мать, идущая за продуктами или забирающая своего ребенка из школы. Взгляд ее голубых глаз на самом деле теплый, когда останавливается на мне.

— Привет, Соррелл, — говорит Рут, улыбаясь.

Мне приходится сдерживаться, чтобы не бросить свои сумки и не наброситься на нее.

Я не слышала от нее ни единого гребаного слова, а теперь она появляется здесь, выглядя как какая-то степфордская жена, улыбаясь мне, как будто не сделала ничего плохого? Я планировала рвать и метать в ту секунду, как переступлю порог «Фалькон-хаус», но, полагаю, здесь, перед директором Фордом, место ничуть не хуже любого другого.

— Не говори мне «Привет, Соррелл», — говорю я ледяным тоном. — Где, черт возьми, ты была?

Она ступает на причал, принимая серьезное выражение лица, подходит ко мне и заключает в объятия.

— Мне жаль. Я была занята.

— Занята? — я отталкиваю ее. — Ты лгала мне. Кто, черт возьми, такой Генри?

Ее веки закрываются. Она на мгновение удивляется, но быстро берет себя в руки.

— Где ты слышала это имя? — она задает вопрос ровным тоном, но мне знакома каждая малейшая перемена в настроении и поведении Рут; она раздражена.

— Как думаешь, где я его слышала? Тео гребаный Мерчант сказал мне, что я должна спросить тебя о нем, сразу после того, как закончил рассказывать мне, что... — я искоса бросаю взгляд на директора Форд, не желая, чтобы она услышала что-либо из этого. Может, я и покончила с «Туссен», но это не значит, что можно безопасно выбалтывать перед ней информацию обо всем этом грязном беспорядке. Хотя у меня нет особого выбора. — После того как он закончил рассказывать мне, что знает все о тебе, и о «Фалькон-хаус», и о том факте, что я пришла сюда из-за Рейчел.

Внешнее спокойствие Рут не ускользает, но в ее глазах вспыхивает раздражение.

— Что ж, это определенно немного нарушает наши планы, не так ли?

— Ты бы знала все это, если бы потрудилась поднять трубку или ответить на любое из полутора тысяч сообщений, которые я оставила для тебя, — шиплю я. — Что, черт возьми, было настолько важным, что ты не могла перезвонить мне?

— Я же сказала тебе, — отрезает она. — Я была занята. Итак, почему ты покидаешь «Туссен»? — Рут мотает головой в сторону Форд. — Я получила серию длинных, ругательных голосовых сообщений от этого человека, в которых говорилось, что ты решила не продолжать свое образование здесь. Ты хоть представляешь, чего стоило твое зачисление сюда?

— Все это больше не имеет значения...

Рут мило улыбается, но это все напоказ.

— Черта с два. Тебе нужно вернуться в школу и закончить то, что ты начала. Так или иначе, Соррелл. Так или иначе.

Я смотрю женщине в глаза, пытаюсь понять, что, черт возьми, происходит. Рут очень плохо отреагировала, когда я заговорила о Генри; у нее был такой вид, словно она увидела привидение. Теперь же ведет себя действительно чертовски странно. Все это очень странно.

— Это бессмысленно, Рут. Тео — гребаный беспорядок. Он сожалеет о том, что случилось с Рейчел. Там... я просто... я больше не хочу здесь быть!

Она бросает взгляд на Форд.

— Не могли бы вы оставить нас на минутку, пожалуйста?

— Конечно. — Директор Форд направляется обратно к гольф-кару, как будто разговор, который она уже услышала, не вызвал у нее ни малейшего беспокойства.

Как только женщина оказывается вне пределов слышимости, Рут шипит:

— Ты хотела отомстить за то, что он сделал. Хотела довести это дело до конца. Больше не хочешь?

— Нет! — Мой ответ прозвучал еще до того, как я успела обдумать вопрос. И я с удивлением обнаруживаю, что это правда. Прийти сюда с мыслью о мести было худшим, что я могла сделать. Я страдала из-за этого каждый день. Это поглотило меня, отравило, а даже

не довела дело до конца. Случилось нечто гораздо худшее.

Паника охватывает меня, сотрясая мои кости.

— Пожалуйста. Можем мы просто вернуться в Лос-Анджелес? Мы сможем разобраться с этим оттуда. Я просто... я больше не могу здесь находиться.

— Мне все равно, хочешь ли ты уехать отсюда. Хочешь сесть на этот самолет и отправиться обратно в Лос-Анджелес? Хорошо. Но это действительно то, чего ты хочешь?

— Я... — я зажмуриваю глаза. — От этого никуда не деться. Я не могу просто вернуться к своей жизни, как будто ничего не произошло. В воздухе еще так много всего осталось. Есть еще так много секретов, я знаю, что они есть.

— Тогда ты знаешь, что тебе нужно делать, — мрачно говорит Рут. Она выглядит так странно в своих синих джинсах и свитере, ее волосы так красиво уложены, что трудно услышать эти слова, слетающие с ее губ. — Остайся и во всем разберись. Это твой шанс на какое-то завершение. В «Фалькон-хаус» ты его не найдешь. Я не смогу тебе это дать. Тебе нужно разобраться в этом самой.

Мне никогда не нравилась идея разочаровать Рут. И вот как она сейчас звучит: разочаровано. Та же старая потребность угодить ей овладевает мной, и я чувствую, как во мне оживает эта потребность — сделать все возможное, чтобы заслужить ее одобрение. Остаться здесь. Сразиться с Тео. Терпеть это дерьмо. Как-нибудь справиться с этим и примириться со всем, что случилось с Рейчел. Но впервые с тех пор, как я встретила ее, моя потребность угодить ей побеждается моим гневом. Рут оставила меня разбираться с этим в одиночку.

Она была занята?

К черту это.

Сердце этой женщины защищено стеной высотой в двадцать футов, толщиной в метр, и ни одна из ее подопечных никогда не проникала сквозь нее. Единственной эмоцией, которую Рут когда-либо публично демонстрировала, был гнев. Ни доброты. Ни грусти. Ни сочувствия, ни счастья. Она самый холодный, самый хладнокровный человек, которого я когда-либо встречала. И на этот раз мне нужно было от нее больше. Я отчаянно нуждалась в какой-то доброте, а все, что она может сказать, это: «Я была занята»?

Рейчел заслуживала большего. Я заслуживаю большего.

Отступаю от нее на шаг.

— Я лишь доставляю тебе неудобства, не так ли?

— Соррелл. Не будь смешной. Ты знаешь, что важна для меня.

— Почему? Почему я важна для тебя? Что будет со мной, если я покину это место, а? Я окажусь на заднице, как только вернусь в «Фалькон-хаус»? На что будет похожа моя жизнь после того, как я сяду в этот самолет?

Рут впивается в меня взглядом с откровенной суровостью, которая задевает меня за живое. Она пожимает плечами.

— Ты знаешь, как бывает. Ты была с нами в течение долгого времени. Ты уже практически взрослая. Пришло время тебе разобраться во всем самой. «Фалькон-хаус» — это убежище для девочек, которые слишком молоды, чтобы самостоятельно прокладывать свой путь в этом мире. Девушек, которым больше негде быть...

— Ты имеешь в виду девушек, которые все еще приносят государственный чек каждую неделю, верно? Мне скоро восемнадцать. Выйду из системы. Эта дойная корова перестанет приносить финансовую выгоду, я права?

Рут качает головой, и вот оно снова, еще хуже, чем раньше. Ее разочарование — это живое, дышащее существо, монстр, скрывающийся за этими бесчувственными голубыми глазами. Она могла бы превратить сердце в камень одним своим взглядом.

— Ты знаешь, как это бывает, Соррелл.

Это все, что Рут может сказать: утверждение, которое стоит повторить в уме. Она думает, что я должна была этого ожидать. Должна была это предвидеть. Я была настолько ослеплена тем, что случилось с Рейчел, что на самом деле ничего не понимала. Я так долго была золотым ребенком в доме Рут, что никогда не думала, что могу впасть в немилость.

— Оставайся здесь, Соррелл. Разгадай все тайны, которые тебя мучают. Заверши то, что нужно, из-за того, что случилось с Рейчел. Заставь этого парня заплатить за то, что он сделал, если тебе это нужно. Прости его или забудь о его существовании, если тебе нужно. Не возвращайся в Лос-Анджелес, пока не будешь готова к тому, что будет дальше. Как только будешь готова, садись в самолет. Возвращайся к нам, и мы поможем тебе устроиться где-нибудь...

— Пошла ты. Серьезно. Просто... пошла ты.

Я думаю, Рейчел предвидела, что это произойдет. Она всегда говорила, что мы были лишь товаром для Рут. Я была такой чертовски наивной. Отворачиваюсь от нее и делаю единственное, что могу сейчас: направляюсь напрямик к директору Форд. Она, кажется, даже не удивлена опустошенным выражением моего лица.

— Думаю, я, возможно, все-таки заканчиваю семестр, — говорю я ей.

— О. Понимаю. Что ж, не могу сказать, что мне жаль это слышать. Нам повезло, что ты здесь в «Гуссене»...

— Почему? — я склоняю голову набок, свирепо глядя на нее. — Почему вам повезло, что я здесь, директор Форд? Я не могу придумать ни одной причины, по которой вы бы хотели видеть меня в своей академии. Вряд ли я самый умный ученик. Вы такая же меркантильная, как и она, обналичиваете еще один чек на мою стипендию, не так ли?

Директор Форд спокойно наблюдает за мной, позволяя мне разглагольствовать. У меня есть тысяча и одно обвинение, которое я хотела бы бросить ей, но внезапно я так устала, так измучена и ошеломлена тем, что только что произошло, что я полностью выдохлась. Пятнадцать минут назад я никогда бы не подумала, что поймаю себя на таких мыслях, но прямо сейчас все, чего хочу, это вернуться в свою комнату и спрятаться. Удивительно, как все может измениться в мгновение ока.

— Не думаю, что в этом была большая необходимость, — сухо говорит Форд.

— Вы правы. Мне жаль. Я просто собираюсь вернуться в школу.

— Уверена, что не хочешь попрощаться со своей тетей?

Да. Точно. Я забыла. В этой выдумке, которую мы создали, Рут — моя тетя. Интересно, что мне придется сказать Форд в ближайшие недели? Рут больше никогда сюда не вернется. Мне придется притвориться, что она умерла, или что-то в этом роде. Хорошо, что в последнее время я так натренировалась во лжи.

— Нет, — отвечаю я. — Я сказала ей все, что мне нужно было сказать.

Я ухожу, направляясь обратно к гольф-кару. Уже собираюсь забраться внутрь, когда из-за деревьев выскакивает фигура и со всех ног бежит вниз по склону к озеру.

Ох.

Чертовски.

Здорово.

Я не сказала ему, что ухожу. Одному богу известно, как Тео узнал, что я возвращаюсь в Калифорнию, но он явно каким-то образом узнал об этом и не выглядит счастливым по этому поводу. Парень мчится вниз к причалу, направляясь прямо ко мне. Его брови сведены вместе, в глазах холод и ярость. Он тычет заклеенным синей лентой пальцем в тележку для гольфа и рычит на меня.

— Отнеси это обратно в академию, малышка.

Я собиралась сесть в гольф-кар. Теперь не так уверена, что хочу этого. У меня нет привычки подчиняться приказам этого мудака. Я забрасываю свои сумки на заднее сиденье, но воздерживаюсь от того, чтобы забраться внутрь и завести машину. Поворачиваюсь к Тео, собирая свои эмоции — я так зла, что готова расплакаться.

— Почему ты вообще здесь?

Он даже не останавливается, чтобы поговорить со мной. Парень огибает гольф-кар, прямо мимо меня, и мчится вниз по причалу к директору... и моей «тетке» Рут.

О, черт.

Я следую за ним, буйство нервов заставляет мой желудок снова скручиваться.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — шиплю я.

Тео меня не слышит или просто игнорирует. В любом случае, он не отвечает на мой вопрос.

— Я серьезно. Залезай в кар и уезжай.

— Кто, черт возьми, умер и сделал тебя богом?

Я хватаю его за руку, разворачивая к себе. Я не думаю, что Тео ожидал, что я это сделаю, потому что мне почти удалось остановить его на полпути. Он высвобождает руку, прерывисто выдыхая, и...

О, боже. Выражение его лица...

Почему он так выглядит?

— Залезай в кар и уезжай, Восс.

— Нет! Я, блять, человек! Я не безмозглый кусок мяса, которым можно командовать. Мой отец был пьяницей и наркоманом, и он умер в луже собственной блевотины, когда мне было пять лет. С тех пор я обходилась без отца. И сейчас не провожу кастинг на его замену!

Тео делает глубокий вдох — прерывистый, болезненный вдох.

— Черт возьми, Соррелл. Пожалуйста. Просто... пожалуйста. Я буквально умоляю тебя.

Мои мысли путаются. Я даже не могу начать разгадывать то, что происходит прямо сейчас. Я чувствую, что официально сойду с ума, если в ближайшее время не получу ответы на некоторые вопросы. Хотя я никогда не видела, чтобы кто-то выглядел таким отчаявшимся. Тео неузнаваем. Под глазами у него темные круги. Его кожа бледная. Его губы кажутся бескровными, а в глазах светится такая ужасная боль, что я не могу вынести, когда она направлена в мою сторону.

— Если я вернусь в кар, ты расскажешь мне, что, черт возьми, происходит, — говорю я. — Это не просьба. Заявление. Время выпрашивать информацию прошло, и я получу ответы, которые мне нужны, или мне придется заплатить адскую цену.

Тео выглядит совершенно побежденным... но кивает.

— Хорошо. Мы поговорим сегодня вечером.

— Отлично.

Идя против всех своих инстинктов, я сажусь в кар. Однако не уезжаю. Я жду. Гниющее, гноящееся неприятное ощущение поселяется у меня в животе; мне требуется вся моя сила

воли, чтобы не выbleвать всё, что есть во мне, себе на колени. Я наблюдаю, как Тео пересекает причал, направляясь туда, где директор Форд и Рут, похоже, увлечены жаркой дискуссией. Они что, спорят? Как только появляется Тео, он набрасывается на Рут и приходит в ярость. Я не слышу, что он говорит. Я не могу понять странную череду эмоций, которые проходят по лицу моего наставника — печаль, замешательство, раздражение, разочарование. Хотя понимаю последнюю эмоцию, которая останавливается на ней. Чистый гнев. Из ниоткуда она набрасывается на Тео, сильно ударяя его по лицу.

Я прикрываю рот руками, с недоверием наблюдая, как Тео набрасывается на нее; он выглядит так, будто собирается ударить ее в ответ, черт возьми. Но не делает этого. Он сдерживает себя, обе его руки прижаты к бокам. Директор Форд встает между ними, поднимая руки в умиротворяющем жесте, который, похоже, не успокаивает ни Тео, ни Рут. Директор говорит, ее губы двигаются со скоростью мили в минуту, а Тео смотрит в сторону, на озеро, сжимая челюсти. Он выглядит достаточно напряженным, чтобы взорваться.

Не говоря больше ни слова, парень разворачивается и бросается обратно к причалу. Тео не смотрит на меня, когда мчится вдоль берега озера и исчезает, но не обратно к академии, а к густому лесу справа от нас.

Я с трудом замечаю, как директор Форд возвращается в гольф-кар. Тяжелая, гнетущая тишина повисает в воздухе. Форд открывает рот, но я медленно качаю головой.

— Не надо. Пожалуйста. Просто... не надо. Я не могу больше терпеть ложь прямо сейчас. Просто отвезите меня обратно.

СОРРЕЛЛ

Свернувшись в клубок на кровати, слушаю, как дождь барабанит в окно. По ту сторону стекла мир представляет собой полосато-серое месиво. Зелень лужайки и рощи деревьев вдалеке тусклая, детали пейзажа превратились в грязные пятна.

Закутываюсь в своем коконе из одеял, тихо разваливаясь на части.

Я даже не прокручиваю в голове события сегодняшнего дня. Какой в этом был бы смысл? Я даже не знаю, с чего начать. С чего бы мне начать, если бы я хотела разобраться во всем этом? Если бы смогла просто найти отправную точку, начало нити, и продвигаться дальше оттуда, у меня был бы хороший шанс разобраться, но все так запутано, что сделать это просто невозможно.

Так что я лежу в своих одеялах, борясь с пульсирующей головной болью, с той проклятой музыкой, преследующей мои мысли, я изо всех сил стараюсь вообще не думать.

Сразу после семи раздается стук в мою дверь. Это Лани. У нее такой жалостливый взгляд, что мой гнев превращается в пылающий ад. Ярость, бурлящая внутри меня, может разрушить мир. Я знаю, что не должна направлять ее на Лани, но самое последнее, что мне сейчас нужно, это ее гребаное сочувствие.

— Если пришла сюда, чтобы попытаться заставить меня почувствовать себя лучше, или выговориться, или заплести мне косу, или еще что-то в этом роде, можешь забыть об этом, — говорю я, загораживая вход в свою комнату всем телом.

Лани кивает, как будто прекрасно понимает, через что я прохожу и что сейчас чувствую.

— Я знаю. Я здесь не для этого, обещаю. На самом деле... Меня послал Тео.

— Замечательно. Дай угадаю. Он нарушает свое обещание и не придет поговорить со мной, верно?

— Нет. Он хотел убедиться, что ты все еще хочешь увидеться с ним. Я так понимаю, что все в силе?

— Чертовски верно.

— Хорошо. Затем Тео попросил меня передать, что будет ждать тебя в своей комнате. Ты можешь пойти, когда захочешь. Он сказал, что будет ждать тебя даже, если будет поздно...

— Где его комната?

Лани на мгновение выглядит смущенной. А потом:

— О, точно. Ты не была там раньше?

— Нет.

Она смеется странным тихим смехом, от которого моя головная боль усиливается до раздражающего уровня.

— На этаж выше. На восточной стороне здания. Он в двести пятьдесят восьмой.

— Спасибо, — хватаю удобную толстовку, висевшую на задней стороне моей двери, и выхожу в коридор.

— Ты уходишь прямо сейчас? — пищит Лани.

— Почему бы не покончить с этим прямо сейчас.

— Ладно. Ну, я собираюсь позаниматься некоторое время. Если закончишь и захочешь поговорить... — она замолкает, в ее глазах появляется мягкий, добрый огонек, и жар, горящий у меня на затылке, немного спадает.

Я сейчас обращаюсь с ней как с дерьмом. Ненавижу эту уродливую, злую сторону себя. Чувствую себя стервой, набрасываясь на единственного человека, который ничего не делал, кроме как был рядом со мной с тех пор, как я приехала в «Туссен». Я борюсь, чтобы разрушить стену, которую я воздвигла между нами, натянуто кивая.

— Ладно. Спасибо, Лани. Возможно, я найду.

Тео открывает дверь, когда я стучу, и сразу же отступает назад, пропуская меня внутрь. Он направляется к своему столу, поворачиваясь в своем кресле так, чтобы быть лицом ко мне. Жестом указывает на свою кровать, показывая, чтобы я села туда.

По какой-то причине я ожидала, что его комната будет намного больше моей. Хотя пространство примерно того же размера — достаточно большое для его кровати, письменного стола, комода и тумбочки. Здесь кажется намного теснее из-за его виолончели, которая занимает огромную часть его комнаты рядом с окном.

Здесь так сильно пахнет им — зимним холодом, снегом и мятой. Воздух настолько насыщен его головокружительным запахом, что у меня на секунду кружится голова, а тело реагирует самым странным образом. Мое сердце болит так, что не знаю, что с этим делать.

Стены голые, за исключением пробковой доски над столом, которая увешана фотографиями: Тео с парой, которая, как я предполагаю, его родители; Тео с Себастьяном и Каллумом; Тео с Лани, Эшли и Бет. Однако есть несколько пустых мест. Пространства прямоугольной формы, где, похоже, были сняты некоторые фотографии.

Горло сжимается, когда я понимаю, какие фотографии, вероятно, были в этих местах: изображения Тео и Рейчел вместе, смеющихся, целующихся, корчащих глупые рожицы. Он снял их после ее смерти? Или сегодня вечером, ради меня, потому что не хочет, чтобы я видела их вместе? Горячая желчь поднимается к горлу, и мне приходится отвести взгляд от доски.

— Тебе что-нибудь нужно? — тихо спрашивает Тео.

Я обращаю на него свое внимание, и мой пульс учащается. Его волосы такие темные, как смоль, влажные, как будто парень только что вышел из душа. Они зачесаны назад с его лица, что делает это одним из редких случаев, когда я могу видеть все лицо Тео без помех. Даже треугольник из трех веснушек прямо над его скулой. Взгляд серьезный. Глаза карие, как жидкий шоколад, золотистые крапинки в радужной оболочке еще ярче, чем обычно. Его щеки покраснелись, что сильно отличается от того, что было днем, когда парень был таким бледным, что казалось, вот-вот упадет в обморок. Я стараюсь не отвлекаться на тот факт, что белая футболка с длинными рукавами, которую он носит, на этот раз не на пять размеров больше, и материал туго облегает его грудь и руки, подчеркивая, насколько мускулисто его тело под ней.

Босые ноги, темно-серые спортивные штаны, низко сидящие на бедрах. Тео самый ошеломляюще привлекательный мужчина, которого я когда-либо видела. Даже сейчас, среди всей этой неразберихи и путаницы, мой желудок все еще наполняется бабочками при виде

него.

Проклинаю его и проклинаю свою собственную глупость.

— Соррелл?

— Хмм?

— Тебе что-нибудь нужно? — повторяет Тео низким голосом.

Я ухмыляюсь, чувствуя себя немного сумасшедшей, немного безрассудной.

— Нет, если у тебя нет текилы.

Парень беззвучно смеется, но вид его улыбки, такой легкой, слегка освещающей его лицо, проделывает дыру в моей груди и вырывает мое чертово сердце.

— Забавно, что ты это сказала, — Тео наклоняется и открывает нижний ящик своего стола, доставая бутылку «Дон Хулио» и две рюмки. — У меня нет лайма. Или соли, — признается он.

— Все в порядке.

Сомневаюсь, что алкоголь уменьшит стук в висках, но я готова рискнуть. У меня такое чувство, что мне понадобится алкоголь, как только мы перейдем к делу.

Тео наливает две порции и предлагает мне одну, оставляя другую для себя. Парень протягивает свою рюмку, когда я сажусь на край его идеально застеленной кровати, и я чокаюсь с ним.

— Твое здоровье, — шепчет он.

— Твое здоровье.

Янтарная жидкость прожигает путь вниз по моему пищеводу, и я проглатываю позыв к рвоте, трясая головой, чтобы отогнать жжение.

Поставив свою рюмку, Тео забирает у меня и снова наполняет. Мы снова выпиваем, и во второй раз терпкость текилы уже не так плоха. Я так взвинчена, что приняла бы от него третью порцию, если бы парень налил, но, когда на этот раз он забирает у меня рюмку, ставит её на стол вместе со своей и отодвигает их в сторону. Возможно, это и к лучшему.

Затем Тео просто смотрит на меня, тревожно нахмурившись, изучая мое лицо. Не произносит ни слова.

— Ну, ладно. И так, — говорю я, потому что один из нас должен был что-то сказать. — С чего ты планируешь начать? Потому что у меня много вопросов.

Тео хмурится еще сильнее, прорезая глубокие борозды морщин на лбу. Он наклоняется вперед, делает глубокий вдох и проводит руками по лицу.

— Не знаю. Я не уверен, с чего начать. Честно говоря, я даже не знаю, хорошая ли это идея. Скорее всего, нет. Определенно нет.

— Тебе лучше не менять свое мнение и не плести мне сейчас какую-нибудь чушь, Теодор Уильям Мерчант.

Он смотрит на меня краешком глаза, небольшое веселье сменяет его обеспокоенное выражение.

— Обращение с полным именем, да? Некоторые вещи никогда не меняются.

— Что это должно означать?

Парень снова смеется, качая головой.

— Ничего. Просто перестань выглядеть такой взбешенной на секунду и просто расслабься, хорошо? Мне нужно время, чтобы разобраться в этом.

Я чувствую себя не очень доброжелательно. Или терпеливо. Однако даю ему время собраться с мыслями, потому что парень действительно выглядит так, будто глубоко

задумался, пытаюсь найти решение очень сложной проблемы. В конце концов, Тео говорит:

— Есть только один способ сделать это.

— И какой?

— Мне нужно сорвать пластырь.

— Звучит как отличная идея. Продолжай. — Клянусь, если он заставит меня ждать еще немного, у меня будет нервный срыв.

Тео неохотно встает со стула. Собирается лечь со мной на кровать? Притянуть меня к себе? Какого черта он делает?

— Надеюсь, ты готова к этому, — шепчет он. И снимает свою футболку. Белая ткань падает на пол, и Тео проводит рукой по волосам, снова убирая их от лица. Он стоит передо мной, обнаженный по пояс, и у меня перехватывает дыхание. Парень — воплощение красоты.

Его грудь — сплошная стена мышц, пресс безупречно вылеплен. Двойные канавки спускаются по его бедрам, образуя глубокий v-образный вырез, который исчезает под поясом спортивных штанов. Его кожа, гладкая и с остатками загара, настолько чертовски идеальна, что я не могу удержаться от желания протянуть руку и прикоснуться к нему.

Татуировки, которые я до сих пор видела только мельком, покрывают его грудь, поднимаясь вверх по шее, расходятся веером по его грудным мышцам, замысловатые и интригующие. Искусно выполненное солнце выгравировано в самом центре его груди, копыта линий вырываются из его центра, создавая его лучи. Среди них полевые цветы, розы, пчелы и колибри — все это соединяется вместе, создавая самое детализированное, потрясающее произведение искусства, которое я когда-либо видела на теле человека. Верхняя часть его плеч тоже изрисована чернилами — слева компас, стрелка указывает на север. Справа еще один рисунок, который тоже выглядит почти как компас, хотя этот окружен чем-то похожим на... руны? А затем вниз по его груди, ниже солнца, вниз по левой стороне грудной клетки, слова, написанные изящным почерком...

Я прекращаю свой осмотр, смотрю на слова снизу-вверх, пытаюсь понять, что я вижу.

Имена.

Имена девочек.

Всего четыре.

Последнее из которых гласит: «Рейчел».

— Что это, черт возьми, такое?

— Соррелл.

— Нет, Тео. Что это, черт возьми, такое? Думаешь, что заставишь меня презирать тебя меньше, показав список имен твоих прошлых завоеваний, вытатуированных на твоём теле? Какого хрена?

— Соррелл, — умоляюще произносит Тео.

— Тебе следовало сделать буквы поменьше, придурок. У тебя не хватит места, прежде чем ты закончишь первый год обучения в колледже.

Я иду за своей сумкой, но у меня ее с собой нет. Хватаю свою толстовку и надеваю ее, сердито засовывая в нее руки, натягивая ткань через голову. Мне не холодно, но мне нужно что-то сделать. Мне... мне нужно убраться к чертовой матери подальше от него. В этом нет никакого смысла.

Тео хватается меня за запястье, когда я направляюсь к двери.

— Ты сказала, что хочешь знать правду, так позволь мне сказать тебе гребаную правду!

Я поворачиваюсь к нему, вырываясь из его хватки, мое сердце колотится о ребра. Такое чувство, что оно пытается вырваться из меня.

— Я была идиоткой, придя сюда, думая, что ты поступишь правильно. Дашь мне честные ответы на мои вопросы. Но нет. Ты все еще играешь со мной в гребаные игры, не так ли? Ты все еще... ты пытаешься причинить мне боль!

Опустошение оставляет мрачный след на лице Тео. Он сцепляет руки на затылке, переплетая пальцы вместе.

— Я не играю в игры, — шепчет он.

— Тогда почему у тебя на гребаных ребрах вытатуировано имя Рейчел?

— Потому что я любил ее, — быстро отвечает он.

— А... *Амелия*? — я брызгаю слюной.

— Я любил ее, — повторяет Тео.

— А Кэтрин?

Тео просто смотрит на меня. Сейчас он вообще не чувствует необходимости что-либо говорить.

Я прижимаю тыльную сторону ладони ко рту, пытаюсь сдержать рыдания, подступающие к горлу, но это бесполезно. Оно все равно ускользает от меня, громкое и ужасное. Я не могу этого понять. Не могу поверить в то, что вижу.

— Почему? — шепчу я. — Почему мое имя на самом верху твоего списка?

— Соррелл. Если ты просто позволишь мне объяснить...

Я бросаюсь к двери, не в силах больше выносить это ни секунды. Неразбериха. Паника. Невыносимая агония, разрывающая меня на части. Это похоже на самую смерть, ревущую по моим венам, прокладывающую путь к центру моей груди, где она обернется вокруг моего сердца, как колючая проволока, и убьет меня, черт возьми.

Я должна уйти.

В коридор.

Бегу к лестнице.

Спотыкаясь, падаю.

Боль пронзает мои колени.

Еще один коридор.

Еще один лестничный пролет.

— СОРРЕЛЛ, ПОДОЖДИ!

Я бегу.

Бегу так быстро, что даже не чувствую, как ломаюсь.

СОРРЕЛЛ

Я промокла до нитки.

Ноги болят. Бедра горят. Легкие разрываются. Я вся в грязи.

Мчусь вниз по склону холма, едва удерживаясь на ногах. Какой-то ужасный страх ревет в глубине моего сознания, предупреждая, что, если перестану бежать, меня постигнет поистине ужасная судьба, и я не могу заставить себя вырваться из объятий этого страха. Чувствую себя так, словно нахожусь в ловушке внутри песочных часов, погружаясь в песок, который слишком быстро сыпется с одного конца на другую, и я цепляюсь за края стекла, пытаюсь не исчезнуть, не дать узкой щели поглотить меня, заставить исчезнуть.

Мой череп раскалывается на части.

Я продираюсь сквозь деревья, слепо мчась вперед, не думая о том, куда направляюсь. Темно, холодно, я не вижу, куда, черт возьми, иду, но я не прекращаю бежать. В конце концов, я отправилась в путь. И продолжаю бежать.

Я напугана больше, чем когда-либо в своей жизни, и не знаю почему.

Просто продолжаю бежать.

Ночь тянется передо мной бесконечно. Я подворачиваю лодыжки, падаю и снова встаю. Мои руки скользкие от крови, ладони разодраны.

Спустя вечность позади меня в темноте вспыхивают огни, отбрасывая на землю два желто-белых столба, освещая асфальт. Я останавливаюсь как вкопанная, усталость пронизывает меня до костей, и наклоняюсь, упираясь руками в промокшие джинсы, кашляя и глотая отвратительно холодный воздух, пытаюсь отдышаться.

Позади меня хлопает дверца машины.

Подождите.

Дверь машины?

Внезапно меня осеняет: я на дороге. Гребаная дорога. Не на разрушенной дороге, на которую мы с Гейнор притащились пару месяцев назад. Эта дорога целая, в целостности и сохранности, по ней вполне можно ехать.

— Соррелл, ты сломаешь себе шею, мчась сюда вот так. Пожалуйста, садись в машину и поговори со мной?

Убийственное спокойствие Тео делает со мной что-то, чего я не могу объяснить. Страх и паника исчезают, оставляя меня наедине с моим изнеможением, и внезапно все, что я могу сделать, это остаться стоять на своих ногах. Когда чувствую его руку на своем плече, то поворачиваюсь и прижимаюсь к нему, издавая сдавленный всхлип, утыкаясь лицом в его грудь. Теперь парень снова надел футболку, скрывая имена на своей грудной клетке, но я как будто чувствую, как они горят у меня под руками, и чувствую себя такой потерянной и изможденной, что не могу ничего сделать, кроме как плакать.

Тео поднимает меня, заключая в свои объятия, и несет к машине — гладкому черному «Мустангу». Осторожно сажает на пассажирское сиденье, пристегивая ремень безопасности. Я в оцепенении, когда парень садится в машину и трогается с места. Мы едем не обратно в гору, а вниз.

— Куда мы направляемся? — натянуто спрашиваю я.

— В какое-нибудь особенное место, — отвечает он.

И я слишком устала, чтобы задавать еще какие-то вопросы.

Я возмущаюсь, когда Тео проезжает мимо автобусной остановки.

Гребаная автобусная остановка!

Мой гнев — это живое, дышащее существо.

Не должно было быть никаких других дорог, ведущих в академию, только одна одинокая разрушенная дорога, которую я увидела, когда приехала в «Туссен». На вывеске было написано, что она непригодна для проезда. Директор Форд говорила, что по ней опасно ездить. Но вот мы мчимся по совершенно хорошей дороге, уличные фонари мелькают за окнами машины.

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки, пока не чувствую вкус крови, отказываясь открывать рот, потому что знаю, что произойдет, если сделаю это. Я начну кричать, ругаться, размахивать кулаками, но не вижу, как это поможет чему-либо прямо сейчас.

Я в ярости к тому времени, когда Тео поворачивает налево, и мы въезжаем в маленький городок — гребаный городок! — проезжая мимо знака с надписью: *«Вы въезжаете в Самнер, штат Вашингтон. Население 1287 человек. Пожалуйста, ведите машину осторожно».*

Аптека. Универсальный магазин. Почтовое отделение. Агентство по недвижимости. Винный магазин. Мы проезжаем мимо каждого из этих предприятий, единственной машины на изрытой выбоинами дороге под дождем, и я киплю в изумленном молчании. Еще через полмили вверх по дороге Тео заезжает на парковку. Закусочная «Пэтти» находится на другой стороне стоянки, все еще открыта, ее огни сверкают в темноте.

Тео глушит двигатель. Он смотрит на свои руки, секунду ковыряет ногти, потом говорит:

— Пойдем. У них здесь отличный кофе. Тебе понравится.

Я смотрю на телефон Тео, моргая при виде изображения на экране.

Это, блять, невозможно.

Там, на фотографии, я, заключенная в объятия Тео. Он целует меня в щеку, а я морщусь, притворяясь, что ненавижу это. Но это не так. Могу сказать, что это не так. Мне это нравится.

— Один черный кофе. Один со сливками. Один кусочек сахара.

Высокая официантка с ямочками на щеках ставит две чашки, одну для меня, другую для Тео, нервно улыбаясь нам. Она не приняла у нас заказ, когда мы вошли. Ее лицо просияло, когда женщина увидела, что мы вошли, но Тео предупреждающе покачал головой, и женщина кивнула, поворачиваясь обратно к кассе. Парень подвел меня к кабинке у окна и усадил на скамейку, управляя моими конечностями, как будто я была инертным роботом, а затем сел на скамейку напротив меня, прочищая горло. Затем дал мне свой телефон и сказал посмотреть галерею.

Мне все еще не удалось обработать фотографии, которые я пролистала.

Я в желтом летнем платье стою перед «Спейс Нидл», подняв руки вверх. Я сплю в объятиях Тео, уютно устроившись в ворохе простыней. Я на диване, волосы собраны в

беспорядочный пучок, в руке кекс, щеки пухлые, на кончике носа глазурь, улыбаюсь, как маленький ребенок. Я в Центральном парке, с мокрыми от дождя волосами, сжимаю в руках снежный шар, который сейчас стоит на комодe в моей спальне в академии. Мы с Тео целуемся. Мы с Тео целуемся в миллионе разных образов, в разных позах, в разных местах, окруженные снегом, под дождем и омытые солнечным светом.

Тео, и я, и Лани, и Эшли, и Себастьян, девочки в бикини, мальчики в шортах. На этом снимке на ребрах Тео написано только одно имя, и оно мое.

— Дайте мне знать, если я смогу предложить вам, ребята, что-нибудь еще, — тихо говорит официантка.

Тео благодарит ее, и она отступает обратно за прилавок, давая нам немного пространства.

— Что это? — шепчу я.

— Это мы, — просто отвечает Тео.

— Ты лжешь.

— Нет.

— Это фотошоп.

— Нет.

Кладу его телефон на стол перед собой.

— Думаешь, я идиотка, Мерчант? Гейнор отлично прифотошопила меня на всех тех фотографиях в моей комнате. Они выглядят настоящими. Ты действительно думаешь, что я не пойму, когда увижу фальшивые фото?

Тео делает ровный вдох и тянется к своему телефону. Быстро просматривает изображения и находит то, что ищет. После долгого молчания, уставившись на экран, он прикусывает нижнюю губу, придвигая телефон ко мне.

Я лежу на больничной койке. Мои глаза закрыты. На мне больничный халат, а голова обмотана толстыми бинтами. Я подключена к слишком большому количеству мониторов и аппаратов, чтобы сосчитать.

— Гейнор была твоей сиделкой, — говорит Тео. — Большую часть времени она работала в ночную смену, и именно в это время ты приходила в себя чаще всего. Иногда ты вспоминала несчастный случай. Большую часть времени... нет.

Я отталкиваю его телефон.

— О чем ты говоришь?

— Были летние каникулы, и мы поехали погостить к другу Уэста в Лос-Анджелес. В горах была вечеринка. Я должен был отвезти нас всех домой, но слишком много выпил. Ты выпила только одно пиво, поэтому предложила отвезти нас обратно. Себастьян и Эшли дурачились на заднем сиденье машины. Я тоже дурачился с ними, будучи идиотом, но вырубился на полпути к месту. На дороге было масляное пятно. Ты попыталась притормозить на повороте и в итоге вылетела через ограждение на полосу встречного движения.

Тео проговаривает это с нулевой интонацией в голосе, быстро, как будто зачитывает список. Как будто это история, которую он рассказывал уже много раз раньше.

Но это неправда.

Я бы запомнила, если бы это было правдой.

— Я из Лос-Анджелеса, — говорю я ему.

— Ты отсюда, — говорит он. — Из Самнера. Я тоже. Мы выросли по соседству друг с

другом, Соррелл. Я знаю тебя всю свою гребаную жизнь.

И это, дамы и господа, как раз то место, где я теряю сознание.

Я не помню, как оказалась в своей комнате. Но каким-то образом просыпаюсь в своей постели. Я без своей промокшей насквозь одежды, в спортивных штанах и футболке, дрожу под одеялом. Тео сидит на стуле рядом с моей кроватью и смотрит в окно. Он вздыхает, когда понимает, что я не сплю.

— Извини, — натянуто говорит Тео. — Я пытался медленно втянуть тебя в это, но... Кажется, это было недостаточно медленно.

Я помню все, что он сказал мне тогда в закусочной. Хотела бы забыть, но его слова запечатлелись в моей голове, повторяясь снова и снова.

— Зачем ты это делаешь? — шепчу я. — Что получаешь от этого? Это какая-то попытка смягчить свою вину перед Рейчел?

— Рейчел... — Тео раздувает ноздри, снова выглядывая в окно. Вена пульсирует на его виске, сигнализируя о вспышке разочарования, которая выглядит очень реальной. — Я не знаю, как это сделать, не спровоцировав тебя снова, — говорит он.

— Спровоцировав?

— Ты потеряла сознание в закусочной. Ты часто теряешь сознание.

— Нет, не правда.

— Это... правда, — говорит он, горько смеясь. — Мы уже проходили через это раньше и всегда заканчивалось плохо, так что просто...

Тео вскидывает руки, позволяя им упасть обратно на колени. Глубокий вдох, кажется, немного успокаивает его.

— Слава Богу, в ту ночь мы все были пристегнуты ремнями безопасности. Машина не врезалась ни в какие другие транспортные средства, только в ограждение. Однако подушка безопасности со стороны водителя не сработала. Ты ударила головой о руль. Нам всем удалось выбраться из машины, но ты застряла. Я не мог вытащить тебя с пассажирской стороны, — выдавливает смешок Тео. — А твое окно было чертовски упрямым и отказывалось разбиваться.

Парень смотрит на свои руки. На неровные шрамы там — слабые, серебристые линии, пересекающие его кожу.

— В конце концов я пробил его кулаком, — говорит он как ни в чем не бывало. — Защитное стекло не должно было быть острым, но... Кажется, они были неправы на этот счет, не так ли? Себастьян и Эшли ждали у обочины машину скорой помощи. Я остался с тобой на дороге. Двигатель автомобиля загорелся. Он не взорвался, как в кино, но... было плохо. Движение было ужасным, бампер к бамперу, и эти гребаные идиоты не остановились, чтобы вызвать аварийные службы дальше по дороге. Им потребовалось тридцать минут, чтобы добраться до нас. Если бы они добрались туда раньше, я не знаю... — Его глаза блестят. — Может быть, все было бы не так уж плохо. Но у тебя даже не было никаких открытых ран. Крови не было. Они сказали, что я не сделал хуже, переместив тебя, но...

— Прекрати, — хриплю я.

— Если бы я оставил тебя в машине, возможно, они смогли бы должным образом

стабилизировать твою шею. Ты была в порядке день или около того. Но потом случилась компрессия. Твой мозг раздулся до такой степени, что им пришлось проделать в твоём черепе огромную гребаную дыру. Они думали, что ты не выживешь. У тебя было три отдельных ушиба мозга. Твой хирург сказал, что самый большой из них был катастрофическим. Сказал, что ты даже не переживешь ночь. Но был еще один хирург. Чертовски... отчаянный, — качает головой Тео. — Она поклялась, что сможет тебя вылечить, и сделала это. Вроде того. Она была чертовски безрассудна... но ты выжила. Ты была в коме восемнадцать... — он замолкает.

Я в ужасе от слез, которые текут по его щекам.

Этого, блять, не происходит.

Вытирая слезы тыльной стороной ладони, Тео, наконец, снова смотрит на меня.

— Восемнадцать... дней, — заканчивает он. — После того как ты справилась с отеком, кровотечением и операцией, другие врачи сказали, что ты ни за что не очнешься после восемнадцатидневной комы. А если бы и очнулась, то осталась бы овощем на всю оставшуюся жизнь. Но ты проснулась. И с тобой все было в порядке. Ты могла видеть. Говорить. Двигаться. Ходить. Это был лучший день в моей гребаной жизни.

— Ты болен. — Я пытаюсь убежать, но мои руки словно наливаются свинцом, когда я пытаюсь откинуть одеяло. Как будто я иду по густой, липкой грязи, и мое тело не реагирует на команды мозга.

Тео вскакивает со стула и садится рядом со мной, беря меня за руку.

— Что в этом не кажется тебе правдой? — требует он. — По логике вещей, зачем мне выдумывать нечто подобное?

— Потому что! Я не знаю! Я... если бы что-то из этого было правдой, тогда почему бы мне этого не помнить? Если бы я проснулась после всего этого и со мной все было в порядке, почему бы мне не вспомнить?

— Сначала они сказали, что это амнезия. Кратковременная потеря памяти. Обычное дело после такого рода травм головы. Но через пару недель ты все больше и больше теряла себя. Они начали подозревать, что это что-то более сложное. Я был последним, что ты запомнила. Впрочем, обычно я так же тот, кого ты вспоминаешь в первую очередь, — признается Тео.

Я откидываюсь на подушки, каким-то образом находя в себе силы убрать свою руку из его.

— Лжец.

— Хотел бы я, черт возьми, солгать. — Тео всегда был таким отстраненным. Замкнутым. Холодным. Суровым. Я никогда не видела его таким. Разрушенным. Сломленным. Наполненным болью.

— Если...

Есть так много способов отговорить себя от этого. Так много «если». Я не могу вместить их все в свою голову сразу.

— Если ты мне не лжешь, тогда почему я думаю, что я из Лос-Анджелеса? Почему... почему я помню, что была там в приемной семье?

Тео дышит ровно, плечи напряжены.

— Ты никогда не была в приемной семье. Твои родители...

Я отшатываюсь, ошеломленная.

— Мои родители?

— Люди на снимках в твоих фоторамках, — серьезно говорит он. — Твой отец погиб в аварии на мотоцикле, когда тебе было одиннадцать. Твоя мама умерла от рака, когда тебе было тринадцать.

— Господи Иисусе!

— Да. Черт! Слишком быстро. Все происходит слишком быстро. Я все порчу.

У меня были... были родители? Я не могу переварить этого. Просто не могу. У меня в мозгу происходит короткое замыкание, когда я пытаюсь понять то, что только что сказал мне Тео, так что я даже не пытаюсь.

— Ты все еще не объяснил, почему у меня есть эти другие воспоминания...

— Во многих случаях травмы головы являются полной загадкой. Мозг — это все еще неизвестная вселенная, которая все еще исследуется. Очень мало в этом имеет смысла. У человека может быть раскроен череп, может показаться, что у него нет логических шансов на выживание, но этот человек полностью выздоравливает. А есть люди, которые получают крошечную шишку на голове и теряют все. Двигательные функции. Способность говорить. Память. Самоощущение. Однако мозг всегда хочет исцелить себя сам. И он очень умело заполняет пробелы. Если разум чувствует, что он в опасности и его окружение не имеет смысла, он сделает все возможное, чтобы придать смысл своему окружению. Твой разум все еще восстанавливается после аварии, поэтому он заполняет пробелы, дает тебе предысторию и историю, ощущение себя, чтобы ты могла выжить. В конце концов опухоль в твоём мозгу пройдет сама собой, и ты начнешь вспоминать.

Тео звучит так уверенно. Ни тени сомнения в голосе. Тень неуверенности в его глазах говорит об обратном. Это заставляет меня думать, что в его фантастической, абсолютно безумной истории есть что-то еще, и что мне действительно не понравится, когда парень в конце концов выдаст эту информацию.

Я на секунду закрываю глаза, переводя дыхание.

Вдох... Выдох...

Вдох... Выдох...

Какое-то шаткое спокойствие овладевает мной, но я знаю, что, как только снова начну говорить, это спокойствие покинет меня. Мгновение наслаждаюсь этим, пытаюсь собрать свои мысли воедино в какую-то структуру, имеющую хоть какой-то смысл. А затем говорю:

— Хорошо. Допустим, я поверю во все это, тогда что... Я вот так бродила вокруг, думая, что выросла в приемной семье, что не знаю тебя или кого-то еще из моего прошлого? В течение нескольких недель?

Тео откидывается на спинку стула, поднимает взгляд к потолку.

— Боюсь, прошло немного больше времени.

Я вдруг чувствую себя очень плохо.

— Месяцы?

Он ничего не говорит.

— Тео! Ради всего святого! Скажи мне, что я не плавала в фальшивом, фантастическом мире в течение нескольких месяцев!

Неохотно парень опускает свои шоколадно-золотые глаза, его взгляд находит мой и удерживает его.

— Прошло почти два года после несчастного случая.

Желчь поднимается к задней стенке моего горла. Кажется, что меня сейчас стошнит.

— А Рейчел? Рейчел не было все это время, и я... — Я хочу сказать эти слова,

действительно хочу, но не могу их произвести. Мое горло болит, наполнено огнем, сжимается. Я не могу глотать. Не могу дышать. Не могу ничего из этого переварить. Моего лучшего друга нет уже почти два года, а я топчусь на месте, думая... Не знаю, о чем я думала. Я так чертовски сбита с толку, что моя голова, кажется, вот-вот расколется на части.

Моя растущая паника усиливается, когда глаза Тео закрываются, как будто он только что прошел через ментальную дверь, через ворота, в место, где я не могу последовать за ним.

— Что? Что бы это ни было, ты можешь просто сказать это сейчас. Ты уже перевернул мир с ног на голову. Просто... ради Бога, я больше не могу этого выносить! Выкладывай!

— Хорошо, — выпаливает Тео. — Рейчел не была мертва с момента аварии.

Надежда воспаряет во мне на одно прекрасное мгновение. Она не умерла? О мой Бог. О боже мой...

— Ты была Рейчел. — Могу сказать, что это признание дается ему с трудом; слова выглядят так, словно они вонзают бритвенные лезвия ему в горло. — Точно так же, как ты была Амелией. Точно так же, была Кэтрин.

— Нет. Нет, это невозможно. Я помню ее.

— Когда начала терять себя после того, как очнулась от комы, ты начала говорить людям, что тебя зовут Амелия. У тебя была целая жизнь как у Амелии. История. Прошрое. Я оставался с тобой в больнице так долго, как только мог. Я пытался напомнить тебе о том, кем ты была до несчастного случая, и о нашей совместной жизни. Той, которую мы так долго планировали. Ты была Амелией три месяца. Ты так отличалась от того человека, в которого я влюбился, но в то же время ты была такой же, в глубине души. Твоим любимым цветом по-прежнему был зеленый. Любимым вкусом мороженого была соленая карамель. Ты все еще была доброй, храброй, саркастичной и защищающей. Ты все еще смотрела на меня так, будто я был единственной вещью, которая имела значение в этом мире. Однако вся наша история была стерта. Каждый особенный момент, который мы когда-либо переживали вместе, просто... — щелкает пальцами Тео. — Исчез. Однажды я просто... — он стискивает челюсти. — Я сорвался. Я был так расстроен, и... накричал на тебя. Это так поразило тебя, что ты на секунду все вспомнила. А потом... просто уставилась в стол и ничего не сказала. После этого ты три дня смотрела в пространство. Когда снова заговорила, Амелии уже не было. Ты была Кэтрин.

Никогда я не испытывала такого ужаса, как сейчас.

Я даже не могу понять, как должна верить всему этому. Если бы могла, я бы встала с этой кровати и побежала к двери, но знаю, что мои ноги меня не понесут. Не успею я сделать и трех шагов, как упаду на пол и разрыдаюсь.

— Как долго... *предположительно*... я была Кэтрин? — ошеломленно шепчу я.

— Семь ужасных гребаных месяцев, — отвечает Тео. — Ты ненавидела меня. Была чертовски зла. В депрессии. Ты сбежала из больницы и зависала с незнакомцами. Пила слишком много. Принимала наркотики. Тем не менее, ты все еще была собой, несмотря на весь гнев и боль. Я все еще мог видеть тебя там. Так что я остался. Я пытался помочь тебе вспомнить. В тот раз старался быть более терпеливым. Более понимающим. Но Кэтрин... — он неуверенно смеется. — Ну, она чуть не убила меня, черт возьми, если честно. В конце концов, у тебя чуть не случилась передозировка на вечеринке. Скорая отвезла тебя в больницу в Сиэтле. Они промыли твой желудок и накачали тебя «Нарканом», и к тому времени, когда я приехал туда, чтобы забрать тебя, ты уже не была Кэтрин. Ты внезапно стала Рейчел.

Я не...

Нет.

Я зажмуриваю глаза.

Это неправильно.

Этого не может быть.

— Они думают, что травма вызывает эти сдвиги. Стресс. Твой разум прошел через так много, что всякий раз, когда сталкивается с действительно трудным опытом или не может справиться со своим окружением, он просто... — Тео щелкает пальцами. — Твой старый врач, доктор Перес, объяснил, что это похоже на переключение каналов в телевизоре. Зрителю не нравится шоу, которое идет, поэтому он смотрит то, что происходит на другом канале.

— И я — зритель во всем этом?

— Твое подсознание, — говорит Тео. — Животная часть твоего мозга, которая распознает опасность, была настолько активирована после аварии, что твое подсознание попало в ловушку этого цикла борьбы или бегства. И оно улетает каждый раз, когда становится трудно. И ты становишься кем-то другим. И я... — Его голос срывается. Он резко останавливается.

Тео выглядит скорее сердитым, чем расстроенным, но я чувствую, что должна как-то его утешить. Тем не менее, яростный вихрь эмоций в моем нутре, который говорит мне, что я должна презирать его, сохраняется. Как я должна заставить его чувствовать себя лучше, если хочу заставить его страдать за то, что он сделал? Если то, что он говорит, правда, тогда почему я не могу избавиться от этой ужасной ярости, которая, кажется, так стремится отравить меня?

— Тебе нужно немного отдохнуть, — бормочет Тео. — Я бы сказал, что прямо сейчас это один из тех моментов, когда все становится трудным. Если я буду настаивать еще больше... — он проводит руками по своим густым волнам, издавая побежденный смешок, в котором нет ни капли юмора. — Кого я обманываю? Наверное, уже слишком поздно, черт возьми. Боже... серьезно. К черту мою жизнь.

Парень встает со стула, кряхтя, когда снова надевает кроссовки. Я даже не заметила, что он их снял. Судя по их виду, дождь промочил их насквозь. Тео дрожит, морщится, когда засовывает в них ноги и начинает завязывать шнурки.

— Не надо, — шепчу я.

Он вскидывает голову.

— Что?

— Не уходи. Я все еще ненавижу тебя. И думаю, что ты в буквальном смысле хуже всех. Но... Я не хочу, чтобы ты уходил, — признаюсь я.

— Я больше не могу отвечать ни на какие вопросы. Я не хочу сказать тебе больше того, что уже сказал. Не прямо сейчас...

— Я больше ничего не хочу знать. Пока нет. Я просто... Пожалуйста? Останься?

— Ты хочешь, чтобы я спал с тобой? Здесь? — запинается Тео. — После всего этого?

Я так чертовски устала. Такая потерянная. Я измотала себя, пытаюсь идти в ногу с информацией, которую передавал мне Тео, но обработка каждой маленькой детали стоила мне чего-то, и это больше, чем просто энергия. Такое чувство, что, что бы я ни потеряла, я этого не верну.

— Я чувствую, что могу просто ускользнуть, если ты уйдешь, — признаюсь я.

Пожалуйста. Просто останься со мной. Ляжешь рядом со мной? Поддержишь меня за руку?

Эта версия Тео неузнаваема. Он совсем не похож на того парня, которого я встретила здесь в свой первый день в «Туссене». Он выглядит... счастливым.

Моя голова пульсирует так сильно, что я все равно не могу ясно мыслить. Если это какая-то уловка, чтобы заставить меня простить его, тогда, черт возьми, это будет легко опровергнуть, не так ли? Утром я направляюсь прямо к директору Форду. Один разговор с ней подтвердит или опровергнет утверждения Тео. Если он лжет мне об этом, я перережу этому ублюдку горло. Это была бы такая жестокая, ужасная ложь, и он заслужил бы все, что бы я с ним сделала за это.

Но я уже знаю правду.

На самом деле нет никакого смысла Тео лгать о чем-то столь диковинном, как это. К чему это приведет его в долгосрочной перспективе? Значит, он говорит правду.

Я просто ничего из этого не понимаю. Ничто из этого не будет иметь смысла, по крайней мере, до утра.

Тео медленно подходит к кровати. Матрас прогибается, когда парень откидывает одеяло и ложится рядом со мной, полностью одетый. Я не прошу его раздеваться. Мы здесь не для того, чтобы трахаться; речь не об этом. Я просто хочу чувствовать себя в безопасности и чувствовать тепло другого тела рядом со своим. И, честно говоря, я боюсь. Если все это правда, то я могу даже не проснуться завтра, и эта мысль ужасает. Не могу даже думать об этом. Я не хочу потерять себя. Но если это произойдет, то, по крайней мере, так я проснусь в объятиях Тео Мерчанта.

ТЕО

ТРИ ГОДА НАЗАД

— Драка? Серьёзно? Ты такой предсказуемый. Почему бы немного не сменить обстановку? Вступи в шахматный клуб. Займись робототехникой. Не могу поверить, что мой старший брат спортсмен. Это так... банально.

Ноэлани пытается украсть у меня чернику. Я отодвигаю тарелку подальше от нее, запихиваю в рот кусочек тоста и встаю из-за стола.

— Я играю на виолончели, Лани. Разве это недостаточно глупо для тебя?

На другом конце кухни, у холодильника, Лорелея разговаривает с одним из садовников о стрижке газона или о какой-то ерунде. Бедняга пытается рассказать моей матери что-то о своем расписании, но женщина, при всем своем упрямстве, отказывается принимать то, что он пытается ей сказать.

— У нас есть контракт, Сэм. Ты приходишь сюда два раза в неделю и заботишься обо всем, о чем нужно позаботиться. Тебе за это очень хорошо платят, помнишь? На следующей неделе у меня вечеринка в саду...

— Я знаю, миссис Мерчант. Знаю. Но по нашему контракту мне так же положен отпуск, и я говорил вам об этой поездке три месяца...

— Нет, нет. Нет, — заправляет свои темные волнистые волосы за уши Лорелея — верный признак того, что она расстраивается. Глубоко вздыхает. — Я говорю, Сэм. Пожалуйста, не перебивай меня, когда я говорю. Это очень грубо. Теперь ты знаешь, что мне нужно, чтобы сад был абсолютно идеальным для этой вечеринки. Мне нужно, чтобы о газонах позаботились. Я не могу допустить, чтобы окантовка выглядела дерьмово, ясно? Просто не могу. Теперь, когда кто-то снова будет жить по соседству, я...

Я привык не обращать внимания на свою мать. Она может продолжать болтать часами. Хотя мне жаль Сэма, нашего многострадального садовника. Я удивлен, что он не уволился много лет назад. Схватив сумку, я кладу в карман ключи от «Мустанга» и задвигаю стул обратно под стол.

Лани смотрит на меня темно-шоколадными глазами — глазами, как у нашей мамы и у меня — и одаривает меня дрянной, дерьмовой ухмылкой.

— Если ты не собираешься есть свои фрукты, тогда почему я не могу их съесть?

— Потому что я мудака, — ухмыляясь, я отдаю ей тарелку с остатками моего завтрака. — Хочешь подвезу?

Она смотрит на меня с притворным ужасом, как будто может упасть со стула.

— Ни в коем случае! Это мой первый день в новой школе. Последнее, что мне нужно, это чтобы кто-нибудь из моих новых одноклассников узнал, что я состою в родстве с печально известным Тео Мерчантом.

Я показываю ей язык.

— Вероятно, это единственный способ завести друзей, Букашка. Как только люди узнают, что ты моя сестра, они облепят тебя, как мухи дерьмо.

— Тео! — Лорелея зовет через всю кухню. Она раздражена — устала сегодня иметь

дело с идиотами. — Никаких ругательств. Ей четырнадцать лет...

— Она слышала, как ты говорила и похуже, — парирую я.

— Я ее мать. Мне разрешено ругаться в ее присутствии. Не делай этого, пожалуйста.

Я хмуро смотрю на нее.

— Подожди. Ты только что сказала, что кто-то переезжает в дом Воссов?

— Да, детка. Какая-то женщина, которая знала мать Соррелл. Она душеприказчик своего имущества. Хотя не задержится надолго. Как раз достаточно времени, чтобы увидеть, как Соррелл устроится в «Туссене». А потом отправится обратно в... одному богу известно куда. Откуда бы она ни пришла.

— Подожди. Соррелл будет учиться в «Туссене»?

— Да. Сегодня. Она будет жить там, — с отвращением говорит Лорелея. — Полагаю, что она не может поселиться в доме одна. Ей еще нет восемнадцати. Это преступление, что такое прекрасное место было оставлено ребенку. Его следовало бы продать. Мы бы купили. Расширили сады...

— Соррелл сегодня будет в «Туссен»? — повторяю я.

— Да, Тео. Ради всего святого, не тормози! Тот дядя из Нью-Йорка, который приютил ее после смерти Хилари, в конце концов решил, что Соррелл достаточно взрослая, чтобы вернуться. Она и та женщина-исполнитель вернулись вчера поздно вечером, поэтому мне нужно, чтобы эта вечеринка в саду прошла успешно, чтобы... — Лорелея снова поворачивается к Сэму, болтая о том, как важна для нее эта вечеринка и как она не может облажаться перед осиротевшей дочерью Джеймса Восса и кем-то там еще.

Я уже ушел. Вон из кухни. Дальше по коридору. Через парадную дверь.

Соррелл будет учиться в «Туссен».

Когда были маленькими, Соррелл и я пекли пироги из грязи на заднем дворе Воссов. Хилари Восс была гораздо менее невротичной, чем моя мать. Ей никогда не было дела до того, что мы устроили беспорядок. Она обычно позволяла нам рисовать пальцами на стенах гостиной в их красивом старом кирпичном особняке, и Лорелея была в ярости по этому поводу. Я помню, как даже сказал ей, когда мне было лет семь: «Какое это имеет значение? Это не твой дом». Она пригрозила засунуть мне в рот кусок мыла за то, что я дерзил ей из-за этого. Но из разговора, который последовал после этого, я очень быстро усвоил две вещи: у моей матери, такой трудолюбивой и доброй, какой она только могла быть, была обида на весь свет. И она так завидовала Хилари Восс, что ее тошнило.

Начнем с того, что Хилари была замужем за Джеймсом. Джеймс и моя мать встречались еще в средней школе в течение многих лет. Лорелея провела большую часть своих подростковых лет в доме Воссов, и эта гостиная была ее любимой комнатой во всем доме. Для нее это была священная земля. Лорелея не уехала в колледж. Она рано получила значительное наследство от моих бабушки и дедушки — моих бабушки и дедушки, которые сказали Лорелее, что состоятельной женщине неприлично работать или беспокоиться о высшем образовании. Итак, Лорелея осталась дома и ждала Джеймса. Вот только Джеймс вернулся из колледжа после окончания с незнакомкой под руку, а обручальное кольцо, фамильная викторианская реликвия Воссов, довольно уютно сидело на безымянном пальце левой руки этой незнакомки.

Лорелея копнула глубже и выяснила все, что ей нужно было знать о будущей миссис Хилари Восс. Она была не из рабочего класса. Нет, все было гораздо хуже. Ее родители были хиппи и вырастили Хилари в коммуне в Калифорнии, в пустыне Анза-Боррего, недалеко от

Сан-Диего. Хилари получила степень по гуманитарному праву и планировала использовать ее, чтобы помогать уязвимым и слабым.

Моя мать посмеялась над этим. Сказала мне, что у Хилари Восс был комплекс спасительницы, и она считала себя лучше всех остальных в округе только потому, что время от времени бралась за благотворительность. Лорелея была в трауре, когда умер Джеймс. И была менее расстроена, когда умерла Хилари.

Соррелл, с другой стороны, по понятным причинам была убита горем, и меня разбило то, что я не мог быть рядом с ней. Она переехала в Нью-Йорк, чтобы быть со своим дядей. Мы поддерживали связь по электронной почте. Раз в неделю. Затем раз в две недели. Поначалу все было хорошо, но через некоторое время мы оба настолько погрузились в свои собственные жизни, что все просто... сошло на нет. Но сегодня я увижу ее снова. После полутора лет ожидания, сегодня в ее затемненном окне спальни напротив загорится свет. Черт возьми, да.

Я подумываю о том, чтобы постучать в дверь Воссов и посмотреть, там ли Соррелл. Мы всегда вместе ездили на автобусе в среднюю школу, еще до того, как у кого-то из нас появились права. Было бы самой нормальной вещью в мире спросить ее, не хочет ли она прокатиться, но странное чувство неловкости мешает мне пересечь их лужайку и позвонить в их дверь. Как будто чья-то рука лежит на моем плече, удерживая меня.

За последние несколько лет многое изменилось. Возможно, Соррелл даже не узнает меня. Мы были детьми, когда она ушла, нам едва исполнилось тринадцать. С тех пор я вырос почти на два фута. Даже я могу видеть изменения в себе, когда смотрюсь в зеркало: я стал шире. Благодаря всем упражнениям и времени, которое провожу в спортзале, будучи членом команды по лакроссу, я уже не тот неуклюжий, непропорциональный мальчик, каким был раньше. Она оставила меня ботаником, а теперь я... что-то другое, наверное. Есть все шансы, что маленькой властной Соррелл Восс, чье мнение всегда значило для меня больше, чем чье-либо еще, может не понравиться человек, которым я становлюсь.

Иисус. Я ей совсем не понравлюсь, если Соррелл узнает, как долго я просидел возле ее дома, обсуждая, стоит ли мне пойти к ней, черт возьми. Я сажусь в «Мустанг», называя себя слабаком, ругая себя, когда въезжаю в лес, пробираясь через повороты, ведущие к «Туссену». В течение пятнадцати минут я извожу себя подобным образом, ведя машину все быстрее и быстрее, предвкушение нарастает во мне до сумасшедшего уровня.

«Сегодня я увижусь с Соррелл. Восс, черт возьми».

Мне кажется забавным, когда я достигаю отметки на полпути к академии, что сегодня будет первый день Соррелл в «Туссене». Я не могу перестать улыбаться.

Каллум и Себ ждут меня на моем обычном месте на парковке. На них футболки команды академии «Туссен» по лакроссу; в тот момент, когда я смотрю на них и вижу их идеально уложенные волосы и белоснежные кроссовки «Адидас», я понимаю, что Лани была права — я стал спортсменом. Я тусуюсь со спортсменами. Я занимаюсь гребным спортом.

Каллум набрасывается на меня, как только я глушу двигатель «Мустанга».

— Ну? Старик надрал тебе задницу?

Я захопываю дверцу машины.

— Зачем ему надирать мне задницу?

— Потому что тебя чуть не отстранили на три недели! Я поражен, что тебе вообще разрешено ступить на школьную территорию.

Ха. Я ввязался в эту драку только потому, что болтливость Каллума втянула его в дерьмо

с Джоной, единственным человеком в «Туссене», с которым не стоит враждовать, и ему нужны были друзья, чтобы вытащить его задницу из этого. Я нанес один удар, один хороший удар, и Джона упал, как мешок с дерьмом. Естественно, я был единственным из нас троих, кого директор Форд видела распускающим руки. Каллум и Себ сбежали. Я остался, костяшки пальцев болели, кожа была рассечена и кровоточила. Я не потрудился убежать вслед за своими друзьями. Какая-то больная часть меня хотела наказания.

— Я могу пойти домой, если ты этого хочешь, — насмешливо говорю я, обвивая рукой шею Каллума сзади. Он борется с моим захватом, и вырывается после того, как тычет меня локтем в бок, заставляя меня отпустить его.

Себ стонет, наваливаясь всем весом на борт машины.

— Не поступай так со мной, Мерчант. Если собираешься сбежать, по крайней мере, возьми меня с собой. Не думаю, что смогу вынести еще одну секунду, когда этот засранец будет вести себя как крутой. Любой бы подумал, что это он вырубил Джону. Если мне придется услышать о звуке, который издала голова Джона, когда отскочила от земли, еще один гребаный раз, я официально слечу с катушек.

— Ты завидуешь, — заявляет Каллум. — Ты просто жалеешь, что это не ты его нокаутировал. Вместо этого ты просто стоял там, засунув большой палец себе в задницу.

— Черт. Когда мы начали ссориться, как девчонки? — Мне уже надоела их чушь, а день еще даже не начался.

Чтобы избежать отстранения, мне пришлось извиниться перед Джоной перед его гребаными родителями. Я действительно не сожалею о том, что вырубил его; притворяться искренним, когда извинялся за свои действия, было действительно чертовски сложно. Я начинаю думать, что мне следовало просто принять наказание и прохлаждаться дома в течение пары недель. По крайней мере, там мне не пришлось бы слушать, как мои друзья ссорятся, как восьмилетние дети. Однако я бы пропустил слишком много игр. Пропуск игр означает отсутствие стипендии, а поскольку Лорелея настаивает, чтобы я пошел в колледж на западном побережье, и не хочет платить за мое обучение музыке в «Джулиарде», тогда мне действительно понадобится эта стипендия.

Звенит звонок.

— Пошли, — я подталкиваю обоих своих друзей вверх по ступенькам, в здание. — У нас есть около трех минут, прежде чем мы окажемся в дерьме.

Они позволяют вести себя ко входу, но продолжают свою болтовню на ходу. Безжалостно. Чертовски неумолимо.

— Маркус устраивает вечеринку «Первой ночи» сегодня вечером. Он сказал, что сломает мне нос, если я хотя бы подумаю о том, чтобы пробраться туда, — говорит Себастьян. Маркус, брат Себа, планировал эту вечеринку в свой выпускной год с тех пор, как поступил в «Туссен». Как младшие, мы определенно не приглашены. Мне насрать на дурацкую вечеринку Маркуса, но Себастьяну больше всего на свете хотелось бы там присутствовать. Чувак боготворит землю, по которой ходит его брат. Боготворит его на каждом шагу, хотя он мудака высшего сорта. Пробраться на эту вечеринку было на повестке дня Себа с тех пор, как он узнал о планах Маркуса два года назад.

— Нам нужны пары, — говорит Каллум, когда мы проходим через двойные двери в главный коридор «Туссена». — Я слышал, что они собирались заняться каким-то причудливым сексуальным дерьмом. Было бы очень хреново, если бы мы пришли на вечеринку, а у нас не было партнерш.

Я отключаюсь от всей их болтовни.

Я не собираюсь ни на какую вечеринку.

Я отмахнулся от комментария Каллума ранее, но у меня серьезные проблемы с моим отцом из-за инцидента с Джоной. Я не живу в «Туссене», как эти сосунки. С какой стати мне это делать, если я живу так близко? В ближайшие несколько недель мне ни за что не разрешат выходить из дома после наступления темноты. И даже если бы разрешили, я бы не стал испытывать терпение своего отца, посещая то, что уже звучит как дерьмовое шоу.

— А как насчет тебя, Мерчант?

Себастьян выжидающе смотрит на меня.

— Прости. Я задумался. Что как насчет меня?

Он качает головой, затем медленно и аккуратно повторяет свой вопрос, явно недовольный тем, что ему приходится это делать.

— Кого... ты... собираешься... пригласить... на вечеринку?

— Простите, парни. Сегодня годовщина свадьбы моих родителей. Они будут отсутствовать всю ночь. Я на дежурстве с Лани.

— Твои предки при деньгах, Мерч. Они могут позволить себе няню. Ты не пропустишь эту вечеринку, — заявляет Себастьян.

— Обсуди это с моим отцом. Я скину тебе его контактную информацию.

Это заставляет его замолчать. Себастьян такой же большой, как и я. За последние полтора года он набрал кучу мускулов. Не имеет значения, какого он роста или сколько у него мышц — он всегда будет бояться моего отца. Пол Мерчант — стройный человек. Физически не впечатляет. Сдержанный. Тихий. Но ты не захочешь связываться с ним. Он серьезный человек. Вызывает уважение и получает его. Моему отцу достаточно искоса взглянуть на Себа с намеком на хмурость на лице, чтобы заставить моего друга вздрогнуть. Забавно наблюдать, как он корчится, бедняга.

— Не будь таким нахальным, — бормочет Себ. — Почему бы тебе просто не попросить свою старую подружку прийти в качестве твоей пары? Я слышал, маленькая Мисс Солнышко вернулась с Восточного побережья...

Я толкаю Себастьяна вперед себя, через дверь класса. Каллум следует за ним. Как только мы все рассаживаемся — я перед Себом, Каллум за столом справа от меня, я обращаюсь к Себу с большей вежливостью, чем он заслуживает.

— Во-первых, повторюсь, я не пойду на вечеринку. Во-вторых, не называй ее так.

— Почему нет? — мерзко смеется Себ. — Разве она не была всегда такой *лучезарной*? — Его тон отвратителен.

Соррелл ходила с грозовой тучей над головой и хмурым выражением лица, из-за чего выглядела так, словно собиралась ударить в горло ближайшего к ней человека, а затем поджечь здание. Ее подводка для глаз, даже в тринадцать лет, всегда была агрессивно густой. Она отказывалась терпеть чье-либо дерьмо. Я обожал ее каждую сердитую мелочь.

Другие люди не находили ее враждебность такой очаровательной.

Но для Себа это было нечто большее. Он никак не мог понять, почему я хотел проводить так много времени с девушкой. Особенно той, с которой просто дружил. Он переехал в Самнер, когда ему было всего восемь лет. Мы с ним познакомились на тренировке юниоров по лакроссу и быстро подружились. Парень хотел все время тусоваться и заниматься «тупым мужским дерьмом». Присутствие Соррелл раздражало его даже тогда. Себ был вне себя с тех пор, как Соррелл уехала; уверен, что он просто ненавидит то, что сейчас она вернулась.

Словно прочитав мои мысли, мой друг тычет меня в спину.

— Просто помни, — говорит Себастьян. — Это начало младшего года. У нас нет времени отвлекаться. Даже на друзей. Команда важнее всего остального.

Я не всегда хочу придушить Себа. Просто большую часть времени. Этот чувак такой чертовски мелочный. Я дарю ему то, что, как надеюсь, переводится как понимающая улыбка.

— Конечно, чувак. Никаких отвлекающих факторов. Никаких старых лучших друзей. Никаких вечеринок...

— Вечеринки бывают разные. Вечеринка — это всего лишь одна ночь. Способ выпустить пар. Нам почти семнадцать, Тео. Вполне логично, что мы хотели бы трахаться с девушками и напиваться. Соррелл Восс — это плохие новости, чувак. Она чертовски нуждающаяся. Она отнимет у тебя все время. Твои оценки пострадают. Ты потеряешь свое место в команде.

Я смеюсь.

— Солнце взорвется в небе. Урожай пострадает по всей планете. Новый ледниковый период охватит землю, и все человечество погибнет. Восс не гребаный Антихрист, Себ.

— Уверен? — ворчит он.

Я предпочитаю не обращать внимания на этот комментарий.

— Я вполне способен тусоваться и заботиться о своем... — моя челюсть чуть не падает на пол. — Черт!

Девушка, стоящая в дверях класса, имеет мимолетное сходство с моей подругой детства. Но это не может быть Соррелл, не так ли? Я чувствую себя так, словно меня только что ударили под дых. Она...

Блять.

Ее густые, волнистые черные волосы ниспадают каскадом до самой талии. Ее скулы острые, как бритва, щеки розовые, румянец яркий. Ее глаза, левый — ярко-зеленый, правый — поразительно голубой, как лед, ярче, чем когда-либо. Меня пронзает насквозь и пригвождает к моему гребаному месту, когда ее взгляд путешествует по комнате и останавливается на мне. Что, черт возьми, с ней случилось? Я думал, что изменился, но девушка, с которой я вырос по соседству, совершенно неузнаваема. Она превратилась в чертовски невероятную красотку.

— О, отлично. — Себастьян швыряет блокнот на стол. — Теперь еще она и горячая штучка. Это просто... чертовски... здорово.

Его жалобы остаются неслышанными. Я не могу перестать пялиться на нее. Чувствую себя так, словно пытаюсь удержать равновесие, балансируя на краю пропасти. Шатаюсь. Борюсь, чтобы удержаться на ногах. Каждый момент, который я когда-либо проводил с этой девушкой, проносится в моем сознании одновременно, размываясь и сливаясь воедино. Смех. Поддразнивание. Аргументы. Мелкие ссоры. Просмотры фильмов вместе на диване, ее голова покоится у меня на коленях. Бросание друг в друга скомканными листками бумаги в библиотеке. Прыжки в озеро. Катание на велосипедах по городу. Каждое Рождество. Каждый день рождения. Каждая весна, лето, зима, осень.

Целая жизнь, о которой я забыл.

До сих пор.

Соррелл направляется в мою сторону, лавируя между партами, легкая, небрежная ухмылка играет на ее полных губах; когда подходит ко мне, мое сердце сильно, отчаянно

колотится, как будто оно никогда больше не будет биться правильно теперь, когда девушка здесь.

— Ну, посмотрите-ка, кто это. Теодор Уильям Мерчант, — говорит Соррелл. Ее голос стал глубже, чем раньше. С хрипотцой. Более того, это чертовски сексуально.

Странная паника впивается в меня зубами. Что, черт возьми, я должен делать с этим огненным узлом, который разгорелся за моей грудиной? Мне требуется гораздо больше времени, чем следовало бы, чтобы улыбнуться ей в ответ и заговорить, и даже тогда я могу произнести только два слова.

— Привет, малышка.

СОРРЕЛЛ

СЕЙЧАС

Ритм его дыхания кажется знакомым.

Насколько мне известно, я никогда раньше не просыпалась в постели Тео, но если верить абсолютно безумной истории, которую он рассказал мне прошлой ночью, то, вероятно, так оно и было. Много раз. Признаю, что чувствовать, как его грудь прижимается к моей спине, его тело обвивается вокруг моего, его руки крепко обнимают меня... все это кажется... черт, это приятно. Как это может быть возможно? И как может быть возможно то, что он рассказал мне прошлой ночью?

Лежа в колыбели его тела, слушая, как Тео медленно втягивает и выдыхает воздух во сне, во мне нарастает ужас.

Я помню Рейчел. Ее смех. Ее улыбку. Как сильно она раздражала меня до чертиков всякий раз, когда мы ссорились. Мы делились секретами, которые шептали друг другу в темноте. Пытаюсь вспомнить, какой была ее рука в моей, когда мы бежали по железнодорожным путям за «Фалькон-хаус», крича и смеясь, и это приходит ко мне так легко, что я без тени сомнения знаю, что Рейчел была настоящей.

Но с другой стороны, есть и дыры.

Какого цвета были ее глаза?

Была ли Рейчел выше меня, или наоборот?

Была ли у нее какая-нибудь семья?

В ночь аварии, где она сидела в той машине?

Где сидела я?

Что именно произошло?

Иисус, блять, Христос.

Испуганно сглатываю, крепко зажмуривая глаза. Что, черт возьми, со мной не так?

За моей спиной шевелится Тео. Я чувствую момент, когда к нему возвращается сознание, и момент, когда после этого парень напрягается. Напряжение излучается от него так сильно, что я почти чувствую его кислый металлический привкус на своем языке.

Тик-так. Тик-так. Тик-так.

Маленький аналоговый будильник на тумбочке отсчитывает секунды, которые проходят, не обращая внимания на то, как сильно я хочу, чтобы время остановилось. Как только Тео что-нибудь скажет, мне придется столкнуться с тем, что будет дальше. Мир будет нарушен, и возникнут вопросы, за которыми последуют новые истории, слишком фантастические, чтобы в них можно было поверить, и все это выше моего понимания.

Наконец, Тео делает глубокий вдох, его тело расслабляется в кровати, жесткость, сковывавшая его тело, исчезает, как будто ее никогда и не было.

Я должна заговорить. Что-то сказать. Однако Тео делает это раньше меня.

— Поспи еще немного, Восс. Ты все еще устала.

Он делает паузу. Перемещает руку, лежавшую на моем боку, совершает медленные, успокаивающие круги пальцами по мне, там, где моя рубашка задралась за ночь, обнажая

полоску кожи.

— Все в порядке. — Его теплое дыхание шевелит мои волосы. — Ты все еще здесь. Все еще остаешься собой.

Три часа спустя, когда я просыпаюсь, Тео нет позади меня. Я сразу могу это сказать — холодное, пустое пространство позади меня заставляет меня дрожать. Я чувствую себя невыносимо одинокой, пока не понимаю, что парень сидит в кресле у окна.

Его глаза прекрасны, волчьи, настороженные и дикие, они смотрят на меня с такой интенсивностью, что можно порезаться.

Волосы Тео в беспорядке, темные волны взъерошены и разметались в разные стороны. Эти три веснушки, расположенные почти идеальным треугольником под его правым глазом, резко выделяются на его бледной коже. В прохладном утреннем свете, проникающем через окно, парень сидит без рубашки, подперев подбородок, одетый только в боксеры, и выглядит так, словно не спал тысячами лет. Татуировки, покрывающие его грудь, шею, бок и руки, обширны; я действительно не осознавала, насколько он покрыт чернилами.

Тео моргает, глядя на меня, ничего не говоря, возможно, ожидая, что я заговорю, но я просто лежу на боку, глядя на него так же, как он смотрит на меня, пытаюсь понять, что я сейчас чувствую.

После долгого момента, когда мы ничего не делаем, только смотрим друг на друга, он бормочет:

— Прекрати это делать.

— Что делать?

— Смотреть на меня так, будто хочешь меня. Я пытаюсь дать тебе немного пространства. Я бы ничего так не хотел, как забраться обратно в эту кровать и выебать тебя до чертиков, но прямо сейчас ты с этим не справишься.

— Не справлюсь?

Парень качает головой слева направо.

— Не с тем, как я хочу трахнуть тебя. Я слишком напряжен, чтобы быть нежным.

Неожиданная вспышка жара разгорается в моем животе, заставляя меня втянуть воздух. Прямо сейчас мой разум — это клубок эмоций и чувств. Прошлой ночью в одном и том же разговоре я узнала, что у меня оказывается есть родители, а потом обнаружила, что теперь они оба мертвы, черт возьми. Есть миллион других вещей, о которых я должна подумать, но, как всегда, когда нахожусь рядом с ним, Тео поглощает мою мысленную пропускную способность, как черная дыра поглощает свет.

Я хочу его. Хочу, чтобы он жестко трахнул меня, как только что намекнул. Я хочу синяки на своем теле и следы зубов на моей коже, и хочу, чтобы он оставил их там...

— Остановись, — говорит Тео, в его голосе звучит предупреждение. — Я могу читать тебя как книгу, Восс, и те нечестивые мысли, которые у тебя сейчас возникают? Они делают мой член твердым.

— Я скорее наслаждаюсь ими.

— Нет. Ты слишком напугана, чтобы смотреть правде в глаза, поэтому прячешься за ними.

Грубо! Как он смеет упрекать меня в моей тактике избегания? Я бросаю на него злобный взгляд, но, в конце концов, ровная, спокойная глубина его взгляда заставляет меня отвести взгляд. Я подтягиваюсь так, чтобы опереться на подушки. В голове гудит.

— Значит, это из-за них ты всегда носишь рубашки с длинными рукавами? — говорю я.

— Хмм? — От хриплости его голоса волосы у меня на затылке встают дыбом.

— Татуировки.

Я разглядываю замысловатые узоры на его руках: крылья, веером расходящиеся по задней части левого трицепса. Корабль, книга и герб. Его левая рука представляет собой лабиринт замысловатых узоров и блоков текста, которые я не могу как следует разглядеть с того места, где лежу на кровати. Солнце в центре его груди очень красивое. На его боку я вижу только «Соррелл» и начало «Амелии» под ним, из-за того, как парень сидит в кресле, но знание того, что там есть и другие имена, одно за другим, свидетельство моего непостоянства в этом мире, заставляет меня отвести взгляд.

— А... какие-то другие татуировки связаны со мной? — спрашиваю я.

Его взгляд становится отстраненным.

— Они все о тебе, Соррелл. Все до единой, — Тео бросает взгляд через плечо в окно, хмуро глядя на серый мир за стеклом. У него не просто пара татуировок. Их так много, что они сливаются друг с другом в единое целое. Трудно даже представить, как их можно разгадать. — Все, кроме этой. — Он постукивает по маленькому четырехлистному клеверу на правой руке. — Эта для кого-то другого.

— Что они все означают?

Тео качает головой.

— Это просто татуировки. Они никуда не денутся. Есть другие, более важные вопросы, которые ты хочешь задать.

Есть. Есть миллион и один вопрос, на который я хочу получить ответы, но даже не знаю, с чего начать. Я закрываю лицо руками и закрываюсь от мира, пытаюсь успокоить свой учащенный пульс, уже зная, что мои попытки спрятаться будут тщетны. От этого никуда не спрячешься.

— Ты хочешь знать, кто еще знает обо всем этом, — тихо говорит Тео. — Несчастный случай. Твоя потеря памяти. Твое... изменение личности.

Мой желудок сжимается. Я действительно хочу это знать, и Тео знает, что это так, потому что мы делали это раньше. Ему уже приходилось объяснять это раньше. Сколько раз мы уже проходили через это?

— Скажи мне, — шепчу я.

— Себастьян знает. Эшли. Бет.

— Что?

— Ты удивлена?

— Они ненавидят меня. И никогда ничего не говорили?

— Они не ненавидят тебя.

Он звучит так уверенно, что я почти верю ему. Почти.

— Да, ладно, Тео. Я провела достаточно времени рядом со всеми тремя, чтобы знать, что это неправда. Они на дух меня не переносят. Себастьян запустил мне в голову банкой гребаной колы.

— Он сделал это, потому что сейчас ненавидит меня, а не тебя. Когда-то вы с Эшли были близки. Бет... — Тео надувает щеки, качая головой. — Вы с Бет были закадычными подругами. Она доверила тебе кое-что много лет назад. Темное дерьмо. Что-то о каком-то парне по имени Лэнс? Эш сказала мне, что ты разнесла это дерьмо в коридоре, когда пришла сюда в этот раз. Напугала Бет до чертиков. Наверное, она решила, что ты никогда не вспомнишь...

Черт. Я действительно рассказала Бет о том, как она трахалась с другом ее отца. О том, как ее отец наблюдал за ними с помощью нескольких камер в ее спальне. Эта информация, казалось, пришла ко мне ни с того ни с сего, но в глубине души я была уверена, что где-то ее читала. Что это была информация, которой Рут снабдила меня, чтобы помочь выжить здесь. Теперь все это оказалось неправдой. Бет доверила мне этот секрет, потому что когда-то давно мы были друзьями? Боже, это становится все сложнее и сложнее...

— Тем не менее, она вела себя странно с тобой долгое время до аварии. Бет хотела... — Тео замолкает, немного смущенно морщась.

— Она хотела тебя. Она ревновала, — я заканчиваю за него.

Тео пожимает плечами.

— Бет просто хочет того, чего не может иметь. Она не могла заполучить меня, и обижалась на тебя за это. Однако она по-прежнему держала рот на замке и никому не рассказывала о несчастном случае.

— Зачем ей это делать?

— Деньги.

— Ты платишь ей за молчание?

Парень просто тупо смотрит на меня. Медленно качает головой.

— Не я, малышка.

— Тогда кто?

Он смотрит на свои руки, хрустя костяшками пальцев по одному за раз. Не произносит ни слова.

Я сажусь прямо, разочарование настойчиво действует мне на нервы.

— Дай угадаю. Ты не можешь мне этого сказать. Ещё нет. Я не готова.

Вздыхая, Тео откидывает голову на спинку стула.

— Мы и так идем слишком быстро. Тебе нужно время, чтобы осознать это дерьмо. Если будем торопиться, то только Бог знает, что произойдет. Ты превратишься в Мередит, или Дженнифер, или Натали, и нам придется начинать все сначала. Я этого не хочу.

У меня так больно щиплет глаза, что сжимается горло. Мои эмоции бурлят в груди, как цемент в миксере. Я не могу сказать, хочу ли кричать, плакать или смеяться над абсурдностью всего этого.

— Какое это вообще имеет значение? Я не могу вспомнить, кем я была до этой смены. Кого, блять, волнует, если я снова превращусь?

Тео вскакивает со стула, проводя руками по своим растрепанным волосам.

— Меня! Потому что, когда ты очнулась на этот раз, ты не была каким-то выдуманым созданием. Не назвала нам какое-то незнакомое имя. Ты проснулась и сказала, что тебя зовут Соррелл Восс. Твое настоящее имя. Ты была собой. Действительно самой собой. Вся целиком, а не только какие-то части. Твои личностные качества. Твой характер. Твое чувство юмора. Все в тебе — это снова ты, Соррелл. Единственное, чего не хватает, это твоей памяти.

Я слишком ошеломлена, чтобы говорить. Гнев и отчаяние в его голосе задела меня за живое. Парень падает на колени у края кровати, обхватывает мое лицо руками, глядя на меня так глубоко, что я чувствую, как его взгляд проникает в мою гребаную душу.

— Это самое близкое, к чему я подошел, чтобы вернуть тебя. Я больше никогда тебя не отпущу. Тебе просто нужно все запомнить, хорошо?

Оказывается, Себ, Эшли и Бет не единственные, кто знает о моем странном затруднительном положении. Ноэлани знает. Лани, которая также является сестрой Тео, и... мой разум не может даже начать понимать это. Я сказала ей, что трахалась с ним, черт возьми. Хоть и не вдавалась в подробности, но все же...

Директор Форд тоже замешана во всем этом безумии и была в курсе с самого начала. Как только Тео говорит мне об этом, я требую отправиться к женщине, решив высказать ей все, что думаю, но в тот момент, когда Тео оставляет меня у ее офиса, и я сажусь на потертое кожаное сиденье напротив нее, я не могу найти подходящие слова, которые нужно сказать.

Мы пристально смотрим друг на друга.

По прошествии смехотворного количества времени директор Форд откашливается и откидывается на спинку стула с высокой спинкой. Кожа скрипит.

— Я вижу, что ты злишься, — говорит она.

— Думаю, что злость и близко не подходит к тому, что я чувствую.

— И я это понимаю. Я могу понять, как...

— О, я рада, что вы понимаете. Рада, что у вас сейчас такая ясность, потому что должна сказать... — я горько смеюсь. — Я действительно ничего из этого не понимаю. Вчера я проснулась, зная себя. Я точно знала, кто я такая. Знала, что моя лучшая подруга умерла, и я была так... так чертовски зла, и хотела отомстить человеку, который стал причиной ее смерти. Сегодня я просыпаюсь от того, что тот самый человек говорит мне, что я совершенно другой человек. Что... что он как моя, блять, гребаная родственная душа...

Женщина ощетинивается, складывая руки на животе.

— О, не выходите из себя из-за того, что я ругаюсь. Думаю, что имею право сказать «блять» прямо сейчас, не так ли?

Форд хмурится. Она не выглядит счастливой, но кивает головой.

— Я не... Я даже не знаю наверняка, правда ли все, что сказал мне Тео! У меня нет доказательств... ни для чего из этого!

Директор Форд тяжело вздыхает, брови приподнимаются, глаза расширяются.

— Да, ну, Тео не на столько глуп, чтобы все испортить. На этот раз его вообще не должно было быть в «Туссене», но...

Я вздрагиваю, как будто она меня ударила.

— Что значит «на этот раз»?

Еще один глубокий, разочарованный вздох.

— Мы не впервые делаем это, Соррелл. Вопреки моему здравому смыслу, это уже третий раз, когда мы пытаемся вызвать твои прошлые воспоминания и вернуть тебя к твоему...

— ТРЕТИЙ РАЗ!

Женщина судорожно сглатывает.

— Первый раз был всего через пару месяцев после несчастного случая. Это было слишком рано. Ты даже физически не исцелилась от того, что произошло, и то, кем ты была в то время... Боже. Кэтрин была очень зла. Очень беспокойная. Тео подтолкнул тебя... ее... слишком сильно, и это закончилось катастрофой. Тебе пришлось вернуться в «Фальконхаус» и начать все сначала. Удивительно, но тебе удалось закончить там свой первый год

обучения. Я даже не знаю, как это было возможно. В то время ты потеряла каждый кусочек своего прошлого и то, что делало тебя собой, но ты прекрасно помнила все, чему училась. Ты бралась за задания, которые выполнила наполовину, когда получила травму, и заканчивала их так, как будто это было совершенно нормально. Даже не сбившись с ритма.

Я ничего этого не помню. Ничего из этого. Я определенно не помню, чтобы была Кэтрин.

— Затем мы организовали здесь новый школьный семестр с твоими старыми одноклассниками во время летних каникул, — продолжает директор Форд. — Слава богу, к тому моменту ты уже не была Кэтрин. Ты была Рейчел. У нас было два месяца, чтобы попытаться вернуть тебе здоровье, и на мгновение показалось, что это произойдет. Ты действительно начала вспоминать по крупицам то, что было до аварии. Ты больше всего запомнила Тео, что, очевидно, сделало невозможным для него сделать шаг назад и позволить событиям идти своим чередом, просто посмотреть, что произойдет. Он настоял, чтобы мы сказали тебе правду. И когда мы это сделали, для тебя это было слишком. Ты снова ускользнула. Мы все были так взволнованы, когда ты сказала, что ты Соррелл. Но быстро стало ясно, что, хотя ты вспомнила свое имя и твои личностные черты, казалось, были очень похожи на прежнюю тебя, ты понятия не имела, что происходит. Ты была убеждена, что Рейчел была отдельным существом, что она умерла и что во всем виноват Тео. Можешь себе представить, как это было тяжело для него...

Значит, это правда.

Директор Форд продолжает говорить.

Наблюдаю, как шевелятся ее губы, но мне кажется, будто я падаю в глубокий, бездонный колодец, отдаляясь все дальше и дальше от нее по мере того, как до меня доходят эти новости. Я ее не слышу. Не могу переварить.

Все это правда?

Какая-то маленькая часть меня цеплялась за возможность того, что откровения Тео прошлой ночью были какой-то жестокой ложью. Шутка с его стороны, призванная заставить меня усомниться в собственном здравомыслии. Это было бы предпочтительнее, чем это. Я бы просто возненавидела Тео еще больше — это было бы так просто. Но нет. Теперь я должна смириться с тем фактом, что все мое существование сродни плаванию по зыбучим пескам; почва может уйти у меня из-под ног в любой момент, и я могу просто... перестать существовать.

— Соррелл?

Резко вскидываю голову.

Директор Форд виновато улыбается.

— Я знаю, что все это, должно быть, кажется тебе каким-то огромным актом предательства. Мы многое скрывали от тебя и неоднократно лгали. Прошу прощения за то, что задержала тебя здесь, за уловку со старой подъездной дорогой и гидросамолетом. Все это... — она жестикулирует, подняв руки, вокруг нас, — ...это больше, чем социальный эксперимент. Некоторые из твоих врачей считают, что присутствие здесь, в обстановке, которая хранит в себе так много воспоминаний, это единственное, что, скорее всего, вернет тебя. Признаюсь, в этом учебном году все немного по-другому. Помимо трех или четырех твоих старых друзей, большинство учеников, с которыми ты сейчас учишься, совсем недавно приехали в «Туссен». Прошлогодний предпоследний класс был переведен в другое место, чтобы закончить свой выпускной год, что привело к большим неудобствам и расходам для

многих людей. Мы подумали, что, если оставить здесь только Себа и девочек, это может каким-то образом спровоцировать тебя. Что наличие нескольких знакомых лиц среди моря незнакомцев потенциально может вернуть тебя к реальности. Мы собирались подождать по крайней мере еще месяца три, прежде чем изменим тактику или введем новые, дополнительные меры, но... — директор Форд выглядит такой подавленной. — Твоя связь с Тео снова сделала это невозможным. Его тысячу раз предупреждали...

— Вы извините меня, пожалуйста?

Тут нет двух вариантов: меня тошнит. На что только не шли многие люди, чтобы попытаться исправить меня... Я даже не могу начать укладывать все это в голове. Это непостижимо. Да. Определенно меня сейчас стошнит.

Я вскакиваю со стула и вылетаю из кабинета директора, мчась по коридору. Только когда стою на коленях, склонившись над унитазом, понимаю, что Тео последовал за мной; должно быть, он ждал меня возле офиса Форд.

К счастью, первая ванная комната, на которую я наткнулась, была туалетом для инвалидов — гораздо больше, чем большинство других. Здесь достаточно места для нас обоих. Парень ничего не говорит. Он садится на пол рядом с унитазом, подтягивает колени, кладет на них локти и опускает голову, пока меня тошнит.

Не хочу блевать у него на глазах. Не хочу, чтобы он видел меня такой. Однако оказалось, что Тео видел меня в гораздо худших состояниях.

Меня прошибает холодный пот, когда я отталкиваюсь от унитаза и прислоняюсь спиной к стене. Не могу вспомнить, когда в последний раз мне было так плохо. Но в этом весь смысл этого кошмара, не так ли? Я, блять, ничего не могу вспомнить.

Прижимаю ладони к глазницам, пытаюсь подавить желание заплакать. Я так устала плакать. Это ни к чему не приведет. Когда чувствую, что овладела собой, я опускаю руки и смотрю на Тео.

— Ты все еще здесь, — тихо говорю я.

— Да, — шепчет он.

— Я вела себя ужасно с тобой. Ненавидела тебя. Бросила тебе в лицо, что ненавижу тебя.

Парень ковыряет ногти, покусывая нижнюю губу. Его лицо непроницаемо, пусто, как будто ничто из этого больше не может коснуться его.

— Да, ты действительно так сказала. Ты спросила, хочу ли я почувствовать, как сильно ты меня ненавидишь.

— И ты сказал «да». — Мой голос срывается на последнем слове.

Тео улыбается, наконец-то демонстрируя проблеск грусти.

— Да, сказал.

— Почему? Как ты мог хотеть этого после того, как... — Я безнадежна. Думала, что в безопасности от своих слез, но все, что я делала, это задерживала их.

— Потому что то, что ты ненавидела меня, было хоть чем-то, малышка, — говорит Тео. — Этого было бы достаточно. Я бы почувствовал это и знал, что под всем этим гневом ты когда-то любила меня намного, черт возьми, больше. — Его голос снова срывается, выдавая глубокий колодец эмоций, душащих его прямо под этой слишком спокойной внешностью.

— Я заставила тебя пройти через ад, Тео...

— Ты была в аду, — быстро отвечает он. — В тот момент, когда машина врезалась в

ограждение, ты оказалась в аду. Я просто... — Парень выдыхает. Успокаивает себя. И вдруг, ни с того ни с сего, его фасад разрушается, и Тео смотрит на меня с такой любовью в глазах — любовью такой глубокой и невозможной, что я знаю, что ему, должно быть, приходилось бороться с этим чувством каждый божий день, пока я была рядом с ним. Скрыть такую большую любовь, как эта, требует колоссальных усилий. — Я сделал единственное, что пришло мне в голову. Спустился в ад вместе с тобой. Не собирался оставлять тебя там, в темноте, одну.

ТЕО

ТРИ ГОДА НАЗАД

Ненавижу эту гребаную песню.

Всегда ненавидел.

Убил бы того, кто продолжает проигрывать ее на повторе. Киран никогда раньше не устраивал вечеринки, и это сразу видно. Чуваку нужны какие-то гребаные подсказки. Указание номер один: не разрешай всем подряд доступ к звуковой системе. Найми ди-джея, составь чертов плейлист. По крайней мере, конфискуй iPad, подключенный к гребаным динамикам, чтобы этого дерьма не случилось.

Снова звучит песня «I'm Blue» группы «Eiffel 65», и я стискиваю зубы, допивая остатки пива. Последнее, что мне сейчас нужно, это пустой стакан. Пересекаю шумную толпу своих одноклассников, танцующих в разгромленной гостиной Кирана, когда Себ спускается по лестнице и хватает меня за руку.

— Я только что трахнул Соьер Смит в задницу на столе Дейва Литлмора.

Мистер Дейв Литлмор, отец Кирана, окружной прокурор, он будет в припадке, если узнает об этом. Однако Себ не выглядит слишком обеспокоенным. Выглядит как парень, который только что вломился в заднюю дверь чирлидерши.

— Поздравляю, — говорю я, закатывая глаза.

Еще пива. Мне нужно больше гребаного пива для этого. Я даже не хотел приходить сюда, но отказался от дурацкой вечеринки «Первой ночи» брата Себа в начале месяца, так что у меня действительно не было особого выбора.

Направляясь на кухню, я проталкиваюсь сквозь раскачивающиеся, потные тела.

— В чем твоя проблема, чувак? Ты же всегда говорил, что у Соьер лучшая задница в «Туссене». Несколько месяцев назад ты сказал мне, что хочешь трахнуть ее так сильно, что думал, твои яйца взорвутся.

Я фыркаю себе под нос.

— О, да? И если я действительно так сказал, то каким другом это делает тебя?

— Я лишь контролировал качество, придурок. Не могу допустить, чтобы ты макал свой драгоценный фитиль в потенциально испорченный товар.

— Я бы сказал, что теперь, когда ты засунул свой член ей в задницу, она определенно испорченный товар, — открываю кран на бочонке и начинаю наполнять свой стакан.

— А-а-а, да ладно. Мы же как братья. Братья делятся. Тебе будет приятно узнать, что я не полностью испортил эту тугую маленькую попку. Дай ей неделю, и она будет в порядке.

— Ты отвратителен.

Выпиваю залпом половину пива и сразу снова наполняю стакан. Где-то на этой бушующей вечеринке Соррелл Восс танцует с Эшли и Бет. Прошло три недели с тех пор, как она вернулась из Нью-Йорка, и все было... *странно*.

Я не могу перестать смотреть на нее.

Не могу перестать думать о ней.

Я. Безумно. Хочу. Трахнуть. Ее.

Никогда не думал о ней так раньше. Так какого черта делаю это сейчас?

«Может быть, это как-то связано с тем фактом, что она чертовски красива», — подсказывает раздражающий голос в моей голове. — «Или тем фактом, что ее сиськи выглядят потрясающе, и ты хочешь зарыться лицом между ее длинными, великолепными, загорелыми ногами и вылизать ее киску».

Мои щеки вспыхивают от этой живописной мысли, и жар распространяется прямо в мой член. В последнее время я много думал об этом. Был одержим мыслью о том, какова на вкус киска моей лучшей подруги. Я чертов извращенец или что-то в этом роде. Я же, черт возьми, дразнил ее за то, что она жевала собственные волосы, когда ей было пять.

Себ толкает меня, сдвигая в сторону, чтобы налить себе пива.

— Слушай. Все, что я говорю...

— Я прекрасно понимаю, о чем ты говоришь. И дерзай, чувак. Хочешь перетрахать половину академии, тогда вперед. Это не значит, что я должен это делать.

На кухне полный бедлам. Группа людей собралась вокруг мраморного острова, играя в игры с выпивкой. Один за другим они вытаскивают маленькие сложенные листочки бумаги из стеклянной чаши, выбирая либо правду, либо вызов. Одна из девушек визжит, когда обнаруживает, что ей выпало обнажить грудь перед всеми в комнате. Она притворяется, что не хочет, что стесняется, но огромная дерьмовая ухмылка на ее лице, когда все-таки задирает рубашку и подпрыгивает вверх-вниз, заставляя сиськи трястись, говорит о том, что ее это совершенно устраивает. Более чем.

На мгновение отвлекшись, Себ таращится на цыпочку, и я пытаюсь уйти. У капитана команды по лакроссу другие планы. Парень сжимает верхнюю часть моей руки, как тисками.

— Мне уже порядком надоело, что ты хватаешь меня, — я добавляю в свой тон нотку злобы.

— Да, ладно. Тебе это нравится, — парирует Себ.

Я собираюсь продемонстрировать ему, насколько мне это не нравится, когда Эшли и Бет входят на кухню, цепляясь друг за друга и хихикая. Они поддерживают друг друга; черт знает, сколько они уже выпили.

Соррелл пропала без вести.

— Я бы определенно ей засадил, — говорит Себ, указывая своим пивом на Эш. — А Бел умоляла тебя о члене с лета. Понятия не имею, почему ты ее до сих пор не трахнул, чувак. Она выглядит чертовски развратной. Я так и вижу, как она лижет задницу, как чемпион. Держу пари, она засунет свой хорошенький язычок так далеко за твой сфинктер, что ты найдешь религию.

— Пожалуйста, напомни мне, почему мы друзья, — рычу я.

— Потому что я делаю тебя менее скучным, Мерчант. И, как бы мне ни было неприятно это признавать, ты привлекательный чувак. Не говорю, что ты сексуальнее меня, но все же. Здесь есть те, кто хочет, чтобы наши члены сосали, и вся эта чушь о том, что «воздержание делает меня интересным», выставляет остальных из нас в плохом свете. Все эти цыпочки ждут тебя. В тот момент, когда ты трахнешь хотя бы одну из них, остальные довольствуются остальными из нас. Это действительно справедливо, придурок. Ну же. Поймай и отпусти.

— Не вини свою неспособность потрахаться в том факте, что я не хочу трахать все, что движется, Уэст.

— Я только что закончил трахать Соьер Смит. Я же только что сказал тебе это.

— Тогда перестань беспокоиться о том, что я делаю со своим членом, и иди вымой

свой.

— Черт возьми. С тобой невозможно разговаривать, — бормочет Себ, ставя свое пиво на стойку рядом со мной. — Пойду найду Каллума. С ним сейчас гораздо веселее, чем с тобой. Никогда не думал, что произнесу эти слова, Мерчант.

Я смеюсь про себя, когда этот ублюдок с важным видом выходит из кухни в бурлящую толпу тел, танцующих в коридоре.

Это пиво не помогает.

Даже близко.

Осушаю стакан еще раз (потому что какой смысл тратить разбавленное, слабое, как моча, пиво?), а затем роюсь в шкафчиках в поисках низкого стакана. Стакана, из которого мог бы пить настоящий взрослый человек. В конце концов нахожу один из них в глубине шкафа, на самой верхней полке. Бокал из граненого хрусталя, красивый и, вероятно, очень дорогой. Отец Кирана сошел бы с ума, если бы узнал, что я собираюсь сделать, но он даже понятия не имеет, что Киран устраивает вечеринку сегодня вечером. Киран достаточно милый, но не такой умный. Он все сделал неправильно. Его родители остановились в отеле менее чем в часе езды отсюда, чтобы отпраздновать двадцатую годовщину своей свадьбы. Я даже не буду начинать перечислять все причины, по которым они могут вернуться домой раньше. Их миллион. Начиная с: «Мы просто хотели спать в своей постели». У них будет шок, когда они поймут, что под их простынями из египетского хлопка в тысячу нитей извивается кучка подростков, занимающихся сексом.

Требуется некоторое время, чтобы найти виски, но я упорствую, потому что знаю, что виски в доме есть.

Такой человек, как отец Кирана, не приходит домой с такой работы, как у него, и не успокаивает свои расшатанные нервы стаканом чертовски сладкого чая. Он также не запирает свое дорогое дерьмо в винном шкафу, где его своенравный засранец сын неизбежно доберется до него. Нет, он прячет это у всех на виду. Ну, вроде того. Коллекция виски окружного прокурора Литтлмора находится в прачечной, в шкафу, спрятанная за стопкой свежестиранных полотенец. Не думаю, что это постоянное место его тайника. Очевидно, мужчина решил, что стирка — это единственное, чем его сын не собирался заниматься, пока его не будет, и на время спрятал здесь свой запас алкоголя.

Наливаю себе на три пальца из бутылки «Балвенни» и проскальзываю обратно на кухню, держа в руках хрустальный стакан, как будто это сам Святой Грааль.

Я стою в стороне от толпы.

Скучая, смотрю, как разыгрывается игра «Правда или действие», отсчитывая минуты до полуночи — как только часы пробьют двенадцать, я сваливаю отсюда к чертовой матери. И изо всех сил стараюсь не думать о Соррелл. Однако пытаться не думать о ней — все равно что пытаться не подчиняться законам природы. Пытаться не моргать. Не дышать.

Это невозможно.

Потолочный вентилятор над головой пыльный.

Виски обжигает мне горло, прокладывая путь вниз, к желудку. Я начинаю чувствовать приятное оцепенение.

На холодильнике есть карточка с напоминанием о посещении стоматолога для Кирана, на завтра в девять утра. Этот ублюдок ни за что этого не сделает.

Допиваю свой напиток и наливаю еще, возвращаясь на свое место на кухне, прислоняясь к столешнице. К тому времени как наполовину выпиваю второй стакан, я

чувствую себя свободнее, немного менее раздраженным выходками своих школьных друзей. Но лишь незначительно. Мое сердце замирает, сжавшись в центре груди, когда Соррелл, наконец, появляется, таща за собой Эшли, в то время как девушка с яркими светлыми волосами тащит ее сквозь толпу на кухню.

Глаза Соррелл — разномастные и красивые — полны дикой энергии. Ее густые черные волосы искусными волнами ниспадают на обнаженные плечи. Платье, которое на ней надето, обтягивающее и черное, и — Господи, блять, Иисус Христос — не оставляет места воображению. Ткань облегает изгибы девушки, подчеркивая сиськи, бедра и задницу так, что мне хочется громко застонать, как какому-нибудь изголодавшемуся по сексу пещерному человеку. Вместо этого я стону внутренне, превращая свое выражение лица в пустой фасад, заставляя свои черты повиноваться мне и оставаться невозмутимыми, но внутри я — бушующий ад.

Соррелл никогда раньше не носила платьев, не говоря уже об обтягивающих фигуру. Ее любимая футболка с группой «Нирвана», рваные джинсы и потрепанные кроссовки сегодня пропали. Она разрешила Эшли нанести немного подводки на веки и туши на ресницы. Ее губы накрашены в яркий, порочный красный цвет. Соррелл всегда была красивой, без тени сомнения, но сегодня вечером, стоя на этой чрезмерно причудливой кухне, все остальные девушки в комнате бледнеют по сравнению с ней. Они выглядят тусклыми и желтоватыми — увядающие одуванчики, кажущиеся совершенно обычными рядом с нежной красотой орхидеи.

Короче говоря, от Соррелл чертовски захватывает дух.

Взгляд девушки скользит по комнате, разномастные глаза встречаются с моими, и ее улыбка превращается в нечто большее, когда внимание Соррелл удерживается на мне. Эшли что-то говорит ей, но она слишком занята, глядя на меня, чтобы ответить. Через секунду Эшли толкает ее локтем, и Соррелл вздрагивает, возвращая взгляд к подруге.

В одну секунду я греюсь на солнце, прогретый до костей жаром ее внимания, а в следующую брошен в холодную пустошь, лишенный единственной вещи, способной поддержать меня. Эшли Райнер хуже всех.

Говоря об Эшли, она пытается налить себе выпить из кучи алкоголя на кухонном островке, но один из парней, наблюдающих за игрой, говорит ей, что сначала нужно заплатить налог. Другими словами, сначала нужно выполнить одно из заданий. Она достает из вазы сложенный листок бумаги и разворачивает его. Вызов отстойный. Покажи самую постыдную фотографию на своем телефоне или еще какая-то хрень. Эшли передает свой телефон группе, на экране появляется ее фотография топлесс. Девушка не смущена. На самом деле, выглядит чертовски самодовольной из-за этого. Соррелл закатывает глаза на свою подругу, смеясь вместе с остальными, когда Эшли быстро выпивает свой напиток.

Однако Соррелл не выглядит такой уж воодушевленной тем, что играет в их дурацкую игру, когда ей говорят сунуть руку в вазу с вызовами.

Девушка осторожно выбирает листок бумаги, разворачивает его и кладет на островок.

Эшли читает вызов вслух, чтобы все слышали.

— Кто сейчас самый горячий человек в комнате?

Побледнев, Соррелл приобретает цвет только что выбеленной простыни.

— Я думала, это должны были быть «вызовы»?

Боже.

Она такая чертовски сногшибательная.

Я не могу отвести от нее глаз.

Парни, отвечающие за игру, — два идиота из футбольной команды — толкаются и ругаются, о чем-то спорят, но я не обращаю на них внимания. Однако они привлекают мое внимание, когда один из них называет Соррелл «девочкой-волком». Она всегда была чувствительна к своим глазам. Всегда ненавидела, когда люди комментировали или делали замечания в их адрес. Я думаю, что ее глаза чертовски завораживающие, но Восс никогда не нравилось, когда люди указывали на то единственное в ней, что так явно выделяет ее из толпы. Я делаю мысленную пометку позже выбить этому парню его гребаные передние зубы.

Сегодня Соррелл даже не вздрагивает от старого прозвища, которое преследует ее со средней школы. Она берет стопку с алкогольным желе и выпивает. Затем улыбается и указывает пальцем через кухню.

— Он.

Случайный чувак, которого я никогда раньше не видел, указывает на себя.

— Я?

— Нет. Позади тебя. — Крошечная, дразнящая улыбка приподнимает уголки рта Восс.

Все оборачиваются и смотрят. И довольно быстро понимают то, что я уже понял: она говорит обо мне.

— Черт возьми, Мерчант. Я был уверен, что она выберет меня. Почему бы тебе не найти другое место, где можно спрятаться, ублюдок? — ворчит один из парней из футбольной команды.

Бейсболка «Сиэтл Маринерс» ударяется о дверцу шкафа рядом с моей головой — почти уверен, что она должна была попасть мне в лицо. Я игнорирую это пренебрежение. Мои глаза прикованы к Соррелл.

Дом мог бы быть в огне.

Я мог бы быть в нескольких секундах от того, чтобы в меня врезалась машина.

Мог бы быть в нескольких шагах от того, чтобы сойти с края обрыва.

И все равно я не смог бы отвести от нее взгляд.

Соррелл — самое прекрасное существо, которое я когда-либо видел.

Медленно делая глоток виски, я наслаждаюсь жаром, разгорающимся за моей грудной клеткой, но на этот раз это не от алкоголя. Это от осознания того, что теперь между мной и Восс что-то изменилось. С тех пор как она вернулась, между нами все было странно. Натянутое напряжение гноилось там, где раньше его не было. Легкость, которая раньше существовала между нами, была своего рода комфортом, который существует между братьями и сестрами. Электричество, которое обрушилось на нас за последние пару недель, было совершенно другим. Я знал это. Соррелл это знала. Я сказал себе, что даю ей время вернуться к жизни в Самнере, позволяю ей привыкнуть к «Туссену». Я держал рот на замке, боясь, что если что-нибудь скажу или сделаю шаг, то разрушу нашу дружбу.

Соррелл только что проявила храбрость ради нас обоих, и, черт возьми, мой член сейчас тверд.

Медленно улыбаюсь ей поверх края своего бокала, и это ошибка, потому что я вижу огонь в ее глазах, то, как девушка втягивает нижнюю губу в рот, смачивая ее, и первобытная часть моего мозга кричит.

Заполучить ее.

Схватить ее.

Сделать ее своей.

Предъявить на нее права.

Она моя.

Моя.

МОЯ.

Черт, я должен убраться отсюда, пока не натворил чего-нибудь крайне противозаконного. Медленно поворачиваюсь и выхожу из кухни, звук моего пульса отдается в ушах, заглушая глухие басы музыки в холле.

Я уже на полпути к лестнице, когда чья-то рука опускается мне на плечо, разворачивая меня.

Щеки Соррелл покраснели. Она дышит так часто, что кажется, что ее сиськи в любую секунду могут вырваться через верх ее обтягивающего платья. Боже, ее кожа чертовски идеальна. Безупречна. Цвет свежих сливок и алебастра. В ее глазах пляшут электрические искры, такие чертовски странные и чудесные. Соррелл никогда раньше так на меня не смотрела.

Никогда.

Она кажется запыхавшейся, когда произносит мое имя.

— Тео...

Я прижимаю девушку спиной к стене, беря ее лицо в свои ладони. Прижимая ее к себе, накрываю ее рот своим, сминая ее губы. У нее вкус лета, клубники и лайма. Влажный жар ее рта вызывает у меня головокружение. Провожу языком по ее губам, и девушка открывается мне, впуская меня внутрь, и я не могу сдержать собственнического рычания, которое поднимается из глубины моего горла. Соррелл целует меня в ответ, ее язык ласкает мой, ее дыхание обдувает мое лицо короткими, резкими, неистовыми порывами воздуха. Девушка обвивает руками мою шею. Ее сердце колотится в груди, пульс учащается под кожей, когда она выгибается навстречу мне, и в моем мозгу происходит короткое гребаное замыкание.

Святое.

Блять.

Дерьмо.

Я должен заполучить ее.

Я нуждаюсь в ней больше, чем когда-либо нуждался в чем-либо за всю свою жизнь.

Я, блять, просто умру без нее.

Отрывая свой рот от моего, девушка смотрит на меня, губы припухли, зрачки расширились, и на этот раз яркий нефритовый цвет ее левого глаза и океанскую синеву правого поглощает бездонная чернота. Она выглядит такой потрясенной, что мне хочется подхватить ее на руки, прижать к себе и защищать ее вечно, черт возьми.

— Это только мне кажется? — шепчет Соррелл, задыхаясь. — Или мы ждали этого момента очень долго?

Я провожу пальцами по ее губам, собственнически, очарованный силой этого притяжения в моем животе.

— Я был чертовски слеп, — отвечаю я.

— Это похоже на возвращение домой, — выдыхает она.

— Ты мой дом. Черт.

— Фу! Мерчант и Восс сосутся, — кричит женский голос. Неприятный тон. Злобный. Бет, естественно. Она всегда была самым доминирующим членом маленькой группы друзей

Соррелл, Эшли и Бет. Она упорно трудилась, чтобы быть самой красивой, самой смешной, самой умной, самой популярной среди мальчиков. Восс вообще никогда не пыталась. С тех пор как Соррелл вернулась из Нью-Йорка, Бет вела себя с ней как настоящая стерва. Теперь же еще больше набрасывается, потому что Восс все еще не пытается, и она — все, чем Бет никогда не будет.

Я изучаю черты лица Соррелл — лицо, которое я так хорошо знаю, и все же мне кажется, что вижу его в первый раз, новыми глазами. Россыпь веснушек на переносице. Темные брови. Пухлые, полные губы, верхняя немного полнее нижней. Ее клыки всегда были немного острее, чем у большинства. Это глупая, незначительная маленькая деталь в ней, которую большинство людей не заметили бы, но с ее замечательными глазами это сочетание действительно делает ее внешность немного волчьей. Раньше я дразнил девушку за ее дикую внешность, но теперь мне и в голову не пришло бы дразнить ее за это. Она выглядит свирепой. Дерзкой. Уникальной и невероятной. И она украла мое гребаное дыхание.

Соррелл краснеет, пряча лицо в моей руке, пытаясь спрятаться от меня в моей собственной ладони.

— Не смотри на меня так, будто ты уже влюблен в меня, Тео Мерчант. Мое сердце еще не может вынести того, как ты на меня смотришь, — качает головой Соррелл, впиваясь костяшками пальцев в мои ребра, как будто мы все еще просто друзья. Как будто мир теперь не является совершенно новым уровнем существования. — Мне нужно время, чтобы подготовиться, прежде чем я смогу справиться с тем, что ты так на меня смотришь.

Я покрываю ее лоб, виски и скулы медленными, ленивыми, легкими, как перышко, поцелуями.

— Хорошо. Я остановлюсь. Но дай мне знать, когда будешь готова к этому, Восс. Потому что я буду очень ждать.

СОРРЕЛЛ

До сих пор у меня никогда не было повторяющихся кошмаров.

Это кошмары наяву, яркие в деталях и беспощадные в своей настойчивости. Десять дней подряд я просыпаюсь ото сна, измученная, хотя сплю как убитая. А еще есть Тео, который ждет меня. Он ничего не говорит. Мрачный и бледный, как смерть, он сопровождает меня с моего этажа в класс, на следующий урок, в столовую. За обедом парень сидит напротив меня и молча ест, опустив взгляд в тарелку перед собой.

Тео становится моим темноволосым принцем дежавю. Постепенно я кое-что о нем узнаю. Возможно, я всегда знала эти мелкие детали, которые представляются мне, но каждая из них ощущается как какое-то колоссальное откровение. Крошечный шрам на его правом мизинце, оставшийся после того, как я оторвала одно из колес у его игрушечного грузовика, и он ударился о дверной косяк, когда нам было восемь. Причудливый маленький завиток над правым виском, из-за которого его волосы торчат под странным углом, когда парень не заправляет их за ухо. Родинка у основания его шеи, которую я до сих пор толком не разглядела, спрятанная за волосами. То, как он постукивает кончиком карандаша по зубам, когда о чем-то думает. Татуировка в виде четырехлистного клевера на его правой руке, в память о его бабушке, который... который умер...

О, боже.

Когда я думаю об этой татуировке, на меня накатывает волна эмоций, глубокая, всепроникающая меланхолия, и я знаю, что смерть бабушки сломала не только Тео, но и меня тоже. Я знала его бабушку. Любила его. Я оплакивала его, когда он скончался.

После еще одного разговора с директором Форд я согласилась остаться здесь, в «Туссене», чтобы посмотреть, вернется ли ко мне что-нибудь из моих воспоминаний, и мало-помалу, мучительно медленно, план, кажется, работает. Это не значит, что я счастлива застрять здесь, в этой пыльной старой школе-интернате. Я словно призрак, идущий по коридорам, чувствуя себя оторванной от своего тела так, что не могу описать. Это не значит, что другие ученики не могут меня видеть. Я не невидимка. Но некоторые из них видят меня так, как я никогда не смогу увидеть себя, потому что они на самом деле знают меня, а я нет. Такая тревожная мысль.

На одиннадцатый день моего добровольного заключения в «Туссене» я, наконец, поднимаю глаза на Тео и задаю ему вопрос; я просто не могу больше мучиться этим вопросом.

— Ты лишил меня девственности?

Тео выплевывает полный рот томатного супа.

На другом конце стола Лани, которая за последнюю неделю постепенно подобралась к нам поближе, решив подойти и посидеть с нами, но ее брат на каждом шагу прогоняет ее, чуть не опрокидывает банку диетической колы. Она ловит её в самый последний момент.

— Господи, — шипит она. — Я не хочу присутствовать при этом разговоре.

Тео вытирает рот тыльной стороной ладони.

— В любом случае, тебе не следует подслушивать наши разговоры.

— Пф! Я и не подслушиваю! Вы двое едва ли сказали друг другу хоть слово за

неделю! — Лани собирает свою сумку, перекидывает ее ремешок через плечо, берет свой недоеденный ланч и поворачивается ко мне лицом. — Клянусь богом, обычно он не такой скучный, — говорит она. — Было время, когда его невозможно было заткнуть. Всё, чего он когда-либо хотел, это поговорить с тобой. Или о тебе. Это сводило нас всех с ума дома.

— Ноэлани, — рычит Тео. — Будь добра, отвали и оставь нас в покое.

— Я просто пытаюсь помочь, — огрызается она в ответ. — Я не хочу, чтобы ты облажался в третий... Подожди, это уже четвертый раз?

— Лани. — На этот раз говорю я. — Все в порядке. Он ничего не испортил. Он просто... дает мне пространство.

Тео бросает на меня удивленный взгляд. Неужели он действительно думал, что я скажу что-то другое? Отругаю его? Заставлю почувствовать себя плохо из-за его молчаливого общения на прошлой неделе? Парень хмуро смотрит на меня, когда я обращаюсь к Лани.

— Я... перевариваю. Пытаюсь осознать. Пытаюсь понять, должна ли я вообще быть здесь или нет. Я имею в виду, что сейчас у меня нет причин оставаться здесь.

— Тебе все еще нужно закончить школу, — напоминает мне Тео.

— Тебе тоже, — парирую я.

— Нет, ему не нужно, — смеется Лани. Ее улыбка исчезает, когда она видит убийственный взгляд на лице Тео.

— Что? — Я перевожу взгляд с одного на другого, останавливая его на Тео. — О чем она говорит?

— Я уже закончил школу. Некоторое время назад, — натянуто говорит Тео, и со стуком опускает ложку обратно в миску.

— Наша мама настояла, — смущенно говорит Лани. — Ты снова была в больнице. Лорелея сказала, что не будет оплачивать расходы Тео, если он не закончит выпускной год...

Я чувствую тошноту в животе.

— Боже мой, почему ты не в колледже? Что ты здесь делаешь? — Я уже знаю ответ на этот вопрос. Тео просто многозначительно смотрит на меня.

— Мы всегда говорили, что будем учиться в колледже вместе, — тихо говорит он.

— Тебе нужно остаться здесь и закончить год, — говорит Лани. — Я тоже выпускница. И лично я в восторге от идеи быть первокурсником в колледже с вами обоими.

— Тебе чертовски повезло, — бормочет Тео.

— Взаимно! — стреляет в ответ Лани. — В любом случае, я действительно уйду. Похоже, вы, ребята, собираетесь отправиться в путешествие по переулкам воспоминаний, а у меня нет никакого желания к вам присоединиться, — она морщит нос. — Seriously. Отвратительно.

— Ребенок, — бросает Тео через плечо ей вслед. Он возвращается к своему супу, как только Лани оказывается вне пределов слышимости.

Я откидываюсь на спинку стула, спокойно оценивая его. Его волосы спадают на лицо, скрывая выражение лица, так что его трудно разглядеть. Однако у меня складывается отчетливое впечатление, что парень чувствует себя немного неудобно.

— Хочешь поговорить о выпускном или о девственности? — спрашивает он.

— Насчет девственности. — Если буду слишком много думать о том факте, что Тео в настоящее время повторяет свой выпускной год, хотя уже закончил школу, из-за меня, то думаю, у меня может случиться нервный срыв.

— Ты пытаешься спросить меня, была... — вздыхает Тео, глядя на меня. Разочарование

застыло в его глазах. — Была ли ты собой, когда потеряла девственность? Или другой версией тебя, которая не помнила обо мне?

Мой желудок скручивается в тугий узел. Я не думала об этом в таких терминах, но теперь, когда он ставит это таким образом, полагаю, что это важный вопрос. Тео видит ответ на моем лице.

— Можешь прийти ко мне в комнату сегодня вечером? Это не та тема, которую я хочу обсуждать, когда на нас смотрит половина обеденного зала.

Я появляюсь ровно в восемь, как он и велел. Тео Мерчант может выглядеть так, будто одевался в темноте большую часть дней, но, черт возьми, он делает так, чтобы это выглядело хорошо. Его волосы мокрые, заправлены за уши. От него пахнет свежестью. Чистотой. Сегодня вечером парень не побрился, хотя, очевидно, принимал душ, и на его подбородке виднеется небольшая темная щетина. В облегающей черной футболке и синих джинсах парень до смешного сексуален. Уровень сексуальности «он-мог-заполучить-любую-девушку-какую-захочет», от которого у меня поджимаются пальцы ног на плюшевом коврике под ногами, когда Тео пересекает свою комнату и садится на край кровати.

У него могла быть любая девушка, которую он только хотел, но почему-то Тео выбрал меня. И выбирал меня снова, и снова, и снова, хотя это дорого ему стоило.

С ясным взглядом он протягивает мне руку.

— Хочу, чтобы ты была рядом со мной, — говорит Тео. Приказ. С этим я не стану спорить. Неважно, насколько чуждым мне это кажется, знаю, что в его объятиях я в безопасности. Это непреложный факт, который мое тело знает на клеточном уровне, даже если мой разум и мои воспоминания этого не знают.

Принимая его руку, я сажусь к нему на колени. Судя по его удивленному вдоху, парень не ожидал, что я устроюсь поудобнее, свернувшись калачиком, но я хочу быть похороненной в нем. Хочу утонуть в его запахе, купаться в его тепле и чувствовать себя в безопасности в клетке его рук, когда они прижимают меня к его груди. Мне это нужно больше, чем я могла себе представить.

Опустив подбородок на мою голову, Тео заключает меня в объятия, прижимая к себе, именно так, как я хочу. Прильнув к парню, чувствую себя идеально, как будто мое тело было создано для того, чтобы прижиматься к нему. Его теплое дыхание шевелит мои волосы. Стук сердца отсчитывает ровный, успокаивающий ритм в моей барабанной перепонке.

— Ты всегда сопротивлялась, когда я хотел обнять тебя вот так, — говорит Тео. Басы его голоса звучат оглушительно, когда мое ухо прижато к его грудной клетке. Словно он проводит смычком своей виолончели по самой низкой ноте и идеально выдерживает ее, заставляя вибрировать сам воздух в моих легких.

C2.

Каким-то образом, из ниоткуда, я знаю, что, учитывая то, как Тео настраивает свою виолончель, самая низкая нота, которую он может сыграть — это C2.

— Почему? — шепчу я.

Парень на мгновение задумывается. Я думаю, что задумывается; я не вижу его лица. Через некоторое время он говорит:

— Ты всегда была так полна решимости быть независимой. Сильной. Яростной. Как будто ты не нуждалась во мне, чтобы почувствовать себя в безопасности. Ты не хотела, чтобы я думал, что ты слабая. Но через некоторое время ты смягчалась и сдавалась, и я гладил тебя по волосам и напевал тебе то, над чем работал, и ты засыпала.

Ударная волна неопознанных эмоций пробегает по моим венам, теплая, грустная и прекрасная. И снова у меня закрадывается подозрение, что, хотя мой мозг не может вспомнить события, о которых говорит Тео, мое тело каким-то образом помнит и глубоко тоскует по тем дням, когда жизнь была такой простой, что я могла забраться в его объятия и отключиться под звуки его мурлыканья.

— Сделаешь это сегодня? — Я немного боюсь его реакции. Тео не спал со мной в одной комнате с той ночи, как рассказал об аварии. Часть меня в ужасе от того, что каким-то образом, после всего дерьма, которое он терпел, с него наконец-то хватит.

— Я не могу.

О, черт, с него хватит.

— Почему?

— Мне нечего напевать тебе. Я... не написал ничего нового с тех пор, как...

— С тех пор?..

Тео откашливается, целует меня в висок, а затем прижимается щекой к моему лбу. Некоторое время парень не отвечает на вопрос. У меня такое впечатление, что он возвращается к воспоминаниям, которые не особенно приятны.

— Я не написал ничего нового с тех пор, как написал ту пьесу, которую сыграл в актовом зале, — наконец признается он. — Это был реквием. Твой реквием.

Мое сердце немного замирает, нервы берут верх.

— А что такое реквием?

Парень размеренно выдыхает. Рассеянно скользит рукой по моей рубашке сзади и начинает рисовать круги на моем боку. Действие знакомое и собственническое. Это заставляет меня чувствовать себя немного менее обеспокоенной тем, что он собирается сказать дальше.

— Это музыкальное произведение, написанное для мессы по усопшим. Для... похорон, — шепчет он. — Когда ты впала в кому после последней серьезной операции, они сказали, что ты не сможешь очнуться. Ни в коем случае. Я проводил много времени в часовне при больнице, хотя не верю ни во что из этого дерьма. Было тихо. Мирно. Единственное место, где я мог слышать свои мысли. Там почти каждый день был один священник. Отец Симмонс. Я привозил виолончель с собой в больницу. Надеялся, что этот звук разбудит тебя, так что он уже знал, что я играю. Священник сказал, что было бы здорово написать для тебя музыкальное произведение, как... как способ попрощаться, — неловко говорит Тео. — У меня не было планов попрощаться, но я все равно написал эту пьесу. Это спасло меня. Занимало меня, пока я сидел там с тобой в той комнате, ожидая, когда ты проснешься. Как только закончил, я проигрывал ее для тебя снова и снова. И однажды, когда я играл... твоя рука дернулась.

Я закрываю глаза от мысленной картины, которую он рисует, ненавидя каждую секунду этого. Боль в его голосе невыносима. Реальна. Парень сидел у моей постели в той больнице каждый день в течение нескольких недель, когда ему говорили, что я умру. Я даже представить себе не могу...

— После этого ты, казалось, реагировала всякий раз, когда я играл это конкретное

музыкальное произведение, — бормочет он мне в волосы. — Так что я продолжал, черт возьми, играть без остановки. Примерно через неделю, несмотря на все прогнозы, ты проснулась.

Тео остался. Для меня. Здесь, в «Туссене», даже после того как окончил школу. Остался со мной в больнице. Он не терял надежды, что я вернусь к нему, несмотря ни на что. Написал для меня музыкальное произведение, которое должно было помочь ему отпустить меня, а вместо этого вернуло меня к жизни. Я знала эту музыку еще до того, как приехала сюда с Гейнор. Я знаю ее уже много месяцев. Это была постоянная мелодия, звучащая в глубине моего сознания, преследующая и успокаивающая меня с тех пор, как я себя помню. Тео написал мне песню моей души.

— Я могу напеть тебе что-нибудь еще, если хочешь? — предлагает Тео. — Что-нибудь, что не я написал.

— Не смей, — шепчу я. — Я хочу свой реквием. Не хочу слышать ничего другого.

— Не думаешь, что это слишком мрачно?

Я качаю головой.

— Я думаю, что это красиво.

Некоторое время парень молчит, размышляя.

— Я снова сыграл его для тебя. В тот вечер в актовом зале. Я подумал, что возможно... это вернет тебя во второй раз. В каком-то смысле разбудит тебя снова. Когда ты выбежала оттуда, я надеялся...

Что я вспомнила. Что музыка наконец-то привела меня в чувство. Этот мальчик полон решимости заставить меня плакать. Я ничего не смогу с собой поделать, если он будет продолжать в том же духе.

— Я знала, что эта музыка что-то значит для меня, — говорю я. — Чувствовала, что... она важна. И смотреть, как ты играешь там, на сцене... ты был таким невероятным. Я чувствовала, что схожу с ума. У меня было такое сильное, необъяснимое чувство, что... — я качаю головой. — Все это не имело никакого смысла.

— У тебя... все еще есть те чувства? — шепчет Тео.

— Да, — признаю я, шепча в ответ.

Парень снова целует меня в висок, прижимаясь губами к моей коже на долгую секунду. Я могу сказать, что он испытывает облегчение.

— Теперь они имеют для тебя больше смысла? — спрашивает он.

Я замираю, обдумывая этот вопрос.

— В данный момент мало что имеет смысл. Но что я чувствую к тебе? Я знаю, что это кажется... *правильным*.

Тео мягко смеется.

— Что?

— Значит ли это, что мне больше не нужно спать с одним открытым глазом? Нет ничего более странного, чем ждать, когда твоя страдающая амнезией подружка ворвется и перережет тебе горло посреди ночи, потому что она не может вспомнить, что влюблена в тебя, и думает, что ты убил ее воображаемую лучшую подругу.

— Нет, теперь эти чувства прошли. Я больше не ненавижу тебя.

— Какое облегчение, — фыркает Тео, но то, как он крепче прижимает меня к себе, держась за меня так, словно боится, что я ускользну из его рук, дает мне понять, что все это не было для него шуткой. Это было тяжело. Чертовски жестоко.

Чувство вины, которое наваливается на меня, запросто может съесть меня заживо.

— Извини, — говорит он. — Иногда легче посмеяться над дерьмовой ситуацией, понимаешь?

Я не могу держать на него зла. Я не помню той травмы, через которую мы оба прошли. Тео прожил и сохранил каждую секунду этого. Ему пришлось иметь дело со мной, когда я была Кэтрин, и одно это звучит как кошмарный сон.

— Все в порядке. Я понимаю. И... мне жаль, — говорю я. — Я никогда не смогу загладить свою вину перед тобой. Даже не знаю, с чего начать...

— Не надо, — он сжимает меня. — Ты мне ничего не должна. Давай сменим тему. Ты задала мне вопрос за обедом.

— Насчет девственности? — Это даже больше не кажется важным.

— Ага.

— Все в порядке. Мы не обязаны...

— Это было до несчастного случая. Ты была собой. Я был твоим первым.

— А я твоей? — Он тихий. Слишком тихий. Я отталкиваюсь от него, смеясь, немного шокированная. Глядя на него снизу вверх, я игриво хлопаю его по груди. — Ты был развязным мужчиной-шлюхой до того, как я вернулась из Нью-Йорка? Я в шоке!

— Нет! Черт! Нет! — Однако парень не может сдержать ухмылку на своем лице. Он застенчив. Я вижу это в его глазах, и это самая очаровательная вещь, которую я когда-либо видела. — Я переспал с одним человеком до тебя. Один раз. Она была... — он съезживается, — ...шведской студенткой по обмену.

Из моей груди вырывается взрыв смеха.

— Ты лжешь!

— Нет. — В уголках его глаз появляются морщинки.

— Ты, блять, точно врешь!

— Клянусь богом, это не так. Я рассказывал тебе о ней по электронной почте, когда ты жила со своим дядей. Есть идеи, как ее звали? — подсказывает он. Тео начал это делать — задавать мне случайные вопросы о мелочах, чтобы посмотреть, вспомню ли я.

— Уххх... — я ломаю голову. У меня нет конкретных воспоминаний о письме, которое он мне отправил, поэтому я предполагаю вместо этого. — Хельга?

Тео немного приходит в себя.

— Анника. Она была на два года старше меня. И у нее было так много лобковых волос.

— Фу! О, боже. Остановись. Не хочу этого знать.

— Это был ужасный опыт. Для меня ничего не значило, — говорит он, становясь теперь очень серьезным. — Я был слишком молод, чтобы понимать, что делаю. Когда мы с тобой впервые переспали? Мы ждали целую вечность. И я имею в виду... — он приподнимает брови, корча гримасу. — *Вечность*, — подчеркивает он. — Мы дразнили друг друга. Заставляли друг друга кончать при каждом удобном случае. Но сам акт секса? Мы оба хотели, чтобы это что-то значило. И это произошло. Мы были в Нью-Йорке, навещали твоего дядю перед его смертью. А еще это был мой день рождения. Мы пошли на ужин в потрясающий суши-ресторан.

Я помню. Не о поездке, о которой он рассказывает, а о том времени, когда Тео стоял в дверях моей спальни, несколько недель назад. Он задал мне вопрос, в то время как я угрожала запустить снежным шаром в его голову.

— Ты когда-нибудь была в Нью-Йорке?

— Что?

— Это простой вопрос. Ты когда-нибудь была в Нью-Йорке?

— Зачем мне снежный шар Нью-Йорка, если бы не была?

Уголки его губ опускаются вниз.

— Ну, не знаю. Люди коллекционируют такие вещи. Или дарят их в качестве подарков.

Где твое любимое место в мире?

Я не смогла ответить ему тогда и до сих пор не могу. Глубокое чувство потери захлестывает меня, вызывая боль в груди.

— Ты купил мне тот снежный шар. Тот, что в моей комнате, — говорю я.

Тео, собирающийся продолжить свой рассказ, резко останавливается. Его плечи немного поникли.

— Ты сказала, что он напоминает тебе о Рождестве и о том, как ты смотрела в окно и мечтала о том, как приедешь ко мне на каникулы...

— Стой!

Тео замирает, сразу же встревоженный.

— Что? Это твоя голова? Тебе больно?

— Нет, нет, я в порядке. Я просто... — Не знаю, как это объяснить, но должна попытаться. — Я передумала. Я не хочу, чтобы ты мне это рассказывал. Я хочу иметь возможность вспомнить. Звучит так, будто это было... нечто особенное...

Глаза Тео ярко сияют. Его щеки немного покраснели.

— Это было больше, чем нечто особенное. Это было все.

— Решено. Не хочу слышать об этом из вторых рук. Я хочу вернуться туда и пережить все заново для себя. Эти воспоминания все еще здесь, я уверена в этом, — я постукиваю себя по голове. — И я собираюсь вернуть их обратно. Буду работать изо всех сил, пока не вспомню каждую секунду нашей совместной жизни до аварии.

Осторожно протягиваю руку и делаю то, что мне до смерти хотелось сделать в течение нескольких недель; кончиком пальца я слегка провожу линию между веснушками, образующими треугольник под глазом Тео. Парень тихо смеется, закрывая глаза. Парень выглядит таким умиротворенным. Я почти ожидаю, что он начнет мурлыкать, как котенок.

— Я делала так раньше? — шепчу я.

Тео очень медленно кивает.

— Да.

Открыв глаза, парень осторожно протягивает руку и проводит пальцами по моей скуле, вниз по щеке, осторожно, как будто я могу сломаться. Я бы поставила на это деньги — Тео действительно думает, что я сломаюсь. Как это, должно быть, ужасно — затаив дыхание, ждать, когда человек, которого ты любишь, расколется на части и больше не будет самим собой. Наблюдать, как он становится кем-то другим, снова, снова и снова.

— Я серьезно, — говорю я ему. — Я собираюсь разобраться в этом. Собираюсь вернуть свои воспоминания. У нас есть время. И я никуда не собираюсь уходить.

Тео улыбается улыбкой, которая говорит, что он знает лучше.

— Обещаешь?

Это обещание, которое я не могу дать. Не должна. Нет никаких гарантий. Но я все равно ловлю себя на том, что делаю это.

— Я обещаю.

Он нежно касается своими губами моих, и весь мир замолкает.

— Я решил, — шепчет он мне в губы, — что в любом случае это не имеет значения. Я долго и упорно думал об этом последние пару недель. Если к тебе вернутся воспоминания, это будет потрясающе. Если нет... — Тео делает паузу, украдкой оставляя еще один легкий поцелуй. — Все будет хорошо. Недавно я обнаружил, что могу быть бесконечно терпеливым, когда возникает такая необходимость. Если мне придется ждать, пока ты снова в меня влюбишься, то я не против. Я могу это сделать. Я буду лелеять прошлое, которое мы разделили за нас обоих, а вместо этого мы можем смотреть в будущее. Потому что впереди у нас множество открытий, которые мы с нетерпением ждем, малышка.

Мое сердце разрывается, когда я слышу, как он так говорит. Наша история звучит красиво. Должно быть, так оно и было, раз такой парень, как Тео, прошел сквозь огонь, чтобы попытаться спасти меня. Мне ненавистна мысль о том, чтобы отказаться от чего-то, что, должно быть, тоже было невероятно важно для меня. Но мне нравится мысль о том, что мы вместе создаем новые воспоминания. Те, которые будут моими и не будут принадлежать другой версии меня.

— О, да? — я улыбаюсь ему, накручивая локон его волос на пальцы. — И что это могут быть за открытия?

— Что ж. — Его улыбка лукаво намекает; я таю при виде нее. — Мы никогда раньше не были здесь вместе.

Я осматриваю его спальню.

— Серьезно?

— Я не жил здесь раньше. Поселился в академии только в этом году. Я хотел быть ближе к тебе. Так что да. Если бы я раздел тебя догола и выебал до чертиков в этой комнате, это был бы совершенно новый опыт для нас обоих.

Я хочу Тео.

Нуждаюсь в нем.

Меня тянет к нему так отчаянно, что я едва могу дышать, когда нахожусь рядом с ним. Он уже был внутри меня, и это был самый яркий момент всей моей гребаной жизни. Слышать, как он говорит, что трахнет меня, не должно вызывать румянец на моих щеках, но это так. Я опускаю голову. Тео цокает, смещаясь так, чтобы снова оказаться в поле моего зрения.

— Ты не можешь спрятаться от меня. Я думал, ты уже поняла это, — говорит он.

Парень левой рукой тянется под мою футболку. Сначала скользит пальцами по моему животу, но быстро движется вверх, от легкого прикосновения у меня по коже бегут мурашки, когда направляется вниз. Через несколько секунд Тео прокладывает дорожку вверх, к выпуклостям моей груди; шипит, когда понимает, что на мне нет лифчика. Я шиплю, когда парень находит мой сосок и начинает рисовать ленивые круги вокруг него, заставляя его сжаться и напрячься. Волчий голод охватывает меня, когда он щелкает по нему, заставляя меня извиваться у него на коленях.

— Это был ад, спать наверху, зная, что ты там. Так близко. Я заставлял себя кончать каждую ночь, представляя все то развратное дерьмо, которое мог бы сделать с тобой.

— Черт. Тео...

— Ты хочешь меня? Тебе нужно только слово сказать, — грохочет он.

— Да. Боже, да! Прошло почти две недели с тех пор, как... с тех пор, как мы виделись в последний раз. — Господи помилуй, почему так трудно сказать ему это? — Я подумала, что, возможно, я не была... такой же или... что-то в этом роде. Что раньше я была лучше.

Подумала, что ты не хочешь меня, потому что я так непохожа...

Губы Тео сталкиваются с моими. Воздух в моих легких тяжел, как свинец; его из меня не вытолкнешь. Никакого втягивания свежего воздуха. Мои мышцы напряжены, застыли и не реагируют. Я, блять, не могу пошевелиться. Кровь шумит в ушах, когда Тео обхватывает мое лицо, удерживая неподвижно, когда раздвигает мои губы и скользит языком по моим зубам.

У него вкус мяты, сахара и холодного горного воздуха. Электричество оживает в моих венах, потрескивая, брызгая, покусывая мои нервные окончания, пробуждая меня к жизни. Секунду спустя я вцепляюсь в парня, запускаю пальцы в его волосы, целую его в ответ, отчаянно желая быть ближе к нему, чувствовать каждую его частичку, прижатаю к моему телу, чувствовать его руки на моей коже, под моей рубашкой, его ладони на моей обнаженной груди, его пальцы, впивающиеся в мою кожу.

Блять.

Блять.

БЛЯТЬ!

Если не успокоюсь, то у меня начнется гипервентиляция. Тео немного отстраняется, ухмыляясь. Он смеется у моих губ, покусывая и облизывая их, дразня меня, все еще держа мое лицо в ладонях.

— Я хотел дать тебе немного времени. Хотел убедиться, что ты хочешь меня. Похоже, мы оба ждали, что другой даст зеленый свет.

— Зеленый свет. О, боже, всегда зеленый. Пожалуйста, прикоснись ко мне, черт возьми. Я схожу с ума.

Парень срывает с меня одежду. Сначала я остаюсь топлесс. Вскоре после этого исчезают мои штаны. Я цепляюсь за его рубашку, срывая ее через голову. Мои руки дрожат, когда я расстегиваю его ремень, но Тео не торопит меня. Он встает на колени на кровати, руки по бокам, наблюдает за мной, его взгляд прожигает мою плоть. Мне, наконец, удается расстегнуть проклятый ремень, затем его штаны. Я стягиваю их вниз по ногам, затаив дыхание против своей воли, когда его член высвобождается, и я понимаю, что на парне не было нижнего белья.

Его член идеален. Длина. Обхват. Выглядит достаточно хорошо, чтобы его можно было съесть. Такой чертовски жесткий и стоит по стойке смирно. Серебристый шрам тянется от головки его члена вниз, длиной в сантиметр, и я уже каким-то образом знаю, что это с тех пор, как ему было семь лет, когда ему сделали экстренное обрезание, после того как Тео упал с велосипеда. Его яйца туго подтянуты под стволом, тяжелые и набухшие. Я так сильно хочу прикоснуться к нему, но когда протягиваю руку, парень хватает меня за запястье и качает головой.

— Пока нет. Ты не можешь прикасаться ко мне, пока я сначала не насыщусь тобой.

Я почти хнычу, как избалованный маленький ребенок, который не может добиться своего. Я хочу почувствовать его тяжесть в своей ладони. Хочу почувствовать гладкую, шелковистую текстуру его кожи, когда проведу рукой вверх и вниз по его длине. Совершенно несправедливо, что он не позволяет мне получить то, что я хочу.

Тео поднимает мою руку и кладет ее себе на грудь. Затем берет другую и тоже кладет ее туда, так что мои ладони упираются в его грудные мышцы. Его кожа, его тепло, его мышцы... Черт! Я практически мурлыкаю, как уличная кошка во время течки, когда начинаю исследовать изгибы и линии его торса. Мои ладони горят. Я впиваюсь в него ногтями по обе стороны от палящего солнца, нанесенного чернилами на его тело. Тео

изысканно красив. Прекрасен, точно так же, как прекрасны пантеры, акулы и другие острозубые хищники. И источает опасность. Он мог бы уничтожить меня, если бы захотел. Мог бы вырвать мое сердце и стереть его в порошок. Мог оттолкнуть меня от себя, сбросить с обрыва, так что бы я кувыркалась, кружилась и никогда не прекращала падать.

Без тени сомнения, этот парень мог поставить меня на колени и держать там бесконечно, используя меня для любого извращенного удовольствия, которое считал нужным, и я бы никогда не жаловалась. Я принимала бы каждое новое отклонение с радостью, без жалоб, а затем умоляла о большем.

— Как далеко ты хочешь зайти в этом? — спрашивает Тео, проводя большим пальцем по краю моей челюсти. — Хочешь, чтобы я был нежным или грубым?

— Насколько г-грубым? — заикаюсь я.

— Это тебе предстоит выяснить. Можешь выбрать самый простой вариант. Отступить. Или можешь быть храброй. Это зависит от тебя.

Срань господня. У него хриплый бархатный голос. Его слова словно ласкают мою кожу, мягкие, как шелк, превращая меня в жидкий огонь. Мой желудок переворачивается, между ног нарастает потребность. Моя киска сжимается, предвкушая его прикосновения, его жесткую твердость, толкающуюся во мне, и волна желания захватывает мое дыхание.

— Буду храброй. Последую твоему примеру, — торопливо произношу эти слова, прежде чем передумать. — Пожалуйста!

Тео быстро швыряет меня на кровать, одной сильной рукой прижимая мои руки к голове. Коленом раздвигает мои ноги, устраиваясь между ними, а затем падает на меня. Его рот находит мой сосок, и мир воспламеняется.

— Черт! А-а-а! Срань господня, Тео!

Сначала он ласкает меня языком, обводя кончиком вокруг затвердевшего бутона, смачивая мою ареолу, облизывая и лаская набухшую плоть. Я наблюдаю, сердце выпрыгивает у меня из груди, загипнотизированная его видом. Мой пульс колотится между ног. Каждый раз, когда парень проводит по мне кончиком языка, еще одна частичка моего здравомыслия откалывается.

— Черт. Ах, черт. Боже мой, я так чертовски сильно хочу тебя!

Парень смотрит на меня, все еще склонившись над моим телом, и когда наши глаза встречаются над моей грудью, я чуть не кричу, черт возьми.

Он такой горячий. Ореол темных волос. Чернила расплзлись по его шее. Абсолютное совершенство его тела, гибкие мышцы, перекачивающиеся под гладкой кожей. Нет слов, чтобы описать силу моей потребности в нем. Мы пойманы в ловушку этим зрительным контактом, заперты вместе, наше желание изливается из нас, питая друг друга.

— Прикоснешься ко мне, когда я скажу, малышка. Ни секундой раньше. А теперь лежи спокойно и позволь мне доставить тебе удовольствие.

Я чувствую себя более чем хорошо. Чертовски отчаявшейся.

Тео снова берет мой сосок в рот, посасывая его, и мои глаза снова закатываются. Я стону, выгибаясь на кровати, пытаюсь прильнуть к идеальному теплу его рта и острому всплеску боли, который проносится от обоих моих сосков прямо к клитору, когда парень задевает плоть зубами.

— Тебе это нравится, — рычит Тео. — Хорошая девочка. Тебе нравится немного боли.

Нравится. Очень нравится.

— А-а-а!

Тео кусает сильнее, и я стискиваю зубы, борясь с прекрасной агонией. Задыхаюсь, когда он хватает мою грудь свободной рукой, впиваясь пальцами в мою кожу, удерживая меня на месте, пока сосет, покусывает и щелкает по мне языком. Как раз в тот момент, когда я готова закричать, парень переключается на другую грудь, на другой сосок и повторяет свои манипуляции. Острые и достаточно твердые, чтобы резать стекло, мои соски настолько чувствительны, что каждый раз, когда он трогает их, я выхожу из-под контроля.

— М-м-м, — мурлычет Тео у моей кожи, посылая восхитительные вибрации удовольствия, пробегающие по моему телу; они собираются на вершине моих бедер, сводя меня с ума.

— Я мог бы заниматься этим весь чертов день, — рычит Тео. — У тебя самые потрясающие сиськи. Твои соски — само совершенство. Я бы запер нас в этой комнате и просто сосал их до конца своих дней, если бы думал, что это сойдет мне с рук.

Это было бы самым божественным видом пытки.

Я снова выгибаюсь дугой, отрываясь от кровати, мой позвоночник изгибается над матрасом. Я хочу, чтобы парень снова укусил меня. Умираю от желания почувствовать, как эта дрожь боли пронзает мою кисть. Тео цокает, делая мне выговор.

— Я же сказал тебе лежать спокойно.

— Я... я пытаюсь, — выдыхаю я.

— Нельзя иметь все, что хочешь и когда хочешь, — он отпускает мои руки. — Сейчас я отвечаю за твое удовольствие. Я могу дать его. Могу и отнять.

Тео отпускает мою грудь и проводит кончиками пальцев вниз, по впадинке моего живота, оставляя за собой огненный след. Я стону, когда он опускает их еще ниже, мышцы на моих ногах напрягаются, когда парень начинает поглаживать внутреннюю сторону моих ног. Так, так чертовски близко. Он так близок к тому, чтобы коснуться моей кисти, но затем в самый последний момент меняет курс, заставляя меня вибрировать от нервной энергии.

Мне нужно, чтобы он прикоснулся ко мне. Его медленный, легкий, как перышко, контакт сведет меня с ума. Приподнимаю бедра над кроватью, но Тео качает головой, рукой удерживая меня на месте.

— Грубо, Восс. Очень, очень грубо. Подожди.

Боже, он пытается убить меня. Точно убьет меня, если не даст то, что мне нужно, и как можно скорее.

— Тео!

Злой сукин сын жестоко ухмыляется мне, его темные глаза сверкают доминированием.

— Твои сиськи — мои. Твоя кисть — моя. Твоя задница — моя. Твои оргазмы тоже принадлежат мне. Я буду прикасаться к тебе, когда и как мне заблагорассудится. Я позволю тебе кончить, когда скажу, что ты готова. Да?

Тео накрывает ладонью мою кисть, сильно надавливая, и хотя не прикасается к моему клитору и не трахает меня напрямую, то, как парень это делает, заставляет меня увидеть звезды. Это разжигает ноющую боль, нарастающую там, усиливая требования, предъявляемые моим телом. Когда Тео убирает руку, проводя указательным пальцем по моему центру, я, черт возьми, чуть не разваливаюсь на части.

Тео неодобрительно хмыкает.

— Да, Восс? Мне нужно, чтобы ты это сказала.

— Да! ДА!

— Хорошо, — Тео снова проводит пальцем по мне, но на этот раз раздвигает

складочки, потирая, быстро находя мой клитор. Стонет, и мои веки закрываются. — Черт, — шепчет он. — Так горячо. Такая чертовски мокрая. Такая чертовски сексуальная. Ты понятия не имеешь, что делаешь со мной.

Я знаю, что он делает со мной, и на данный момент это граничит с жестокостью. Если бы я думала, что повторное попрошайничество поможет, я бы сделала это. Я бы сказала ему что угодно прямо сейчас, если бы только он вошел в меня и ответил на этот лихорадочный зов в моей крови.

— Я буду есть твою киску, пока ты не закричишь, — обещает Тео. — А потом собираюсь трахнуть этот хорошенький маленький ротик своим членом. А затем... — Он исследует мою киску, скользя пальцем внутрь, едва входя в меня, ровно настолько, чтобы я в предвкушении втянула воздух. — Затем я собираюсь трахнуть тебя здесь. И здесь. — Скользит пальцем вниз, пробегая по моему скользкому теплу, пока не достигает моей задницы.

Я открываю глаза.

Тео смотрит на меня сверху вниз, с напряженным выражением лица. Его глаза встречаются с моими, пока он дразнит пальцем мой анус, нежно потирая, очевидно, ожидая моей реакции.

Мы делали это раньше? Или это еще одно из тех новых открытий для нас, о которых только что говорил Тео?

Блять.

Я прикусываю нижнюю губу, когда парень осторожно вводит палец немного глубже, и ударная волна жара прокатывается по мне от ступней до макушки.

— Чувствуешь себя хорошо? — грубо спрашивает Тео.

И к собственному удивлению я киваю.

— Я собираюсь сделать так, чтобы тебе было действительно хорошо, малышка. Не волнуйся.

Он падает между моих ног, и я вскрикиваю, сдавленный животный звук вырывается из меня, когда Тео начинает ласкать мой клитор языком.

Святой...

Черт!

Его рот такой чертовски горячий. Ощущение того, как парень ласкает и облизывает мою плоть, почти доводит меня до крайности за две короткие секунды, но затем парень немного отступает, давление, которое он оказывал, уменьшается, когда Тео дразнит меня самым кончиком своего языка.

Поскольку он больше не сдерживает меня, я запускаю пальцы в его волосы, баюкая его голову, охваченная желанием прижать его к себе, заставить его оказать на меня такое же давление, какое он только что отнял у меня. Но почему-то воздерживаюсь. Скользя пальцами внутри меня, Тео вводит и выводит их из меня, порочно медленно, пока все мое тело не начинает дрожать. Стена удовольствия разрастается в глубине моего живота, в груди, между ног — не могу сказать, где она растет; я чувствую ее повсюду, всю сразу, пожирающую меня заживо, поглощающую меня от сердцевины до конечностей. Рев в моих ушах становится оглушительным, но мне удается сохранять спокойствие.

Я дрожу всем телом. Не могу остановиться. Тео стонет в мою киску, посасывая мой клитор, и... и...

— О, черт. О, черт, сейчас кончу!

Тео быстро поднимает мои ноги, подтягивая колени к груди, и дергает мои бедра, поворачивая меня так, чтобы я была еще более открытой, и каждая часть меня была доступна ему. Опускает свое лицо к моей киске, поглощая меня, трахая меня пальцами быстрее, чем раньше. Свободной рукой он снова дразнит мою задницу, растирая мою влагу, а затем...

О, мой Бог.

Его палец и там внутри меня.

Я напрягаюсь, ошеломленная этим ощущением, кислород застыл в моих легких. Я бы закричала, если бы могла, но я не могу. Он лижет и сосет мой клитор, работая пальцами внутри меня. Нарастающее удовольствие превращается в бушующий пожар, кусающий мои нервные окончания.

Я...

Звезды.

Комната — это взрыв звезд.

Креплендо экстаза взрывается по моему телу. Я цепляюсь за его голову, дико раскачивая бедрами ему навстречу, бесстыдно потираясь своей киской о его рот.

Теперь я кричу.

— ТЕО! БОЖЕ! О... БОЖЕ... МОЙ!

Я никогда не испытывал такого раньше. Я не могу видеть, слышать, думать, дышать. Все, что могу делать, это прижиматься к его рту, когда кончаю.

Проходит целая вечность, прежде чем я возвращаюсь в свое тело, вялое и томное, с расплавленными внутренностями.

Когда Тео откидывается назад, осторожно вытаскивая из меня свои пальцы, выражение удовлетворения на его лице настолько восхитительно, что я чуть не плачу.

Его рот влажный, губы блестят, грудь вздымается.

— Я, блять, почувствовал это, — рычит он. — Ты чертовски идеальна.

Воздух, который не поступал ко мне, пока была охвачена оргазмом, наполняет меня, вызывая головокружение. Я едва успеваю перевести дыхание, когда Тео взбирается по моему телу и становится на колени у моей головы.

— Открой, — приказывает он.

Парень такой чертовски сексуальный, когда возвышается надо мной, его щеки горят румянцем. Он — олицетворение бури, коварной и смертоносной. У меня нет другого выбора, кроме как повиноваться ему.

Я открываю рот.

— Высунь язык.

Тяжело дыша через нос, я высовываю язык.

Тео закрывает глаза, когда берет свой член в руку и медленно проводит кончиком по плоской поверхности моего языка. У него чистый вкус мыла и чего-то еще, мускусного и слегка сладковатого. Одними губами беззвучно произносит: «блять», двигая бедрами вперед, проскальзывая в мой рот. Он такой жесткий. Такой большой. Я едва могу дышать.

Я хотела этого. Ночью в постели, запутавшись в простынях, расстроенная и одинокая, вот о чем я мечтала. Тео погружается глубже, проталкиваясь дальше в мое горло, и мои глаза начинают слезиться. Он прикусывает нижнюю губу зубами, когда выходит из моего рта, а затем снова входит, задавая темп, который мне почти по силам, когда выполняет свое обещание и трахает мой рот.

— Господи Иисусе, Восс. Твой рот. Твой гребаный рот. — Мышцы на плечах, руках и

грудь Тео напрягаются, сжимаясь, когда парень смотрит на то, как я сосу.

Его эрекция становится еще больше, когда он направляет себя в мой рот, держась за основание своего члена. Я провожу руками по его ногам, хватая за бедра, изо всех сил стараясь провести языком по всей длине, но все, что я могу делать, это продолжать регулировать свои вдохи, когда он ускоряет темп.

— Черт. Святое дерьмо, ты заставишь меня кончить, вот так отсасывая, — говорит Тео грубым голосом.

Протягиваю руку между его ног, обхватывая его яйца, и Тео падает вперед, упираясь в стену, продолжая раскачиваться у моих губ.

— Да. Черт возьми, да. Именно так. Хорошая девочка.

Его яйца сжимаются в моей руке, и у меня такое чувство, что если парень продолжит в том же духе, то скоро кончит. Слезы текут из уголков моих глаз, по вискам и в волосы. Выражение лица Тео, с открытым ртом и свирепым, как ад, взглядом, заставляет еще одну волну жара сотрясать мое сердце. Ему это чертовски нравится, и это мои губы заставляют парня чувствовать себя так. Меня охватывает странное чувство гордости. Я откидываю голову назад, позволяя ему глубже проникать мне в горло, жертвуя своим дыханием, и ноги Тео начинают дрожать.

— Черт. О боже, Соррелл. Это ощущается... это чертовски невероятно. Ты так хорошо сосешь мой член. Такая хорошая... блять... девочка!

Еще три секунды, и все его тело сотрясается.

— Черт, остановись. Стой, стой стой!

Парень дергается назад, отстраняясь от меня, его член высвобождается из моего рта с влажным хлопающим звуком. Тео опускается на пятки, его грудь тяжело вздымается.

— Я не могу, — выдыхает он. — Это слишком хорошо. Хочу кончить внутри тебя.

Я почти теряю сознание, когда Тео толкается в меня. Ощущение его, такого чертовски твердого, пульсирующего, слишком чертовски приятно.

— Тео! Господи! Пожалуйста! — Это все, что я могу выдать из себя, прежде чем он начнет вколачиваться в меня с невероятной скоростью.

Думаю, что изначально парень планировал сдерживаться, тянуть время, но не может. Я вижу это в его глазах. Наклонившись вперед, он обхватывает рукой мое горло, снова перекрывая мне кислород.

— Ты моя, — шипит он. — Моя.

— Да!

Он вонзается в меня снова, и снова, и снова.

— Ты кончишь со мной, Соррелл. Кончай на мой член. Сейчас же!

Я сжимаюсь, борясь с нарастающим ощущением блаженства, бегущего по моим венам. Тео собирается столкнуть меня с края пропасти. Он... боже мой, боже мой, боже мой, боже мой!

— Вот так. Кончай. Хорошая девочка. Кончай, блять!

Мой разум становится пустым.

Пронзительный звон наполняет мои уши.

Я отрываюсь от кровати, моя спина выгибается до болезненной степени. Тео держит меня за бедра, освободив мое горло, так сильно и так быстро врывается в меня, кончая вместе со мной.

— Тео!

Он рычит при своем освобождении, запрокинув голову, вены на его шее гордо вздулись, и сам вид того, как парень теряет себя, заставляет меня чувствовать, что я снова левитирую из своего тела. Тео чертовски великолепен. Он... он гребаный бог.

В конце концов, он опускает голову, тело расслабляется. Его пальцы все еще впиваются в мою кожу на бедрах, собственнически и неумолимо. Его глаза находят мои, и меня захлестывает поток эмоций, таких чуждых и незнакомых, что кажется, будто они вот-вот задушат меня. Необъяснимо, но в моем горле образуется комок. Мои глаза горят, перед глазами все плывет.

Что, черт возьми, это было? Как, черт возьми, ему удалось заставить меня кончить так сильно? Дважды? И... и что, черт возьми, я сейчас чувствую? Вихрь эмоций обволакивает мои кости, скручивая внутренности в узлы. Я ошеломлена, настолько поставлена на колени, сбита с толку абсолютной силой того, что происходит между нами, что ни на секунду не могу понять, как, черт возьми, я собираюсь справиться с огромной значимостью нас.

Тео наклоняется вперед, ложась на кровать рядом со мной, одновременно поворачивая меня так, чтобы он мог оставаться внутри меня. Обхватывает мое лицо ладонями, поглаживая пальцами мои щеки. Тепло его кожи на моей успокаивает меня. Его запах, полный дикой мяты и зимнего дождя, умиротворяет меня. Это так хорошо — вот так запутаться в нем, наши тела соединены, наши сердца бьются в унисон в груди.

— Соррелл, — шепчет он. — Что я сделал? Почему ты плачешь?

Если отвечу ему, то, возможно, в конечном итоге скажу ему правду, а я не могу. Я не могу сказать Тео Мерчанту, что ему не нужно быть терпеливым. Не нужно ждать, пока я снова в него влюблюсь. Я уже влюблена в него. Не понимаю, откуда взялось это чувство, это знание, но это такая огромная сила, что от нее невозможно отказаться. Эта огромная любовь, которую я испытываю к нему в этот момент, всегда была внутри меня, дремала, выжидая своего часа, ожидая, чтобы подняться на поверхность, и теперь, когда она здесь, она слишком велика, чтобы я могла ее сдержать, и я переполнена ею.

Чувствую себя такой чертовски глупой, но я ничтожна перед лицом этого. Я плачу у его груди, сильные рыдания сотрясают мое тело.

— Ничего. Ты ничего не сделал, — выдыхаю я.

— Ш-ш-ш. Все в порядке. Все хорошо. Я держу тебя. Просто дыши, — Тео обнимает меня, проводит руками по моим волосам, успокаивая меня.

Слова горят у меня на языке, умоляя освободить их, но я не могу.

Просто не могу.

ТЕО

Я чертовски нервничаю.

Смотрю на объявление, прикрепленное к доске, и мое дыхание прерывается. Это может быть либо хорошо, либо очень, очень плохо, и мои эмоции были разбросаны, пропущены через пресс и измельчены так много проклятых раз на данный момент, что не могу понять, в какую сторону я склоняюсь. Раньше я мог доверять своей интуиции, когда дело касалось такого рода вещей, но это было раньше. До того, как версия Соррелл, которая называла себя Кэтрин, чуть не отправила меня в гребаную могилу.

Провожу рукой по волосам, покусывая внутреннюю сторону щеки.

**«ОГРАНИЧЕНИЯ НА ВЫПУСКНОЙ КЛАСС СНЯТЫ. ВЕЧЕРНИЕ ОТЛУЧК
ТЕЧЕНИЕ НЕДЕЛИ В САМНЕР РАЗРЕШЕНЫ, ПРИ УСЛОВИИ СТРОГС
СОБЛЮДЕНИЯ КОМЕНДАНТСКОГО ЧАСА В 9 ВЕЧЕРА.**

**ПРИЕМ СОТОВОЙ СВЯЗИ / ДОСТУП В ИНТЕРНЕТ ТЕПЕРЬ ВОССТАНОВ
ПО ВСЕЙ АКАДЕМИИ.**

**ВНИМАНИЕ: ЛЮБОЕ НАРУШЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ ИЛИ НЕСОБЛЮДЕ
ПРАВИЛ ПРИВЕДЕТ К НЕМЕДЛЕННОМУ ПРИОСТАНОВЛЕНИЮ И ПЕРЕСМО
РАЗРЕШЕНИЯ СОВЕТОМ.**

НЕ ВЗДУМАЙТЕ ПОРТИТЬ ВСЕ НА ЭТОТ РАЗ».

— Полагаю, теперь, когда Соррелл знает правду, Форд и остальным на самом деле не нужно закрывать нас здесь, — размышляет моя сестра, стоя рядом со мной. Всегда бесшумная, она незаметно подкралась ко мне.

До сих пор мне было наплевать на то, что я здесь, в том же году, что и она. Пришлось иметь дело с другими, более важными проблемами. Но теперь, когда Соррелл действительно знает правду, присутствие младшей сестры начало немного раздражать. Я люблю ее, конечно, но мог бы обойтись и без того, чтобы делить с ней группу друзей.

— Не смей никому говорить, что Соррелл была причиной, по которой Форд нашла способ запереть нас здесь, — ворчу я. — Достаточно плохо, что Себ, Эш и Бет знают. Если кто-нибудь из остальных узнает, они выместят это на Соррелл, и...

Лани резко толкает меня локтем в ребра.

— Я что, похожа на идиотку?

Я оглядываю ее с ног до головы краем глаза, ухмыляясь розовым гольфам, которые на ней надеты.

— Это вопрос точки зрения.

Она высовывает язык.

— Засранец. Все, что я хочу сказать, это то, что теперь, когда Соррелл знает большую часть правды...

— Что значит «большую часть правды»?

Лани приподнимает левую бровь.

— Ты точно знаешь, о чем я говорю. Теперь, когда она вооружена большей частью

правды, мы можем вернуться к нашей обычной жизни. Это значит, что ты можешь отвезти ее в город, в «Пэтти», в «Джамп». Может быть, возвращение во все те места, где мы раньше тусовались, немного оживит ее воспоминания.

— Соррелл уже начинает кое-что вспоминать.

— Да. Но разрозненные детали здесь и там на самом деле не являются прогрессом, Тео. Ей потребуется лет десять, чтобы полностью восстановиться, если мы не попытаемся немного подтолкнуть события.

Я рычу, гнев вспыхивает у меня внутри.

— Не имеет значения, вернется ли память. Она прекрасна такой, какая есть.

— Ты сменил пластинку. Пару недель назад ты отчаянно хотел, чтобы она вернула все свои воспоминания. Теперь ты... что? Просто готов смириться с тем, что она, возможно, никогда полностью не поправится?

Я имел в виду то, что сказал Соррелл вчера в своей комнате. Раньше для меня было жизненно важно, чтобы она помнила каждую встречу, которую мы когда-либо разделяли, вплоть до недавнего времени. Сейчас дела идут хорошо. Лучше, чем хорошо. В прошлом подталкивание Соррелл к воспоминаниям было именно тем, что заставляло ее ускользать. Я не буду рисковать потерять ее такой, какая она есть сейчас, просто потому, что я эгоистичен и хочу, чтобы она помнила о нас.

— Да, ну, я имею право изменить свое мнение. Мы просто должны признать, что так обстоят дела. Соррелл может и не вернуть свои воспоминания. Нет смысла зря тратить силы и время.

Моя сестра, всегда полная мнений и советов, заметно молчалива. Она бросает на меня усталый взгляд.

— Что? Если тебе есть что сказать, то лучше скажи сейчас, а не через пару часов, когда больше не сможешь держать язык за зубами.

— Но для нее есть способ вспомнить, не так ли? И ты, кажется, принимаешь много решений от имени других людей. Мы уже проходили это в прошлом, и это плохо заканчивалось. Если помнишь...

— У меня нет проблем с памятью, Лани. Просто держи эти мысли при себе, хорошо? — Ненавижу то, что она права. Я принимаю решения за Соррелл. Есть вещи, о которых я ей не сказал, но это не значит, что моей младшей сестре можно совать свой нос туда, куда не следует.

— Ходишь по тонкому льду, — говорит Лани певучим голосом.

— Просто прекрати. Если я смогу удержать Соррелл от этого на пару дней, — говорю я, срывая объявление с доски, — это даст мне еще немного времени, чтобы придумать, как поговорить с ней о... обо всем.

— Ха! Удачи. Эти объявления развешаны по всей академии. Себ и Каллум собирают войска. Они уже запланировали тусовку в Самнере на сегодняшний вечер. Половина академии говорит об этом.

Я стону, сжимая переносицу. Отлично. Конечно, Себ уже рвется в бой. Какой, блять, шок, что он сразу же захотел повеселиться, как только нам вернули свободу. Мы с ним не разговаривали с тех пор, как он причинил боль Соррелл. Парню повезло, что он все еще может есть твердую пищу. Будь моя воля, его бы уже отправили из «Туссена», но в этом году ему уже слишком поздно отправляться в колледж, и факторы, которые удержали его здесь в первую очередь, все еще действуют. Бет и Эшли тоже.

— Слушай. На твоём месте я бы поговорила с ней раньше, чем кто-либо другой, — предупреждает Лани. — Я имею в виду, может быть, она будет счастлива остаться здесь, в академии, на некоторое время. Возможно, даже не захочет ехать в город.

Я фыркаю, цепляясь за эту надежду чуть более отчаянно, чем мне хотелось бы признать.

— Да, ты права. Для нее это уже было слишком. Может быть, она не захочет ехать.

— Ты издеваешься? Я очень хочу пойти!

Глаза Соррелл пляшут от возбуждения. В своей короткой черной юбке и топе на бретельках, с длинными темными волосами, заплетенными в косы, девушка похожа на милого маленького персонажа манги. Мне всегда нравилось, когда она так одевалась. Обвивая руками мою шею, она смеется с явным облегчением.

— Ты хоть представляешь, как сильно я пыталась сбежать из этого места? Я просидела здесь взаперти несколько месяцев. Как и ты. И все остальные. Не могу дождаться, когда выберусь отсюда. Мы можем пойти куда-нибудь поужинать. Посмотрим фильм или что-нибудь в этом роде. Подожди, — Соррелл откидывается назад, ее брови сходятся вместе, переносица мило морщится. — Там есть место, куда можно пойти поужинать? Есть кинотеатр? О боже, я просто хочу хоть раз сделать что-нибудь нормальное.

Я смеюсь. Несмотря на беспокойство, которое использует мои кости как зубочистки, я ничего не могу с собой поделать.

— Да, в Самнере есть рестораны. Кинотеатр крошечный и пахнет несвежим попкорном. Там никогда не показывают самые новые релизы, но...

— Мне все равно! — кричит она. — Я хочу пойти. С тобой. Только мы вдвоем.

Облегчение переполняет меня, отбрасывая некоторые из моих опасений, но не все. Еще так много всего может пойти не так, если мы проведем время в Самнере. Я рискнул, когда отвез Соррелл в «Пэтти» в ту ночь, когда сказал ей правду, потому что понял, что мне нечего терять. Было два часа ночи, так что я знал, что будет мало народу. Я думал, что она сразу же ускользнет, слишком потрясенная правдой, чтобы справиться с чудовищностью всего этого, и мне придется взять ее обратно в больницу. Но это не произошло. Она справилась, насколько это было возможно для любого другого человека, и теперь я остаюсь в страхе, что находиться в обществе будет просто чертовски тяжело для нее.

Я улыбаюсь сквозь свои опасения, натягивая на лицо широкую улыбку для нее. Соррелл не заслуживает того, чтобы страдать от тяжести всех наихудших сценариев, которые крутятся у меня в голове. Не тогда, когда кажется такой чертовски счастливой.

— Ну, ладно. Ужин и кино.

Я могу справиться с ужином и походом в кино. Надеюсь, и она тоже может. Пока мы держимся подальше от Себа и его команды, все должно быть в порядке. И кто я такой, чтобы отказывать ей в небольшой нормальности? Я был бы чертовски хладнокровным лжецом, если бы сказал, что не жаждал этого и с ней.

Мое сердце делает странный выпад, когда Соррелл выходит из своей спальни и закрывает за собой дверь. Девушка одета в обтягивающие черные джинсы и топ с глубоким вырезом, который самым отвлекающим образом демонстрирует ее сиськи. Ее губы накрашены кроваво-красным, и всплеск цвета привлекает мое внимание к ее рту — рту, с которым я все еще мечтаю сделать очень грязные вещи. Мне приходится стереть мысленный образ ее губ, обхватывающих мой член, прежде чем наклониться, чтобы поцеловать ее. Ее волосы — каскад черных волн, пышных и густых, просто умоляющих меня растрепать их. Однако я знаю, что Соррелл долго сушила волосы феном и укладывала их для нашего свидания, поэтому довольствуюсь тем, что беру ее лицо в ладони, поглаживая большими пальцами линию ее скул и нежно целую ее.

— Ты самая восхитительная девушка, которую я когда-либо, блять, видел, — бормочу я ей в рот. — Я хочу испачкать тебя всю.

— Да?

— Я хочу, чтобы ты покрылась моим потом и спермой. К черту ужин. Мы остаемся здесь.

— Ты испачкаешься помадой, — говорит она, задыхаясь.

— Думаешь, я не смогу с этим справиться? — проводя языком по ее губам, я рычу, отчаянно желая поцеловать ее глубже, исследовать и пожирать каждый дюйм ее тела. Если бы я прямо сейчас поддался своим самым темным желаниям, то открыл бы дверь и втолкнул ее обратно в ее комнату. Я бы поставил ее на четвереньки с задранной вверх задницей, и погрузился бы в ее киску по самые яйца. Но это свидание очень важно для нее.

Насколько Соррелл знает, у нас никогда раньше не было настоящего свидания. Все концерты, на которые мы ходили вместе, все фильмы, которые смотрели, все поездки на выходные, которые совершали, все случаи, когда я плохо готовил для нее, или она плохо готовила для меня... Эти переживания для нее потеряны. Ей нужно испытать, насколько восхитительны эти моменты, гораздо больше, чем мне нужно трахнуть ее, поэтому я сдерживаю накал страстей, нарастающий между нами, отстраняясь, чтобы рассмотреть ее красивое лицо.

— Серьезно. Ты выглядишь потрясающе. Народ в Самнере не поймет, что собьет их с ног.

Она подпрыгивает на носках, как очаровательный маленький ребенок. Я слишком давно не видел, чтобы она так делала.

— Знаешь, ты и сам неплохо выглядишь, — Соррелл с некоторым удивлением разглядывает темно-синюю рубашку на пуговицах и джинсы, которые я выбрал для этого вечера. — Не пойми меня неправильно, но я действительно думала, что каждый предмет одежды, который у тебя был, поношенный и древний.

— Да, хорошо, — я слегка улыбаюсь ей. — Последние пару лет покупка одежды не была очень важным приоритетом в моем списке дел.

Вспышка чего-то похожего на чувство вины пробегает по ее лицу. Ее улыбка немного тускнеет.

— Полагаю, что нет. Ты болтался в отделении интенсивной терапии и бегал за девушкой, страдающей амнезией с множественным расстройством личности, не так ли?

Ах, черт. Я такой засранец. Я не хотел портить ей хорошее настроение. И, конечно, не хотел, чтобы она почувствовала себя плохо.

— У тебя нет никакого множественного расстройства личности, малышка. И буквально

не было места на Земле, где бы я предпочел оказаться. И в любом случае, я просто использовал это дерьмо как предлог, чтобы не ходить по магазинам.

Девушка слегка посмеивается, ее улыбка возвращается.

— Ты так сильно это ненавидишь, да?

— Очень. Это, блять, самое худшее. Но я купил эти вещи в интернете, так что...

— Я польщена, что ты пошел на все, чтобы хорошо выглядеть для меня.

— Так и должно быть, — говорю я, покусывая ее нижнюю губу. — Ты... и... должна...

быть... польщена...

Скользу руками по ее телу, обхватывая ее сиськи поверх топа, и этот огонь снова разгорается. Мой член уже чертовски тверд. Когда ее дыхание учащается, грудь поднимается, спина выгибается, тело прижимается ко мне, я не могу сдержать стон, который срывается с моих губ. Я хочу ее так чертовски сильно. Боже, чего бы я только не отдал, чтобы просто раздеть ее догола и уткнуться лицом между ее обнаженных грудей. На этот раз я бы сделал так, чтобы это длилось целую вечность. Я бы сделал ее скользкой от пота, умоляющей о еще одном оргазме быстрее, чем можно сказать...

— Черт, мы должны идти прямо сейчас, или я серьезно трахну тебя прямо сейчас, — я качаю головой, отступая от нее.

Зрачки Соррелл расширились, щеки покраснелись. Судя по выражению ее лица, она просто представила себе все то грязное дерьмо, которым мы могли бы заняться, если бы позволили этому огню разгораться между нами немного ярче. Девушка смеется, и этот звук заставляет мою грудь болеть от радости. Ее взгляд путешествует по моему телу, останавливаясь чуть ниже пояса.

— Тебе лучше надеяться, что твой стояк уляжется к тому времени, как мы доберемся до города, или на тебя будут странно смотреть, детка.

Детка.

Это банальное выражение привязанности, от которого у меня раньше мурашки побежали бы по коже, а зубы заскрежетали бы друг о друга, но мне нравилось, когда Соррелл называла меня так. Это первый раз, когда она назвала меня деткой после несчастного случая, и звук этого слова на ее губах вызывает комок у меня в горле.

— Прости. Это было... это было глупо, да? — Тревога затуманивает ее глаза. — Не знаю, почему я это сказала. Это просто... вырвалось

— Нет. Это не было глупо. Это... ты так всегда меня называла, — медленно говорю я ей. — Раньше.

Я не могу сказать, радует ли ее это или выводит из себя. Соррелл просто кивает, беря меня за руку.

— Тогда ладно. Пойдем, детка. Я чертовски проголодалась.

СОРРЕЛЛ

На улице очень холодно. Над головой море звезд вздымается над нами в бархатно-черном пространстве, далекие точки света, которые я замечаю впервые с тех пор, как прибыла в «Туссен». Ночь близка и плотна, как саван. Она давит со всех сторон, цепляясь за нас, пока мы спускаемся к парковке.

Да, именно так.

Здесь есть чертова парковка. Она почти в полумиле от академии, расположена на другой стороне холма за школьным спортзалом. С введением карантина и отменой пропусков на выходные никому из учеников «Туссена» не разрешалось туда ходить. Это чудо, что никто никогда не упоминал о ней вскользь, но... с другой стороны, зачем им это делать? Честно говоря, я чувствую себя глупо, когда впервые вижу ее.

Вниз по травянистому склону, ведущему от холма, небольшая стоянка сейчас наполовину пуста, поскольку половина выпускного класса либо в Сиэтле, либо в Самнере, хотя на многочисленных пронумерованных местах все еще стоит много машин. Если бы я знала об этом, то, вероятно, угнала бы машину, чтобы сбежать несколько недель назад. Я бы смогла запустить двигатель одной из старых моделей и сбежала, как только смогла. Только я, наверное, не смогла бы завести машину без ключа. Я просто подумала, что смогу.

Тео молчит, пока везет нас в город. Тем не менее, тишина приятная, и я наслаждаюсь ею, пока мы пробираемся сквозь темноту, петляя к неизвестному месту назначения, которое Тео захотел сохранить в секрете. Часть меня разочарована, когда мы плывем прямо по освещенной главной улице, направляясь к самой окраине Самнера.

Заезжая на парковку крошечного ресторанчика, я ухмыляюсь, когда вижу название заведения: «Голден Палас».

— Китайская еда? Моя любимая!

Паркуя машину, сосредоточившись на зеркале заднего вида, Тео бросает на меня робкий косой взгляд, и осознание поражает меня, как удар молнии.

— Ух. Ты уже знал это, не так ли? — выдыхаю я.

— Возможно, — признается он. — Место может показаться немного убогим, но еда здесь потрясающая.

— Мы были здесь раньше? — Это кажется глупым вопросом. Судя по всему, Самнер не очень большой город, и здесь не может быть много ресторанов. Должно быть, мы ели здесь до несчастного случая. Но по какой-то причине я хочу это знать. Для уверенности.

— Да, — подтверждает Тео.

— И мне понравилось?

Тео глушит двигатель машины и дьявольски ухмыляется.

— Почему бы нам не пойти и не выяснить?

Я не могу дождаться. Тео выпрыгивает из машины и обегает ее, спеша открыть мне дверь. Эта его джентльменская сторона очень далека от того парня, которого я впервые встретила в «Туссене». Он ухмыляется мне, более красивый, чем когда-либо, но выражение его лица резко меняется, когда я вылезая из «Мустанга». Боль мелькает на его лице. Я поворачиваясь к нему. Парень встряхивает рукой, морщась.

— Боже мой, с тобой все в порядке?

— Да, иногда такое случается. Просто спазмы. Повреждение нервов провоцируется холодом.

— У тебя повреждены нервы?

— Ох. Да, вроде того. Я могу делать большинство вещей, и это меня не беспокоит, но игре сильно вредит. Пластырь немного помогает, кончики пальцев горят немного меньше. Выглядит безумно, но... вау. Ты как? С тобой все в порядке?

— Ты больше не сможешь быть концертным виолончелистом. — Лани сказала мне это в тот день на траве, когда я спросила ее о том, почему Тео всегда один. Я помню, что была очень расстроена и чувствовала себя неловко из-за ее комментария. Теперь я понимаю почему.

Тео выглядит немного смущенным.

— Нет, не смогу.

— Из-за меня.

Парень обнимает меня за плечи, притягивая к себе. Захлопнув дверь со стороны пассажира, он целует меня в макушку.

— Это был несчастный случай, малышка. Несчастные случаи происходят с людьми по всему миру постоянно. Ты разбила машину не потому, что была пьяна, или устала, или... — пожимает плечами Тео. — Это не твоя вина. Я разбил то окно, потому что мне нужно было вытащить тебя из всего этого искореженного металла. Я бы сделал это снова, и снова, и снова...

— Вся твоя карьера...

Тео берет меня за подбородок, заставляя посмотреть на него. Выражение его лица самое серьезное, какое я когда-либо видела.

— Вместо этого я собираюсь стать врачом, — говорит он. — Твой несчастный случай сделал меня одержимым человеческим мозгом. Для меня это очень интересно. Я хочу исследовать виды травм головы и выяснить, как помочь их исправить. Хотя я и не смогу оперировать, но я рад, что у меня впереди совершенно новый карьерный путь. Тот, который я нахожу чертовски интересным. Так что нет, я не буду концертным виолончелистом. Но я все равно буду играть для себя и для тебя, потому что мне это нравится. К тому же моя мама гораздо счастливее, что у меня будет работа, на которой платят в восемь раз больше, чем я когда-либо зарабатывал бы музыкой, и она может всем рассказывать, что ее сын собирается стать врачом, так что все складывается к лучшему.

Я чувствую себя ужасно. Абсолютно ужасно. Есть ли хоть один аспект жизни Тео, который не разрушил несчастный случай? Не имеет значения, что он говорит. Если бы я не была за рулем в ту ночь, машина никогда бы не врезалась в ограждение. У меня не было бы таких испорченных мозгов, и Тео был бы сейчас в «Джувьярде», на полпути к осуществлению мечты, которую лелеял с детства.

— Не надо. Не смотри так, малышка. Жизнь имеет странный способ давать нам то, что нам нужно, а не то, что мы хотим. И я клянусь тебе, что со мной все в порядке. Я счастлив.

— То есть, по твоей версии, мне нужна была черепно-мозговая травма? — спрашиваю я немного сварливо, смеясь.

— Может быть. Кто знает? — Тео смотрит на меня сверху вниз с такой уверенностью, с такой любовью в глазах, что мне трудно жалеть себя, или его, или кого-либо еще, на кого повлияло это дерьмовое шоу. — Уроки, которые мы оба извлекли из этого опыта,

сформировали нас. Даже сейчас, пока мы говорим, они формируют нас. И определенно они показали мне, какими чертовски чудесными и сильными мы оба можем быть. Я очень долго злился из-за твоей травмы и своей руки, но все, что сделал этот гнев, это скручивал меня изнутри. Сейчас я предпочитаю видеть позитив. Уверен, что все будет хорошо.

Я не имею права сбрасывать со счетов или отвергать слова Тео. Не после всего, что он вытерпел, чтобы быть рядом со мной. Поэтому я киваю, прислоняясь лбом к его груди.

— Ладно. Хорошо. Ты будешь выглядеть очень сексуально в лабораторном халате, доктор Мерчант.

— О, поверь мне, я знаю!

— А-а-а! Такой высокомерный! — я игриво щекочу его под ребрами, не ожидая реакции, которую это вызовет.

— Стой! О боже, ПРЕКРАТИ! Я не могу дышать! — задыхается он.

Я отступаю назад с открытым ртом.

Тео чертовски самонадеян. Он может выбить парню передние зубы одним правым куком. Парень разбил окно машины и вытащил меня после аварии, прежде чем машина загорелась.

И он боится щекотки?

Тео поднимает палец, склонив голову набок, все еще с дерьмовой ухмылкой.

— Нет. Не говори ни слова. Мы не говорим об этом, Восс.

— Я и не подозревала, что ты такой чувствительный.

— Клянусь богом, я отшлепаю тебя так сильно, что у тебя неделю будет отпечаток ладони на заднице, если ты кому-нибудь расскажешь...

— А что если мне нравится, когда меня шлепают?

— Идем ресторан, пока ты не втянула меня в неприятности, — рычит Тео.

Внутри восхитительный аромат «мандариновой курицы» и «монгольской говядины» ударяет мне прямо в нос. Я чуть ли не падаю на колени и не начинаю плакать слезами радости.

— О, боже мой. О боже мой! — стону я.

— Ладно, теперь ты просто издеваешься надо мной. Тебе лучше прекратить это, или снова сделаешь мой член твердым.

— Обещания, обещания.

Предупреждающий взгляд Тео, властный и собственнический, заставляет мои пальцы поджиматься в туфлях.

— Мне не нужно давать обещаний на этом фронте, Восс. Ты уже знаешь, что это правда. Я трахну тебя прямо здесь, в туалете, если не будешь хорошо себя вести.

Я испытываю искушение принять его угрозу, но мой желудок урчит, напоминая, что сначала мы должны хотя бы попробовать немного потрясающе пахнущей еды, прежде чем нас внесут в черный список пожизненно и прикажут никогда не возвращаться.

«Голден Палас» битком набит, пары сидят за столиками по всему ресторану. Воздух гудит от болтовни. Мы сидим в единственной свободной кабинке у окна, и когда хостес убирает табличку «зарезервировано» со столика, я понимаю, что Тео, должно быть, позвонил заранее и забронировал для нас это конкретное место. Он выглядит немного покрасневшим, когда проскальзывает в кабинку напротив меня, делая вид, что берет меню и внимательно его изучает.

— Это наш столик, Тео? — застенчиво спрашиваю я.

— Что ты имеешь в виду?

— Это наш столик. Эта кабинка особенная для нас?

Парень беспечно пожимает плечами, пытаясь отыгаться.

— Прекрати задавать вопросы и посмотри меню, малышка. — Я и не знала, что Тео Мерчант способен краснеть. Чертовски мило, что он делает это сейчас.

Мне так хочется подразнить его за это, но думаю, что любые дальнейшие подколки могут просто заставить его взорваться от смущения, поэтому я придерживаю язык.

Мы делаем наши заказы — немного той «монгольской говядины», которую я почувствовала, когда мы вошли, и особый жареный рис. Несколько спринг-роллов, курица с грибами в устричном соусе — и официантка даже не вздрогнула, когда Тео заказал нам два пива.

Как только она уходит, я наклоняюсь через стол и шепчу ему.

— Она даже не спросила удостоверение личности.

Тео становится воплощением неловкости. Он ерзает на стуле, затем берет палочки для еды и нервно постукивает ими по стакану с водой.

— Что?

— Уххх...

— Что?

— Ну...

— Тео!

— У нас были поддельные удостоверения личности для этого места много лет назад. Они давным-давно перестали нас спрашивать. И кроме того... Он ерзает на своем сиденье, выглядя так, словно хочет убежать и спрятаться.

Я просто смотрю на него.

— Мы все равно уже достаточно взрослые, чтобы пить.

Я чуть не выплевываю свою воду.

— Что?!

— Ну, да. Нам обоим исполнилось по восемнадцать за шесть месяцев до несчастного случая. И это было... — он поднимает брови, ожидая, пока я посчитаю.

— Ох... боже мой. — Шок врзается в меня, глубоко погружая свои зубы.

Парень кивает.

— Да-а-а. Через пару месяцев нам обоим исполнится двадцать один год.

Какого хрена?

— Я все это время тусовалась в старшей школе, и... — я даже не могу уложить это в голове. — Мне двадцать лет? Гребаных ДВАДЦАТЬ? — Никакие проклятия не могут выразить тот ужас, который я сейчас испытываю.

Смущение Тео отражает это чувство.

— Я вроде как ждал, что ты сложишь два и два по этому поводу, но... — он замолкает.

— А Себастьян? Бет? Эш? Они все...

Тео кивает, вздыхая.

— Да. Ну, Бет все еще девятнадцать, но скоро ее день рождения. Она планирует вечеринку.

— Почему, черт возьми, они не в колледже? — Свет внезапно кажется слишком ярким, в комнате слишком шумно. Я не очень корректно воспринимаю эту новость. Я имею в виду, что должна была сама во всем разобраться. Он сказал мне, сколько времени прошло с

момента аварии. Директор Форд также рассказала, сколько раз они пытались провести со мной этот школьный эксперимент с тех пор, как я потеряла память. Я просто... я даже не думала о том, что я старею на протяжении всего этого процесса. В этом беспорядке так много аспектов, которые я просто пропустила, слишком сосредоточенная на том факте, что однажды я могу просто проснуться и стать кем-то другим. Этот единственный факт имеет приоритет над всем остальным. Я самая большая идиотка на планете.

— Когда-нибудь пойдут. Себ и девочки. Рано или поздно, — говорит мне Тео. В его тоне есть что-то натянутое, что не заставляет меня чувствовать себя хорошо. Совсем.

— Они остались из-за меня? Чтобы помочь со всей этой шарадой? — я даже не пытаюсь скрыть свое недоверие.

— Они хотели помочь.

— Чушь собачья, — слова вылетают у меня изо рта. — Я никому из них даже не нравлюсь. И даже если бы и так, нормальный человек не может ставить свою жизнь на паузу на такой долгий срок ради кого-то, кто... кто может никогда не оправиться от чего-то подобного... подобного этому.

— Ты была бы удивлена.

Я могу сказать, что Тео чего-то недоговаривает. Что-то, о чем, по его мнению, я не должна знать. Но будь я проклята, если позволю ему прямо сейчас что-то скрывать от меня.

— Если ты сейчас же не объяснишь, я сойду с ума. На публике. И это будет некрасиво.

— Ну, вот, ребята. Два больших бокала пива «Цинтао». Ваша еда сейчас будет готова.

Официантка с блаженной улыбкой ставит перед нами пиво. Она, кажется, не замечает того факта, что я смотрю на Тео так, словно вот-вот взорвусь.

— Я знаю, ты, наверное, часто это слышишь, — говорит официантка, — но так здорово снова видеть тебя здесь, Соррелл. Ты хорошо выглядишь. Мы все очень рады слышать, что тебе лучше.

Я резко поворачиваю голову, готовясь отпустить официантке какую-нибудь пренебрежительную реплику, отчаянно желая отослать ее прочь, но в тот момент, когда вижу неподдельное счастье на ее лице, мой гнев угасает и умирает.

— Спасибо, это действительно мило. Я ценю это, э-эм... — я ищу бейдж с именем, но, по-видимому, в «Голден Палас» такого нет.

На мгновение девушка выглядит смущенной, а затем ее осеняет осознание.

— Ой. Рейчел. Меня зовут Рейчел. Прости, иногда это так легко забыть...

Звук этого имени подобен колокольчику, звенящему в моей душе. Это потрясает самую мою основу, еще больше выводя меня из равновесия.

Ее зовут Рейчел? Насколько хорошо я знала ее раньше? Она молода. Может быть, чуть старше меня. Является ли она причиной того, что я однажды проснулась и решила назвать себя этим именем? За моими глазами возникает острая, пронзительная боль.

— Спасибо, Рэйч, — тихо говорит Тео.

— Конечно, Мерч. Дайте мне знать, если вам, ребята, понадобится что-нибудь еще, — она уходит, и выражение лица Тео говорит тысячу слов.

— Я знаю. Мне жаль. Это все... очень много. Я знаю, что нам еще нужно обсудить кучу дерьмовых вещей, но давай сегодня просто поедим и посмотрим фильм. Я отвечу на все твои вопросы позже, обещаю.

Я так устала от этого. Типа, чертовски измотана. Но что я должна делать? Устроить сцену и испортить ужин? Меня мучают куча вопросов, но ни с того ни с сего я так устала и

опустошена всем этим делом, что все, что могу сделать, это просто кивнуть.

До сих пор Тео сдерживал свои обещания, и если он говорит, что мы пройдем через все, я просто должна верить, что он сдержит и это обещание.

Мы едим, и еда такая же вкусная, как и ее запах. Требуется много времени, чтобы оправиться от шока, узнав, что я уже чертовски стара, а мой парень и все мои старые друзья решили оставаться в гребаной старшей школе так долго, как только могли. Еще одно пиво помогает мне избавиться от плохого настроения. К тому времени как Тео забирает чек и мы уходим, я чувствую себя немного, совсем немного лучше. Менее волнующейся, если это вообще возможно. Я имею в виду, что из всех откровений, которые на меня обрушились в последнее время, эти самые последние даже не склоняют чашу на гребаных весах.

Снаружи, в машине, Тео секунду сидит тихо, уставившись на свои руки.

— Ты все еще хочешь пойти в кино? — тихо спрашивает он. — Потому что... — Тео прерывисто выдыхает. — Моя очаровательная младшая сестра думает, что я принимаю решения за тебя. Я знаю, как все это сложно. И я... — он хрустит костяшками большого пальца. — Я просто пытаюсь поступать правильно, но понимаю, что скрывать что-то от тебя или скармливать это тебе по частям... может быть, не самое лучшее решение. Дело в том, что Себастьян организовал вечеринку в «Джамп», и...

— «Джамп»? — прерываю я его.

Почему это звучит знакомо? Ах, да. Ответ приходит ко мне почти сразу. Лани говорила о «Джамп» некоторое время назад, когда мы фантазировали о том, как сбежим из «Туссена». Правда, она сказала, что это далеко, на полпути в Сиэтл. Сюрприз, сюрприз, это намного ближе, чем она выставляла.

— Это бар. Мы часто ходили туда, — поясняет Тео. — Раньше у них были часы для несовершеннолетних детей из «Туссена», но теперь, когда некоторым из нас разрешено пить алкоголь, по крайней мере...

Я даже не рассматриваю это.

— Я хочу пойти.

Поход с ним в кино звучит заманчиво, но сейчас у меня в голове столько всего происходит. Я не смогу сосредоточиться на том, что происходит на экране. Просто буду сидеть там, и все это дерьмо будет гноиться у меня в голове, и я закончу тем, что буду кричать во всю глотку без всякой причины или что-то в этом роде. Мне нужен шум. Нужна жизнь. Мне нужно быть в настолько переполненном и хаотичном месте, чтобы я даже не смогла услышать свои мысли, даже если бы захотела.

— Ну, ладно, — говорит Тео, и в его голосе звучит смирение. — Значит в «Джамп».

ТЕО

Я готовлюсь, открывая дверь «Джампа», чертовски надеясь, что это не взорвется у меня перед носом. Позади меня Соррелл вибрирует от сдерживаемой энергии, которая кажется несколько опасной. Я ждал, когда она сложит два и два и поймет, что ей больше не восемнадцать, но когда этого не произошло, угостить ее пивом за ужином показалось хорошим способом поднять этот вопрос. Все шло не совсем по плану. После этого, скрывать тот факт, что половина академии тусовалась здесь сегодня вечером, казалось жалкой стратегией. Я решил поехать на окраине города в надежде, что мы будем держаться подальше от Себа и остальных, но, возможно, Лани права. Может быть, дергать за ниточки и принуждать Соррелл делать то, что я считаю лучшим для нее, на самом деле не совсем то, что нужно. Я едва мог даже попробовать ужин из-за привкуса собственного эгоизма. У меня не было другого выбора, кроме как позволить ей самой принять решение по этому поводу.

Конденсат стекает по стеклам «Джампа». Заведение переполнено, тела прижаты к телам, люди толкают друг друга, чтобы добраться до бара. Музыка доносится из потрескивающих динамиков, из-за чего невозможно отличить ритм от раскачивающихся басов. Мне никогда особо не нравилось это место. Пахнет потом и старым пивом. Персонал бара — настоящие придурки. Однако это было единственное место в городе, где нам позволяли тусоваться, поэтому ученики «Туссена» быстро облюбовали его.

Я беру Соррелл за руку, ставя ее перед собой, чтобы попытаться защитить ее от толчков, пока мы прокладываем путь сквозь толпу. Я рычу на парня в бейсболке, который чуть не пролил на нее свой напиток, сверкая на него зубами, как какая-то бешеная собака. Соррелл тянет меня за руку и уводит, прежде чем я успеваю сказать ему что-нибудь дерьмовое, что потенциально может закончиться дракой.

В задней части, у бильярдных столов, тише, хотя и ненамного. Именно здесь мы находим лучшую часть выпускного класса «Туссена», собравшуюся вокруг Себастьяна, который ведет себя как высокомерный, самонадеянный кусок дерьма, которым он и является. Его лицо все еще в чертовом беспорядке, любезно предоставленном вашим покорным слугой. Он стоит на стуле с бильярдным кием в одной руке и пивом в другой, в середине какой-то непристойной истории, звездой которой он, без сомнения, является. Когда Себ видит меня, он замолкает, явно удивленный.

— Ну, смотрите-ка, кто это! Если это не сам принц Туссенский, соблаговоливший посетить трущобы с простолюдинами.

Я закатываю глаза.

— Заткнись, Себ. Почему бы тебе не слезть с трибуны и не сходить за пивом?

Между нами не будет глубокого и значимого примирения. Этого никогда не было. Он делает что-то, что выводит меня из себя. Я выбиваю из него дерьмо. Мы не разговариваем пару дней. Я дразню его и заставляю купить мне пива. Конец. Последние несколько лет наша дружба была в лучшем случае слабой. Я все еще многим ему обязан. Себ согласился остаться здесь и помочь разобраться с этой ситуацией, хотя еще больше возненавидел Соррелл за это. Он сделал это для меня. В основном.

Но потребуется холодный день в аду, прежде чем я прощу его за инцидент с банкой

колы, и Себ это знает. Я сомневаюсь, что это когда-нибудь произойдет. Но если сохранение мира сегодня вечером означает, что Соррелл может расслабиться и наслаждаться какое-то время, тогда я стисну зубы и сделаю так, чтобы это произошло.

Себ смотрит на меня, его взгляд скользит влево, где стоит Соррелл, вызывающе глядя на него. Он хрипло смеется, спрыгивая со стула.

— Ваше желание для меня закон, Ваше Высочество, — он изображает театральный притворный поклон, а затем устремляется к бару, оставляя аудиторию в недоумении.

Из толпы появляется Ноэлани с бутылкой «Бад Лайт» в руке. Она раскачивается слишком сильно, на мой взгляд, когда обнимает меня за шею, притягивая в объятия.

— Старший брат! Ты здесь! И привел Соррелл! Привет, девочка, — Лани отпускает меня и обнимает Соррелл, озорно улыбаясь. — Я знала, что он приведет тебя, — заговорщически говорит она ей. — Мой брат — очень простое существо. Нужно просто посеять несколько семян сомнения в его сознании и дать ему немного времени. В конце концов его совесть берет верх.

— Ты пьяна, — говорю я ей.

— О-о-о, большой плохой Тео Мерчант злится, что его сестра хорошо проводит время и пьет пиво? — она пытается ущипнуть меня за щеку, но я отталкиваю ее руку.

— Нет. Я злюсь, что ты пьешь дерьмовое пиво. Ты могла бы, по крайней мере, развить в себе хоть какой-то вкус.

— А-а-а, отвали, приятель. Эй, Соррелл, хочешь поиграть в бильярд? Если я закрою один глаз и сделаю так, — бормочет Лани, высовывая язык, — думаю, что смогу попасть по шарам.

Соррелл смеется, пожимая плечами, когда Лани тащит ее к свободному столу. Несмотря на то что она ушла от меня, я стараюсь держать ее в поле своего зрения, очень хорошо осведомленный о том, что происходит вокруг нее. Сегодня она выглядит чертовски феноменально. Впрочем, как всегда. Но я не слепой. Я вижу, как тот парень в бейсболке все еще пялится на нее, и мне это совсем не нравится. В тот момент, когда покажется, что он направляется в ее сторону, я отправлюсь туда и вырву слюнявый язык этого ублюдка прямо из его чертовой головы.

— Ух ты, парень. Успокойся. Я чувствую, как ярость исходит от тебя с другой стороны бара, — Себастьян протягивает мне пиво. — Вот. Я купил и для твоей девушки, но не настолько глуп, чтобы попытаться отдать его ей. Подумал, что ты сломаешь мне три пальца или что-то в этом роде.

— Четыре, — рявкаю я, делая глоток из другого пива, которое он протягивает мне — того, что предназначалось для Соррелл.

— Да, ладно, чувак, — упрекает Себ. — Ты мне не доверяешь? Действительно думаешь, что я был бы настолько глуп, чтобы подсыпать ей что-то в выпивку?

— Есть много вещей, которые я не думал, что ты будешь настолько глуп, чтобы сделать, но я ошибался.

— Полагаю, это справедливо, — на мгновение замолкает Себ. — Послушай, мужик. Я знаю, что это не имеет большого значения, но я действительно сожалею о том, что произошло на днях.

— Используй больше слов, — приказываю я.

У него хватает наглости выглядеть расстроенным.

— Ладно. Отлично. Мне очень жаль, что я швырнул банку колы в твою подружку.

Сделав еще один глоток, я прищуриваюсь, глядя на него.

— Еще.

— Черт. Ты такой засранец. Отлично. На твою девушку, у которой уже серьезная травма головы, и которая не виновата в моем дерьмовом характере.

— Лучше, — сую ему вторую банку пива обратно, кивнув в сторону Соррелл. — А теперь иди, отдай ей пиво и повтори то, что ты только что сказал мне, только с гораздо большей искренностью и здоровой дозой раскаяния.

— Серьезно?

— Серьезно.

* * *

СОРРЕЛЛ

Я почти допиваю пиво к тому времени, как Себ перестает извиняться. Я не чувствую себя суперпрощающей, но теперь, вооружившись знанием того, что он остался здесь, чтобы помочь мне, думаю, что я немного более снисходительна, чем обычно.

— Я не говорю, что то, что ты сделал, было хорошо, но я понимаю. Немного. Если бы мы могли избежать любых снарядов, нацеленных мне в голову в будущем, это было бы здорово.

— Понял. Громко и четко, — с энтузиазмом кивает Себ. Я думаю, он на грани алкогольного опьянения. — Я буду держать всю газировку и другие напитки при себе в будущем, да. Кроме этого пива. Это пиво твое, Принцесса. Наслаждайся!

— Принцесса?

Парень пьяно хихикает, как гиена.

— Да. Ты с Его Высочеством, так что это делает тебя членом королевской семьи.

— Если ты так говоришь. — Я не думаю, что мне когда-нибудь понравится Себастьян. Удивительно, что когда-то нравился. Эта мысль приходит мне в голову, когда он поворачивается ко мне спиной, собираясь уйти. — Эй, Себ?

Парень театрально поворачивается.

— Да, Принцесса?

— Мы когда-нибудь были... друзьями?

На его лбу мелькает легкая хмурость, а затем Себ говорит:

— Разве друг когда-нибудь бросил бы тебе в голову банку колы?

— Вот и я так подумала. И так, тогда... почему?..

Парень понимает, что я имею в виду; ни с того ни с сего он, кажется, немного трезвеет.

— Слушай. Были ли мы когда-нибудь лучшими друзьями? Нет. Не были. Но. НО! — Себ поднимает палец. — Теодор Мерчант — хороший парень. И хотя поначалу я этого не понимал, через некоторое время я пришел к пониманию.

— И что ты понял?

— Вы двое. Вместе. Когда я думал, что ты просто его маленькая школьная фантазия... что вы двое просто потрахаетесь какое-то время, а потом расстанетесь... Мне это не нравилось. Я не понимал, почему он хотел тратить свое время с друзьями на какую-то временную киску, когда мог просто засунуть свой член куда угодно, и тогда мы могли бы заняться своим дерьмом.

— Очаровательно, — говорю я сухо.

— Точно. Но потом... Я видел вас двоих вместе. Наблюдал, как все это происходило. Ты была не просто какой-то дыркой, которую он мог трахнуть...

— Ты действительно умеешь обращаться со словами, знаешь это?

Он хихикает.

— Ты была... как... Боже, это так отстойно, но ты была его настоящим гребаным севером. Вот почему у него эти дурацкие гребаные татуировки на плечах. Компасы. А он... он был твоим. Не думаю, что верил в любовь до вас двоих. Наблюдать за вами вместе было все равно что... наблюдать за двумя планетами, вращающимися вокруг друг друга. Шииниу-шииниу-шииниу, — Себ имитирует два объекта вращаются вокруг друг друга пальцами рук. — Все это видели. Все знали. Даже Бет. Хотя никогда в этом и не признается. Вам двоим, блять, суждено быть вместе. Предопределено. Предназначено. Называй это как хочешь. И когда ты пострадала... — он выпускает монументальный вздох. — Черт, это было отстой. Ты когда-нибудь видела те видео на YouTube, где собаки, когда их хозяева умирают, лежат на их могилах и просто чертовски тоскуют по ним, пока сами тоже не умирают? Вот на что это было похоже. Тео все еще был заперт на твоей орбите, а ты такая: Шииниуууу! БА-БАХ!

Себ изображает, как одна из его воображаемых планет вылетает со своей орбиты, а затем взрывается.

— И темнота, — говорит он. — Это действительно было чертовски мрачно.

Каким бы пьяным он ни был, элементарное описание Себастьяном того, что произошло после аварии, что-то ломает во мне.

— О, черт. Почему у тебя такой вид, будто ты вот-вот заплачешь? Пожалуйста, не плачь. Он, блять, убьет меня. Это из-за собаки, да? Мне не следовало заводить разговор о собаке. Не смотри это дерьмо. Это глубоко удручает. Вот. Давай я принесу тебе салфетку.

— Все в порядке, Себ. Все хорошо. Я не собираюсь плакать. Просто... остановись. Серьезно, я в порядке. — Однако на самом деле я далеко не в порядке. Я едва держусь на волоске.

— Это не всегда будет так. Все наладится, как только вы покончите с операцией. Тогда к тебе вернутся все твои воспоминания, и тебе никогда не придется беспокоиться о том, «Кем я буду сегодня? Люблю ли я Тео или хочу, чтобы он умер?»

— Прости, что?

— Да. Он сказал, что это рискованно, но я уверен, что ты устала от всего этого...

Я крепче сжимаю стакан с пивом.

— Какая операция, Себастьян?

Его рот открывается. Слова вот-вот вырвутся наружу, но затем в его расфокусированных глазах вспыхивает искра замешательства. Сразу после этого следует взгляд осознания.

— О, черт. Ты не... — тычет в меня пальцем Себ. — Ты не знаешь об операции. — Оглянувшись через плечо, он осматривает толпу. — Ух, Тео?

— Себастьян!

— ТЕО!

И он там — мой темный принц, пробивающийся к нам сквозь толпу. Его лицо искажено эмоциями, гнев и беспокойство борются за господство над его чертами. Сначала он смотрит на меня, а затем прищуривается, впиваясь взглядом в Себа.

— Что ты сделал? — требует Тео.

— Он проговорился о моей операции, — говорю я натянуто. — Операции, о которой я ничего не знаю.

Плечи Тео поникли. Гнев, который явно нарастал в нем, исчезает, когда парень смотрит на меня.

— О, черт.

— Да. «О, черт», звучит примерно так. А теперь не мог бы ты объяснить, о чем, черт возьми, он говорит, пока я не потеряла самообладание?

СОРРЕЛЛ

— Это небезопасно.

Я так сильно сжимаю челюсти, что, кажется, у меня могут треснуть зубы. Хотя мне насрать на свои зубы. Я сердито смотрю на Тео, надеясь каждой клеточкой своего существа, что мое лицо точно отражает, насколько я сейчас в ярости.

Ночной воздух дрожит от снега. Огромные жирные хлопья вихрем падают с тяжелого полуночного неба, самые большие, которые я когда-либо видела. Они собираются в растрепанных черных волнах Тео и падают на его плечи, когда он расхаживает взад и вперед перед входом в академию. Здание пустынно и темно, как могила, все его ученики сбежали с пропусками в руках на выходные. Сидя на нижней ступеньке каменной лестницы, я плотнее закутываюсь в парку, слишком злая, чтобы даже мыслить здраво.

— Это непроверенная процедура. За последние несколько лет они пытались сделать ее всего пару раз, и каждый эксперимент заканчивался катастрофой. Полная потеря двигательной функции. Речевые центры нарушены. Сильные судороги, — говорит Тео, отсчитывая на пальцах список побочных эффектов. — Головокружение. Головные боли. Легочная дисфункция. Повреждения черепно-мозговых нервов...

— Тео.

— Одна девушка ослепла...

— Тео, прекрати.

Парень останавливается и поворачивается ко мне лицом. Напряженный, как тетива лука, он проводит руками по волосам, раздувая ноздри и выдыхая воздух через нос.

— Это не пройдет без последствий. Ты столько раз бросала вызов шансам, малышка. Рисковать этим было бы просто напрашиваться на неприятности.

Мне приходится бороться с желанием накричать на него. Каким-то чудом мне удается держать себя в руках, пока я не успокаиваюсь достаточно, чтобы говорить.

— Тебе не кажется, что я должна сама решать? Тебе никогда не приходило в голову, не знаю, что, может быть, дать мне всю информацию и позволить самой прийти к собственному выводу было бы лучшим способом справиться с этим?

— Я собирался сделать все это, малышка. Честно. Просто не представилось подходящего времени, чтобы поговорить с тобой об этом. И ты сейчас в порядке...

— Я НЕ В ПОРЯДКЕ! — Мой крик эхом разносится по заснеженным лужайкам «Гуссена», проносясь сквозь толщу ночи, как выстрел из дробовика. Я поднимаюсь на ноги, шар раскаленной добела ярости раздувается у меня под ребрами. — Я настолько далека от того, чтобы быть в порядке, насколько это возможно, Тео. Я понятия не имею, кто я такая. Я... я не стабильна! Что угодно может заставить меня снова поскользнуться. Что угодно! Я чувствую, что почти не бываю здесь большую часть времени...

— Ты — это ты, Соррелл. Ты отлично справляешься! Ты все время начинаешь вспоминать всякие мелочи...

— Я забыла целую жизнь, Тео! Это мое, и я, черт возьми, хочу её вернуть! Я хочу вспомнить наш первый поцелуй. Хочу вспомнить тот первый раз, когда ты сказал мне, что любишь меня. Первый раз, когда мы занимались сексом. Я хочу помнить своих родителей,

Тео.

— Ты вспомнишь все это. Со временем, есть приличный шанс...

— Какого рода шанс? Сколько? Мне нужны цифры.

Мускулы на челюсти Тео работают сверхурочно.

— Не так просто определить его в цифрах.

— Но он маленький, не так ли? Крохотный шанс, что ко мне вернутся все мои воспоминания?

Парень смотрит вниз на свои ноги, скрещивая руки на груди.

— Да, — неохотно признает он.

— А операция? Каковы мои шансы, если мне сделают операцию?

— Ты не можешь основывать подобное решение на том, какой вариант имеет наименьшие дерьмовые шансы, Соррелл. Они оба плохие варианты, но один из них может оставить тебя чертовски мертвой.

— Они оба могут оставить меня мертвой, — выдавливаю я. — Ты не думаешь, что это то, что я чувствую? Эта постоянная неопределенность? Мысль о том, что я могу заснуть и проснуться завтра утром совершенно другим гребаным человеком? Тебе не кажется, что это было бы похоже на смерть для этой версии меня?

— Это не то же самое, и ты это знаешь.

— Хочешь иметь дело с другой Кэтрин? Или кем-то еще хуже? А если я превращусь в законченного гребаного психопата?

— Это очень маловероятно.

— ПРОСТО СКАЖИ МНЕ, КАКОВЫ МОИ ШАНСЫ, ТЕО!

Парень поднимает взгляд, чтобы встретиться с моими глазами, и я вижу в нем целый мир боли. Он выглядит невероятно измученным, когда говорит:

— Двадцать семь процентов. Есть двадцать семь процентов вероятности, что, если ты переживешь операцию, к тебе вернутся воспоминания.

— Двадцать семь процентов — это неплохо.

— Ты не слушаешь. Если ты переживешь операцию. Есть шанс пятьдесят на пятьдесят, что ты умрешь на операционном столе. Пятьдесят на пятьдесят. В лучшем случае это гребаный бросок монеты. Неэтично даже предлагать операцию...

— Мне нравятся такие шансы. — Даже когда я говорю это, страх пробирается в мой разум, потрясая меня до глубины души. Это ужасные шансы. В них вообще нет ничего такого, что могло бы понравиться. Тем не менее... — Разве это не стоит риска? Чтобы вернуть все обратно? Чтобы вернуть меня?

Я знаю, что этот вопрос задевает его за живое. Тео свирепо смотрит на меня, гнев клокочет в нем, его глаза полны гнева.

— Я потерял тебя из-за Амелии. Потерял ее из-за Кэтрин. Я потерял Рейчел из-за тебя. Я не могу потерять тебя, потому что ты, блять, умрешь.

— Ты не можешь быть уверен, что я умру!

— Черт возьми, Соррелл, я знаю это!

— Как?

— Потому что это то, что случилось с Генри! — рычит он.

СОРРЕЛЛ

«Центр неврологических исследований имени Генри Декоски».

Я смотрю на медную табличку на стене величественного кирпичного здания, и к горлу подступает желчь.

— Когда они сменили название? — тихо спрашиваю я, поворачиваясь к Тео.

После трех дней ожесточенных споров он согласился лететь со мной в Лос-Анджелес при условии, что это будет только ознакомительная поездка, где я буду задавать вопросы и собирать больше информации. Тео проводит языком по зубам, тоже изучая табличку.

— Думаю, пару месяцев назад. Его отец-политик пожертвовал много денег больнице, пока Генри был здесь пациентом. Я уверен, что они переименовали это место, чтобы подбодрить его. Понятно, что он был расстроен, когда умер его сын.

Я знаю это здание. Узнала его в ту же секунду, как машина такси въехала на стоянку. Но, конечно, я знаю его как «Фалькон-хаус».

Тео кладет руку мне на плечи, притягивая меня в объятия.

— Уверена, что хочешь этого? — шепчет он мне в волосы. — Еще не слишком поздно. Мы всегда можем вернуться.

Я качаю головой. Уже слишком поздно возвращаться. Я больше не могу убежать. Знать правду — это одно, но попробуйте втолковать это моему мозгу. Я все еще живу в мире, где я убеждена, что Рейчел была реальным человеком. Отдельным человеком. У меня все еще есть все эти воспоминания об ужасном детстве, которые не имеют никакого смысла, в то время как у меня нет абсолютно никаких воспоминаний о моих настоящих матери и отце, которые глубоко любили меня и заботились обо мне. Я больше не хочу жить во лжи. Я хочу вернуть свою жизнь, каждую ее деталь в четком фокусе.

Сделав глубокий вдох, я отстраняюсь от объятий Тео. Я все еще так зла на него за то, что он скрыл это от меня, но понимаю, почему он ничего не сказал. Я знаю, как это страшно для него. Также знаю, чего ему стоило вернуться сюда со мной. Это место таит в себе невообразимые кошмары для него — я уже дважды чуть не умерла здесь, и оба раза это случилось, когда он сидел рядом со мной. Наверное, с моей стороны было несправедливо просить его приехать, но я слаба, и он мне нужен. Перспектива приехать сюда в одиночку, без его поддержки, чуть не разорвала меня надвое.

— Соррелл! Боже мой, какой сюрприз!

Я поднимаю взгляд, и на глаза наворачиваются слезы. Гейнор стоит в раздвижных стеклянных дверях, ее тушь, как всегда, слиплась и размазалась. Сегодня утром на ней бледно-голубая медицинская форма. У меня такое чувство, что она всегда ее носила, только я почему-то не обращала внимания. Огромный вязаный кардиган цвета овсянки, который она надела поверх халата медсестры, весь в дырах, рукава слишком длинные.

— Классный кардиган, — я сдерживаю смех.

— Спасибо. Я сама его связала.

— В самом деле? Никогда бы не подумала.

— Хорошо. Рада видеть, что ты не утратила свой острый язычок, — Гейнор обнимает меня, и ее объятия так успокаивают, что я чуть не срываюсь на рыдания. Женщина

улыбается мне, беря в ладони мое лицо и проводя большими пальцами по моим щекам, глядя на меня с тем, что можно назвать только материнской любовью. — Я очень рада видеть тебя, милая. И тебя... — выражение ее лица становится еще мягче, когда она поворачивается к Тео. — Это подарок — снова увидеть тебя, дорогой мальчик.

— Ух ты. Кто тебе здесь больше нравится, я или он? — я вытираю нос тыльной стороной ладони, чтобы скрыть тот факт, что я шмыгаю носом.

— О, определенно он, — говорит Гейнор мне, заговорщически подмигивая. — Я говорила тебе, что он красивый, не так ли? Будь я на двадцать лет моложе...

— У Соррелл определенно была бы конкуренция, — Тео заключает ее в объятия.

Я притворяюсь обиженной, но втайне наслаждаюсь тем, как мило он ведет себя рядом с ней. Когда мы заходим внутрь, мне приходит в голову, что Тео знает Гейнор гораздо лучше, чем я. Они провели много времени вместе после несчастного случая, когда моя жизнь висела на волоске. Должно быть, она утешала его, когда ему было тяжело. Должно быть, пыталась сделать ситуацию для него более управляемой.

Внутри «Фалькон-хаус»... вернее Центра Генри Декоски, совсем не так, как я помню. В воздухе витает слабый запах отбеливателя. Все стерильно, бело и необычно. Мое сердце замирает, когда мы проходим мимо открытой двери, и я вижу огромное открытое пространство с другой стороны. Тренажерный зал. Тренировочный зал, если быть точной. Это место, где я так усердно тренировалась перед отъездом в «Туссен». На маленькой металлической табличке, прикрепленной к двери, написано «ФИЗИОТЕРАПИЯ».

— Ах, да. Старая добрая камера пыток, — говорит Гейнор. — Ты там надрывала свою задницу.

Позади Гейнор появляется еще одно знакомое лицо, направляющееся к нам по коридору, и у меня сжимается в груди. Это Рут.

— О, хорошо. Соррелл. Ты сделала это, — она одаривает меня короткой профессиональной улыбкой.

Рут не носит халат медсестры. На ней сшитая на заказ белая рубашка на пуговицах и голубовато-серые брюки от костюма, а поверх отглаженный белый лабораторный халат с вышитым на кармане именем: «Доктор Рут Брайтон» и логотипом центра.

Доктор Брайтон. Рут. Женщина, которой я всегда хотел угодить. Женщина, которая, как я думала, спасла меня и забрала с улицы. Оказывается, она действительно спасла меня, но не так, как я себя уредила. Доктор Брайтон — боже, я не могу привыкнуть не думать о ней как о Рут — это врач, которая проводила мою последнюю операцию. Отчаянная, как назвал ее Тео. Она сделала то, что все остальные в ее области считали невозможным: она затащила меня обратно в мир живых, а теперь хочет спасти меня во второй раз.

Рут такая же суровая, какой я ее помню на пристани в «Туссене». Две морщинки образуют глубокую складку между ее бровями. Ее взгляд острый и оценивающий, клинический и холодный. Рут протягивает мне руку в знак приветствия, и мне кажется более чем странным пожимать ее.

— Надеюсь, полет был не слишком утомительным, — говорит Рут. — Известно, что давление в салоне самолета усиливает головные боли у некоторых пациентов. Вот почему сестра Ричардс отвезла тебя в Вашингтон на машине в сентябре. Но я понимаю, что на этот раз поездка могла быть пугающей перспективой, учитывая, с кем тебе пришлось бы провести все это время, — она бросает на Тео ледяной, острый взгляд — мне требуется мгновение, чтобы сложить два и два и понять, что она язвит. — Я рада видеть, что вы здесь,

поддерживаете решение Соррелл на счет операции, мистер Мерчант.

— О, это не так. Я здесь только для того, чтобы убедиться, что вы не преуменьшаете риски, связанные с этой мясницкой процедурой. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы отговорить ее от этого.

— Какой сюрприз, — женщина сжимает губы в то, что можно назвать самой недружелюбной улыбкой всех времен. — Я разрешаю тебе присутствовать здесь, потому что важно, чтобы Соррелл имела доступ к своей системе поддержки, но позволь мне прояснить кое-что для тебя, Тео. Если оскорбишь меня, мой персонал или кого-либо из...

— Могу я напомнить тебе, — говорит Тео, прерывая ее. — Что в последний раз, когда мы были в присутствии друг друга, ты была той, кто физически напал на меня.

— Только потому, что ты намекнул, что я хотела убить твою девушку только для того, чтобы мое имя попало в медицинский журнал.

— Я не намекал, а прямо сказал это, — огрызается Тео в ответ. — Весь этот твой эксперимент — просто какой-то тщеславный, дерьмовый эгоизм для тебя. Если...

— За последние шесть недель я успешно провела три процедуры. Трое пациентов, все полностью выздоровевшие и исцеленные, вернулись к своим семьям. Их симптомы улучшаются с каждым днем, по мере того как уменьшается отек. Я очень надеюсь, что процедура Соррелл пройдет так же хорошо.

— Три пациента? Из скольких?

Доктор Брайтон выглядит так, словно ей хотелось бы снова дать Тео пощечину, но передумывает.

— Три, — холодно говорит она. — Три из трех. Стопроцентный успех.

Тео захлопывает рот.

— Головные боли, от которых ты страдаешь, а также некоторая вялость — все это побочные эффекты ушиба мозга. Вот эта область, — говорит доктор Брайтон, рисуя стилусом круг вокруг затемненной области на изображении мозга, моего мозга, которое отображается на экране ее компьютера. — Это твоя лобная доля. Эта область мозга, которая отвечает за твою индивидуальность. За твои эмоции, настроение и суждения. А вот эти области — это гиппокамп и медиальная височная доля. Они ответственны за создание и хранение воспоминаний. Как можешь видеть, эта небольшая темная область, зажата между лобной и медиальной височной долями, темнее, чем остальная часть твоего мозга. Вот она то и вызывает твои проблемы. Мы беспокоились, что это начало глиомы — опухоли, вызванной травмой, которую ты получила во время несчастного случая. Однако наши сканы впоследствии опровергли это, что является отличной новостью. Теперь мы знаем, что это, скорее всего, рубец от фиброзного поражения, оказывающий давление на очень чувствительные участки мозга, что, очевидно, и вызывает такие серьезные осложнения. Я хотела бы провести луизионэктомию с использованием экзоскопа и новой трубчатого отводящего устройства...

— Шарлатанство, — шипит Тео сквозь зубы.

Доктор Брайтон закатывает глаза.

— Это обычная процедура, Тео. Я не собираюсь изобретать велосипед заново.

— Да, конечно. Но ты еще не объяснила ей, что область, которую хочешь удалить в ее мозгу, невероятно глубока. Осложнения, связанные с вмешательством в эту область мозга, это...

— Заслуживают внимания, да, и не следует относиться к ним легкомысленно. Если перестанешь меня перебивать, то я бы с удовольствием прошла всю процедуру с Соррелл, шаг за шагом, от начала до конца. Я объясню риски, связанные с каждым из этих шагов, а также общие зарегистрированные результаты, и, возможно, тогда ты сможешь высказать свои жалобы.

Тео явно недоволен этим, но позволяет доктору Брайтон описать процедуру. К тому времени как она заканчивает, я покрываюсь холодным потом и в полном замешательстве. Нейрохирургам платят большие деньги, потому что это сложное дело. Но мой вывод, как только она заканчивает, таков: операция опасна. По времени продлится около четырех часов. В последствии, я могла бы проснуться с некоторыми из моих воспоминаний, или все воспоминания вернулись бы ко мне, но также есть шанс, что я могу вообще не проснуться.

— Благодаря недавнему совершенствованию практических методов и последующим успехам, которых мы добились в центре, результаты намного выше, чем мы могли ожидать даже пару месяцев назад, — говорит доктор Брайтон.

— Если это так, то не могла бы ты объяснить, что случилось с Генри, — требует Тео.

И снова, Ру... то есть, доктор Брайтон бросает на Тео взгляд, полный отвращения. Он её раздражает. Неудобство, без которого она вполне могла бы обойтись.

— Смерть Генри это очень печально. Травма его мозга была менее серьезной, чем у Соррелл, но расположение рубцовой ткани было гораздо сложнее. Мы не осознавали всех масштабов, пока он уже не лежал на столе...

— И после того как вы положили его на этот гребаный стол, просверлили дырку в его голове, и увидели объем его рубцовой ткани, считаешь ли ты этичным рискнуть и продолжить процедуру, не посоветовавшись с его родителями или не проведя более полное сканирование? Я имею в виду, почему не были проведены все возможные исследования? Это чудо, что у тебя все еще есть лицензия на медицинскую практику. Надеюсь, у тебя хороший адвокат, потому что я слышал, что мистеру Декоски просто не терпится засудить тебя к чертям собачим...

— Тогда тебе лучше надеяться, ради вас обоих, что Соррелл решится на операцию как можно быстрее, — говорит доктор Брайтон без малейшего проблеска эмоций. — «Фалькон-хаус» — единственное учреждение, оборудованное для лечения таких случаев, как у Соррелл, и я единственный врач, желающий и достаточно опытный, чтобы помочь.

— Если вы все-таки вскрыете мне череп, и все будет выглядеть хуже, чем ожидалось, вы остановите процедуру? Чтобы мы могли разработать план дальнейших действий? — спрашиваю я.

Доктор Брайтон выглядит недовольной, но кивает.

— Если таково твое желание.

Тео практически вскакивает со стула.

— Ты не можешь всерьез рассматривать это, малышка.

Я игнорирую его.

— Есть шанс, что ко мне вернуться все мои воспоминания?

— В первую очередь мы сосредоточимся на том, чтобы сначала ослабить давление на твою лобную долю, чтобы сначала стабилизировать проблемы, с которыми ты

сталкиваешься в отношении своих суждений и личности. После завершения мы перейдем к резекции более глубокой области поражения, которая затрагивает центры памяти. Я уверена, что мы сможем решить обе проблемы на удовлетворительном уровне.

Закрыв глаза, я качаю головой.

— Мне не нужен удовлетворительный уровень. Мне нужна уверенность, что мои воспоминания вернутся.

— Даже если бы шансы на успех были намного, намного выше, я бы не смогла обещать тебе этого. Всегда есть связанные с этим риски, даже при самых безопасных операциях. Я не могла бы с чистой совестью...

— О, пожалуйста! — взрывается Тео. — Как будто у тебя есть совесть!

Доктор Брайтон разочарованно выдыхает; она откидывается на спинку стула, медленно и осторожно кладя стилус обратно на стол.

— Боюсь, что на сегодня с меня хватит, мистер Мерчант. Я собираюсь попросить тебя уйти.

— Я не оставляю ее здесь наедине с тобой, — выплевывает Тео. — Бог знает, на что ты заставишь ее согласиться.

С разочарованием, исходящим от нее, доктор Брайтон обращает свой острый взгляд на меня.

— Соррелл, ты умная молодая женщина. Я верю, что ты сможешь принимать свои собственные обоснованные решения. Есть ли что-нибудь еще, о чем ты хотела бы спросить меня, прежде чем мы закончим нашу сегодняшнюю встречу?

Есть только один вопрос, который беспокоит меня с тех пор, как узнала, какую роль эта женщина играет в моей истории. Я чувствую себя нелепо, выражая это в словах, но мое любопытство заставляет меня спросить.

— Почему? Почему вы подыгрывали моим бредовым иллюзиям? Я превратила вас в своего рода спасителя. Думала, вы тренировали меня пойти и причинить боль Тео. И лично приезжали в «Туссен». Я... я не понимаю, почему вы согласились на все это.

Доктор Брайтон заправляет выбившуюся прядь волос за ухо.

— Я бы не стала классифицировать фантастические воспоминания, которые твой разум создал, чтобы защитить тебя, как бредовые иллюзии. Они были для тебя очень подлинной реальностью. Ты верила, что эта реальность была правдой. Было бы опасно постоянно отрывать тебя от этой реальности. Конечно, это контрпродуктивно. Для меня не было проблемой подыгрывать твоей реальности такой, какой ты ее видела, или наблюдать за твоей физиотерапией. Я хотела убедиться, что ты в хорошей физической форме и способна снова вернуться в школу. Для пациентов вполне нормально воспринимать своих врачей через призму какого-то... бога или спасителя...

— Господи Иисусе, — бормочет Тео.

— Сама природа нашей работы означает, что мы ежедневно держим в своих руках жизнь и смерть. Неудивительно, что твой разум отводил мне авторитетную роль в твоей жизни. А в «Туссен» я приехала, потому что директор Форд была обеспокоена тем, что ты покинешь академию в четвертый раз, потеряешь достигнутый тобой прогресс и возможность исцелиться в безопасной обстановке. Я была рада приехать и провести оценку. Кроме того, твоя медицинская страховка очень обширна, и я получила щедрую компенсацию за междугороднюю встречу.

Хорошо. Возможно, эта женщина и не та жесткая, отстраненная приемная

воспитательница, какой я ее себе представляла, но она, безусловно, такая же холодная и бесчувственная, какой я ее помню. Ничего не могу с этим поделать — сейчас я знаю, кто она, и что она всего лишь выполняла свою работу, но какая-то врожденная, укоренившаяся часть меня, которая всегда искала ее одобрения, уязвлена бессердечностью ее ответа.

— Что-нибудь еще? — спрашивает она.

— Нет. Спасибо. Думаю, что услышала все, что мне нужно было услышать.

Доктор Брайтон открывает верхний ящик своего стола и достает визитную карточку. Кладет её на стол и пододвигает ко мне.

— Я полностью забронирована на следующие несколько месяцев, но дай мне знать, если захочешь продолжить. Мне не терпится продолжить свои исследования, поэтому уверена, что мое расписание может быть изменено.

СОРРЕЛЛ

— Вот и все. Забронировано, — Тео с размаху закрывает свой ноутбук. — Рейс только в два часа завтра, так что нам не придется спешить. Сможем позавтракать и не торопясь добраться до аэропорта.

— М-м-м.

Я смотрю в окно гостиничного номера, испытывая странное чувство отстраненности, когда понимаю, что могу видеть вывеску «Голливуд» на склоне холма вдалеке. Так чертовски странно. Я думала, что знаю этот город, но это не так. Прошное, которое я создала для себя здесь, теперь кажется странным сном, наполовину сконструированным и полным дыр. Большую часть времени, которое я провела в Лос-Анджелесе, прошло в больнице, в восстановлении после травмы.

Матрас на кровати прогибается, когда Тео подходит и садится рядом со мной.

— Все в порядке? — спрашивает он, убирая мои волосы с лица. — Ты была довольно тихой с тех пор, как мы уехали от Брайтон.

— Да. Не знаю, чего ожидала. Я просто... не ожидала, что она будет такой жестокой.

— Я предупреждал тебя.

Верно, предупреждал. И я ему поверила.

— Просто это так странно, — говорю я ему. — Все. Все время. Кажется, это никогда не прекратится.

Есть только один способ избавиться от этих миазмов смятения, в которых я живу, но я держу это при себе. Тео не хочет этого слышать. Он хочет, чтобы мы вернулись в «Туссен» и адаптировались к ситуации. Позволили природе идти своим чередом и посмотрели, исцелится ли мой мозг сам по себе. Похоже, никакой другой вариант его не удовлетворит. По его мнению, уже было предпринято слишком много рисков, и этот последний риск просто слишком велик. Я понимаю, что Тео чувствовал раньше, и теперь, должным образом познакомившись с доктором Брайтон, понимаю, почему он не заинтересован в том, чтобы позволить ей копаться в моей голове скальпелем.

— Давай сходим куда-нибудь и поедим, — говорит Тео, ухмыляясь. — А когда вернемся... Голосую за то, чтобы сделать что-нибудь, чтобы помочь тебе избавиться от ненужных мыслей в голове, — он дразнит легким прикосновением к моей шее, и мое тело реагирует на него, как всегда.

Мои кости кажутся тяжелыми, сердце слишком объемным, чтобы вместиться в мою грудь.

Этот мальчик.

Этот мужчина.

Он ответ на вопрос, который я даже не знаю, как задать.

Тео бальзам для моей истерзанной души, лекарство, которое делает меня целостной. Делает меня полноценной, даже без операции. Ножи доктора Брайтон этого не изменят.

Он звезды на ночном небе. Кислород в моих легких. Для меня Тео — все прекрасное и жизненно важное в мире. Без него моя душа — потрескавшаяся, сморщенная бесполезная вещь, которая не может существовать.

Свет, льющийся через окна от пола до потолка, прекрасен, как мед, и так отличается от одинокого, печального света тихоокеанского северо-запада. Он золотит лицо парня, вырывая каждую золотую нить из жидкого янтаря его глаз и заставляя их гореть. Тео — настоящий шторм в «Туссене». Здесь он первый луч рассвета. Независимо от того, где парень находится, Мать-природа как будто ищет его и стремится сделать его чарующим.

Обхватываю его щеку ладонью, улыбаясь, мои тревоги уже рассеиваются, превращаясь в дым.

— Ты — это все, что мне нужно, чтобы выбросить мысли из головы, — говорю я ему.

Он поворачивает голову, наклоняясь к моей руке, чтобы поцеловать мою ладонь. Его глаза впиваются в мои. Взгляд такой интенсивный, что меня бросает в дрожь.

— Да? — спрашивает Тео тихим голосом. Удивительно, как он может связать всего одно слово с таким большим количеством намеков. — Потому что я умираю с голоду во всех возможных смыслах, Восс. Но есть один голод, который я всегда хочу удовлетворить в первую очередь, прежде всего.

Мое сердце колотится в груди, отчаянно сжавшись, когда парень продолжает лизать мою ладонь. Вид того, как он проводит кончиком языка вверх, по тыльной стороне моей руки, по внутренней стороне запястья, пока его глаза все еще прикованы к моим... Черт возьми, что происходит прямо сейчас? Как он может заводить меня так резко, так сразу, для меня загадка.

Минуту назад я тонула в трясине жалости к себе. Теперь же сгораю от желания.

— Тео, — выдыхаю я. — Боже, ты разрушишь меня.

Парень медленно качает головой, и солнечный свет играет на завитках и взмахах его волос, немного согревая черноту.

— Ничто не может сломить тебя, Соррел Восс.

Из ниоткуда ко мне приходит вспышка воспоминания, болезненно четкая и настолько неожиданная, что у меня перехватывает дыхание.

Тео, идущий по какому-то коридору и смеющийся. Судя по сумасшедшему цветастому ковру и всем пронумерованным дверям, мы в отеле. На нем только шорты и шлепанцы. У него только пара татуировок — контур солнца украшает его грудь, правая рука забита рукавом. Все его лицо озарено чистой радостью. Звук его смеха эхом отражается от стен, громкий и неистовый, и мое тело наполняется самым теплым, самым прекрасным теплом.

— Осторожнее, Восс. Ты ступаешь по тонкому льду, — говорит он мне.

— О, неужели? — я тоже смеюсь. От чистого счастья у меня щиплет в глазах. — Как ты собираешься наказать меня, если не дам тебе то, что ты хочешь?

Тео бросается на меня, и я поворачиваюсь и бегу, визжа во всю глотку. Но не успеваю далеко уйти; он ловит меня, поднимает на руки, делая вид, что кусает меня за шею, как дикарь, так что я кричу еще громче.

— Я собираюсь трахнуть тебя пальцем под столом за ужином, пока ты пытаешься завязать светскую беседу с Лани. Она будет болтать об One Direction или о какой-то ерунде, а ты будешь стараться не стонать, пока я заставлю тебя кончить.

— Ты не посмеешь!

Тео снова впивается зубами в мою шею, на этот раз покусывая так, что вспышка сладостной боли пронзает меня между ног.

— Испытай меня.

— Тео! Отпусти меня!

— Скажи это.

— Нет!

Он кусает меня сильнее.

— Скажи это.

— Не буду!

Я обмякаю, когда Тео опускает меня на землю и разворачивает, прижимая к стене, целуя мою шею, вместо того чтобы кусать ее на этот раз. Блять. О, черт, о, черт, о, черт. Он проводит кончиком носа по линии моей челюсти, тяжело дыша.

— Скажи это, малышка, — рычит он, грубо обхватывая мою грудь через верх бикини.

— Ты сводишь меня с ума, — выдыхаю я.

Он щиплет меня за сосок.

— Попробуй еще раз.

— Ты заставляешь меня кончать так чертовски сильно.

Тео дьявольски ухмыляется, облизывая языком нижнюю губу.

— Это хорошо. Но снова не то. Попробуй еще раз.

— Ты, блять, самый горячий парень на свете!

Тео поднимает брови, прикусывая нижнюю губу — предупреждение. Он кивает, а затем проводит пальцами по переду моих плавок от бикини. Меньше чем за секунду он обнаруживает, насколько я влажная, и начинает водить маленькими кругами вокруг моего клитора. Это чертовски потрясающее чувство.

— Тео! Нас может увидеть кто угодно! — я тяжело дышу, пытаюсь высвободиться. Но он никуда меня не отпускает.

— Думаешь, мне не все равно, если кто-то увидит, как я заставляю тебя извиваться, малышка? — смеется он. — Мне все равно.

— А-а-а! Ах, Тео, пожалуйста! — Я не хочу, чтобы он останавливался. Никогда не хочу, чтобы он останавливался. Однако я хотела бы сделать это в более уединенном месте, где его родители не могли бы выйти из-за угла и найти нас.

Вместо того чтобы прислушаться к моим мольбам, Тео делает все бесконечно хуже, отводя свои пальцы назад и просовывая один из них внутрь меня. Я замираю с отвисшей челюстью, ногтями впиваюсь в его спину. Тео мурлычет, действительно очень довольный собой.

— Хочешь, чтобы я трахнул тебя, малышка? — спрашивает он.

Я могу лишь кивнуть.

— Хочешь кончить на мой член?

— Д-да.

— Тогда скажи это.

— Хорошо. Ладно. О мой Бог. А-а-а, черт! Я люблю тебя, Теодор Уильям Мерчант! Я, блять, люблю тебя!

Парень отстраняется от меня, прищурившись глядя на меня, убирая руку из моих плавок и засосывая указательный и средний пальцы в рот.

— Хорошо, малышка. Это то, что мне нравится слышать.

Я выныриваю из воспоминаний, затаив дыхание и ошеломленная. Теперь я снова в этом отеле, и тяжелое разочарование давит мне на грудь. Мне нужна остальная часть этого воспоминания, черт возьми. Я хочу вспомнить, что произошло дальше.

Тео больше не облизывает внутреннюю сторону моего запястья. Он сидит на корточках,

наблюдая за мной, слегка нахмутив брови.

— Ты что-то вспомнила? — спрашивает Тео.

Я киваю.

— Мы были в купальниках, где-то в отеле. Ты прижимал меня к стене. И ты... ты хотел, чтобы я тебе кое-что сказала, — признаюсь я застенчиво.

Короткая, ослепительная улыбка вспыхивает на лице Тео, стирая его хмурый взгляд.

— Да. Я помню тот коридор, — говорит он, кивая. Его глаза искрятся юмором. — Мне там понравилось. Очень.

— Я думаю, мне это тоже понравилось.

— Тебе больше понравился душ после этого, — говорит Тео, слегка прищуривая правый глаз. Он усиленно моргает обоими глазами, и я не могу удержаться от смеха. — Что? — требует он, тыча меня в бедро.

— Ты боишься щекотки и не можешь подмигнуть?

— Эй! Даже у совершенства есть свои недостатки! — он становится серьезным. — Пойдем, поедим. А как только вернемся, я покажу тебе реконструкцию событий из душа в отеле Тихуаны. И эй?

— М-м-м?

— Это действительно хороший знак, Соррелл. Ты вспомнила. Seriously. Это реальный прогресс.

ТЕО

Вы не сможете найти ничего лучше в Лос-Анжелесе, чем «Урбан Рамен».

Как только возвращаемся в отель, с набитыми до отказа желудками, я готовлю ванну для Соррелл, но когда возвращаюсь в номер, чтобы сказать ей, что все готово, она отключилась, свернувшись калачиком посреди огромной кровати королевских размеров. У меня не хватает духу разбудить ее, хотя мой неистовый стояк настаивает на обратном. Когда мы вернемся домой, у нас будет много времени для секса в ванной.

Вместо этого я заказываю доставку в номер и пью кофе, решив бодрствовать как можно дольше. Я хочу посмотреть, как она спит. Засудите меня, блять. Меня не волнует, насколько это делает меня сумасшедшим. Я провел много времени, наблюдая за Соррелл, лежащей в постели с закрытыми глазами. Тогда она не спала. Она была в гребаной коме, едва живая, и смотреть на ее красивое лицо тогда, на ее глаза, окруженные синяками, было настоящей гребаной пыткой. Сейчас девушка выглядит умиротворенной. Здоровой. Под ее глазами больше нет темных теней, и по тому, как подергиваются ее пальцы во сне, могу сказать, что она видит сон. До самой смерти мое сердце всегда будет трепетать при виде того, как эта девушка спит, а не лежит там, полуживая, парящая на грани смерти.

Нежно глажу ее по волосам, не желая будить. В конце концов я должно быть засыпаю, потому что, когда начинаю просыпаться, Соррелл стоит у тумбочки с моей стороны кровати, держа руку на выключателе лампы. Она выключает её, и комната погружается в темноту.

— Что ты делаешь? Возвращайся в постель, — бормочу я.

— Мне нужно в туалет, — шепчет она в ответ и легонько целует меня в лоб. — Не займет и секунды.

Я погружаюсь обратно в пустоту своего сна, рука свисает с края матраса, я тянусь к ее стороне кровати, ожидая, что Соррелл возьмет ее, когда вернется.

Уже рассвело. За окном очень светло.

Резко открываю глаза, и... Ах, черт! Рука онемела. Я спал с ней, свисающей с края кровати. Черт возьми, это больно. Сгибаю пальцы, пытаюсь вернуть к ним приток крови, и по моей руке взрывается покалывание.

Цифровые часы на тумбочке показывают восемь сорок восемь утра. Как, черт возьми, мы проспали так долго? Перекатываясь на спину, я тру глаза, потягиваясь.

— Угадай, который сейчас час, — говорю я скрипучим ото сна голосом.

Соррелл не отвечает.

Я улыбаюсь, открывая один глаз, потом другой. Солнечный свет играет на потолке, отражаясь от окон, посылая белую рябь по стенам. Это прекрасно. А еще здесь тепло. Не жарко, как ни напрягай воображение, но тепло. В Самнере было чуть выше нуля, когда мы уезжали два дня назад. В остальной части Северного полушария может быть зима, но Южная

Калифорния, похоже, не получила об этом уведомления.

— Боже. Мне почти грустно, что мы уезжаем сегодня, — говорю я вслух. — Может быть, мы могли бы заскочить на пляж на часок перед отъездом или что-то в этом роде... — В ту секунду, когда переворачиваюсь и вижу, что другая сторона кровати пуста, я знаю.

Я, блять, знаю.

Ожидаю, что там будет записка, но ее нет. У нее, вероятно, не было возможности написать, когда она кралась по комнате посреди ночи, как гребаный вор-домушник. Но ведь мне не нужна записка, в которой говорилось бы, куда Соррелл ушла и почему, не так ли? Я прекрасно знаю, где она.

Быстро одеваюсь, натягиваю джинсы и футболку, которые планировал надеть в аэропорт, и через несколько секунд выхожу из гостиничного номера. Секунд.

Не выписываюсь.

Не оплачиваю счет.

Никуда не сворачиваю.

Я полагаю, что попытка остановить такси будет быстрее, чем заказ его по телефону, но так чертовски ошибаюсь, что это даже не смешно. В Лос-Анджелесе не осталось обычных такси. Приложения «Райдер шэр» — единственная доступная сейчас опция, а в центре города сейчас пик поездок на работу. Я расхаживаю взад и вперед по тротуару, то грызя ногти, то агрессивно пиная ствол пальмы, пока жду Джоша на его серебристой «Тайота Приус». И нахожусь на полпути к «Фалькон-хаусу», когда думаю, не прислала ли мне Соррелл сообщение. И она это сделала. Боже, я такой идиот.

От: Малышка

Получено: 4.08 утра

Я не вижу экрана на этой штуке, так что надеюсь, что не облажаюсь. Я знаю, ты, наверное, злишься и прости меня. Я не могу сесть в самолет, не попробовав это. Мне невыносима мысль о том, что я пропускаю половину жизни с тобой, даже если мы разделим оставшуюся часть этой жизни. Если бы я могла гарантировать, что мы проведем остаток наших жизней вместе, и я бы не превратилась в кого-то другого, тогда, может быть... Но все обстоит совсем не так. Я люблю тебя, Теодор Уильям Мерчант. И верю, что все это сработает. Мне очень, очень жаль, если это не так.

— Вау, приятель. Ты там в порядке? Выглядишь так, будто собираешься выбить это чертово окно или что-то в этом роде, — Джош, водитель такси, очень пронцателен. Я вижу, как он наблюдает за мной в зеркало заднего вида, и делаю все возможное, чтобы справиться с сочетанием гнева и абсолютного ужаса, которые в настоящее время раскалывают меня надвое.

— Если бы ты мог ехать быстрее, было бы потрясающе, — говорю я сквозь стиснутые зубы.

Джош смеется.

— Ты шутишь, да? Движение в час пик в Лос-Анджелесе не движется ни для кого, приятель. Мы будем на месте через восемнадцать минут.

Восемнадцать минут — это чертовски долго.

— Как далеко до места? Сколько миль?

— Э-эм, одна и четыре десятых мили.

К черту это. Я не буду сидеть в машине восемнадцать минут, чтобы проехать одну и четыре десятых гребаных мили.

— Выпусти меня.

— Мы движемся, приятель. Я не могу просто...

— **ВЫПУСТИ МЕНЯ ИЗ ЭТОЙ ГРЕБАННОЙ МАШИНЫ ПРЯМО СЕЙЧАС, БЛЯДЬ!**

Джош немедленно съезжает на обочину. Никто даже не потрудился посигналить; мы все равно еле ползли вперед.

— С тебя возьмут деньги за всю поездку, приятель!

— Мне все равно.

В ту секунду, когда машина останавливается, я распахиваю дверь и бегу, следуя указаниям на моем телефоне. Мне требуется чуть больше девяти минут, чтобы добраться до места назначения. Я весь в поту, у меня чертовски кружится голова, когда мчусь через парковку «Фалькон-хауса».

Гейнор сидит у входа на скамейке в парке и ждет меня.

Выражение ее лица наполнено беспокойством, когда она замечает, как я несусь к раздвижным дверям.

— Стой! — кричит Гейнор, вскакивая со своего места. Я пытаюсь обойти ее, но женщина преграждает путь, ведущий внутрь.

— Слишком поздно! Ты уже опоздал, — говорит она, кладя руку мне на грудь.

Ужас овладевает мной. Я не могу дышать.

— Что значит «я опоздал»?

— Брайтон срочно забрала ее, как только Соррелл приехала сюда. Я даже не знала, что она приедет. Соррелл заставила меня пообещать не звонить тебе. Прости.

— Она уже внутри? Или... или уже в предоперационной, или...

— Она уже в операционной.

— Что? ЧТО? — Я сейчас точно вырублюсь на хрен. — У Брайтон нет новых снимков. Она понятия не имеет, как сейчас выглядят повреждения Соррелл! — Она идет вслепую, как и в случае с Генри. Это именно то, о чем я беспокоился. — Я, блядь, убью ее, — рычу я. — Я собираюсь вытащить ее из операционной и оторвать ей гребаную голову.

Гейнор хватается за меня, дергая назад.

— И что хорошего это даст, а? Твоя девушка уже на столе, Тео. Она пошла ва-банк. Если у тебя проблемы с доктором Брайтон, то что это значит для Соррелл?

Я перестаю бороться, чтобы добраться до двери, прерывистый вздох вырывается из моего рта. Она права. Чертовски права. У меня связаны руки. Я не могу сейчас прерывать операцию. Соррелл — единственная, кто пострадает. Я опускаюсь на колени прямо посреди дорожки, ведущей к зданию, и закрываю лицо руками.

Гейнор гладит меня по спине, делая все возможное, чтобы утешить меня.

— Все будет хорошо. Единственное, что мы можем сейчас сделать для Соррелл, это надеяться, молиться и верить, что все будет хорошо.

— Не думал, что увижу тебя снова.

Я поднимаю глаза и вижу отца Симмонса, который зажигает у аналоя самую большую свечу, которую я когда-либо видел. Он точно такой, каким я его помню — обветренное лицо, скрюченные руки, блестящие глаза. В свои шестьдесят с небольшим он выглядит намного старше своих лет. Полагаю, что целая жизнь, потраченная на то, чтобы облегчить боль и страдания других людей, старит человека не по годам.

— Пришел помолиться? — спрашивает он, подходя к скамье, на которой я сижу.

Я издевательски смеюсь.

— Нет. Я просто большой поклонник очень жестких, очень неудобных деревянных сидений.

Смех отца Симмонса гораздо более искренний.

— Знаешь. Еще в начале девяностых в моей последней церкви мы заменили все деревянные скамейки на действительно красивые новые. Такие обитые тканью скамейки. Подушки для сидений. Мягкие спинки. Они были такими удобными. Слишком удобными на самом деле. В течение двух месяцев нам пришлось вернуть все назад. Прихожане просто засыпали во время мессы.

Я фыркаю, ковыряя ногти.

— Она снова в операционной, — тихо говорю я.

— Кажется, я что-то слышал об этом. Я могу что-нибудь для тебя сделать, Теодор?

Я думаю над его вопросом. Серьезно думаю об этом. На данный момент ни он, ни егс Бог, ни кто-либо другой ничего не могут для меня сделать. Я откидываю голову назад, изо всех сил стараюсь не развалиться на куски.

— Вы можете кое-что сделать для нее, — тихо говорю я. — Можете помолиться.

ТЕО

Иногда осознание того, что что-то не так, наваливается на тебя, тяжелым грузом. Это случилось со мной и раньше, но никогда с такой уверенностью, как сегодня. Я сижу в приемной, слушая звуки бессмысленного реалити-шоу, которое медсестры включили на заднем плане, мой разум перескакивает с мысли на мысль, когда на меня наваливается тишина весом в десять тысяч фунтов. Я приклеен к своему месту, слишком напуганный, чтобы дышать, моргать или шевелиться. Если останусь здесь, вот так, запертый на месте, то, возможно, плохие новости никогда не придут. Может быть, я смогу просто существовать здесь, в этом состоянии неопределенности, и мне никогда не придется столкнуться с фактом, что моя жизнь вот-вот вспыхнет в пятнадцатимиллионный раз.

Но, конечно, почти невозможно сдержать лесной пожар, как только он набирает обороты, а это пламя бушует уже много лет.

— Тео?

Не смотри вверх.

Не смотри вверх.

Я бы сделал все, чтобы этого не делать, но от этого никуда не спрячешься. В конце концов, я поднимаю взгляд и, собравшись с духом, встречаюсь взглядом с Гейнор — с глазами, полными слез.

— Мне жаль, Тео. Мне очень, очень жаль.

— Скажи мне, что с ней все в порядке. Скажи, что она уже сидит там на кровати и просит, блять, увидеться со мной. Скажи мне что-нибудь, кроме того, что тебе чертовски жаль.

— Я... я не знаю, что... — рыдание вылетает изо рта Гейнор.

Прерывисто дыша, я впиваюсь в нее тяжелым взглядом.

— Она мертва? Просто скажи мне, она, блять, умерла там, не попрощавшись со мной должным образом? — Если она это сделала, то, клянусь Богом, я буду держать обиду до конца своих дней. Поскольку Вселенная ненавидит меня, я, вероятно, умру стариком в своей постели, прожив долгую и мучительную жизнь без Соррелл Восс, просто ожидая воссоединения с ней. В тот момент когда я сдохну и обнаружу, что вступаю в любую загробную жизнь, которая может существовать для нас, как только мы освободимся от этой брэнной оболочки, я найду ту девушку, которая умерла и забрала с собой мое сердце, и устрою ей порку века.

Гейнор не может говорить, она плачет.

— Гейнор, пожалуйста! Ради всего святого! Скажи мне, что она не умерла!

— Она... она не умерла.

Облегчение. Захватывающее дух облегчение. Я никогда не знал ничего подобного. Но по выражению лица Гейнор могу сказать, что есть что-то еще. Я встаю со своего места, и мои ноги подгибаются. Это сокрушает меня. После всего, если она не собирается этого делать...

— Объясни, что происходит. Сейчас. Используй как можно меньше слов.

Гейнор вытирает рот тыльной стороной ладони. Она делает шаг вперед, кладя руку мне на плечо.

— Доктору Брайтон удалось удалить повреждение. Операция проходила хорошо, но в какой-то момент был поврежден сосуд, и началось кровотечение. Мы не знаем, насколько все плохо, но Соррелл еще не проснулась.

Они не разрешают мне видеться с ней. Не разрешают и близко подходить к палате интенсивной терапии. Я угрожаю сломать шею охраннику, и в этот момент мне говорят, что, если я не успокоюсь, меня насильно вышвырнут из больницы.

Доктора Брайтон нигде не видно. Неожиданный сюрприз, черт возьми. Я обещаю себе, Вселенной и каждому ложному божеству и богу, когда-либо созданному хрупкими умами людей, что доктор Рут Брайтон не доживет до следующего дня, если Соррелл не придет в сознание в течение следующих шести часов.

Я расхаживаю по коридорам. Пью так много кофе, что вызываю у себя приступ паники, а потом у меня гребаный срыв в туалете, я задыхаюсь в ладони, отчаянно пытаюсь держать себя в руках. Это не первое мое родео. Я уже бывал здесь раньше. Насколько это запутанно? Но только потому, что я был здесь раньше, не делает ситуацию легче. Нет такой ситуации или реальности, где что-то подобное было бы легко.

В пять часов, через десять часов после того, как Соррелл впервые вошла в операционную, я наконец вижу доктора Брайтон, идущую ко мне по коридору. Я вскакиваю со своего места, уверен, что в моих глазах пылает адский огонь.

— Ну? Что происходит? Ты наконец-то пришла сообщить мне последние новости?

— Извините меня, мистер Мерчант. Вы, кажется, блокируете выход.

— Прошу прощения?

— Я ухожу, Тео. Пожалуйста, отойди в сторону.

У меня нет слов. Я открываю рот, борясь со своим языком, пытаюсь понять, какое оскорбление хочу бросить в нее первым.

— Что значит, ты уходишь?

— Мне нужно попасть на вечеринку по случаю дня рождения.

— Дня рождения... вечеринка по случаю дня рождения? Ты в своем гребаном уме?

— Соррелл позвонила мне посреди ночи, и я бросила все ради нее. Ты хоть представляешь, как долго другим пациентам приходится ждать подобной операции? У меня есть несколько пациентов на Восточном побережье, которые месяцами ждали только оценки...

— Ты облажалась, — огрызаюсь я. — Именно так, как я и говорил. Ты вошла туда вслепую и вскрыла ее мозг, как гребаная психопатка. Тебе насрать на всех этих людей, не так ли?

— Уверяю тебя, мне не наплевать на своих пациентов. Я очень забочусь о них. С операцией Соррелл возникли осложнения. Нередко возникают проблемы, когда мы вскрываем людям мозг. Ты это уже знаешь. Я не мясник. Я нейрохирург, на пике своей карьеры. Мне очень хорошо платят за то, что я делаю. Для этого есть причина. Я одна из немногих людей в стране, кто может провести подобную операцию, и я не позволю, чтобы со мной разговаривали как с каким-то монстром.

— Ты задела гребаный сосуд, черт возьми. Это ошибка новичка. А теперь ты просто

выходишь отсюда, чтобы пойти на гребаную вечеринку, как будто работаешь с девяти до пяти? Ты никуда не пойдешь. Ты должна рассказать мне в точности, что происходит, а затем тебе нужно вернуться туда и выяснить, как исправить то, что ты сломала.

— На случай, если ты забыл, у меня есть медицинское образование и двадцатилетний опыт работы за плечами. Никаких ошибок допущено не было. Процедура была выполнена в точности. Соррелл нужно некоторое время...

— Ты уже говорила это раньше!

— И она была в порядке! Я не обязана оправдывать перед тобой свои решения, и уж точно не обязана оправдывать свои действия в операционной. Ты не ближайший родственник Соррелл. Ты не ее муж. Даже не кровный родственник, и даже если бы ты им был, мне нечего сообщить, кроме того, что тебе уже сказали. Теперь ты можешь ждать здесь всю чертову ночь, если хочешь, и, возможно, Гейнор по доброте душевной сообщит тебе последние новости, но мне нужно успеть на вечеринку по случаю дня рождения, и я не собираюсь опаздывать. Мне больше нечего здесь делать, пока ситуация с Соррелл не изменится. А теперь убирайся к черту с моего пути.

Я не сплю. Как я могу? На рассвете Гейнор приносит мне какую-то дрянную больничную еду, но мне кусок в горло не лезет. Я сижу в приемной, ковыряю ногти до крови, пытаюсь разобраться в этой ситуации. Другие дети ходят в среднюю школу. Они влюбляются друг в друга. У них нормальные отношения. Они ссорятся, трахаются, влюбляются и либо остаются вместе, либо нет. Они поступают в колледж, получают дипломы и либо женятся, либо нет. В любом случае, они не попадают в больницы и не выходят из них, пытаюсь выжить изо дня в день, их сердца снова и снова не измельчаются в мясорубке, как раз тогда, когда кажется, что все может наладиться.

Я чертовски ненавижу это.

Боже, помоги мне, но часть меня просто хочет уйти. Хочет, чтобы я встал и ушел отсюда, поймал попутку обратно в аэропорт, вернулся домой и никогда не оглядывался назад. Это не первый раз, когда я испытываю подобное чувство. Я человек. Конечно, за последние пару лет я миллион раз думал о том, чтобы покончить с этой неразберихой. Есть предел тому, сколько боли и страданий может вынести один человек, и я слишком много раз ударялся об эту стену. Однако я взбирался на стену, или пробивал себе дорогу сквозь нее, или копал под ней голыми гребаными руками, и никогда не сдавался.

Когда влюбился в Соррелл, я знал, что это повлечет за собой последствия. Я постоянен и последователен. Как только я сказал ей, что хочу провести с ней остаток своей жизни, для меня это было все. Она — начало и конец всего моего существования, и, как я и сказал ей в той ванной в «Туссене», я пройду все семь кругов ада, чтобы быть рядом с ней, когда она во мне нуждается.

Это не значит, что мне должно что-то из этого нравиться.

В десять утра звонит Лани и оставляет голосовое сообщение, спрашивая, почему мы вчера не вернулись в академию. В три часа дня мама оставляет голосовое сообщение, сообщая, что администратор больницы позвонила от имени доктора Брайтон и попросила ее поговорить со мной по поводу моего агрессивного поведения. В конце голосового

сообщения мама говорит мне, что, по ее мнению, мне, возможно, пора возвращаться домой. Она пыталась заставить меня двигаться дальше и поступить в колледж с тех пор, как Соррелл получила травму. Эта женщина не понимает любви. Если бы понимала, то никогда бы не попросила меня об этом.

Доктор Брайтон.

Гребаная доктор, блять, Брайтон.

Она знает, что я не отступлю, что буду продолжать доставать ее, пока не выясню, в порядке ли Соррелл, и она попросила кого-то позвонить моей матери? Чертовски жалко.

Наконец, в девять вечера Гейнор врывается через двойные двери, ведущие в отделение интенсивной терапии, и я могу сказать, что что-то случилось. Темные тени под глазами медсестры стали намного сильнее, чем вчера. В отличие от доктора Брайтон, Гейнор не спала. Она даже не пошла домой, чтобы привести себя в порядок. Я благодарю каждую звезду на небе за эту женщину, которая была рядом с Соррелл, хотя ее смена закончилась несколько часов назад. Она, может, и выглядит дерьмово, но, по крайней мере... подождите. Она улыбается?

— Что? Что-то случилось? — Мой голос срывается, но я слишком взволнован, чтобы смущаться.

Гейнор проливает измученные слезы, заключая меня в объятия.

— Не что иное, как чудо, милый. Не что иное, как чудо.

СОРРЕЛЛ

ТРИ ГОДА НАЗАД

Снежинки танцуют в воздухе, паря, словно подвешенные там по волшебству. Последние четыре дня в Нью-Йорке бушевала зимняя буря, и мы с Тео застряли в помещении, согреваясь под одеялом и просматривая фильмы «Марвел». Теперь, когда метель, которая, казалось, была так настроена испортить наше путешествие, прекратилась, мы закутались в самые толстые куртки, какие только смогли найти, и отправились в мир, чтобы выпить кофе.

Массивные зимние ботинки; толстые ярко-розовые варежки; разноцветный шарф; я едва вижу Тео под странным, разномастным набором теплой одежды, которую он носит. Парень поворачивается ко мне, прищулив глаза поверх своего шарфа.

— Тебе лучше не смеяться над моим нарядом, Восс, — рычит он.

— Даже не мечтала об этом, — говорю я ему, подавляя смех. — Я думаю, ты выглядишь очень мило. Очень хорошо подготовлен. Нет ничего сексуальнее мужчины, который знает, как одеваться по погоде.

— Знал, что мне следовало надеть то манкини, — ворчит Тео. — Как ты можешь думать, что я горячая штучка, если даже не можешь как следует разглядеть мою задницу?

— О, я прекрасно вижу твою задницу, и она все еще мокрая! — Тео поскользнулся и приземлился на задницу в двух шагах от входной двери «Браунстоуна», в котором мы остановились. Он пытался отшутиться, но думаю, что на самом деле это было больно. Я пообещала поцеловать его там получше, когда мы вернемся, чего, я уверена, он с нетерпением ждет.

Скорчив мне гримасу, парень хватает меня за руку и переплетает ее со своей, игриво притягивая меня к себе.

— Если я снова упаду, ты последуешь за мной, — говорит он.

— С удовольствием, — соглашаюсь я. — Всегда. По-другому и быть не могло. — Я проверяю время на своем мобильном телефоне; сейчас только полдень.

Облака тумана распускаются, как цветы из дыма, когда мы едем по Бруклину, хихикая, как идиоты, и цепляясь друг за друга изо всех сил, когда скользим на островках из льда.

— Мы прошли восемь кофеен, малышка. Какого черта нам нужно тащиться через полгорода, чтобы выпить кофе? — жалуется Тео.

— Потому что я так хочу, — я нахально ухмыляюсь ему. — Кроме того, кофе в этом заведении был любимым напитком дяди Рэя.

Дядя Рэй, с его жесткими седыми усами, пятнадцатью парами коричневых вельветовых брюк и навязчивой идеей каждое утро непременно выходить за экземпляром «Нью-Йорк таймс», хотя он никогда, ни разу ее не читал. При мысли о нем меня охватывает укол печали. Когда мама и папа умерли, переезд через всю страну, чтобы остаться с человеком, которого я едва знала, казался концом света. Однако мне не потребовалось много времени, чтобы проникнуться к нему симпатией. Дядя Рэй был забавным и эксцентричным; его причудливость почти сразу расположила меня к нему. Я до сих пор смеюсь над тем фактом, что этот человек учился в одном из самых престижных колледжей страны и не мог понять,

как пользоваться пультом от телевизора.

Тео сжимает мою руку, подталкивая меня плечом. Он всегда так хорошо умел читать мое настроение.

— Ты скучаешь по нему, — говорит он. — Отлично. Если нам придется пересечь Полярный круг, чтобы заказать кофе в любимой кофейне дяди Рэя, пусть будет так!

Мы добираемся до кофейни через тридцать минут. Каким-то чудом никто из нас больше не упал, но у нас онемели пальцы на ногах, и есть шанс, что мы оба обморозили носы. Когда официантка приносит кофе, Тео делает один глоток и чуть не выплевывает его через стол.

— Черт возьми, Восс, он ужасен.

— Знаю, — говорю я, морщась, когда делаю глоток из своей кружки; чернильно-черная жидкость внутри на вкус и запах напоминает паленые волосы. — Я сказала, что это любимый кофе дяди Рэя. Я не говорила, что он вкусный.

Тео поднимает брови.

— Мы прошли мимо столько «Старбаксов», — он снова морщится, мужественно проглатывая очередной глоток кофе.

Я снова смотрю на часы. Двенадцать сорок три.

— Ты, наверное, раз четвертый смотришь на часы с тех пор, как мы проснулись, Восс. Тебе нужно где-то быть?

Я прикусываю кончик языка, ухмыляясь.

— Нет. Я просто не хочу застрять на улице после наступления темноты, вот и все. Скоро снова пойдет снег.

Тео смотрит на меня как на сумасшедшую.

— У нас еще много дневного света, малышка.

Кофе, который мы пьем, ужасен на вкус, но он чертовски крепкий. И мы буквально фонтанируем энергией, когда уходим. Тео бросает в меня снежком, когда мы переходим дорогу, и очень быстро мы втягиваемся в полномасштабную битву в снежки, к которой случайно присоединяются еще четверо прохожих. Мы почти вернулись к «Браунстоуну», задыхаясь от смеха, щеки горят от холода, когда Тео хватается за руку и тащит к небольшому магазину. Вместо того чтобы продавать крендельки и хот-доги, в этом магазинчике продаются туристические безделушки: мини-статуя Свободы; футболки с надписью: «Я люблю Нью-Йорк»; брелоки для ключей Эмпайр-Стейт-билдинг; миллион разных снежных шаров.

— Не смотри. Я куплю тебе подарок.

— Я жила здесь, Тео! Мне не нужен сувенир! — смеюсь я.

Тео хватается за мои руки в перчатках и закрывает мне глаза.

— Делай, как тебе сказали.

— Ох, такой властный.

Его дыхание теплое и пахнет мятой, что неудивительно после всех жевательных резинок, которые он сжевал, чтобы избавиться от неприятного привкуса кофе.

— Ты даже не представляешь, каким властным я буду с тобой позже, — шепчет Тео.

Нервная дрожь пробегает у меня по спине от этого; мы так долго обходили секс стороной, что думаю, что сойду с ума, если мне придется ждать еще дольше. Мы оба дразнили друг друга, но сейчас подходим к тому моменту, когда остановиться, пока все не зашло слишком далеко, совсем не просто.

Тео касается кончика моего носа своим.

— Не двигайся.

Я стою очень, очень тихо, все еще закрыв глаза руками в варежках, пока Тео шутит и обменивается мнениями с продавцом магазина.

— Хочу снежный шар! — кричу я.

— Я принесу тебе чертов снежный шар, — игриво рычит Тео.

Минуту спустя он возвращается — я чувствую его присутствие, мое тело так хорошо его ощущает — и Тео тянет меня за рукав пальто, отводя мои руки от глаз.

— Вот, — говорит он.

Стеклянный шар в его руках немного больше обычного снежного шара. Внутри находится миниатюрная версия манхэттенского горизонта, усыпанная крошечными белыми крапинками. Там кружится еще больше искусственного снега, имитируя воздух, который окружает нас сейчас. А еще вспыхивают серебряные и золотые блески. Это прекрасно — город, наполненный волшебством и чудесами.

— Мне нравится. Напоминает о Рождестве. Я обычно сидела у окна и смотрела, как идет снег, и мечтала о том, как ты появишься из ниоткуда, чтобы удивить меня.

— Сталкер.

Я хлопаю его по руке.

— Что это там? — я пытаюсь постучать по стеклу, но не могу в этих проклятых перчатках.

— Где?

— Сундук пирата. — Там, у подножия мини Эмпайр-стейт-билдинг, есть маленький пиратский сундук.

— Это маленький сейф. Посмотри на дно. Можно положить туда крошечный подарок или записку.

Я таращусь на него, широко раскрыв глаза и разинув рот.

— Ты что-то туда положил?

— Да.

— И что внутри?

— Секрет, — говорит он. — Не открывай пока. Ты должна пообещать мне, что не будешь...

— Боже мой, ты серьезно? Я умру от любопытства. Ты не собираешься мне сказать, что там внутри?

Глаза Тео словно расплавленный шоколад и мед. Они искрятся весельем, когда парень растягивает губы в извиняющейся улыбке и медленно качает головой.

— Терпение, малышка. Пообещай мне.

— Ух. Отлично. Обещаю.

Когда возвращаемся в «Браунстоун», я снова проверяю время. Без семи минут два.

Тео хватается меня сзади, заставляя вскрикнуть, когда поднимает меня на нижнюю ступеньку.

— Ладно, хватит уже. Плохая девочка. Скажи мне, что с часами, или я тебя укушу.

— Где ты собираешься меня укусить?

— За задницу, — говорит он. — Сильно.

— Хорошо, хорошо, прекрасно! Боже! У меня есть для тебя подарок! Он должен был прибыть сюда вчера, но из-за снега... — мое сердце застряло у меня в горле. Я нервничала из-за этого всю неделю. С тех пор как у меня появились деньги, оставленные мне

родителями, я хотела купить этот подарок для Тео, но для этого нам пришлось приехать в Нью-Йорк, чтобы забрать его. Я все ждала и ждала...

Тео подозрительно косится на меня.

— Там что-то есть? Для меня?

— Да.

— Как он туда попал?

— Я дала кое-кому ключ.

Он пытается не улыбаться.

— Это было невероятно рискованно. Что это?

— Ну, не думаю, что мне стоит говорить тебе сейчас, учитывая тот факт, что ты скрываешь от меня свои маленькие секреты, — говорю я, размахивая снежным шаром перед его лицом.

Тео корчит гримасу, затем поворачивается и мчится вверх по лестнице. К тому времени как я догоняю его, парень уже отпирает дверь и протискивается внутрь.

— Где это?

— В гостиной... Тео, подожди! — Боже, он такой ребенок. Я скидываю свои зимние ботинки в коридоре, прежде чем броситься за ним.

В гостиной Тео стоит неподвижно, уставившись на черный футляр для инструмента, лежащий на толстом плюшевом ковре. На лицевой стороне корпуса красивым золотым шрифтом изящно выведено имя «Чарльз Руфино».

— Ты издеваешься надо мной, — шепчет Тео.

Я вдруг становлюсь очень, очень застенчивой.

— Если тебе не нравится...

Снежинки тают на кончиках волос Тео, превращая его волны в локоны. Парень опускается на колени, пальцы слегка дрожат, когда расстегивает защелки на футляре и осторожно поднимает крышку.

Виолончель внутри потрясающая.

Это инструмент мечты Тео.

— Это индивидуальный заказ, — выдыхает он, протягивая руку; его пальцы висят в дюйме над грифом инструмента, как будто он боится даже прикоснуться к нему.

Дерево настолько темное, что граничит с черным; в тигровую полоску и отполированное до блеска, это необычная вещь. Инструмент даже у меня вызывает желание протянуть руку и заставить его звучать.

— Это... — шепчет Тео, недоверчиво качая головой. — Это виолончель стоимостью тридцать тысяч долларов, Соррелл.

Это не так. Ладно, тридцать четыре тысячи долларов, но я не хочу, чтобы он это знал.

— Все в порядке? — с тревогой спрашиваю я.

В глазах Тео стоят слезы, когда он встает. Парень просто смотрит на виолончель. Смотрит и смотрит.

— Если тебе не нравится, я всегда могу...

— Я так люблю тебя, — шепчет он.

— Что?

— Я сказал, что подожду, пока ты не будешь готова к тому, чтобы я полюбил тебя, малышка. Я пытался остановить себя, и мне стыдно за то, как сильно я потерпел неудачу, — Тео смотрит на меня, и это написано на его лице — чистая, абсолютная, всепоглощающая

любовь. Это выражение я уже много раз видела на его лице, но он больше не пытается его скрывать. Шагнув вперед, Тео обхватывает мое лицо ладонями. — Скажи мне, что ты тоже любишь меня, и я клянусь, что сделаю тебя чертовски счастливой, — говорит он.

Это даже не вопрос. Я тысячу раз представляла, как скажу ему, что влюблена в него, но всегда пугалась этого признания. Боялась, что это прозвучит глупо, или я испорчу момент, когда попытаюсь произнести слова, запинаясь. Но сейчас слова даются легко, просто потому, что они правдивы.

— Я люблю тебя, — шепчу я.

Парень закрывает глаза.

— Скажи мне, что любишь меня, и я буду поклоняться тебе каждый день до конца твоей жизни.

— Я люблю тебя.

— Скажи мне, что любишь меня, и мы будем принадлежать друг другу вечно.

— Я люблю тебя.

— Скажи мне, что любишь меня... — он прижимается своим лбом к моему, запуская пальцы в мои волосы, — ...и мы никогда не оставим друг друга.

— Я люблю тебя, Теодор Уильям Мерчант. Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя.

Я помню.

Помню, хотя даже еще не открыла глаза.

Так много всего — образы, события, чувства — разложено веером у меня под рукой, как карточки в картотеке. Я пролистываю их, перескакивая от одного к другому и крошечные фрагменты моего прошлого встают на свои места. Моя мама — она была такой красивой! — приветствовала меня из школы, присев на корточки, чтобы обнять меня. Мой отец, поющий мне с переднего сиденья машины. Гораздо меньшая, гораздо более неуклюжая версия Тео, делящаяся своими конфетами, смеющаяся надо мной, когда я упала со скейтборда, и злящаяся на меня, когда я впервые победила его в «Марио Карт».

Похороны моих родителей.

Тео, сидящий в конце класса, в мой первый день в «Туссене». Как от его вида у меня перехватило дыхание. Как мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Тео, целующий меня в коридоре дома Кирана Дэвиса.

Тео тайком затаскивающий меня в свою спальню поздно ночью. Мы, пожирающие друг друга, делящиеся горячим дыханием, заставляющие друг друга кончить в первый раз.

Так много радости и так много боли, требуют, чтобы их почувствовали все сразу. Это почти невыносимо.

Снова и снова повторяется моя поездка в Нью-Йорк с Тео, пробиваясь между этими моментами других времен и мест, требуя, чтобы их увидели. То время, которое мы с ним разделили в «Браунстоун», было краеугольным камнем; так много всего изменилось с того момента, когда Тео впервые официально сказал мне, что влюблен в меня, и я ответила взаимностью. Это была наша точка невозврата. Мы дали обещания, которые навсегда привязали нас друг к другу, но стоили нам очень дорого в процессе.

Я знаю, где нахожусь. Знаю, кто я такая. Перекатываюсь на бок и подтягиваю колени к

груди, тихо всхлипывая, когда все возвращается ко мне. Даже то, что я не хочу вспоминать.

Мое время в роли Амелии.

В роли Рейчел.

Эти воспоминания странные, искаженные. Я вижу их так, будто наблюдаю вне своего тела. Как будто они на самом деле мне не принадлежат. Полагаю, что так и есть. Плачу еще сильнее, когда на цыпочках прохожу свое время в роли Кэтрин. Наркотики. Крики. Драки. Боже мой, количество дерьма, через которое я заставила пройти Тео, невообразимо. Я даже не могу начать обрабатывать что-либо из этого, поэтому быстро переключаюсь. В какой-то момент мне придется столкнуться с этим лицом к лицу, но сейчас натиск всего этого просто невыносим.

— Привет, малышка. — Мягкий звук голоса Тео заставляет меня вздрогнуть.

О боже. Я не могу встретиться с ним лицом к лицу. Не после того, как сбежала от него посреди ночи, чтобы сделать то, чего он так отчаянно не хотел, чтобы я делала.

— Соррелл.

Я худший человек на свете. Зарываюсь лицом в выбеленные простыни больничной койки.

— Ш-ш-ш, все в порядке.

Каталка стонет, когда парень забирается на матрас позади меня. Он ловко обнимает меня рукой, обходя капельницу и все провода, которые ко мне подсоединены, а затем нежно прижимает меня к себе. Его шепот в мои волосы, его дыхание скользит по моей шее сзади.

— Ты чуть не довела меня до сердечного приступа. Снова, — бормочет Тео.

— Прости, — стону я. — Мне очень жаль.

— Не стоит. Ты в порядке. С тобой все будет хорошо.

— Ты не злишься на меня?

Спустя долгую секунду я чувствую, как Тео качает головой.

— Нет. Я злюсь на себя. Ты была храброй и прошла через это сама, потому что я был слишком напуган, чтобы даже подумать об этом. Я должен был быть здесь ради тебя. Должен был держать твою руку...

— Не смей, — я поворачиваюсь в его объятиях, нуждаясь в том, чтобы увидеть его. Однако мое сердце разбивается на миллион осколков, когда я смотрю на него; с его налитыми кровью глазами, огромными впадинами под глазами и смертельной бледностью кожи парень выглядит так, словно прошел через ад и вернулся обратно. — Не смей винить себя из-за того, что тебя здесь не было. — Я выдавливаю из себя слова, каждое из которых причиняет мне отчаянную боль. — Ты и так достаточно настрадался. Я не хотела, чтобы тебе пришлось держать меня за руку и целовать на прощание, прежде чем меня отвезут в операционную, я не могла так поступить с тобой. Это было эгоистично с моей стороны. Так чертовски эгоистично, но я не жалею об этом. Не сейчас, когда вспоминаю, сколько раз тебе уже приходилось...

Тео застывает, его глаза расширяются.

— Подожди. Ты помнишь?

Надежда в его глазах почти ломает меня. Мой якорь. Мой дом. Тео никогда не колебался. Ни разу не подвел меня. Даже когда я вбила себе в голову, что мне нужно убить его, черт возьми. Он не ушел. Понятия не имею, как мне быть достойной его... но я, черт возьми, постараюсь.

— Скажи мне, что любишь меня, и я рискну смертью, чтобы найти дорогу обратно к

тебе, — шепчу я.

Парень резко садится на кровати, глядя на меня сверху вниз.

— Соррелл?

— Скажи мне, что любишь меня, и мы переживем все, что угодно. Вместе.

Его глаза блестят, полные слез.

— Я люблю тебя, — говорит он.

— Скажи мне, что любишь меня, и я... — У меня нет возможности закончить. Тео прерывает меня поцелуем. Он нежен, обращается со мной так, будто я могу сломаться. И есть хороший шанс, что я могла бы это сделать. Чувствую себя как отбитое дерьмо. Моя голова никогда раньше не болела так сильно, и мое тело чувствуется таким невероятно слабым, но, когда Тео целует меня, снова держит в своих объятиях, я никогда не чувствовала себя более неуязвимой.

«Туссен» — это шкатулка-головоломка, которая медленно раскрывает мне свои секреты. Цветок, распускающийся, раскрывающий свои лепестки по одному за раз. Мое место здесь. У меня здесь есть своя история. Так много моментов, о которых я никогда не думала, что вспомню, крадутся из ниоткуда, заставляя врасплох.

Мне нравилось быть здесь с Тео. Впрочем, дело было не только в нем. У меня была любовная связь с самим «Туссеном». Сводчатые потолки и выющийся плющ по старым витражам. Запах древесного дыма на рассвете и нетронутое снежное покрывало на лужайках зимним утром. Мне нравилось ходить в библиотеку и сидеть у камина в большом зале, читая книгу, пока потрескивающий огонь поджаривал мою спину.

«Туссен» невыносимо романтичен, теперь, когда я вижу его сквозь эти новые прорехи старых воспоминаний. Особые моменты, которые мы с Тео пережили здесь, неисчислимы.

У меня также остались прекрасные воспоминания о других людях здесь.

— Лани сказала, что ты искала меня?

Поднимаю взгляд от книги, которую читаю, и вижу, что Бет стоит по другую сторону стола, выпятив бедро и вызывающе подняв подбородок. Ее глаза — закаленная сталь. Она, конечно, красива, ее светлые волосы заплетены в косу и собраны в корону, губы накрашены кроваво-красным. Библиотека сегодня пуста, но сами стеллажи, кажется, затаили дыхание, когда мы вдвоем смотрим друг на друга.

— Ну? Ты хотела меня видеть или нет? — требует Бет.

— Присядешь на секунду?

Девушка закатывает глаза, и я думаю, что она собирается отказаться... Но потом Бет выдвигает стул, ножки скрипят по каменному полу, и тяжело садится напротив меня.

— Смотрю, бритые виски в моде. Очень смело с твоей стороны, — бормочет она.

Я натянуто смеюсь.

— Да. Они, как правило, не замораживаются с машинкой для стрижки волос, когда ты идешь на операцию на мозге.

Когда я впервые вышла из больницы, волосы были в ужасном состоянии, чертовски неравномерными. С тех пор Лани пыталась это исправить. Она сделала все возможное, чтобы придать волосам какой-то стиль, но в конце концов прибегла к сбриванию в левой части моей головы. Это далеко не профессиональная работа, но, думаю, я справляюсь.

Бет надувает губы, решив не отвечать на это.

— Я знаю, ты ждала этого, — говорю я, постукивая по конверту, лежащему рядом с моей книгой. Я уже отдала по такому же Себастьяну и Эш. Я так долго ждала, чтобы отдать конверт Бет, потому что... ну, если честно, я была чертовски смущена разговором с ней.

Девушка быстро переводит взгляд на конверт, затем снова отводит его.

Я поддвигаю его к ней, зная, что она не протянет руку и не возьмет его, если я этого не сделаю; Бет ждет секунду, прежде чем небрежно забрать конверт. Я смотрю, как она открывает его и вытаскивает чек, изучает детали, а затем сглатывает и снова убирает его.

Большинство людей отреагировали бы иначе, если бы увидели столько нулей на чеке, но только не Бет. Нет, она мастер скрывать свои эмоции.

— Это все? — спрашивает она.

— Нет, — я откидываюсь на спинку стула, роняю ручку на блокнот и глубоко

вздыхаю. — Еще я хотела поблагодарить тебя.

— За что?

— Ты согласилась остаться в «Туссене», пока мне не станет лучше. За последние пару лет у тебя было миллион возможностей и множество причин уйти, но ты этого не сделала. И я... ну, я ценю это.

Бет смотрит на меня искоса.

— Полагаю, что обещание вознаграждения имеет свои преимущества. Я не могла уйти, пока ты не поправишься настолько, чтобы подписать этот чек. Твой душеприказчик довольно ясно дала это понять, когда все это затеяла.

Мой душеприказчик, Мэрилин Бишоп, была лучшей подругой моей матери со средней школы. Мои родители оставили подробные инструкции относительно денег, которые будут завещаны мне в случае их смерти. Дом должен был достаться мне, а Мэрилин должна была охранять мое наследство, пока мне не исполнится двадцать один год. В своей мудрости Мэрилин выделила процент от моих денег и использовала его в качестве стимула, чтобы убедить Бет, Эш и Себастьяна остаться здесь, в школе, чтобы помочь мне, пока я выздоравливаю. Она не уточнила, как долго им придется оставаться. Только то, что я сама должна была передать деньги, и чтобы иметь возможность это сделать, я должна была быть в здравом уме и твердой памяти. Это была хитрая игра с ее стороны, но девушки и Себ согласились на сделку. Они решили остаться до тех пор, пока это было возможно.

Я чувствую себя плохо из-за всего этого.

— Несмотря ни на что. Я благодарна тебе. Спасибо. — Я вкладываю в свой голос столько искренности, сколько могу. — Я знаю, как плохо все это, должно быть, было для вас, ребята.

Девушка фыркает, как будто это преуменьшение века.

— И... Я хотела извиниться.

Внимание Бет возвращается ко мне.

— То, что я сказала в коридоре, когда вернулась сюда на этот раз...

— Прекрати, — Бет отодвигает стул и встает. — Я не заинтересована в повторении...

— Я не должна была говорить такие вещи, Бет. Я помню, как ты рассказывала мне об этом очень давно. Ты сказала мне по секрету. И я знаю, как... как непросто...

— Мы можем просто не делать этого? — шипит она. — Я не хочу об этом говорить.

Я не удивлена. Связь Бет с деловым партнером ее отца началась давным-давно. Это была ситуация насилия, и я сожалею, что тогда ничего не сказала, но я была молода. Бет хвасталась всем этим. Сказала, что это было извращенно и заставляло ее чувствовать себя хорошо. Я была недостаточно взрослой, чтобы понять, как сильно ею манипулировали, или как это было неправильно, что ее отец наблюдал за ней. Я понятия не имею, продолжается ли это до сих пор или нет, но определенно не хочу давить на нее, заставляя говорить об этом, если Бет этого не хочет.

Я поднимаю руки в умиротворяющем жесте.

— Ладно. Все в порядке. Мне жаль. Но, пожалуйста, знай... Я была действительно не себе, Бет. В моей голове был такой... — Я даже не могу объяснить этого. Конечно, могла попытаться, но для нее это все равно не имело бы никакого смысла. — В обычной ситуации я бы никогда не сказала ничего подобного. Надеюсь, ты это знаешь. Между нами были странные отношения до аварии, но я бы никогда не сказала...

— Все в порядке. Я знаю, что ты бы этого не сделала. Все хорошо. Я не держу на тебя

зла, — вздыхает Бет, оглядывая библиотеку. — Не могу выразить словами, как я рада наконец-то убраться отсюда к чертовой матери, — говорит она. — Но... это странно. Теперь это место чувствуется домом, не так ли?

Я осматриваю библиотеку, видя все то же самое, что и она. Мы провели здесь так много времени. Учились. Боролись с трудностями. Отбывали наказания. Взрослели.

— Так и есть, — соглашаюсь я.

— Я слышала, завтра ты возвращаешься в Самнер. В дом своих родителей, — отрывисто говорит она. — Ты и Тео.

— Да. Так и есть.

— Собираешься закончить школу раньше, а затем поступить в Колумбийский университет в следующем году?

— Да, ну, я сделала три попытки в выпускном классе. Оказывается, я знаю достаточно о программе, чтобы сдать все экзамены с честью.

Бет обдумывает это, выглядя ужасно неловко.

— А ты? Собираешься стать моделью?

Она поджимает губы, морщит нос.

— Да. Для «Живанши». В основном духи и косметика.

— Это действительно круто. Я надеюсь... надеюсь, это сделает тебя счастливой, Бет.

— Да, спасибо. И взаимно. С Колумбией. И... с Тео.

— Спасибо.

— Думаю, еще увидимся.

Бет уходит, ее каблуки стучат по каменной плитке. Только когда девушка исчезает за дверями из красного дерева, я слышу, как он откашливается.

Тео.

Он ждал меня.

Парень сидит по другую сторону стеллажей в кожаном кресле, ссутулившись так сильно, что находится почти в горизонтальном положении. Его ноги задраны вверх и опираются на край стола. На его груди раскрыта толстая книга, страницы взъерошены, как веер. Его взгляд скользит по мне, легкая улыбка приподнимает уголки его рта, когда он смотрит на меня.

Мое тело гудит, как камертон, когда я вижу его. Парень чертовски невероятный. Исчезли его рубашки с длинными рукавами. Теперь татуировки выставлены на всеобщее обозрение, хотя сейчас разгар зимы, а «Туссен» — не самое теплое место. Серая рубашка, которая на нем сегодня, намного теснее, чем все, что Тео носил раньше. Я просто стою на месте и улучаю момент, чтобы оценить, насколько он чертовски сексуален. Мужчина создан из греха. Он должен быть, блять, вне закона.

— Наслаждаешься видом? — Тео дерзко выгибает бровь, глядя на меня.

— Безмерно.

Закрыв книгу, он бросает ее на пол рядом с собой.

— Иди сюда, — командует он.

— О, ну я не знаю. Мы находимся в очень людном месте.

— Ты притащишь сюда свою задницу и сядешь на мой член, если знаешь, что для тебя лучше, Соррел Восс.

Мы навестывали упущенное с тех пор, как вернулись в «Туссен», и я наслаждалась каждой секундой этого. Пальцы Тео (не говоря уже о его члене) были внутри меня в

некоторых очень скандальных местах. Библиотека — единственное место, где мы еще не трахались.

Парень протягивает мне руку, жестом приглашая подойти к нему.

— Я начинаю терять терпение. — Пресвятая Богородица, его голос такой хриплый. — Я не уйду отсюда, пока не заставлю тебя кончить в этом кресле, малышка. Мой член стал чертовски твердым с тех пор, как я пробрался сюда.

Я делаю один дразнящий маленький шажок к нему.

— О, да?

— Да. И ты выдоишь его досуха своей хорошенькой маленькой киской.

Еще один крошечный шаг.

— Ну, даже не знаю.

— Подними юбку, — требует он.

— Кто-нибудь может войти.

— Мы уезжаем завтра. Кого, блять, это волнует? Подними. Свою. Юбку.

Я приподнимаю её всего на дюйм, играя с линией подола.

— Вот так?

Он улыбается мне, медленно и многозначительно. Прищуривает глаза.

— Мне что, придется встать и разобраться с тобой? Ты собираешься заставить меня?

— Может быть?

— Я не буду нежным, если не будешь вести себя хорошо.

На этот раз большой шаг, сокращающий разрыв между нами. Он полон угроз, этот парень. И Тео выполняет их, когда ему не повинуются. Я закусываю губу, задирая юбку, демонстрируя смехотворно прозрачные трусики, которые надела этим утром в надежде, что он сделает именно это; в конце концов, Тео не может устоять передо мной в юбке.

Парень смотрит на меня, в его полуприкрытых глазах горит огонь.

— Прикоснись к себе, — приказывает он. — Через трусики.

— А что ты собираешься делать, пока я буду трогать себя для тебя?

Он закидывает руки за голову, устраиваясь поудобнее.

— О, я собираюсь смотреть.

Было время, когда я нервничала, делая что-то настолько дерзкое перед ним, но это была другая жизнь. Я слегка провожу кончиками пальцев по передней части трусиков, тепло разливается по моим венам — песня сирены, побуждающая меня, возбуждающая, умоляющая подчиниться его требованиям.

Постепенно я надавливаю между верхушками бедер, проводя пальцами по напряженному бугорку нервов там, высвобождая небольшое, прерывистое дыхание. Тео одобрительно рычит, его глаза жадно следят за тем, что я делаю своей рукой.

— Хорошая девочка. Быстрее.

Я делаю, как мне говорят, двигаю пальцами по небольшому кругу, потирая сильнее.

Тео облизывает нижнюю губу.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. Это... действительно... приятно.

— Ты уже промокла?

Издаю дрожащий смешок, кивая.

— Да.

Тео двигается лениво, как кошка, сонная от лежания на солнце. Парень тянется к поясу,

расстегивая джинсы. Я не могу не смотреть на его член, когда он вынимает его — эрегированный, напряженный, головка набухла. Ошеломительное зрелище, когда парень неторопливо проводит рукой вверх и вниз по своему стволу, все время наблюдая за мной.

— Отведи свои трусики в сторону. Смочи для меня свои пальцы. Покажи мне.

Я сдвигаю нижнее белье в сторону, мое дыхание немного прерывается, когда провожу пальцами между складками своей киски, поглаживая себя. Когда убираю пальцы и поднимаю их, чтобы парень увидел, они скользкие и влажные от моего возбуждения. Тео хватается меня за запястье, его глаза горят желанием. Крепко держа меня, он притягивает меня к себе, пока я не оказываюсь прямо рядом с креслом, а затем медленно берет мои пальцы в рот.

Он посасывает их, сверля меня взглядом, вылизывая дочиста.

— Ты чертовски восхитительна на вкус, — стонет Тео. — Я мог бы зарыться лицом в твою киску и никогда не подниматься, чтобы глотнуть воздуха.

Теперь, когда я намного ближе к нему, парень хватается мои трусики и срывает их. Я вскрикиваю, когда он садится, хватается меня за бедра, грубо прижимая к себе так, что у меня нет выбора, кроме как оседлать его. С моей юбкой, задранной вокруг бедер, это всего лишь вопрос нескольких секунд, прежде чем я оказываюсь там, где он хочет. Кончик его члена на мгновение упирается во вход в мою киску, а затем Тео тянет меня вниз на себя, пронзая меня своей эрекцией.

Он такой большой, такой чертовски твердый, я... Блять!

— О, боже мой! Срань господня, Тео! — я впиваюсь пальцами в его грудь, сквозь футболку, держась изо всех сил. Он так глубоко. Так чертовски глубоко! Я не могу дышать от этого ощущения, поскольку его член каким-то образом становится еще тверже внутри меня.

— Иисус прослезился, малышка, — выдыхает Тео. — Я думал, ты больше не хочешь меня убивать!

— Я... — я смеюсь, задыхаясь. — Я и не хочу!

— Скажи это своей киске. Ты заставишь меня кончить слишком быстро, и тогда я умру от смущения.

Я снова пытаюсь рассмеяться, но Тео стискивает зубы, раскачиваясь внутри меня, одновременно притягивая меня к себе за бедра, и улыбка гаснет на моем лице. Становится не до смеха.

— О, боже! О, мой... о, мой гребаный Бог! Тео!

Он преувеличивает. Этот мужчина может сдерживать оргазм более часа, когда захочет, а затем быть готовым к повторному раунду через три минуты. Это я спонтанно кончаю всякий раз, когда он, блять, прикасается ко мне. Чистый экстаз пронзает меня, когда Тео повторяет свои действия, врезается в меня, и мир исчезает.

Парень тянется вверх, стягивая с меня топ, обнажая мою грудь, и я еле сдерживаюсь, чтобы не закричать, когда он наклоняется и втягивает один из моих сосков в рот.

Этот парень. Этот гребаный парень.

Он будет моей погибелью.

Я прижимаюсь к нему, наслаждаясь восхитительным трением наших тел, твердой мускулистостью его живота, трущейся о мой клитор, когда раскачиваюсь на нем.

Волна удовольствия начинает подниматься внутри меня, обжигая между ног, умоляя дать ей волю. Но я не могу. Ещё нет. Мне нужно насладиться каждой секундой этого. Запечатлеть в памяти так хорошо, чтобы, что бы ни случилось, я никогда не смогла забыть

ЭТОТ МОМЕНТ.

Тео кусает меня за грудь, зубы задевают обнаженную кожу, и я вскрикиваю — звук моего блаженства разносится по всем пустым уголкам библиотеки.

— Ты сдерживаешься, — рычит Тео. Впивается пальцами в мои бедра, заставляя меня сильнее прижиматься к нему. Быстрее. — Намочи меня, Соррелл. Отпусти. Кончай.

— Нет! Я...

Парень снова кусает, впиваясь зубами в мою плоть, и от жгучей боли и жара его рта я хнычу в его волосы. Он рычит, приподнимая меня так, чтобы я скользнула вверх по его члену, а затем мир воспламеняется. Оргазм разрывает меня на части. Мои нервные окончания бунтуют. Мое зрение вспыхивает вспышками света. Открыв рот, я держу голову Тео, прижимая его к своей груди, покачиваясь на нем, слишком ослепленная тем, что происходит внутри моего тела, чтобы даже мыслить здраво.

К тому времени как спускаюсь со своего кайфа, Тео немного отстранился и смотрит на меня снизу вверх, не сводя глаз с моего лица, изучая мои черты.

— Ты такая чертовски красивая, когда кончаешь, — говорит он мне грубым от желания тоном.

— Хочу почувствовать, как ты кончаешь, — выдыхаю я.

— И ты чувствуешь. Но я еще не закончил с тобой.

— Подожди, что... что ты делаешь?! — Я едва успеваю обнять его за шею; парень встает, держа меня, губительно ухмыляясь, подтягивая джинсы ровно настолько, чтобы они не упали... и направляется к выходу.

— Ты все еще внутри меня! — вскрикиваю я.

— И тебе лучше оставить все как есть, — он покусывает и облизывает меня, целует в шею, пока несет меня по темным коридорам «Туссена», и дальше по лестнице. Я почти кончаю снова к тому времени, как парень достигает второго этажа; трение между нами слишком приятно, но то, как он дразнит мою шею своим языком, может заставить меня развалиться на части само по себе.

Я вся дрожу, когда Тео пинком открывает дверь моей спальни и заносит меня внутрь.

— Черт возьми, Тео. Пожалуйста. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Он мрачно усмехается, укладывая меня на кровать и выскальзывая из меня.

— Пожалуйста, что? — Тео срывает рубашку через голову. В мгновение ока снимает штаны и боксеры.

— Пожалуйста, трахни меня!

Его тело чертовски великолепно. Мускулы его живота. Руки. Скульптурные бедра. Я не могу перестать прикасаться к нему. Мне приходится остановиться на секунду, когда парень снимает с меня одежду. Я помогаю, как могу, но так возбуждена и отчаянно нуждаюсь в нем, что, кажется, не могу заставить свои руки работать должным образом. И как только я обнажена, Тео закрепляет их у меня над головой.

— Ты хочешь меня?

— Да! Черт! Пожалуйста!

— Хочешь, чтобы я заставил тебя кончить? — Тео нависает надо мной, устроившись между моих ног, его член мучительно легко трется о мой клитор.

— Да! Срань господня.

Ему нравится доводить меня вот так до предела. Но как раз в тот момент, когда я почти готова сойти с ума... он врезается в меня, не проявляя милосердия, и я вижу гребаные

звезды.

— Черт, — шипит он сквозь зубы.

Задавая мучительный темп, Тео вонзается в меня снова и снова, пока мы оба не чувствуем это — момент, когда ни один из нас не смог бы остановиться, даже если бы захотел. Это происходит быстро и мощно. Мы достигаем оргазма вместе, у меня перехватывает дыхание, он рычит, и на десять великолепных ударов сердца мы единственные два человека, которые существуют в мире.

После, как только мы снова способны двигаться, Тео несет меня в душ и моет каждый дюйм моего тела, тщательно убирая беспорядок, который сотворил со мной. И снова он дразнит меня еще одним оргазмом, и ощущение моего оргазма, пронизывающего меня, когда горячая вода бьет по моей коже — это чистое, неподдельное блаженство.

Когда выхожу из душа, завернутая только в полотенце, я обнаруживаю, что Тео лежит на моей кровати, бесстыдно голый, держа в руках снежный шар, который купил для меня в Нью-Йорке. Рядом с ним лежит блокнот, в который он всегда что-то записывал под деревом, когда зима еще не полностью захватила «Туссен» в свои объятия. Он улыбается мне, как маленький ребенок, встряхивая снежный шар, отчего маленькие хлопья пластикового снега внутри кружатся вокруг маленьких зданий.

— Помнишь, когда я купил его для тебя? — спрашивает он, протягивая его мне.

Я беру шар у него, подозрительно улыбаясь. Это похоже на чудо, что я могу ответить «да» на его вопрос.

— М-м-м. В тот день когда я подарила тебе твою виолончель.

— Ты спросила, для чего там пиратский сундук. И я сказал тебе, что положил туда кое-что для тебя?

— Да, и ты заставил меня пообещать не открывать его, — говорю я, изображая раздражение.

— Верно. Что ж, — Тео подпирает подбородок рукой, глядя на снежный шар. — Я хочу, чтобы ты открыла его.

— Сейчас? — я переворачиваю снежный шар, глядя на его основание, но Тео останавливает меня.

— Нет, еще нет. Я хочу, чтобы ты сначала кое-что прочитала, — Тео похлопывает по блокноту, выглядя при этом немного печально.

— Что это?

— Ну, знаешь. Просто все дурацкие, убитые горем вещи, которые я когда-либо хотел тебе сказать, но не мог. Это делает чтение ужасным, но... — он пожимает плечами. — Я пойму, если ты не хочешь...

— Отдай мне этот блокнот прямо сейчас, Теодор! Я прочитаю все до последнего слова!

Парень беззлобно смеется, отодвигаясь на край кровати и оставляя блокнот на моей подушке.

— Я собираюсь совершить набег на кухню и найти нам немного еды, пока ты погружаешься в это. Хочешь сладкого или соленого? — спрашивает он.

Мое сердце слегка колотится от этого вопроса. У меня есть теория насчет Тео. Парень, в которого я влюблена — это идеальное сочетание сладкого и соленого. Свет и тьма. Хорошее и плохое. Я бы не хотела, чтобы он был другим.

— И то, и другое, — говорю я ему. — Всегда и то, и другое.

— Такая жадная.

Тео фыркает, забавляясь, натягивая джинсы. Я чуть не плачу, когда он снова надевает футболку, прикрывая свое прекрасное тело. Остановившись у двери, парень хмурится, наклоняется и подбирает что-то с пола.

Похоже на почту.

Он вертит это в руках.

— Хм.

— Что это?

Тео берет оранжевый стикер и быстро читает.

— Ну?

С кривой ухмылкой он протягивает мне пачку писем и стикер.

— Посмотри сама.

«Полагаю, ты не так уж плоха, Восс.

Мы делали это не ради денег».

Три конверта.

Три конверта с тремя чеками внутри.

Себастьян, Эш и Бет вернули их?

— Моя вера в человечество почти восстановлена, — говорит Тео, направляясь к двери. — Я все еще не простил Себа за инцидент с колой.

— Ты должен, — говорю я ему. — И если я больше не сержусь на него за то, что он козел, то и ты тоже не можешь злиться.

Тео ухмыляется, его улыбка занимает все его лицо.

— Просто прочти записи, малышка. Я скоро вернусь.

Чертовски нервничая, я открываю блокнот, как только Тео уходит, мое сердце подпрыгивает к горлу. Я знаю, что это будет нелегко. Очень тяжело, но я хочу знать, о чем думал Тео все те разы, когда я видела, как он что-то строчит в блокноте под деревом. Я в долгу перед ним, чтобы понять все, через что он прошел, и...

Я замираю, открыв первую страницу.

Почерк знакомый, но это не почерк Тео.

Дорогая Соррелл,

Послания от мертвых ужасны, но я чувствовала, что должна написать тебе хотя бы это. У меня так много надежд и мечтаний на твое будущее. Ты самая яркая звезда на моем небосклоне, и я так сильно тебя люблю. Я не могла уйти из этой жизни, не воспользовавшись последней возможностью сказать тебе, какая для меня честь быть твоей матерью.

Я отдала этот блокнот Лорелее, потому что, несмотря на наши разногласия, однажды она выполнит мою просьбу и отдаст ее своему сыну, а он запишет в него все замечательные вещи, которые я не смогу сказать тебе. Он скажет тебе, как гордится тобой, когда ты закончишь школу. Скажет, в какую красивую молодую женщину ты превратилась. Скажет, как сильно он тебя обожает, и наполнит эти страницы любовью.

С того момента как вы двое научились ходить, было очевидно, что вы созданы друг для друга. Лорелея никогда этого не признает, но вы с Тео всегда тянулись друг к другу так,

что это невозможно объяснить. С того момента как вы научились ходить, вы были двумя великолепными маленькими магнитами, которые всегда делали все возможное, чтобы снова собраться вместе и найти дорогу домой.

В этой жизни есть люди, которые посланы нам как дары, чтобы дополнить наш опыт на этой земле и принести нам радость. Вселенная послала мне тебя, Соррелл. Но мне не суждено удержать тебя. Она же отправила тебя к Тео, а его — к тебе. Возможно, я не буду рядом, чтобы увидеть это воочию, но я уже вижу, какая прекрасная жизнь у вас двоих будет вместе, и мое сердце парит от осознания того, что вы будете счастливы.

Я оставила кольцо, которое твой отец подарил мне в ту ночь, когда сделал предложение, у Лорелеи, а также этот блокнот. Однажды она отдаст их Тео, и я просто знаю, что он найдет какой-нибудь особенный, глупый способ спросить тебя, выйдешь ли ты за него замуж.

Я надеюсь, ты скажешь «да».

Не тратьте впустую драгоценные моменты, которые у вас есть друг с другом.

Будьте добры и внимательны друг к другу.

Любите и будьте любимы.

Всегда.

Целую, мама.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Notes

[

←1

]

«Поваренная книга анархиста» ([англ.](#) «The Anarchist Cookbook») — пособие по использованию обычных исходных материалов, веществ и предметов для изготовления в домашних условиях наркотических веществ, оружия, взрывных устройств, ядов.